БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра востоковедения
Кафедра восточных языков

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Материалы
IV Международной научно-практической конференции

Минск, 25–26 июня 2024 г.

Научное электронное издание

Минск, БГУ, 2024

ISBN 978-985-881-726-8

© БГУ, 2024

УДК 94(5):930(06)
ББК 63.3(5)я431

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:
кандидат исторических наук *В. Р. Боровой* (гл. ред.);
кандидат филологических наук *К. В. Карасёва*;
кандидат исторических наук *В. В. Одериха*;
кандидат исторических наук *Д. Л. Шевелёв*;
кандидат искусствоведения *Е. Ф. Шунейко*;
М. А. Исаченкова; *В. В. Климович*;
В. О. Лещенко; *А. Я. Лобанова*

Р е ц е н з е н т ы:
доктор филологических наук *А. Н. Гордей*;
кандидат филологических наук *М. Л. Лебедева*

Проблемы современного востоковедения [Электронный ресурс] : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 июня 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Р. Боровой (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-726-8.

Рассматриваются актуальные проблемы изучения восточных языков, литературы и культуры стран Востока, а также религии, философии, истории, экономики, политики, общества и др.

Минимальные системные требования:
PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.
Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. Я. Лобанова*

Подписано к использованию 18.12.2024. Объем 3,9 МБ

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
e-mail: urir@bsu.by
http://elib.bsu.by/

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I Социально-политические проблемы стран Востока 7

Винокурова А. В. Семья в представлениях мигрантской молодежи (на примере мигрантов из Центральной Азии на Дальнем Востоке России) 7

Гаврилов В. И. Иракский вектор во франко-американских отношениях в 1997–1998 гг. 12

Пабеданосцава-Кая А. А. Міжрэспубліканскія адносіны ў СССР на прыкладзе палітыкі савецкіх Арменіі і Азербайджана ў дачыненні да курдаў 18

Прохоров Д. А. К истории деятельности особой комиссии Императорской Санкт-Петербургской академии наук по изучению коллекций иудейских древностей Авраама Фирковича 25

Саллум Ферас Садык. Ближний Восток в возрениях Евгения Примакова (по поводу одной книги) 32

Тиникова Е. Е., Винокурова А. В. Инкультурация детей в национально-смешанных семьях (на материалах Республики Хакасия) 43

Трофимова Я. В. Ресурсное проклятие стран Персидского залива 49

Хайруллин Т. Р. Внешнеполитическая активность ОАЭ на Африканском роге 53

Худайбердиева Н. Х. Дипломатические отношения Турции и Туркменистана (1992–2016 гг.) 57

Хэ Бицзюань. Участие КНР в реализации инфраструктурных проектов в Афганистане в XXI в. 63

Шевелев Д. Л. Об архетипах в еврейской историографии: Дочери Тевье в Стамбуле и Малой Азии 69

Шевлякова-Борзенко И. Л. Традиционная культура как драйвер инновационного развития Китая 74

Юдаева В. В., Суслов А. А. Политические мифы Республики Корея: основные мифы и их влияние на политическую сферу 80

Якимова Е. А. Проблема арабского политического представительства в Израиле после 7 октября 2023 г. на примере партии РААМ 85

Яковлев А. И. Досуг «чужих» среди «своих»: трудовые мигранты в принимающем сообществе 90

Яо Цзэни. Модернизация военно-морского флота Народно-освободительной армии Китая как условие обеспечения региональной стабильности 94

Wang Zhefan. Personal Privacy Issues in the Context of the Smart Era: the Case of China 99

Раздел II Культурное многообразие стран Востока 104

Абдуллаева М. З. Особенности формирования тенденции религиозной сферы в киберпространстве на примере Узбекистана 104

Абдураимова Ш. А. Подходы к изучению содержания немецких религиозных СМИ на веб-сайтах 109

Алимова М. Ф. Подходы к изучению хадисоведения и истории ислама в Мавераннахре 114

Белкина Е. М. Еврейская каллиграфия в средневековых рукописях: существует ли и какая она? 119

Дедок В. М. Ведущие гостиничные бренды класса люкс Азиатско-Тихоокеанского региона 125

Дедок В. М., Тимофеева К. А. Этнокультурные средства размещения в Японии: история развития и современное состояние 132

Зайцев Д. М. Традиционные обряды в каодаизме 140

Зайцева Д. В. Иллюстрации в мамлюкской рукописи XV в. 146

Исаченкова М. А., Щиперко В. И. Специфика сакрального времени праздника Дуаньу 152

Карпинская А. А. Функциональные особенности Амеша Спента и семи божественных духов 160

Кухарчик Ю. С. Строительная деятельность ахеменидов: основные термины и материалы 165

Лампе И. Ю. Развитие интереса к Японии как проявление феномена ориентализма и японизма 173

Лобанова А. Я. Глифомантия как одна из китайских техник толкования предсказаний 180

Миксюк А. С. Социокультурные аспекты международного бизнеса: кейс Starbucks в Китае 184

Садакова А. Р. Японские традиции запрета рассказывать сказки 191

Севрюк К. О. Процесс переговоров в японской деловой культуре 195

Спартак А. А. К вопросу о происхождении и назначении древнеегипетских обелисков в период Древнего царства 200

Сунь Шэнцзы. Основные направления культурного сотрудничества Китая и Беларуси в 2016–2022 гг. 206

Чень Ченьлин, Сюй Мэнлин. Продвижение китайской «культуры шелка» в медиапространстве: региональные практики 211

Чжан Сынин. Мусульманская община в Китае в начале правления династии Юань 216

Щиперко В. И. Формирование традиционного китайского праздника Дуаньу 220

Раздел III Языки и литература стран Востока 227

Аксёнчикова-Бирюкова А. А. Лексическая репрезентация образа двора в стихотворениях Ли Цинчжао 227

Алексеева М. Е. О корпусе как об инструменте изучения современного иврита: ограничения и потенциал в цифровую эпоху 231

Алексеева М. Е., Щигорева А. А. Особенности оформления объекта в конструкциях с динамическими глаголами на материале корпуса газеты «Haaretz» 236

Банкова Л. Л. О средствах выражения последовательности посредством нечисловой квантитативности в вэньяне 241

Гибкий П. В. Создание эффекта будущего времени в прошедшем в китайском языке 246

Дашкевич Ю. В. Фонологические фильтры в процессе адаптации иноязычных заимствований (на материале английских заимствований в корейском языке) 251

Завьялова О. Ю. Эпические сказания манден (Мали, Гвинея) как источник определения социальных и культурных норм 255

Каплун Б. А., Русый К. В., Боровой В. Р. Специальность «Востоковедение и африканистика» в вузах Российской Федерации: современное состояние и специфика развития 260

Лебедев С. Ю. Типология литературно-художественного повествования в историческом контексте 265

Лещенко К. И. Прецедентные имена в китайских музыкальных трендах .. 271

Ляхович А. В. Словесная культура Африки как предмет изучения 276

Репенкова М. М. Историко-авантюрный роман Искендера Палы 280

Степанюк В. А. Особенности овладения устной речью на иностранном языке китайскими учащимися 286

Сулима Е. С. Семантика, символика и комбинаторика иероглифа «鸠» *jiu* в древнекитайской «Книге песен» 290

Сяо И. Семантические особенности китайских антонимических логограмм с детерминативами 犭 (犬) ‘собака’, 牛 (牛) ‘бык’, 羊 ‘баран’ и 馬 ‘лошадь’ 296

Филимонова М. С. Семантическая обусловленность звучания китайской логограммы 301

Чжоу Хунвэй. Фразеологизмы с компонентом «сердце» в картинах мира носителей китайского и русского языков: сходства и отличия 304

Ширяев М. П., Половинский А. А. Оценка эффективности политики ОАЭ в области искусственного интеллекта инструментами корпусной лингвистики 309

Kamenetskaia A. B. Collecting Palestinian Folklore: a Brief Overview 314

Раздел IV Искусство стран Востока 319

Ван Чанинь. Репрезентация образа Великой Китайской стены в картинах традиционной масляной живописи 319

Карпенкова М. Л. Пространственно-перцептивниый аспект в художественных инсталляциях современных японских художников 326

Полосмак А. О., Бай Сюэинь. Тенденции централизации и глобализации в современном искусстве игры на китайской пипе 331

Ван Юэкай. Образы змей в китайской и западной культурах на примере традиционного китайского мифа «Легенда о белой змее» и Бытия 337

Линь Цзэхуань. Влияние философии Востока на французскую пантомиму первой половины XX века 344

Су Цзе. Жанровая специфика городской музыки Китая 349

Чэнь Вэньвэнь. Состояние и перспективы развития современного китайского любительского театрального творчества 354

РАЗДЕЛ I
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАН ВОСТОКА

СЕМЬЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МИГРАНТСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ)*

А. В. Винокурова

Дальневосточный федеральный университет
п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, о. Русский, 690922, г. Владивосток, Российская Федерация,
vinokurova77@mail.ru

В данной работе рассматриваются представления молодых мигрантов – выходцев из стран Центральной Азии, проживающих в регионах российского Дальнего Востока, о семье, семейных ценностях, брачно-семейных отношениях. Исследование выполнено с опорой на комплексную методологию, включающую количественные (анализ статистических данных, вторичный социологический анализ) и качественные (неформализованное интервью) методы. Результаты показали, что представления о семье у мигрантской молодежи вариативны. Имеют место как сохранение традиционных социальных практик, так и новации в сфере брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: семья; семейные ценности; брачно-семейные отношения; молодые мигранты; страны Центральной Азии; Дальний Восток России; демографические и миграционные процессы; региональное развитие.

FAMILY IN THE REPRESENTATIONS OF MIGRANT YOUTH (CASE OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA IN THE RUSSIAN FAR EAST)*

A. V. Vinokurova

Far Eastern Federal University
Ajax Bay, 10, Campus FEFU, Russky Island, 690922, Vladivostok, Russian Federation,
vinokurova77@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, https://rscf.ru/project/23-28-01113/.

* The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, https://rscf.ru/ project/23-28-01113/.

This paper examines the ideas of young migrants – natives from Central Asian countries living in the regions of the Russian Far East – about family, family values and marriage and family relations. The research was carried out based on a comprehensive methodology, including quantitative (statistical data analysis, secondary sociological analysis) and qualitative (informal interview) methods. The results showed that migrant youth's ideas about family are variable. There are both preservation of traditional social practices and innovations in the sphere of marriage and family relations.

Keywords: family; family values; marriage and family relations; young migrants; Central Asia countries; Russian Far East; demographic and migration processes; regional development.

Дальний Восток России с точки зрения географии включает в себя территории, находящиеся на крайнем северо-востоке и юго-востоке Российской Федерации. Если говорить об административном делении, то в данном ключе Дальний Восток (ДВ) официально обозначается как Дальневосточный федеральный округ (ДФО). Субъектами, относящимися к ДФО, являются Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ; в 2018 году в Дальневосточный федеральный округ были включены новые субъекты – Республика Бурятия и Забайкальский край, ранее входившие в состав Сибирского федерального округа.

ДФО является наименее заселенным среди всех российских федеральных округов. На 1 января 2024 года численность населения Дальнего Востока составила 7 866 344 человек, сократившись по сравнению с аналогичным показателем 2023 года на 37 520 чел. Уменьшение обусловлено отрицательными величинами естественного и миграционного прироста [см. подробнее: 1]. Поэтому вопрос пополнения, сохранения и закрепления населения на Дальнем Востоке не теряет своей актуальности.

При этом динамика демографических и миграционных процессов в дальневосточных регионах отличается своей неоднородностью как в долгосрочной и краткосрочной ретроспективе, так и в настоящее время. Официальные статистические данные за 2023 год наглядно демонстрируют наличие положительного сальдо миграции и превышение числа родившихся над числом умерших в Республике Саха (Якутия) и в Чукотском автономной округе. На Камчатке отмечен положительный миграционный прирост, а естественный прирост исчисляется в отрицательных значениях. В остальных дальневосточных регионах имеют место негативные тренды, в 2023 году смертность превысила рождаемость, выбывших также было больше, чем прибывших.

Но невозможно дать однозначную оценку миграционных процессов на Дальнем Востоке исключительно в негативном ключе. Практически

для всех субъектов ДФО характерна следующая тенденция: миграционный обмен с зарубежными странами, в первую очередь, с государствами СНГ – положительный. Лидерами по числу прибывших на Дальний Восток являются кыргызстанцы, на втором месте находятся таджикистанцы, третье место занимают узбекистанцы. В основном граждане указанных стран прибывают в Республику Саха (Якутия), Хабаровский и Приморский края. И здесь тоже имеется своя специфика. Так, например, в Якутии больше всего мигрантов из Кыргызстана, в Хабаровском крае – из Таджикистана, в Приморье – из Узбекистана [см. подробнее: 2].

Мы, как и ряд других российских исследователей, считаем, что одной из ключевых проблем является адаптация мигрантов как представителей специфической социальной группы к новым условиям жизни в стране пребывания [см. подробнее: 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Немалая роль в данном процессе отводится семье. Ведь именно семья дает человеку чувство защищенности, позволяет ему быть самим собой, независимо от профессиональных успехов и материального достатка, социального статуса и пр.

Семья для основной части мигрантов из стран Центральной Азии, проживающих на Дальнем Востоке, выступает в качестве наиболее значимой жизненной ценности. Как отмечает К. Н. Сердюков, семейное благополучие является наиболее важной ценностной ориентаций по сравнению с другими ценностями (67,7% среди опрошенных мигрантов поставили семью на первое место). Мигранты потому и становятся мигрантами, что стремятся улучшить социальный статус и материальное положение своей семьи. Примерно одна пятая опрошенных (20,8%) приняли решение о том, чтобы поехать на заработки на Дальний Восток именно по причине обеспечения более достойного уровня жизни своей семье [11, с. 139–141].

Наше исследование также показало, что семья занимает важное место в системе жизненных ценностей мигрантов из стран Центральной Азии. Мы сфокусировали свое внимание на молодых мигрантах (возраст наших информантов составил 18–35 лет). Мы провели серию неформализованных интервью с выходцами из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, которые приехали на заработки и/или учебу в Якутию, Хабаровский край, Приморье. Сбор полевых материалов проводился в феврале – марте 2023 года и в марте 2024 года, всего было проведено 25 интервью (n=25).

Как и предполагалось, для молодых мигрантов, состоящих в браке, наиболее популярным является сценарий, когда мужчина выезжает на заработки, а жена и дети остаются на родине. Такой выбор имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, в одиночку у мигранта меньше затрат на аренду жилья, покупку продуктов питания, оплату транспортных услуг и прочих повседневных расходов, есть возможность материально поддерживать жену и детей, делать накопления. С другой стороны, эту

поведенческую модель можно классифицировать как «разделенную семью», что может вызывать различные негативные эмоциональные состояния (тревожность, беспокойство и т. п.) как у супругов, так и у детей, находящихся вдали друг от друга.

При этом наши информанты не одобряют временные союзы с россиянками, которые можно определить как фактические сожительства: *«… это не совсем честно будет, ведь у меня на родине уже есть семья…»* (муж., 26 лет, гражданин Узбекистана, работает в такси, проживает во Владивостоке); *«… такое иногда встречается, некоторые даже никах делают, но родители это не одобряют, да и старшие, кто здесь, тоже…»* (муж., 20 лет, гражданин Таджикистана, совмещает учебу в вузе с работой в общепите, проживает в Хабаровске); *«… ну такое есть, конечно, я в такси работаю, бывает, что и девушек подвожу в бары, рестораны, ночные клубы … ну и хотят знакомиться с нашими парнями, но как так-то? Сами же говорят, что муж или парень в море … я вот думаю: "он же там работает как собака, для нее же деньги зарабатывает, а она так себя ведет", нехорошо это…»* (муж., 26 лет, лет, гражданин Узбекистана, работает в такси, проживает во Владивостоке).

Также можно выделить «свободную» категорию молодых мигрантов, это те, кто не состоит в браке. Рассуждая о реализации своих матримониальных планов, наши информанты в первую очередь указывали на то, что брак должен быть одобрен со стороны родителей и/или представителями более старших поколений родительской семьи. Данный нарратив присутствует во всех интервью с мигрантами из Таджикистана и Узбекистана. Если же одобрение со стороны старших родственников не получено, то молодые люди вряд ли решатся на заключение брака: *«… я здесь познакомился с девушкой, она моя землячка, тоже из Таджикистана, рассказал родителям … но они сказали: "нет" … я не пойду против родителей, важно, чтобы они далее согласие на свадьбу…»* (муж., 21 год, гражданин Таджикистана, совмещает учебу в вузе с работой грузчиком, проживает в Хабаровске). А вот мигранты из Кыргызстана более эмансипированы от власти родительского авторитета: *«…ну такого у нас нет, это вот у узбеков и таджиков родители знакомят, свадьбу устраивают и все такое … у кыргызов и казахов не так … кого приведу, та и будет женой, родители должны уважать мой выбор…»* (муж., 28 лет, обучается в интернатуре, работает в больнице, проживает в Якутске).

В целом, можно заключить, что представления о семье у мигрантов из стран Центральной Азии, проживающих в регионах Дальнего Востока России весьма разнообразны. С одной стороны, имеет место сохранение традиционных социальных практик в сфере брачно-семейных отношений (приоритет старших поколений, соблюдение национальных обычаев). С

другой стороны, имеют место новации жизненного уклада, проявляющиеся в относительной свободе выбора брачного партнера. Но, несмотря на это, семья продолжает оставаться главной жизненной ценностью.

Библиографические ссылки

1. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. и в среднем за 2023 г. и компоненты ее изменения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 21.04.2024).

2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283 (дата обращения: 21.04.2024).

3. *Мухаметшина Н. С.* Мигранты из государств Центральной Азии в Самарской области // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 3–2(83). С. 557–561.

4. *Брязгина Д. Е., Джанызакова С. Д., Нам И. В., Садырин А. А., Сметанин Ф. А.* Трудовые мигранты из Центральной Азии в сибирском городе: инфраструктура, занятость, повседневность, досуг // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 31– 52.

5. *Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю.* Отношение местных жителей дальневосточного приграничья к мигрантам и проблемам миграции (опыт социологического исследования) // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 12 (68). С. 35–39.

6. *Лескова И. В., Зязин С. Ю., Каримбеков Р. С.* Социальная адаптация и интеграция мигрантов в Москве из республик Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан: [монография]. Москва: Аль-Васатыя – умеренность, 2019. 216 с.

7. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: [монография] / отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева. Москва: ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с.

8. *Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю.* Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4 (67). С. 11–22.

9. *Яковлев А. И.* Мигранты из стран Центральной Азии на Дальнем Востоке России: проблемы адаптации и интеграции // Проблемы современного востоковедения: материалы III международной научно-практической конференции (Минск, 29–30 июня 2023 года). Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 139–144.

10. *Сердюков К. Н., Винокурова А. В.* Миграционная политика и проблемы иностранной трудовой миграции в Российской Федерации (по материалам экспертного опроса) // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3 (197). С. 67–73.

11. *Сердюков К. Н.* Жизненные стратегии иностранных трудовых мигрантов (на материалах Приморского края): диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / специальность 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы»; Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. Архангельск, 2022. 207 с.

ИРАКСКИЙ ВЕКТОР ВО ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1997-1998 ГГ.

В. И. Гаврилов

Международный государственный экологический институт им. А.Д. Сахарова Белорусского государственного университета, ул. Долгобродская, 23/1, 220070, г. Минск, Республика Беларусь, noviodun1@mail.ru

В настоящей статье представлен анализ франко-американского взаимодействия относительно одного из наиболее острых вопросов ближневосточной политики – отношения с Ираком в 1997-1998 годах. В ней анализируются противоречия Парижа и Вашингтона в данном вопросе и разность их подходов в отношениях с Багдадом, а также выстраивание франко-иракских отношений этого периода.

Ключевые слова: Ирак; Франция; США; международные отношения; дипломатия; иракский кризис; Совет Безопасности ООН.

IRAQI VECTOR IN FRANCO-AMERICAN RELATIONS IN 1997-1998

V. I. Haurylau

International Sakharov Environmental Institute of Belarusian State University 220070, Daugabrodskaya, av. 23|1, Minsk, Belarus, noviodun1@mail.ru

This article presents an analysis of French-American interaction regarding one of the most pressing issues in Middle East politics - relations with Iraq in 1997-1998. It analyzes the contradictions between Paris and Washington on this issue and the difference in their approaches in relations with Baghdad, as well as the building of Franco-Iraqi relations during this period.

Keywords: Iraq; France; USA; international relations; diplomacy; Iraq crisis; UN Security Council.

Франко-американские взаимоотношения оказывали серьезное влияние на общий ход развития международных отношений. Они во многом определяли внешнеполитический климат не только в западном лагере, но и в некоторых других частях мира. Особенно это проявлялось в регионе Ближнего Востока, где одной из наиболее острых проблем в конце XX в. являлась американская агрессия в отношении Ирака. Взаимодействие Парижа и Вашингтона влияло на фон внешней политики в целом, но и на процессы вокруг Ирака в период американской агрессии против этой страны, занимая одно из ведущих мест не только во всей системе международных отношений конца XX в., но и в архитектуре международных отношений касательно Ирака. То есть, от выбора путей развития франко-американских отношений касательно Ирака в 1997–1998 гг. во многом зависела геометрия мирового устройства, темпы и характерные черты

процесса формирования многополярного мирового устройства; они влияли на развитие Ближневосточного региона в указанный период.

В 1997 г. произошло обострение отношений между США и Ираком. Соединенные Штаты подозревали Ирак в том, что на его территории имеются элементы оружия массового уничтожения. Официальный Багдад эти обвинения категорически опровергал. Для разрешения конфликта в Ирак были направлены инспекторы ООН с целью выявления отсутствия или наличия здесь указанных средств. Одновременно с проведением инспекций ООН США попытались провести в Совете Безопасности ООН резолюцию, которая усиливала бы санкции в отношении Багдада. По мнению французской стороны, в этом не было необходимости. Французские политики указывали на низкую эффективность применения санкций по отношению к независимым государствам [1, с. 5]. 23 октября 1997 г. Франция воздержалась при голосовании по проекту резолюции 1134 в СБ ООН, угрожавшей Багдаду новыми санкциями. Это был удар по усилиям Вашингтона, стремившегося оказывать на Ирак давление по всем возможным направлениям.

Однако после высылки американских инспекторов с территории Ирака Франция поддержала требование Вашингтона об их возвращении. Во время своего визита в Ханой 13 ноября 1997 г. Ж. Ширак заявил, что очень сожалеет о действиях иракского руководства Париж даже допускал поддержку применения в отношении Ирака силы в случае, если конфликт не удастся урегулировать дипломатическими средствами, но все же приоритет отдавался дипломатии [1, с. 5].

Франция стремилась выступить посредником между Багдадом и Вашингтоном в урегулировании сложившейся ситуации, укрепив свой статус на международной арене. В телефонном разговоре с президентом США Б. Клинтоном, который состоялся 30 января 1998 г., Ж. Ширак согласился довести до иракского руководства мнение о необходимости продолжения инспекций ООН на объектах в Ираке. В случае отказа официального Багдада удовлетворить эти требования, президент Франции обещал своему американскому коллеге сделать очень серьезные выводы и совместно искать оптимальный выход из создавшейся ситуации. Вместе с тем, Ж. Ширак просил Б. Клинтона избегать военного решения проблемы, действуя в рамках международного права с согласия Совета Безопасности ООН [2, с. 4].

Параллельно с этим, Ж. Ширак пригласил министра иностранных дел Ирака М. С. Эль-Саифа в Париж, встретившись с ним 17 февраля 1998 г. и передав послание, в котором настаивал на необходимости прислушаться к требованиям международного сообщества и продолжить сотрудничество с ООН. Ж. Ширак предлагал иракскому руководству конкретные шаги по разрешению кризисной ситуации. Так, он предлагал установить

особый режим инспекций в президентских дворцах в Багдаде, более приемлемый для иракского руководства [3, с. 3].

США и Франция поддержали миссию генсека ООН К. Аннана, который в феврале 1998 г. лично повез в Багдад предложения по дипломатическому разрешению кризиса. Одним из основных условий этих предложений было возобновление инспекций ООН в Ираке. Президент Франции призвал иракское руководство принять предложения К. Аннана [4, с. 2]. В свою очередь М. Олбрайт заявила, что принятие Ираком предложений К. Аннана отвечает национальным интересам США [4, с. 2]. Ирак принял предложения Генерального секретаря ООН, что на некоторое время ослабило международную напряженность в этом вопросе.

В интервью журналистам французской газеты «Монд» 27 февраля 1998 г. Ж. Ширак заявил, что полностью удовлетворен согласием официального Багдада продолжить сотрудничество. Комментируя франко-американские отношения во время кризиса, Ж. Ширак заявил, что у него нет никаких противоречий с президентом Клинтоном. По мнению французского президента, американское и французское руководство использует две разные стратегии: американская сторона не отказывается от военных ударов по Ираку, а Франция стремится к достижению мира. Ж. Ширак называет достигнутый результат совместной победой Франции и США [5, с. 2], хотя видно, что достигнутое решение больше отвечало французской позиции, а не американской. Президент Пятой республики воспользовался благоприятным моментом, чтобы объявить о своей стратегии на международной арене заявив, что Франция стремится создать многополярное мировое устройство. По его мнению, при такой геометрии международных отношений США по-прежнему сохранят свои лидирующие позиции, однако при этом еще ряд государств будут играть весомую роль на международной арене [5, с. 2].

Отсюда видно, что Франция и США после напряженных дебатов и столкновений нашли точки соприкосновения, относительно путей и подходов к разрешению иракского кризиса, обострившегося в 1997 г. Это привело к некоторому потеплению отношений между двумя странами. Причины данного сближения и особой позиции Франции следует искать в глубинных мотивах. При разрешении иракского кризиса Франция пыталась заменить односторонние действия США в отношении Ирака на совместные усилия многих представителей мирового сообщества. Действуя через СБ ООН, Франция могла в значительной мере уравнять свои возможности с возможностями США и играть первостепенные роли в решении международных споров, что заметно усиливало ее влияние на развитие событий в мире. Парижу было выгодно направить решение кризиса именно в русло ООН, поэтому французское руководство приветствовало поддержку американской стороной миссии К. Аннана. В случае

закрепления подобной практики ведения дел и разрешения кризисов, позиции Франции на мировой арене значительно бы усилились.

В свою очередь, США были заинтересованы в совместных действиях с Францией по разрешению кризиса вокруг Ирака, исходя из тактических соображений: они стремились использовать влияние Франции для защиты своих интересов в стратегически важном регионе Персидского залива. Ирак был главным противником США в регионе. Соединенные Штаты использовали все возможности для воздействия на иракское руководство. Резолюции СБ ООН и консультации с ведущими мировыми державами в сложившейся ситуации выступили одним из инструментов такого воздействия. В этой связи Вашингтон был заинтересован в поддержке своих инициатив и тесном сотрудничестве с Францией. Для решения своих задач США были готовы к диалогу с Парижем, некоторым уступкам французскому руководству и усилению коллегиальности в принятии решений. Вместе с тем, руководство США не считало, что успех совместных действий в преодолении иракского кризиса должен автоматически означать необходимость коллективных действий в будущем.

Ослабление международной напряженности вокруг Ирака, вызванное принятием Багдадом предложений К. Аннана, было недолгим. 23 октября в СБ ООН состоялось голосование по проекту резолюции 1134 по ситуации в Ираке. Франция была не согласна с некоторыми положениями резолюции, разработанной американскими дипломатами, и воздержалась при голосовании в Совете Безопасности. Официальный Париж объяснял это тем, что принятие новой резолюции открывало путь к установлению новых санкций в отношении Ирака [1, с. 5].

11 ноября 1998 г. Ирак объявил о прекращении своего сотрудничества с инспекторами ООН. Это вызвало негативную реакцию как в США, так и во Франции. Ж. Ширак, находясь в это время в турне по странам Латинской Америки, 13 ноября 1998 г. в Мехико заявил о неприемлемости решения Ирака. При этом президент Франции высказал пожелание решения конфликта дипломатическими способами. По его мнению, военная операция была возможна только в случае ее одобрения Советом Безопасности ООН [6, с. 3]. Теперь французская сторона не выступала категорически против любых санкций, но настаивала на том, что все шаги в этом направлении должны быть согласованы с Советом Безопасности ООН, а значит, оставляла за собой возможность влиять на все принимаемые решения [6, с. 3]. Тем самым Ж. Ширак, отстаивая интересы Франции, противостоял односторонним силовым действиям США в Ираке.

14 ноября 1998 г. Ирак объявил о возобновлении сотрудничества с ООН. В ответ на это решение Б. Клинтон заявил об отказе США от применения силы. В телефонном разговоре с Б. Клинтоном Ж. Ширак выразил свое полное удовлетворение развитием событий [7, с. 2]. Инспекции ООН в Ираке

продолжались около месяца. Однако 9 и 10 декабря 1998 г. произошло два инцидента, чрезвычайно болезненно воспринятых Вашингтоном: иракская сторона произвела две короткие задержки в допуске международных инспекторов на интересующие их объекты. Министр обороны США квалифицировал эти инциденты как очень серьезные и пригрозил Ираку бомбардировками. Одновременно в Пентагоне заявили, что основные силы для ударов уже развернуты [8, с. 5].

Кризис в отношениях между Ираком и инспекторами ООН углубился после заявления Багдада о запрещении их дальнейших действий на своей территории. В этой ситуации нависла угроза нанесения американо-английскими силами ракетно-бомбовых ударов по Ираку. Б. Клинтон открыто говорил о такой возможности [9, с. 3]. Вместе с тем, Франция заняла прямо противоположную позицию. Ж. Ширак заявил, что международное сообщество должно найти новую возможность контроля над разоружением Ирака. По словам президента Франции, это предполагало новую организацию и новую методику ведения данного процесса [9, с. 3]. Одновременно министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин выразил сомнения в эффективности военной операции против Ирака [9, с. 3].

В разгар иракского кризиса важным вопросом в отношениях между Францией США была проблема установления жестких санкций в отношении Ирака. США склонны были прибегнуть к такому шагу, в то время как Франция была категорически против, мотивируя свою позицию тем, что население Ирака не должно пострадать [10, с. 10]. В итоге Франции и США удалось найти компромисс: для Ирака была открыта программа «нефть в обмен на продовольствие». Ираку разрешалось продавать нефть более чем на 10 миллиардов долларов ежегодно, при этом вырученные средства должны были идти на закупку предметов первой необходимости для населения. Данные договоренности были победой французской стороны, так как они открывали перед французскими компаниями перспективы участвовать в поставках добытого в Ираке сырья на мировой рынок. Однако Франция не смогла предотвратить начало военной операции США и Великобритании против Ирака в силу отсутствия у Парижа реальных рычагов давления на Вашингтон. США проигнорировали мнение Франции о необходимости выхода из кризиса дипломатическими средствами. Это вело к дестабилизации франко-американских отношений.

В ходе проведения военной операции в Ираке 12 февраля 1999 г. Генеральный секретарь ООН и четверо постоянных членов СБ ООН были проинформированы Парижем о том, что Франция подготовила предложения по урегулированию ситуации в Ираке. В них Франция высказывалась за продолжение инспекций обновленной независимой контрольной комиссией и за снятие с Ирака эмбарго на поставку нефти. При этом предлагалось осуществлять

финансовый и экономический надзор, который гарантировал бы отсутствие у Ирака отсутствие оружия массового поражения [11, с. 2], [12, с. 2]. Соединены Штаты весьма скептически восприняли французские предложения и отказались снять эмбарго на поставку нефти из Ирака. Вместе с тем, в Государственном департаменте заявили о возможности контроля над доходами Ирака от поставок нефти, одобренных ООН, при условии констатации комиссией ООН разоружения Ирака [13, с. 2].

Таким образом мы видим разность французского и американского подходов в иракском вопросе, которая хотя и не смогла предоставить односторонние американские действия в отношении Ирака, все же давала возможность найти линии раскола в лагере западных государств. Именно во время взаимодействия по иракскому вопросу французская сторона выступила с идеей многополярного мирового устройства, где многие страны могли бы влиять на происходящие в мире события, что, несомненно, позитивно сказывалось на архитектуре международных отношений, нарушая американскую гегемонию в них.

Библиографические ссылки

1. *Trean C.* Paris approuvera Washington en cas de recours à la force // Le Monde. 1997. 14 novembre. P. 5.

2. *Naim M.* Conflit Irak-ONU : la diplomatie n'a pas épuisé toutes ses ressources // Le Monde. 1998. 2 fevrier. P. 4.

3. *Naim M.* Jacques Chirac reçoit le ministre irakien des affaires étrangères // Le Monde. 18 fevrier 1998. P. 3.

4. *Naim M.* M. Clinton et M. Chirac exhorent l'Irak à accepter les propositions de M. Annan // Le Monde. 1998. 21 fevrier. P. 2.

5. *Colombant J-M.* M. Chirac plaide pour la fin des sanctions si l'Irak «joue le jeu» / J-M. Colombant, A. Franchon, C. Jarreau, M. Naim // Le Monde. 1998. 27 fevrier. P. 2.

6. *Pour A. B.* Irak reprend sa coopération avec l'ONU Le Monde. 1998. 16 novembre. P. 3.

7. L'Irak échappe aux frappes americaines // Le Monde. 1998. 17 novembre. P. 2.

8. Les Etats-Unis menacent à nouveau l'Irak des frappes militaires // Le Monde. 1998. 12 deséмbre. P. 5.

9. *Naim M.* Washington et Londres maintiennent une logique de guerre contre l'Irak // Le Monde. 1998. 23 deséмbre. P. 3.

10. Politique étrangère de la France. (Textes et documents). Mars-Avril 1999 I. Paris: La documentation Française, 1999.

11. *Naim M.* Les propositions de la France pour sortir de la crise en Irak // Le Monde. 1999. 14 janvier. P. 2.

12. Commition de controle rénovée et surveillance financiére // Le Monde. 1999. 14 janvier. P. 2.

13. *Pour A. B.* Les Etats-Unis et Grande-Bretane font preuve de circonspection // Le Monde. 1999. 14 janvier. P. 2.

МІЖРЭСПУБЛІКАНСКІЯ АДНОСІНЫ Ў СССР НА ПРЫКЛАДЗЕ ПАЛІТЫКІ САВЕЦКІХ АРМЕНІІ І АЗЕРБАЙДЖАНА Ў ДАЧЫНЕННІ ДА КУРДАЎ

А. А. Пабеданосцава-Кая

Санкт-Пецярбургскі дзяржаўны ўніверсітэт,
Універсітэцкая наб., 11, 199034, Санкт-Пецярбург, Расійская Федэрацыя,
apobedonostseva@gmail.com

Савецкая палітыка пазітыўнай дыскрымінацыі ў дачыненні да розных этнічных груп з пачатку 1920-х гг. прывяла да з'яўлення унутры СССР разнастайных аўтаномных нацыянальных утварэнняў, пачынаючы з найбольш развітых аўтаномных адзінак – саюзных рэспублік, якія мелі многія атрыбуты незалежных дзяржаў. Дадзены артыкул прысвечаны суперніцтву Арменіі і Азербайджанам вакол вызначэння савецкай палітыкі у дачыненні да курдскага насельніцтва.

***Ключавыя словы*:** курды; Курдыстан; Арменія; Азербайджан; СССР; нацыянальнае будаўніцтва.

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СССР НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКИХ АРМЕНИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА В ОТНОШЕНИИ КУРДОВ

А.О. Победоносцева-Кая

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 11, 199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация,
apobedonostseva@gmail.com

Советская политика позитивной дискриминации по отношению к различным этническим группам с начала 1920-хх гг. привела к появлению внутри СССР разнообразных автономных национальных формирований, начиная с наиболее развитых автономных единиц – союзных республик, которые имели многие атрибуты независимых государств. Данная статья посвящена соперничеству Армении и Азербайджана вокруг определения советской политики в отношении курдского населения.

Ключевые слова: курды; Курдистан; Армения; Азербайджан; СССР, национальное строительство.

RELATIONS AMONG SOVIET REPUBLICS: THE CASE OF COMPETITION BETWEEN SOVIET ARMENIA AND AZERBAIJAN OVER SOVIET KURDISH PROJECTS

A. O. Pobedonostseva-Kaya

Saint-Petersburg State University, Universitetskaya emb., 11,
199034, St.Petersburg, Russian Federation, apobedonostseva@gmail.com

The Soviet affirmative action policies towards various ethnic groups since the early 1920s resulted in the emergence of various autonomous entities inside the USSR – beginning with the most developed units — Union republics which possessed many features of independent states. The paper shall focus on the Armenian and Azerbaijan Soviet competitive efforts to shape Soviet policies towards the Kurdish population.

***Keywords*:** Kurds; Kurdistan; Armenia; Azerbaijan; USSR; nation-building.

Адыб Халід і Геро Фэдтке звярнулі ўвагу на неабходнасць больш дакладнага вызначэння дзейных сілаў у савецкай гісторыі, у прыватнасці важных нецэнтральных актараў, напрыклад саміх этнічных груп, ў савецкіх нацыянальных праектах [1; 2]. Гэтае даследаванне развівае іх падыход, паказваючы ролю іншых нецэнтральных актараў – саюзных рэспублік – у кшталтаванні палітыкі датычна нацменшасцяў, што жылі на іх тэрыторыі. Гэтая роля застаецца дагэтуль малавывучанай, бо даследчыкі засяроджваюцца на ролі маскоўскага, саюзнага кіраўніцтва, адсоўваючы рэспубліканскія ўлады на другі план. У артыкуле разглядаецца канкурэнцыя паміж армянскай і азербайджанскай савецкімі рэспублікамі за магчымасць уплываць на савецкую палітыку ў дачыненні да курдскага насельніцтва ў 1920-1950-х гг.

Курдскае насельніцтва СССР было расцярушана па Каўказе і Цэнтральнай Азіі і падзялялася на тры групы – езідаў Арменіі і Грузіі, курдаў-мусульман (шыітаў) Азербайджана і курдаў-мусульман (сунітаў) Туркменістана і часткова Арменіі і Грузіі. Улады Савецкай Арменіі першымі выявілі цікавасць да курдаў на сваёй тэрыторыі, якія былі збольшага езідамі. Тым самым яны працягнулі традыцыі армянскіх нацыяналістаў, якія з сярэдзіны XIX ст. [3] выказвалі сімпатыі да езідаў, спрабавалі з імі супрацоўнічаць і разглядалі іх асобна ад лаяльных асманскім уладам курдаў-мусульман.

Як толькі была створаная савецкая армянская дзяржаўнасць, улады актывізавалі спробы інтэграваць езідаў у армянскае грамадства, заахвочваючы езідаў сяліцца ў Савецкай Арменіі [4, с. 9]. Іншым прыкметным захадам Ерэвана была спроба ўкараніць – у рамках агульнасаюзнай палітыкі барацьбы з непісьменнасцю – новастворaны курдскі алфавіт на аснове армянскай пісьмовасці. Гэта было зроблена адразу пасля таго як Арменія стала савецкай рэспублікай у 1921 г.

Палітыка Ерэвана неўзабаве сутыкнулася з пазіцыяй цэнтральных савецкіх уладаў. яны абапіраліся на ўласную экспертную базу, а таксама акадэмічныя і палітычныя цэнтры, якім было афіцыйна даручана распрацоўваць нацыянальную палітыку, у прыватнасці Інстытут мовы і мыслення Мікалая Марра. Разгледзеўшы вынікі даследаванняў і прытрымліваючыся свайго азначэння нацыянальнасці, Інстытут зрабіў афіцыйную

выснову, што езіды ёсць часткай курдскага народа [5, л. 5-5 (об)], што не зашкодзіла армянскаму істэблішменту працягваць спробы дамагчыся перагляду гэткай палітычнай устаноўкі да 1950-х гг.

Яшчэ большай праблемай для Ерэвана стала ўзнікненне ў 1923 г. адміністрацыйнай адзінкі для савецкіх курдаў у складзе Савецкага Азербайджана. Гэта дэ факта азначала замацаванне за Азербайджанам паўнамоцтваў апекавацца справамі курдскай меншасці ў СССР. Курдыстанскі павет быў створаны на стужцы зямлі паміж Арменіяй і Нагорна-Карабахскай аўтаномнай вобласцю (НКАВ) Азербайджана, якую армянскі істэблішмент намагаўся далучыць да Арменіі. Рашэнні аб стварэнні НКАВ і Курдыстана былі прыняты дзяржаўнымі і партыйнымі органамі Азербайджана амаль адначасова – 7 і 16 ліпеня 1923 г., што ўказвае на стратэгічную логіку. Адсутнасць адміністрацыйнай мяжы з НКАВ перашкаджала яго магчымай перадачы Арменіі, але магчымае перапарадкаванне Курдыстанскага павета Арменіі давала надзею армянскім уладам і на перадачу НКАВ. Прыкладам такое перадачы можа быць Кара-Калпакская аўтаномія, якая ў 1925–1932 гг. перадавалася двойчы паміж Казахстанам, РСФСР і Узбекістанам.

Дзеля гэткай перадачы Арменіі трэба было выбудаваць сувязі з курдскай меншасцю і Ерэван працягнуў падтрымку курдскай адукацыі і культуры. п рыкладам, навучальныя ўстановы для курдаў у абедзвюх рэспубліках засноўваліся практычна адначасова: курдскае аддзяленне педагагічнага тэхнікума ў Шушы і Закаўказскі курдскі педагагічны тэхнікум ў Ерэване [6, с. 55-56]. Неўзабаве Арменія пачынае весці рэй: у 1921-1938 гг. у Арменіі было выдадзена 148 кніг (агульным накладам 259 900 ас.) на курдскай мове, а ў Азербайджане – толькі 27 назваў (42 000 ас.) [7, с. 23-51]. У сакавіку 1930 г. ЦК КП (б) Арменіі далучыў да спісу сваіх СМІ штотыднёвік на курдскай мове “Рйа Таза” (Новы шлях). Яе першымі рэдактарамі былі армяне з былой Турэцкай Арменіі, якія ведалі курдскую мову, і толькі ў 1934 г. іх змяніў курд Джэрдо Генджо.

Трэба сказаць, што ўвогуле сярод савецкіх экспертаў па курдскіх пытаннях, якія былі этнічнымі курдамі, большасць ужо тады склалі езіды з Турэцкай Арменіі (напрыклад, Араб Шамілаў, Канат Курдоеў і Саманд Сіябандаў). Двое першых кансультавалі савецкія саюзныя органы па курдскіх пытаннях, захоўваючы повязі з уладамі Савецкай Арменіі і лабіруючы яе інтарэсы, а Сіябандаў займаў важныя пасады ў Савецкай Арменіі. Дзякуючы ранняму пачатку курдскіх культурных праектаў пры падтрымцы Арменіі, курды-езіды хутка распрацавалі лацінскі алфавіт для ўсіх савецкіх курдаў, які потым стаў стандартным. Спроба азербайджанскіх экспертаў увесці альтэрнатыўны алфавіт, бліжэйшы да азербайджанскага, амаль адразу правалілася.

Бачачы поспехі Арменіі ў збліжэнні з курдамі і разумеючы рызыку

перадачы Курдыстана і Нагорнага Карабаха Арменіі, Азербайджан скасаваў Курдыстанскую акругу ў 1930 г. Сутыкненне Азербайджана з Арменіяй па курдскім пытанні вяло нават да зрыву найважнейшых культурных мерапрыемстваў: у 1934 г. у Ерэване была праведзена першая канферэнцыя па арфаграфіі, другая, прызначаная на 1935 г., у Баку ніколі не адбылася. Колькасць курдаў у Азербайджане ў канцы 1930-х гг. рэзка скарацілася (з амаль 50 тыс. у 1926 г. да 6 тыс. у 1939 г.), што звязана з рашэннем уладаў Азербайджана дамагчыся перагляду афіцыйнай нацыянальнай прыналежнасці курдаў і зліквідаваць тым самым аснову для курдскай аўтаноміі.

Улады не толькі Азербайджану, але і некаторых іншых саюзных рэспублік дзейнічалі мэтанакіравана і дзесяцігоддзямі працягвалі асіміляцыю меншасцяў. У аглядзе, падрыхтаваным Інстытутам гісторыі АН Азербайджанскай ССР у 1961 г., падкрэсліваўся "*добраахвотны характар зліцця шматлікіх этнічных груп Рэспублікі з этнічнымі азербайджанцамі*" пасля 1930 г. [8, с. 431]. Курды былі інтэграваны ў палітычнае, культурнае і грамадскае жыццё Арменіі, але не ў Азербайджане: самы знакаміты курдскі партыйны дзеяч Азербайджана Чынгіз Йылдырым быў расстраляны, а Сулейман Рахімаў, курдскі пісьменнік і старшыня Саюза пісьменнікаў Азербайджана (1939-1940 гг.), яго ўплывовасці дасягнуць не здолеў.

Скарачэнне Азербайджанам падтрымкі курдскіх праектаў было яго ўласным крокам і збольшага папярэднічала згортванню нацыянальнай палітыкі ў СССР ў канцы 1930-х гг. Пасля таго і палітыка Арменіі ў дачыненні да курдаў саслабла: у 1938 г. было спынена выданне "Рйа Таза" і кніг па-курдску. Некаторыя з курдскіх саюзнікаў Ерэвана ў савецкіх цэнтральных установах, якія лабіравалі ўдзел армян ў курдскай палітыцы СССР, такія як Шамілаў або Курдоеў, зазналі пераслед.

З канца 1930-х гг. Масква засяродзілася на падрыхтоўцы да вайны і скараціла пазітыўную дыскрымінацыю ў дачыненні да невялікіх этнічных груп СССР. Пасля нямецкага нападу ў 1941 г. савецкія войскі супольна з брытанскімі акупавалі Іран, у прыватнасці азербайджанскія і курдскія раёны. Саюзнікі былі занепакоеныя магчымым сутыкненнем з Турцыяй, у якім былі б закранутыя раёны, населеныя курдамі. Але цікавасць да курдскага пытання адрадзілася не адразу, і нешматлікія курдскія эксперты, якія перажылі рэпрэсіі, былі скіраваныя на германскі фронт і заставаліся там, пакуль сітуацыя на ім не палепшылася.

Савецкае ўварванне ў Іран павысіла значэнне Азербайджана ў савецкай курдскай палітыцы, бо азербайджанамоўныя эксперты былі больш эфектыўнымі ў курдскіх раёнах Ірана, дзе курды размаўлялі на мове сарані і прынамсі разумелі азербайджанскую мову, чым савецкія эксперты і курдскія інтэлектуалы Арменіі, якія валодалі мовай курманджы, малазразумелай

большасці іранскіх курдаў. Важную ролю ў прасоўванні тагачаснага сепаратысцкага руху ў Паўднёвым Азербайджане і Іранскага Курдыстана адыграў лідар Савецкага Азербайджана Мір-Джафар Багіраў. Абодва праекты пачаліся ў 1944 г., але рух за курдскую аўтаномію заставаўся кволым да прыходу з Іраку паўстанцаў Мустафы Барзані – яны сталі ўзброеным крылом прасавецкага курдскага руху і ўвогуле зрабілі магчымым стварэнне дэ факта залежнай ад Паўднёвага Азербайджана курдскай аўтаноміі – т.зв. Мехабадскай рэспублікі [9, p. 63]. Нездарма Баку быў абраны для падрыхтоўкі кадраў магчымай курдскай аўтаноміі, у т.л. вайсковых.

Савецкія войскі былі выведзеныя з Ірана на пачатку 1946 г., і неўзабаве курдская і паўднёваазербайджанская рэспублікі абрынуліся пад ударамі іранскага войска, але СССР працягнуў падтрымліваць курдскі рух. Большая частка адпаведнай палітыкі праводзілася з Баку. Пасля ўцёкаў Барзані і яго прыхільнікаў з Ірана яны апынуліся ў Савецкім Азербайджане пад наглядам тамтэйшых уладаў. У 1948 г. іранскія і іракскія курдскія актывісты правялі канферэнцыю ў Баку, каб абмеркаваць далейшыя планы, але пасварыліся з Багіравым і прасілі Маскву вывезці іх з Азербайджана [10, p. 136-138]. Але нават пасля ад'езду Барзані ў Цэнтральную Азію, Багіраву затрымаў у Баку многіх актывістаў.

Пасля смерці Сталіна Багіраў быў арыштаваны як "саўдзельнік Берыі" ў 1954 г. і пакараны смерцю. Гэта прывяло да паслаблення ролі Баку ў савецкай курдскай палітыцы. Адначасова, з сярэдзіны 1950-х гг. Арменія грала ўсё больш важную ў ёй ролю: у 1955 г., на фоне закрыцця азербайджанскай газеты "Савецкі Курдыстан", зноў пачала выходзіць "Рйа Таза", якая стала галоўнай газетай савецкіх курдаў.

Ерэван ніколі не пакідаў надзей павялічыць тэрыторыю Арменіі за кошт уключэння НКАВ. У часы хрушчоўскай "адлігі" гэтая задума магла быць увасобленая ў жыццё праз адраджэнне курдскай аўтаноміі, якая магла б стаць сувязным звяном паміж Арменіяй і Нагорным Карабахам. У 1958 г. армянскія курды на чале з Мамедам Бабаевым звярнуліся да кіраўніцтва КПСС з просьбай аб адраджэнні курдскай аўтаноміі ў Азербайджане, а ў 1963 г. аналагічную просьбу аб аднаўленні "курдскай аўтаномнай рэспублікі" ў Азербайджане накіравалі рэспубліканскім уладам у Баку. У афіцыйным адказе азербайджанскага кіраўніцтва на петыцыю падкрэслівалася малалікасць курдаў у рэспубліцы ў параўнанні з Арменіяй і адсутнасць аб'ектыўнай неабходнасці ды гістарычных падстаў для аўтаноміі. У 1961 г. кіраўніцтва Азербайджана даручыла Інстытуту гісторыі Акадэміі навук Азербайджанскай ССР падрыхтаваць кароткі агляд аб некаторых этнічных групах Азербайджана і колькасць курдаў ў Савецкім Азербайджане была пададзеная роўнай прыкладна 20 000 чалавек [8, с. 428–430]. Улады ў Баку разумелі наступствы магчымага абвастрэння курдскага пытання, асабліва ў кантэксце планаў Арменіі на НКАВ.

Між тым, улады Арменіі з сярэдзіны 1950-х гг. актывізавалі сваё ўзаемадзеянне і з замежнымі курдамі, чаму спрыялі адпаведныя сувязі армянскіх курдскіх навукоўцаў, у прыватнасці Каната Курдоева. У прыватнасці ён і яго калегі мелі дачыненне да захадаў, звязаных з вяртаннем Барзані і яго паплечнікаў у 1958 г. з СССР у Ірак і актывізацыяй курдскага руху там. Апроч таго, з 1950-х гг. Савецкая Арменія арганізоўвала масавыя "праграмы рэпатрыяцыі", у тым ліку з краін Блізкага Усходу, што забяспечыла ёй доступ у краіны з курдскім насельніцтвам. З часам у Ерэван паехалі замежныя езідскія лідары. У 1970-х гг. адна з найбуйнейшых іракскіх курдскіх узброеных груповак - Патрыятычны саюз Курдыстана – нават выбудавала дадатковы канал сувязі з СССР праз сваіх езідскіх чальцоў, звязаных з савецкімі езідамі. [9, p. 334, 342, 365] Гэтыя сувязі захоўваліся і ахоплівалі іншыя курдскія партыі: Рабочая Партыя Курдыстана з пачатку 1990-х гг. абапіралася на некаторых вядомых курдскіх актывістаў-езідаў у Расіі. Пасля распаду СССР Арменія пачала прапагандаваць асобную езідскую ідэнтычнасць.

Роля Савецкай Арменіі і Азербайджана ў кшталтаванні савецкай палітыкі датычна курдаў сведчыць пра відавочную ролю савецкіх нецэнтральных органаў улады, асабліва саюзных рэспублік у савецкай палітыцы. Дысцыпліна, субардынацыя і іерархія ўнутры дзяржаўных і паралельных партыйных структур СССР моцна перабольшаныя ў гістарыяграфіі, што склалася пераважна праз даследаванне дзейнасці цэнтральных структураў СССР. Адміністрацыйны хаос і беспарадак былі шырока распаўсюджаныя ў савецкай сістэме нават у тыя часы, якія ўважаюцца пікам сталінскай эпохі. Гэта даследаванне дэманструе, што наўрад ці можна казаць пра паслядоўную палітыку СССР ў дачыненні да курдаў. Адна з прычын, чаму гэта так, звязана з зацікаўленасцю і здольнасцю рэспублік Савецкага Саюза па-рознаму ўдзельнічаць у вырашаць пытанні, звязаныя з курдскай палітыкай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Cornell University Press, 2015.
2. *Fedtke G.* Roter Orient. Muslimkommunisten und Bolschewiki in Turkestan (1917-1924). Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2020.
3. *Bailey N.* The Lord's Prayer in Northern Kurdish: Lexical and orthographic journeys since 1787 // Родной язык. 2021. № 2. С. 152-218.
4. *Щукин И.С., Щукина А.В.* Очерки Армянского нагорья // Землеведение. 1927. Т. XXIX. Вып. I-II. С. 5-50.
5. Цэнтральны дзяржаўны архіў гісторыка-палітычных дакументаў Санкт-Пецярбурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1-38. Д. 298298.

6. *Победоносцева-Кая А.О.* Культурная революция среди закавказских курдов: межреспубликанское соперничество в советской национальной политике // История повседневности. 2023. № 3 (27). С. 47-71.

7. *Алексанян Н.* (сост.) Библиография советской курдской книги (1921–1960). Ереван: Издательство Академии Наук Армянской ССР, 1962.

8. *Гасанлы Дж.П.* Советский Азербайджан: От оттепели к заморозкам (1959–1969). М.: Флинта, 2020.

9. *Talabani J.* Mudhakirāt al-rayis Jalāl Tālabāni: rihlatu sittūn ʿaman min jibali Kurdistan ila qasri al-Salām. al-Dār al-ʿarabiyyat li-l-ʿulūm nāširūn, 2018.

10. Mustafa Barzani and the Kurdish Liberation Movement, 1931-1961. New York: Palgrave Macmillan, 2003.

К ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБОЙ КОМИССИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПО ИЗУЧЕНИЮ КОЛЛЕКЦИЙ ИУДЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ АВРААМА ФИРКОВИЧА

Д. А. Прохоров

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
проспект Академика Вернадского, 4, 295007, г. Симферополь, Россия,
prohorov1da@yandex.ru

В статье рассмотрены обстоятельства, связанные с историей создания одного из крупных собраний иудейских древностей на территории Европы – коллекции рукописей и артефактов, собранных известным караимским ученым и коллекционером Авраамом Фирковичем. На основании документов, хранящихся в Российском государственном историческим архиве (РГИА), некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот, исследуются факты, связанные с научной атрибуцией контента коллекции.

Ключевые слова: рукописи; коллекция; Авраам Фиркович; евреи; караимы; Крым; историко-культурное наследие.

ON THE HISTORY OF THE ACTIVITIES OF THE SPECIAL COMMISSION OF THE IMPERIAL ST. PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES FOR THE STUDY OF COLLECTIONS OF JEWISH ANTIQUITIES BY ABRAHAM FIRKOVICH

D. A. Prokhorov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Prospekt Vernadskogo 4, 295007, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
prohorov1da@yandex.ru

The article deals with the circumstances related to the history of the creation of one of the largest collections of Jewish antiquities in Europe – a collection of ancient manuscripts and artifacts collected by the famous Karaite scholar Abraham Firkowicz. Based on documents stored in the Russian State Historical Archive (RSHA), some of which are being introduced into scientific circulation for the first time, facts related to the scientific attribution of the content of the collection are investigated.

Keywords: manuscripts; collection; Abraham Firkowicz; Jews; Karaites; Crimea; historical and cultural heritage.

29 июня 2024 г. исполняется 150 лет со дня смерти одного из видных представителей караимского народа Авраама бен Шемуэля (Самуиловича) Фирковича (1787–1874). История собирательской деятельности

ученого и коллекционера, его биография и научные взгляды неоднократно становилась предметом дискуссией, в фокусе которых были, прежде всего, вопросы, связанные с аутентичностью собранных им документов и артефактов. Полемика развернулась относительно содержавшихся в обнаруженных А. Фирковичем манускриптах сведений, а также в связи с проблемой подлинности самих находок. С помощью сохранившихся архивных документов и материалов, относящихся ко времени проведения археографических и археологических изысканий А. Фирковича, возможно проследить историю формирования этой уникальной коллекции.

В 1839 г. караимский гахам Симха Бабович с целью поиска сведений о происхождении караимов инициировал деятельность А. Фирковича. Это положило начало созданию обширной коллекции караимских, еврейских и самаритянских рукописей и артефактов, связанных с прошлым иудейских общин, в том числе и Крыма. В письме от 31 июня 1842 г. Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору князю М.С. Воронцову президент Одесского общества истории и древностей (ООИД) Д.М. Княжевич писал об археологических находках, сделанных А.С. Фирковичем. Он подчеркнул, что «эти открытия могут вести к разрешению многих весьма важных вопросов и прояснению разных данных покрытых мраком сомнения или неведения исторических истин, и что они составляют редкое приобретение для науки, долженствующее обратить взоры всей ученой Европы, ибо интерес их есть не только частный для Новороссийского края, но с тем имеет и общеевропейский, можно сказать, всесветный» [1, л. 4].

«Такие открытия, и труды для того и подъятые, поистине заслуживают и того, чтобы обратить на них Монаршее внимание. – продолжал Д.М. Княжевич. – Россия славна и велика всем: только на этих учениях изысканий и открытий могла она доселе еще мало сподвижников. Тем вящего одобрения заслуживают и малые в сем отношении попытки, и кольми паче столь обильных последствиями. И можно ли сомневаться в успехе при ходатайстве столь просвещенного вельможи, как Ваше Сиятельство, при великодушии Монарха, которого орлиный взор далеко провидит полезное. А между тем и малейших знак внимания родит в Фирковиче новые силы и новое желание к дальнейшим открытиям, которые сделает он» [1, л. 4 об.].

«Открытием этих 109 памятников Фиркович воззвал из безмолвия могилы к жизни и заставил говорить столько же свидетелей, находившихся большею частью на Таврическом полуострове, и живших в [общей] сложности 1039 лет. И первого, несколько внимательного рассмотрения этих древностей было достаточно, чтобы показать возможность извлечь из них немаловажное обогащение для нации» – заключал Д.М. Княжевич в письме М.С. Воронцову [1, л. 5].

В результате археографических изысканий и поездок в Турцию, на Кавказ, Ближний Восток, а также поиска рукописей в Крыму и Литве А. Фирковичу удалось собрать действительно незаурядную коллекцию, относившуюся к прошлому иудейских общин Крыма и Кавказа, и состоявшую из древних свитков, кодексов, рукописей и книг. В 1856 г. он обратился к дирекции Императорской публичной библиотеки с предложением приобрести у него это собрание, а в 1857 г. – к министру народного просвещения с предложением создать комитет для рассмотрения и описания рукописей [2, л. 68, 68 об.].

Президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, граф Д.Н. Блудов 29 марта 1862 г. в письме к министру народного образования А.В. Головнину поднял вопрос о целесообразности приобретения коллекции А. Фирковича. В частности, он упомянул предложении, сделанном ранее директором Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге (на тот момент уже оставившего этот пост в связи с назначением главноуправляющим Вторым отделением собственной е. и. в. канцелярии), статс-секретаря, барона М.А. Корфа – рассмотреть возможность приобрести у Авраама и Гавриила Фирковичей «собрание ветхозаветных кодексов и других памятников, как Еврейской, так и вообще восточной по-библейской литературы» [3, л. 1, 2]. По предложению генерал-адъютанта, графа В.Ф. Адлерберга было решено: доложить о коллекции императору Александру II, так как для столь значительного собрания, имевшего важное значение для академической науки, требовался высочайший вердикт. Император, после представленного ему детального доклада, распорядился рассмотреть данный вопрос в Санкт-Петербургской академии наук. И в том случае, если собрание, насчитывавшее более 1500 рукописных книг и документов будет признано учеными достойным приобретения, то испрошенную Фирковичами сумму Александр II распорядился уплатить [3, л. 2].

Вскоре на созванной по этому случаю конференции в академии была учреждена комиссия, в состав которой вошли историки и ориенталисты: М.И. Броссе, А.А. Куник, А.А. Шифнер и В.В. Вельяминов-Зернов [3, л. 2]. Результаты работы комиссии представили 7 марта 1861 г. на заседании историко-филологического отделения академии [4, с. 1–13; 5, с. 252–264].

Начала свою работу комиссия 12 марта 1861 г., и практически сразу ее участники сделали вывод о том, что в связи с обширностью, важностью и разнообразием состава коллекции потребуется «особые предварительные изыскания», а также привлечение ряда специалистов. Ученые также ходатайствовали перед министром Императорского двора о предоставлении им из Публичной библиотеки всех материалов, касавшихся коллекции А. Фирковича. В ходе ознакомления с составом коллекции потребовалось составление ее подробной описи, где указывались бы не только сами рукописи, но и состав материалов, на которых была написана каждая из них,

а также формат, число листов и текстуальное содержание. Члены комиссии выступили с предложением, чтобы владельцы скрепили своими подписями опись коллекции, во избежание могущих возникнуть «недоразумений и несогласий» [3, л. 4].

6 августа 1862 г. комиссия получила от министерства Императорского двора письменные объяснения А. Фирковича о том, что опись у него имеется, однако составлена она на иврите. Поэтому у него затребовали копию данной описи, также заверенную владельцем. 3 ноября 1861 г. коллекционер представил в распоряжение комиссии: опись «рукописей библейских» и реестр фотографических снимков, сделанных с надгробных памятников кладбища в Иосафатовой долине Чуфут-Кале (опись на русском языке), а также опись остальной части коллекции на иврите. Впоследствии А. Фиркович передал в распоряжение комиссии дополнительную опись на русском языке [3, л. 4 об.].

Детально изучив предоставленные материалы, М. И. Броссе, А. А. Куник, А. А. Шифнер и В. В. Вельяминов-Зернов составили экспертное заключение. Коллекция состояла из 2412 экземпляров, а именно: 975 свитков и рукописей на коже и пергаменте, 703 документов (подлинников и копий), 734 снимков и копий с надгробных надписей кладбища Чуфут-Кале, и других мест (как отмечалось в отчете, копии с некоторых снимков были сделаны в Санкт-Петербурге). Часть пронумерованных экземпляров рукописей состояла из небольшого количества листов (от 1 до 10). Помимо этого, А. Фиркович дополнительно предоставил 523 плана «различных местностей, расположенных на берегу Черного моря», однако члены комиссии пришли к выводу, что эти планы особого научного значения не представляют.

Востоковеды пришли к однозначному выводу, что данная коллекция хотя и уступала по «отделу библейскому» собранию рукописей А. Фирковича, собранному им в 1839–1841 и в 1852 гг. в ходе экспедиций по Крыму, и переданному затем на хранение в ООИД, тем не менее, она также имела «большую цену и значение в науке» [3, л. 6]. Все экземпляры коллекции членами комиссии были классифицированы, разделены на части и распределены по тематическому или языковому признакам. В первую группу вошли 46 рукописей, представлявших более или менее полные фрагменты Ветхого Завета (в первую очередь, Пятикнижия), а также 77 кодексов, содержавших отдельные книги и отрывки Священного Писания. По заключению комиссии, данное собрание рукописей вызвало академический интерес еще и потому, что «всего более важна в научном отношении представляемая ими разница от общепринятого у Евреев текста Библии». Замеченные специалистами отличия состояли в вариативности отдельных слов и фраз, в пунктуации и акцентах.

Вторая часть коллекции состояла из переводов Танаха: «Отрывки Ветхого Завета на языке халдейском, арабском и персидском; писаны еврейскими буквами»; переводы, отмеченные самим А. Фирковичем как хазарские, были идентифицированы ориенталистами как татарские. Третью часть представляли комментарии еврейских и караимских авторов на Священное Писание, написанные на арабском языке ивритскими буквами; встречалось несколько ранее неизданных и неизвестных [3, л. 7 об.].

К третьей части коллекции были отнесены догматические труды и сочинения законоведческого характера, как караимских, так и еврейских авторов (в числе прочих, упоминались произведения Моисея Маймонида, и, в частности, «Мишне Тора» в копии XV в. из Северной Италии). Четвертая часть состояла из трудов о законоведении и обрядах, пятая – из богословских и философских сочинений, а шестая – из поэтических произведений (относящихся к позднему средневековью). В седьмую группу объединили грамматики и лексиконы. Остальные части собрания А. Фирковича, по мнению составителей отчета, не представляли особой ценности [3, л. 8, 8 об.].

Пристальное внимание было уделено припискам и маргиналиям, сделанным на колофонах рукописей, с целью установления их достоверности: «Но всякую приписку принимать на слово нельзя <…> попадаются иногда приписки, сочиненные в позднейшее время для того, чтобы обманом возвысить ценность рукописей в глазах покупщиков и любителей древностей, или чтобы сообщить читателю какую-нибудь историческую выдумку». Составители отчета небезосновательно замечали, что сам А. Фиркович преувеличивал древность обнаруженных им рукописей, и подчеркивали необходимость филологического и палеографического анализа текстов документов. То же касалось и надгробных надписей, в подлинности некоторых из них члены комиссии также выразили свое сомнение [3, л. 11–17 об.]. Следует также заметить, что исследование аутентичности находок А. Фирковича, начатое в середине XIX в., продолжается и в наши дни [6, с. 212–227; 8, с. 102–130; 7, с. 533–555].

В дополнение к структурированному описанию коллекции прилагался краткий исторический очерк о караимах, составленный членами комиссии академии в соответствии с одной из предложенных версий об их происхождении (в частности, утверждалось, что «с половины VIII столетия примкнули к секте караитов хаканы хазарские, которые вслед за тем простерли свою власть над Крымом, Киевом и другими частями нынешней Юго-Западной России») [3, л. 9]. Данная концепция, предложенная российскими востоковедами В.В. Григорьевым и В.Д. Смирновым, рассматривала караимов как потомков хазар, половцев и других тюркских народов.

Вывод, сделанный членами комиссии, в целом носил положительный характер, так как коллекция содержала «много отдельных, редких и замечательных по содержанию и древности рукописей и свитков». «Нет

сомнения, – сообщалось в заключении, – что коллекцию г. г. Фирковичей было бы желательно приобрести для России. Она бы значительно пополнила и украсила имеющиеся уже у нас собрания восточных рукописей». Но вместе с тем востоковеды отмечали, что данное собрание не имело того значения, которое придавали ему Авраам и Гавриил Фирковичи, поскольку многое из их слов подвергалось сомнению и опровержению. Поэтому члены комиссии рекомендовали оценить коллекцию в 20–25 тыс. руб., считая даже эту сумму завышенной [3, л. 17 об., 18].

В 1863 г. в Императорскую публичную библиотеку были переданы ранее упомянутые кодексы и свитки и другие самаритянские рукописи, памятники арабской и персидской письменности, собранные А. Фирковичем в 1839–1841 и в 1852 гг., и хранившиеся в ООИД. В.В. Вельяминов-Зернов замечал, что Фирковичи «первые извлекли из забвения, <…> спасли от конечной гибели весьма значительное число караитских памятников», и, по предварительной оценке, в этом собрании караимские рукописи составляли как бы отдельную коллекцию (первоначально было выявлено 272 экземпляра). Эти артефакты, по мнению В. В. Вельяминова-Зернова, имели важное значение для изучения истории караимов, догматов их религии и содержания дискуссий по различным вопросам с евреями-рабанитами [3, л. 9, 10].

Наиболее выдающимися в этом собрании А. Фирковича считались: фрагмент темно-коричневого кожаного свитка Торы (Пятикнижия), датированный IX–X вв.; Книга Последних пророков (в списке 916 г.); Каирская библия 1010 г. (древнейший полный датированный список Библии на древнееврейском языке); сборник стихотворений караимского поэта Моисея Дари, привезенный также с Ближнего Востока. Однако создание большинства рукописей Первого собрания локализуется на территории Российской империи или европейских стран [9, с. 217–238].

В октябре 1862 г. по высочайшему повелению коллекция рукописей все же была куплена за 125 тыс. руб. Собрание, которое включало также надгробные плиты с кладбища Чуфут-Кале, по словам современников, обратило на себя внимание всего ученого мира, не только в России, но и вне ее [10, с. 5–49]. Тем не менее, уплаченная Фирковичам сумма была чрезвычайно высока и превышала годовой бюджет Публичной библиотеки на покупку рукописей в десять раз [11].

После смерти А. Фирковича Публичная библиотека выкупила в 1876 г. у родственников ученого за 50 тыс. руб. коллекцию рукописей и документов, а также его личный архив. Во «Второе собрание Фирковича», вошли 200 свитков Торы, более 200 пергаментных кодексов и другие рукописи религиозного, философского, медицинского, астрономического, астрологического и литературного характера, в основном на иврите и арабском языке. Ныне коллекция караимских и крымчакских рукописей

хранится в фондах Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге [12, с. 89–102; 13, с. 77–88; 14, с. 207, 214–224].

Библиографические ссылки

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 8. Д. 204.

2. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 565.

3. РГИА. Ф. 733. Оп. 13. Д. 249.

4. О собрании рукописей и других древностей, предложенных г. г. Фирковичами в продажу Имп. Публичной библиотеке: Донесение акад. Броссе, Куника, Шифнера и Вельяминова-Зернова, чит. в Ист.-филол. отд-нии Акад. наук 7 марта 1862 г. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1869. 13 с.

5. *Броссе М.И.* О собрании рукописей и других древностей, предложенных г. г. Фирковичами в продажу Императорской публичной библиотеке: донесение академиков Броссе, Куника, Шифнера и Вельяминова-Зернова, чит. в Ист.-филол. отд-нии Акад. наук 7 марта 1862 года // Записки Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1869. Т. 15. С. 252–264.

6. *Федорчук А.Б.* Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние // Евроазиатский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008) / Ред. В. Лихачев, В. Палей, А. Федорчук, С. Чарный, М. Членов. Москва: Паллада, 2008. С. 212–227.

7. *Шапира Д.* Йицхак Сангари, Сангарит, Бецалель Штерн и Авраам Фиркович: история двух поддельных надписей // Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриии. Симферополь, 2003. Вып. 10. С. 533–555.

8. *Шапира Д.* Нынешнее состояние ряда приписок к колофонам на библейских рукописях из первого собрания А.С. Фирковича // Материалы одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Москва: Сефер, 2004. Т. 1. С. 102–130.

9. *Васильева О.В.* Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки // Письменные памятники Востока. 2005. Вып. 1(2). С. 217–238.

10. *Гаркави А.Я., Страк Г.М.* О коллекции восточных рукописей А. Фирковича, находящихся в Чуфут-Кале // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. 178: Отд. «Современная летопись». С. 5–49.

11. *Васильева О.В.* Еврейские рукописи в Российской Национальной библиотеке. URL: https: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/firkovich/liter.php (дата обращения: 21.04.2024).

12. *Медведева Л.Я.* О коллекции караимских и крымчакских рукописей в ЛО Института Востоковедения АН СССР // Советская тюркология. М., 1988. № 6. С. 89–102.

13. *Федорчук А.* Находки и загадки Авраама Фирковича // Восточная коллекция. 2006. № 2. С. 77–88.

14. *Вихнович В.Л.* Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд. Санкт-Петербург: Академия исследования культуры, 2012.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ВОЗРЕНИЯХ ЕВГЕНИЯ ПРИМАКОВА (ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КНИГИ)

Саллум Ферас Садык

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ferassalloum2000@yahoo.com

Ближний Восток имеет большое значение для политиков и ученых. Книг, исследующих политические события в этом регионе, написано бесчисленное количество. Среди этих трудов выделяется монография журналиста, дипломата, бывшего премьер-министра России Евгения Примакова «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами», издана в Москве в 2016 г. и содержит 415 с. Следует подчеркнуть, что данный обзор разделен рецензентом на 22 главы соответственно книге.

Ключевые слова: Ближний Восток; СССР; США; Египет; Сирия; Ирак; Иран; Израиль.

THE MIDDLE EAST IN THE VIEWS OF YEVGENY PRIMAKOV (ABOUT ONE BOOK)

Salloum Feras Sadiq

Belarusian State University, Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, ferassalloum2000@yahoo.com

The Middle East is of great importance to policymakers and scholars. Countless books have been written exploring political events in this region. Among these works, the monograph by journalist, diplomat, and former Russian Prime Minister Yevgeny Primakov, “Confidential: The Middle East on stage and behind the scenes”, published in Moscow in 2016 and contains 415 p. It should be emphasized that this review is divided by the reviewer into 22 chapters, corresponding to the book.

Keywords: Middle East; USSR; USA; Egypt; Syria; Iraq; Iran; Israel.

Ближний Восток имеет большое значение для политиков и ученых. Книг, исследующих политические события в этом регионе, написано бесчисленное количество. Автор решил остановиться на монографии журналиста, дипломата и бывшего премьер-министра России Евгения Примакова «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами», изданной в Москве в 2016 г. [1].

В первой главе монографии Е. Примаков проливает свет на распад феодальной системы в середине XX века, возникновение революционного национализма в арабских странах и приход правителей к власти. Решающую роль в смене колониальных и полуколониальных режимов в большинстве арабских стран сыграли армии. Однако новый этап

характеризовался борьбой за власть между арабскими националистами и исламистами. Особое внимание уделяется генетике «ближневосточного террора». Подчеркивается, что он не произошел от арабского национализма или стал его составной частью. В качестве его родоначальников можно назвать еврейские организации, созданные в период Второй мировой войны в Палестине, такие как Лехи, Эцель и Хагана. Если говорить о современном международном терроризме, о системе, созданной «Аль-Каидой», то, по его мнению, она возникла не из палестинского движения. Религиозно-экстремистский запал «Аль-Каиды» был умело и, в конечном счете, бездумно использован США в условиях холодной войны. Е. Примаков анализирует рост антизападных настроений. На этот счет политик заявляет, что антиимпериалистическое мышление пришло к арабским националистам не сразу и, как правило, вначале произрастало из уязвленного национального самолюбия. Заостренное чувство национального достоинства, даже гипертрофированное национальное самолюбие зачастую не принимается во внимание политиками.

Во второй главе книги Е. Примаковым акцентируется внимание на том, что поражение в войне в 1948 г. сыграло немалую роль в формировании мировоззрения патриотично настроенных офицеров. Однако, несмотря на это, некоторые арабские режимы, особенно египетский, были озабочены своими внутренними проблемами и поэтому не были заинтересованы в росте напряженности с Израилем. Для этого было предпринято несколько попыток снизить напряжение, но эти усилия не увенчались успехом по многим причинам.

Холодная война между восточным и западным лагерями сделала конфронтацию неизбежной. Этот вопрос рассматривается *в третьей главе*. В этом вопросе бывший премьер-министр делает упор на то, что общая политическая линия США, Великобритании и Франции в отношении арабского мира образовывалась на базе стремления втянуть суверенные арабские государства в военные блоки, руководимые Западом. Как отмечается, главным для Насера на том этапе было стремление решить две проблемы: закупить оружие и получить помощь в строительстве Высотной Асуанской плотины (Ас-Садд аль-Аали). И по этим двум жизненно важным для Египта проблемам Соединенные Штаты сказали «нет». За американским отказом последовало начало открытого противоборства. После переворота в Ираке в 1958 г. Великобритания и Америка планировали вмешательство в Ирак после переворота. По этой причине они направили войска в Ливан и Иорданию. Опасность военного нападения была очевидной, но благодаря позиции Советского Союза вооруженное вторжение в Ирак не состоялось.

В главе четвертой говорится о том, что менталитет пришедших к власти в арабских странах революционных националистов был далеко не

однозначным в отношении общеарабского единства. На практике страновой национализм ставился выше общеарабского национализма. Но, как акцентирует Е. Примаков, ни в коей мере не следует отрицать существования объединительной тенденции в арабском мире. Особое место занимают в этой главе Лига арабских государств, созданная в 1945 году, и помехи создания союза между арабскими странами. В этой связи Е. Примаков заметил, что ЛАГ не выполнила миссии не только по государственному объединению арабских стран, но и по их интеграции в единую структуру, даже при сохранении суверенитета каждой из них.

В отношении арабского единства четко просматривались две несовпадающие линии – Соединенных Штатов и Советского Союза. В советской пропаганде часто звучала поддержка лозунга арабского единства, но под этим подразумевалось объединение арабов в русле национально-освободительной борьбы против попыток Запада расправиться с революционными мелкобуржуазными режимами. В Соединенных Штатах подчас тоже хотели сближения арабов, но чисто локального и на антинасеровской или антисирийской основе. Автор монографии заключает эту главу тем, что наряду с несостоявшимся панарабским национализмом резко пошел на убыль и в конце концов сошел с исторической арены мелкобуржуазный революционный национализм. Конец XX и особенно начало XXI века отмечены резкой активизацией сил, связанных с исламской идеологией.

Пятая глава книги касается отношений между Советским Союзом и арабским миром. Примаков заверяет, что политика бывших колониальных держав, а затем и США, подталкивала целый ряд арабских стран к сотрудничеству с СССР. Но идеология, господствовавшая в СССР, предопределила и тот факт, что отношения Советского Союза с арабскими революционными националистами сложились очень непросто и далеко не сразу.

Отсутствие коммунистической перспективы отражается *в шестой главе.* По словам бывшего премьер-министра России, советское руководство оказывало поддержку коммунистическим партиям Судана и Йемена. Касательно Судана, то он отметил, что после драматичного возвращения к власти Нимейри резко ушел вправо в своей политике внутри страны и внешнеполитическом курсе. Что же касается левацкого уклона в Южном Йемене, то, по оценке Е. Примакова, он был разрушительным.

В главе седьмой выделяется значение БВ для Америки и ее стремлении противостоять Советскому Союзу путем создания баз вблизи него. В таких условиях в январе 1957 года была провозглашена доктрина Эйзенхауэра, направленная на то, чтобы нейтрализовать влияние насеровского Египта. В этой главе дипломат раскрывает истинные отношения Америки с исламскими экстремистскими организациями, начиная с 1950-х годов, с целью использования их против Насера и Советского Союза. В то же время

журналист четко освещает позицию Советского Союза по отношению к экстремистским исламским организациям. В связи с этим он твердо заявляет, что никто не может обвинить Советский Союз в том, что в противоборстве с Соединенными Штатами во время холодной войны он тоже опирался на исламские экстремистские организации или просто их использовал.

В восьмой главе разоблачается, что стояло за кадром шестидневной войны, ставшей поворотным моментом в истории арабо-израильского конфликта. Эта война привела к оккупации Израилем Восточного Иерусалима, Западного берега реки Иордан, сектора Газа, Голанских высот с постоянно нарастающим числом израильских поселений на этих территориях. Дипломат рассматривает некоторые события, произошедшие перед войной и сыгравшие большую роль в ее разжигании, к примеру, похвалы командующего войсками Варшавского договора маршала Гречко египетской армии, что подтолкнуло Насера демонстрировать силу. В Израиле в это время сложилась непростая ситуация. Настроения в обществе не могли не оказать влияния на израильское руководство, но оно все еще колебалось. Этим колебаниям положило конец выступление израильского генералитета и оппозиции в конце мая — начале июня с требованием превентивного удара по арабским армиям. С началом войны СССР и США опасались столкновения. И, чтобы избежать этого, с двух сторон были предприняты усилия каждой стороны в ООН для выработки резолюции по прекращению огня. Так, 22 ноября 1967 года при поддержке Советского Союза и Соединенных Штатов была принята резолюция 242 Совета Безопасности. В конце главы Е. Примаков освещает роль египетской военной буржуазии в поражении арабов в войне 1967 года и тяжелое социально-экономическое положение Египта. Он считает, что после военного поражения в египетском руководстве было признано необходимым провести перестановки в командовании вооруженных сил. По его мнению, руководство ОАР предпочитало решениям снизу решения сверху, и в этом была его слабость.

Девятая глава включает в себя важнейшие события, произошедшие в период после войны 1967 г. и до войны 1973 г. После войны 1967 г. на Ближнем Востоке произошел беспрецедентный рост антиамериканизма. В связи с этим, в США на конференциях и симпозиумах велась дискуссия по поводу того, в каких направлениях следует искать новые подходы к ближневосточной ситуации. Главным объектом политики США на Ближнем Востоке оставался Египет. На первых порах США действовали конфиденциально через Саудовскую Аравию. Вскоре за открытием секретного канала связи между Садатом и Киссинджером последовало решение египетского президента прекратить миссию советских военных советников в Египте в 1972 г.

В десятой главе журналист познакомил читателей с секретами войны 1973 года и позициями президентов Сирии и Египта, а также рассмотрел советский и американский подходы к разрешению арабо-израильского конфликта. Октябрьская война делится на две части: ошеломившая многих, в первую очередь израильтян, демонстрация возросшей боеспособности египетской и сирийской армий, а затем перехват инициативы израильтянами, что поставило на грань разгрома египетскую и сирийскую армии, начавших войну. Насчет позиций СССР и США по войне 1973 г. Е. Примаков пишет, что обе страны оказались в тисках арабо-израильского кризиса. Чтобы не допустить выхода ситуации из-под контроля, на основе соглашения между Советами и американцами 22 октября 1973 года была принята резолюция 338 Совета Безопасности. Хотя Израиль проигнорировал резолюцию, твердая позиция Брежнева остудила Израиль. После того сверхдержавы объединили свои усилия по подготовке и проведению Женевской конференции. Несмотря на то, что СССР и США разошлись в оценке того, чем должна заниматься Женевская конференция, их интересы совпали, правда по сугубо различным причинам, в том, чтобы добиться разъединения войск между Израилем и Египтом и Сирией.

Глава одиннадцатая содержит описание египетско-израильского мирного процесса. Е.Примаков указывает, что Садат хотел секретной встречи с Бегином, стремился дистанцироваться от Женевской конференции и хотел бы, чтобы русские не принимали никакого участия в урегулировании. В этом контексте, 19 ноября 1977 г., в 8.30 вечера самолет Садата приземлился в аэропорту Бен-Гурион. Затем 17 сентября 1978 Садат, Бегин и Картер подписали оба документа на пышной церемонии в Восточной комнате Белого дома.

Глава девятнадцать посвящена Ливану. Е. Примаков считает Ливан многослойной страной по нескольким причинам. В апреле 1957 г. были убиты телохранители Пьера Жмайеля — лидера партии «фаланги - Катаиб». В ответ фалангисты расстреляли автобус с палестинцами. Это положило начало гражданской войне, в результате чего правохристианские силы объединились в Ливанский фронт. А мусульманские и левые вошли в блок Национально-патриотических сил (НПС), фактически возглавляемый лидером друзов Камалем Джумблатом.

Советский Союз и Соединенные Штаты были заинтересованы в стабильной обстановке в Ливане. Однако при этом симпатии и цели у той и у другой сверхдержавы и здесь были различные. Сирийцы выступили вначале с миссией примирения, но она не сработала, так как НПС предполагали, что могут добиться большего силой. Сирийские войска на том этапе оказали поддержку правым христианам. Пьер Жмайель настаивал на сохранении конфессиональной системы в Ливане. Он категорически не

принимал палестинское присутствие в Ливане. Руководитель «Катаиб» подчеркнуто выразил свое полное одобрение «миссии Сирии» в Ливане. Между тем, наметились противоречия между сирийцами и Арафатом, который настаивал на «арабизации» конфликта. Джумблат был недоволен политикой Сирии. В феврале 1978 года Сирия меняет свою позицию. Начались столкновения сирийских частей с вооруженными отрядами правохристианских сил. В этой главе рассматривается также война Израиля в Ливане в 1982 году. Израильское руководство делало акцент на разгроме военных сил ООП, вытеснении палестинцев из Ливана. В 1984 г. под давлением Дамаска президент Амин Жмайель аннулировал израильско-ливанское соглашение, которое было подписано 17 мая 1983 г. Далее Е. Примаков переходит к анализу убийства Харири – бывшего премьер-министра Ливана. Отмечается, что пребывание сирийских вооруженных сил в Ливане приобретало постоянный характер и что против этого создалась серьезная межконфессиональная оппозиция. 14 февраля 2005 года под днищем бронированной машины Харири сработало огромной силы взрывное устройство – он скончался на месте. Дипломат высказывает свое мнение насчёт смерти Харири. За его убийством, как ему представляется, не стояли сирийские политики. Завершается данная глава причинами начала войны Израиля в Ливане в 2006 году. События начались на ливано-израильской границе. Многие наблюдатели считали, что это Иран или Сирия стояли за действиями «Хизбаллы». Е. Примакову не верится в такие предположения. Война Израиля с движением «Хизбалла», по сути, была проиграна. «Хизбалла» не только сохранила, но и усилила свои позиции в Ливане.

В главе тринадцатой объясняются причины ужесточения американской политики в 1980-е годы при администрации Рейгана. По словам Е. Примакова, этому способствовали два обстоятельства: отход от разрядки международной напряженности и ликвидация монархии в Иране. В качестве «демонстрационной мишени» была выбрана Ливия и в 80-х годах, и во время «арабской весны» 2011 года с целью обуздать арабский мир, так как Ливия пользовалась, пожалуй, наименьшей поддержкой у других арабских стран.

В четырнадцатой главе рассматривается личность палестинского лидера Ясира Арафата. Жизнь Арафата прошла несколько этапов. Арафат вел аскетический образ жизни. Только в 63 года он позволил себе завести семью. Арафат переехал в 1958 году из Египта в Кувейт. В 1958 году зародилось Палестинское движение сопротивления — ФАТХ, которое ставило своей целью вооруженную борьбу против Израиля. Лидером ФАТХа стал Ясир Арафат. В 1964 году была создана Организация освобождения Палестины (ООП). Председателем ООП стал Ахмед Шукейри. Необходимо подчеркнуть, что ФАТХ отказался вступать в ООП. С ООП ФАТХ

существовал и взаимодействовал параллельно. После Шестидневной войны ФАТХ перебазировался в Иорданию. В феврале 1969 года председателем Исполкома ООП был избран Ясир Арафат. Параллелизм между ООП и ФАТХом завершился. ФАТХ стал главной силой, направляющей деятельность ООП. Авторитет ФАТХа как руководящей силы ООП небывало вырос после сражения с израильской армией у Караме, на Восточном берегу реки Иордан в 1968 г. Арафат остался сторонником вооруженных действий против Израиля, но в начале 70-х годов он уже начинает задумываться над возможностью создания палестинского государства не вместо Израиля, а на первых порах наряду с ним. В ноябре 1973 года арабское совещание в верхах в Алжире признало ООП «единственным законным представителем палестинского народа». После всего происшедшего главной проблемой для Арафата, ФАТХа, ООП становилось признание резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН. Несмотря на позицию США, палестинское руководство тогда не недооценивало роль Соединенных Штатов. В середине 70-х годов был активизирован секретный канал. В этой главе корреспондент анализирует отношения Арафата с Сирией, которые начали обостряться в конце 70-х годов, после того как Арафат, по мнению сирийского руководства и палестинских организаций, тяготеющих к Дамаску, занял правую, капитулянтскую позицию. Интересно, что СССР не пошел в фарватере политики Дамаска. Однако советское руководство оказалось в нелегком положении. В попытке примирить Асада и Арафата Е. Примаков проводит ряд встреч с сирийскими руководителями, включая президента Хафеза Асада. Встречи с Х. Асадом и Я. Арафатом не могли нормализовать отношения между ФАТХом и Дамаском, но они, по-видимому, сбили накал страстей. Бывший премьер-министр считает, что заслуга Арафата заключается в том, что в 1988 г. он сумел связать признание резолюций 242 и 338 с согласием США и Израиля на создание палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа. Без Арафата, подтверждает Е. Примаков, практически не принималось ни одно принципиальное решение палестинских представителей как в Осло, так и на официальных палестино-израильских переговорах в Вашингтоне. Завершается эта глава тем, что, невзирая на большое количество критики в адрес Арафата, он является значимой исторической фигурой.

В главе пятнадцатой Е. Примаков останавливается на отношениях СССР и Израиля. Дипломат отмечает, что нелегко и непрямолинейно складывались эти отношения. Влияние на их развитие оказали и международная обстановка, и арабо-израильский конфликт, и положение внутри каждой из двух стран, и господствовавшая в них государственная идеология. И дело дошло до первого разрыва дипломатических отношений в феврале 1953 года и во время Шестидневной войны. Все попытки для

восстановления дипотношений были сведены на нет в силу множества причин. Дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены лишь в последние месяцы существования Советского Союза. Россия пыталась и продолжает играть роль посредника между арабскими странами и Израилем. К примеру, с целью оживления переговорного процесса 2 мая 2002 года США и Россия собрали «квартет» (США, Россия, ЕС, ООН). Так родилась «дорожная карта», которая представляла собой три этапа в реализации палестино-израильского урегулирования.

Глава шестнадцатая посвящена анализу феномена Саддама Хусейна. Безусловно, возвышение Саддама Хусейна в Ираке в первую очередь связано с его личными качествами. После прихода к власти в Багдаде в 1968 году Бакра С. Хусейн стал ближе всех к нему. Большую роль в этом играли его личные качества, подчеркивает автор. Деятельность Саддама Хусейна практически до 1975 года оправдывала ту ставку на него, которую сделали сначала советское посольство в Багдаде, а затем и Москва. Однако внутренняя политика Ирака в середине 70-х годов стала быстро меняться к худшему. Произошла сплошная баасизация армии, исполнительных органов власти. Укрепив своё положение в Ираке, Саддам начал дистанцироваться от Советского Союза. Особую роль в этом сыграла ирако-иранская война. Как пишет Е. Примаков, Соединенные Штаты и страны Персидского залива оказали серьезное влияние на формирование психологического облика Саддама. О вторжении Саддама в Кувейт в 1990 г. Е. Примаков говорит, что нельзя абстрагироваться от «нефтяной подоплеки». Касательно войны в Ираке в 2003., бывший премьер-министр подчеркивает, что до войны Россия выступила в качестве посредника, но ее усилия не увенчались успехом. Неожиданное для самого Саддама приведение приговора в исполнение до завершения над ним судебного процесса, возможно, было вызвано стремлением не дать ему произнести последнее слово, к которому он, несомненно, готовился.

Глава семнадцатая под названием «Иракская западня» выявляет сущность американской операции в Ираке в 2003 г., когда Ирак стал объектом подпитываемой иллюзиями политики США. Стержнем внешней политики при Дж. Буше-младшем стала доктрина унилатерализма. В 2003 году США начали атаку против Ирака, обвинив Саддама в разработке ОМУ и в поддержке международного терроризма. Все эти обвинения оказались необоснованными. Эта политика способствовала расширению террористической активности и превратила Ирак в плацдарм международного терроризма. О последствиях войны автор пишет, что в результате военных действий США и междоусобной, межконфессиональной борьбы погибло более одного миллиона иракских граждан, около пяти миллионов покинули страну; происходила исламизация государственных структур; в Ираке была

объявлена вне закона двухмиллионная баасистская партия; армию и полицию тут же распустили. Уместно отмечается, что положение в Ираке нельзя рассматривать лишь через призму шиитско-суннитских и арабо-курдских противоречий. Обозначается отсутствие единства как среди шиитов, так и среди суннитов. Несмотря на то, что 15 декабря 2011 года было объявлено об окончании американской операции в Ираке, журналист сомневается, что с прекращением оккупации Ирак сможет в течение целого ряда лет обрести стабильность и спокойствие.

Глава восемнадцатая проливает свет на курдскую эпопею. Одной из главных для Ирака остается курдская проблема. Москва была заинтересована в решении курдской проблемы мирными средствами. Особенность обстановки, да и ряд преимуществ для Советского Союза создавал факт давних дружеских отношений, сложившихся с руководителем курдского национально-освободительного движения Муллой Мустафой Барзани. Важным моментом для урегулирования курдской проблемы в Ираке была декларация о провозглашении мира на основе признания права курдов на национальную автономию в рамках Иракского государства11 марта 1970 года. Однако, к сожалению, через некоторое время отношения с Багдадом вновь напряглись и на горизонте уже начала маячить новая война. Несмотря на это, автор констатирует факт о том, что Иракские курды не ставили вопрос об отделении. Но после американской военной операции против Ирака в 2003 году, то оно привнесло в курдское движение достаточно сильные сепаратистские настроения. В завершении этой главы Е. Примаков утверждает, что будущее Курдистана неоднозначно, так как многое может измениться в связи с рядом проблем, таких как: проблема Киркука, Турецко-курдские отношения, соперничество между молодыми курдскими лидерами.

Глава девятнадцатая концентрируется на Иране как региональной ядерной державе. Автор пишет, что одной из наиболее ощутимых перемен в обстановке на Ближнем Востоке в результате военной операции США в Ираке стало превращение Ирана в региональную державу. Буш-младший, не в пример своему отцу, мало заботился о сохранении «ирако-иранского баланса». Изменившаяся обстановка получила две главные особенности. Во-первых, усилился и активизировался «шиитский фактор». Во-вторых, Иран развил бурную активность в ядерной области. Говоря об иранской ядерной проблеме, обозначились два пути к решению этой сложной проблемы. Один путь – эскалация требований к Ирану вплоть до применения силы. Второй путь – поиски политических решений. Е. Примаков делает акцент на том, что ни одно государство в мире не заинтересовано в том, чтобы Иран обладал ядерным оружием. Он опровергает обвинения в том, что Россия способствует Ирану в производстве ядерного оружия и средств его доставки. Дипломат указывается

на другой путь решения ядерной программы Ирана, который нашел отражение в предложениях В.В. Путина в 2008 г.

Глава двадцатая посвящена Израилю как неофициальному ядерному государству. Журналист считает, что опасность ядерного вооружения Израиля в том, что он был и остается одной из сторон затянувшегося ближневосточного конфликта. Странами, которые поддерживали Израиль в его действиях по созданию ядерного оружия, журналист считает Соединенные Штаты, Великобританию, Францию, Западную Германию и ЮАР, выделяя важную роль Франции. Для обеспечения израильской ядерной монополии на Ближнем Востоке мишенью стал Ирак. В 1981 г. Израиль атаковал ядерный реактор в Ираке. После Ирака на прицеле стал находиться Иран.

В главе двадцать первой анализируется «Арабская весна». В этой связи, как отмечает Е. Примаков, события на Ближнем Востоке и в Северной Африке весной 2011 года, были беспрецедентными. Взрыв недовольства широких народных масс на этот раз был направлен не против иностранных, а уже против «своих» режимов. Все страны, участвующие в «арабской весне», объединяет недовольство авторитарными режимами, но в отношении каждой из этих стран просматриваются различные подходы политиков США. В этой главе автор уделяет особое внимание Ливии. Что лежит в основе действий НАТО в Ливии? По мнению автора, недовольство позицией Каддафи – не по вопросам государственного строительства или его антидемократических методов, а в отношении ливийских природных ресурсов и внешнеполитической линии — накапливалось. Вдобавок к этому, Ливия, очевидно, стала «демонстрационной мишенью», чтобы приструнить тех, кто осмеливается думать, будто «арабская весна» может привести к ослаблению позиций США и их союзников в арабском мире. По вопросу резолюции Совета Безопасности ООН 1973 года и в целом позиции России Е. Примаков говорит, что действия НАТО в Ливии представляют опасный прецедент. Россия и Китай не применили право вето. Но Россия уже дала понять, что займет позицию против повторения Ливийской операции НАТО в Сирии или в другой стране. Заканчивается глава предполагаемыми последствиями «арабской весны». Автор подчеркивает, что «Арабская весна» все-таки не уйдет в небытие. Также, на Арабском Востоке усилились исламистские организации.

Глава двадцать вторая затрагивает ближневосточное урегулирование. Хотя контуры арабо-израильского урегулирования уже обозначены, но это не произошло. Этому мешает ряд факторов. *Первый:* монополизация Соединенными Штатами посредничества в урегулировании. *Второй:* раскол между палестинскими политическими организациями, в частности между ФАТХом и ХАМАСом. *Третий:* ставка Израиля на сохранение статус-кво. Несмотря на то, что накапливались негативные тенденции, можно говорить

и о ряде позитивных сдвигов, особенно в позиции арабской стороны. Е. Примаков приводит примеры, связанные с решением саммита Лиги арабских государств в 2002 и 2007 годах, - формулы «территории в обмен на мир». Этот крупный шаг навстречу Израилю остался без ответа. В завершении главы Е. Примаков выступает против раздела мира по религиозному признаку. Такого рода раздел мира сегодня связывается с появлением на мировой арене международного терроризма, который якобы связан с исламом как с религией. Конечно, только невежды или злостные хулители ислама могут утверждать, будто одна из древнейших мировых религий, которую исповедует значительная часть населения земли, порождает терроризм, хотя сегодняшняя действительность такова, что многие террористические организации рядятся в исламские одежды. В таких условиях он разъясняет разницу между исламским фундаментализмом и исламским экстремизмом. Некоторые усматривают причину исламского экстремизма в растущей пропасти между богатеющим «золотым миллиардом» и остальным миром, в значительной части состоящим из стран с мусульманским населением. Но это неполный ответ. По мнению дипломата, взлет исламского экстремизма связан с несколькими обстоятельствами. И главное из них — не конфронтация между различными цивилизациями, а нынешний кризис диалога между ними. Е. Примаков призывает человечество одолеть серьезную угрозу раздела мира по религиозно-цивилизационному принципу.

Библиографические ссылки

1. Примаков, Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. Москва: Изд. Центрполиграф, 2016.

ИНКУЛЬТУРАЦИЯ ДЕТЕЙ В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)*

Е. Е. Тиникова[1)], А. В. Винокурова[2)]

[1)] Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул.Щетинкина, 23, 655017, г. Абакан, Российская Федерация, lena.tinikova@mail.ru

[2)] Дальневосточный федеральный университет, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, о. Русский, 690922, г. Владивосток, Российская Федерация; Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул.Щетинкина, 23, 655017, г. Абакан, Российская Федерация,vinokurova77@mail.ru

В данной работе рассматриваются основные тенденции, присущие процессу инкультурации детей в национально-смешанных семьях Республики Хакасия. Исследование выполнено с опорой на статистические данные, качественные социологические методы (неформализованное интервью). Полученные результаты показали, что, с одной стороны, социализация детей в межэтнических семьях влечет за собой приобщение к миру двух разных культур. С другой стороны, в условиях культурной ассимиляции,резонным становится вопрос не только о необходимости инкультурации детей метисов, но и о содержательной составляющей этого процесса.

Ключевые слова: межэтнические браки; национально-смешанные семьи; метисация; инкультурация; Республика Хакасия.

CHILDREN'S INCULTURATION IN THE NATIONAL MIXED FAMILIES (REPUBLIC OF KHAKASSIA CASE)*

E. E. Tinikova[1)], A. V. Vinokurova[2)]

[1)] Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Shchetinkina St., 23, 655017, Abakan, Russian Federation,lena.tinikova@mail.ru

[2)] Far Eastern Federal University, Ajax Bay, 10, Campus FEFU, Russky Island, 690922, Vladivostok, Russian Federation; Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Shchetinkina St., 23, 655017, Abakan, Russian Federation, vinokurova77@mail.ru

This paper examines the main trends inherent in the process of inculturation of children in ethnic mixed families of the Republic of Khakassia. The research was carried out based on statistical data and qualitative

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10040,https://rscf.ru/project/23-28-10040/

* The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-10040, https://rscf.ru/project/23-28-10040/

sociological methods (informal interviews). The results obtained showed that, on the one hand, the socialization of children in interethnic families entails familiarization with the world of two different cultures. On the other hand, in conditions of cultural assimilation, the question becomes reasonable not only about the need for inculturation of mestizo children, but also about the substantive component of this process.

Keywords: interethnic marriages; national mixed families; miscegenation; inculturation; Republic of Khakassia.

В современных российских реалиях национально-смешанная семья представляет собой привычное явление. В условиях добрососедства народов России при активной заинтересованности со стороны государства, особеннов советский период, в формировании единой нации количество межэтнических браковросло. Соответственно, становилась более заметной их роль в развитии различных социальных процессов, в том числе и как главных акторов социализации метисов – детей, рожденных в подобных браках.

Если говорить о Республике Хакасия (РХ), то приводятся разные оценки, касающиеся числа национально-смешанных семей (см. подробнее: [1; 2]). Хакасия – это российский регион, находящийся в Южной Сибири. Здесь проживают представители более ста национальностей. Хакасы являются титульным этносом и занимают второе место по численному составу после русских – 55,1 тыс. чел. или 12,7% от общей численности населения РХ и 356,3 тыс. чел. или 82,1% соответственно [приводится по: 3]. При этом, по оценкам исследователей, около трети жителей Хакасии являются метисами [4, с. 13].

Большинство национально-смешанных браков заключаются между хакасами и русскими. В то же время заметна тенденция к увеличению числа брачных союзов между хакасами и тувинцами, между хакасами и представителями этносов из государств Центральной Азии (киргизами, узбеками и др.). В последние годы их численность растет, что приводит к изменениям в этнической структуре населения. Указанные этносоциальные процессы влияют не только на количество и качественные характеристики национально-смешанных браков, но и на отношение к ним со стороны общества. Последние исследования показали, что отношение к подобным брачным союзам в республике стало спокойнее [5].

Различные аспекты изучения процессов инкультурациидетей в меэтнических семьях представлены работах российских авторов на материалах некоторых национальных субъектов РФ (см. подробнее: [6; 7]. В Хакасиив течение нескольких лет под руководством К. И. Султанбаевой

осуществлялось исследование, касающееся влияния систем семейного воспитания современных диаспор на социальное благополучие и образование детей Хакасии и соседних регионов (см. подробнее: [8]), которое в том числе затрагивало проблемы воспитания в современной хакасской семье. Опубликованные результаты данного исследования, собственные полевые материалы авторов, собранные в ходе проведения социологического исследования в городских и сельских поселениях в 2018 г. и 2023 г. (основной метод сбора информации – полуструктурированное интервью) легли в основу этой статьи. Ее целью является оценкаинкультурации (этнической социализации) детей в национально-смешанных семьях путем анализа усвоения ими культурных ценностей народов, потомками которых они являются.

В ходе проведенных нами интервью практически все респонденты хакасы говорили о важности сохранения национальных обычаев и культуры. Особый акцент они делали на похоронно-поминальных обрядах, обрядах поклонения огню. Сельские жители подробно останавливались на обрядах задабривания домашних животных и духов местности. Реже упоминались отдельные элементы свадебных обрядов. Информанты из хакасских праздников знают и изредка принимают участие лишь в тех, которые по инициативе хакасской интеллигенции были возрождены не так давно и имеют относительно недавние традиции их празднования в том виде, в котором они существуют сейчас: Тун Пайрам, Чыл Пазы, УртунТойы. Возрожденные в более зрелищном и красочном варианте эти праздники привлекают всех жителей республики (см. подробнее: [9, с. 129]).

Что же касается кулинарных традиций, то в отличие от сельских жителей городские метисы в основном не готовят блюда хакасской кухни дома. Лишь некоторые из них в интервью упоминали суп-угре, потхы, хан и талган. Объясняют они это не только сложностью покупки необходимых ингредиентов и приготовления этих блюд в городских условиях, но и отсутствием сформированных вкусовых привычек.

Для семейных людей соблюдение хакасских традиций в быту во многом зависит от отношения к этому вопросу супруга/супруги. Исследование показало очевидную закономерность: хакасские праздники отмечаюти готовят блюда хакасской кухни в тех семьях, где оба супруга являются хакасами. В национально-смешанных браках приверженность к традициям в большей степени характерна для тех семей, где жена является представительницей хакасского народа. В семьях, где один из супругов или оба супруга являются метисами, как правило, хакасская культура в повседневной жизни никаким образом не представлена.

Постепенно исчезает из повседневного употребления и хакасский язык. Если раньше он оставался основным средством внутрисемейного

общения, то сейчас эта функция утрачивает свою значимость. Так, если в 2002 году численность лиц, проживающих в РХ и владеющих хакасским языком, составляла 46,6 тыс. чел., то в 2010 – уже только 38,9 тыс. чел. [10; 11]. Всероссийская перепись населения 2020 года также показала, что используют хакасский язык в повседневной жизни 23,9 тыс. чел. Языковая ассимиляция среди городского населения выражена ярче, чем в сельской местности. Владеют хакасским языком 7,2 тыс. чел. городских жителей, используют в быту – 5,6 тыс. чел. В сельской местности эти цифры соответственно равны 20,1 тыс. чел. и 18,3 тыс. чел. [3]. При сохранении наблюдаемой тенденции существует реальная угроза исчезновения хакасского языка в течение нескольких десятилетий.

Кроме того, проведенные нами интервью выявили значительное количество случаев, когда метисы, определяющие себя как хакасы и не владеющие хакасским языком, называют его в качестве родного языка. Некоторые из них знают отдельные слова и выражения на хакасском языке, часть – понимает общий смысл беседы на хакасском языке. Симптоматично, что даже при заявляемом желании выучить язык, реальные шаги для этого они предпринимают крайне редко.

Также в ходе исследования информантам было предложено оценить, какие компоненты социокультурного капитала важно передать детям из смешанных семей. Помимо «классических» ответов о важности языка, традиций, религиозных убеждений, респонденты отметили нравственные ценности, которые присущи народу, его мироощущению. Один из старейшин хакасского народа собрал их в Кодексе чести хакасов (см. подробнее: [12]. Конечно, система ценностей хакасского народа в течение времени претерпела ряд трансформаций. В последние годы в условиях глобализации произошла замена традиционных коллективистских жизненных патриотических ориентиров хакасов, связанных с историей и будущим родной земли, на более индивидуализированные ценности, такие как семья, ближний круг, здоровье, материальное благополучие и др. По мнению ряда исследователей это сигнализирует о серьезном кризисе в жизни этноса (см. подробнее: [13, с. 108–109]).

Эти процессы неизбежно влияют на переосмысление ценностей в национально-смешанных браках. Семья, являясь транслятором в целом общественных и в частности этнических ценностей, иначе начинает воспринимать свои воспитательные функции, определять содержание и методы инкультурации детей, будь это осознанный или неосознанный выбор родителей или лиц старшего поколения. В национально-смешанных браках данные вопросы наиболее значимы и ощущаются острее.

Воспитание в национально-смешанных браках все же не обязательно влечет за собой приобщение к миру двух разных культур. В условиях

культурной ассимиляции, когда многие элементы хакасской культуры утратили свое первоначальное значение и зачастую остаются востребованными лишь в качестве «пустой оболочки» [14, с. 287], резонным становится вопрос не столько о необходимости инкультурации детей метисов, сколько о содержательной составляющей этого процесса.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в национально-смешанных семьях Хакасии на фоне снижения численности титульного этноса, утратой им не только родного языка, но и традиций, материальной и духовной культуры, процесс этнической социализации происходит при абсолютном доминировании русской составляющей. И это является не результатом целенаправленной политики русификации, а скорее неизбежным следствием ассимиляции хакасов. При этом ассимиляция народа в антропологическом аспекте, связанном с ростом количества национально-смешанных браков и метисации, протекает медленнее, чем языковая и культурная ассимиляция. Косвенным доказательством данного утверждения является выбор национальности детьми из межэтнических семей. Наше исследование показало, что фенотипические черты не являются определяющими при выборе метисами их этнической идентичности, так как данная группа интервьюируемых состоит из людей, имеющими абсолютно разный внешний антропологический тип, порой с ярко выраженным преобладанием монголоидных или европеоидных черт. Скорее этническая самоидентификация человека зависит от той среды, в которой он воспитывался: каким было его окружение по национальному признаку, с родственниками кого из родителей установились наиболее прочные связи, подчеркивалась ли в детстве национальная принадлежность ребенка и его родителей, приобщался ли он к ценностям одного или двух народов, или эти вопросы в семье совсем не поднимались.

Библиографические ссылки

1. *Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г.* Типы идентичности молодежи и взаимодействие в межэтническом пограничье // Русин. 2018. № 1 (51). С. 282–298.

2. Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по национальной однородности членов и размеру домохозяйства[Электронный ресурс](дата публикации: 31.12.2022). Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami(дата обращения: 18.02.2024).

3. Итоги Всероссийской переписи населения – 2020 по Республике Хакасия [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL:https://24.rosstat.gov.ru/folder/31685/document/206283 (дата обращения: 18.02.2024).

4. *Кривоногов В.П.* Национально-смешанные браки и метисация у коренных малочисленных народов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. 308 с.

5. *Тиникова Е. Е.* Метисация хакасов как фактор ассимиляции коренного населения Хакасии // OrientalStudies. 2023. Т. 16. № 6. С.

6. *Исхакова З.А.* Этноязыковые проблемы в современных национально-смешанных семьях Татарстана // Tatarica. 2015. № 2(5). С. 7–22.

7. *Непочатых Е.П.* Особенности социализации детей в национально-смешанных семьях // Актуальные проблемы общества, науки и образования: современное состояние и перспективы развития. М.: Перо, 2015. С. 156–159.

8. *Султанбаева К. И., Горбунова О. Ф., Дорофеева Т. А., Добря М. Я.,Ефимова О. Е.*Влияние систем семейного воспитания современных диаспор на социальное благополучие и образование детей (на примере Южно-Сибирского региона). Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова», 2022. 160 с.

9. *Тугужекова В. Н.* Традиционные обряды хакасов: история и современность [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2011. № 4. С. 129. С. 124–130. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_12/4197-tuguzhekova.html (дата обращения: 18.02.2024).

10. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав и владение языками населения Республики Хакасия [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL:https://24.rosstat.gov.ru/folder/39103(дата обращения: 18.02.2024).

11. Всероссийская перепись населения 2010 года. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]// Федеральная служба государственной статистики. URL:https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 18.02.2024).

12. *Торосов В.М.* О Хакасии, хакасах и Кодексе чести хакасов. Абакан:Хакасское книжное издательство, 2016. 160 с.

13. *Анжиганова Л.В., Топоева М.В.* Хакасы в условиях глобализации: ментальные деформации [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. С. 100–111. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/728(дата обращения: 18.02.2024).

14. *Анжиганова Л.В., Топоева М.В.* «Новая этничность»: теоретические аспекты исследования // Тезаурусы и проблемы культуры: материалы общероссийской (национальной) научной конференциис международным участием (Москва, 4 апреля 2019 года). Москва: Московский гуманитарный университет, 2019. С. 281–292.

РЕСУРСНОЕ ПРОКЛЯТИЕ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА[1]

Я. В. Трофимова

Лаборатория современных проблем региональной экономики Уфимского Федерального Исследовательского Центра Российской Академии Наук, пр. Октября, 71, 450054, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, tro1@mail.ru

Статья посвящена ресурсному проклятию - проблеме, актуальной для стран Персидского залива. Дано определение «ресурсного проклятия» и предложены варианты его обоснования. Установлено существование данной проблемы для стран Персидского залива. Дано разграничение ресурсного проклятия и так называемой голландской болезни. Показан возможный способ выхода из «ловушки» ресурсного проклятия.

Ключевые слова: ресурсное проклятие; природная рента; страны Персидского залива; голландская болезнь; диверсификация экономики.

THE RESOURCE CURSE OF THE PERSIAN GULF COUNTRIES

Y. V. Trofimova

Laboratory of Modern Problems in Regional Economics Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, October Avenue, 71, 450054, S. Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, tro1@mail.ru

The article is devoted to the resource curse - a problem relevant for the Gulf countries. The definition of the «resource curse» is given and variants of its justification are proposed. The existence of this problem for the Gulf countries is established. A distinction is made between the resource curse and the so-called Dutch disease. A possible way out of the «trap» of the resource curse is shown.

***Keywords*:** resource curse; natural rents; Gulf countries; Dutch disease; economic diversification.

В условиях нестабильной геополитической ситуации в мире, перехода к «зеленой энергетике» (падение спроса и цен на нефть и газ), а также учитывая невозобновляемость природных ископаемых, ориентация государств на источники доходов от сырьевого комплекса может привести к падению доходов бюджета. Данная проблема особенно остро стоит для стран Персидского залива, поскольку на долю ближневосточных производителей нефти приходится 48,3% мировых запасов нефти и 40,3% мировых запасов газа [1].

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ

Проблема ресурсного проклятия (resource curse), иначе парадокс изобилия, проявляется в странах, богатых природными ресурсами. Однозначно не определено, когда впервые появился термин и автор концепции. Считается, что в 1993 г. британский экономист Ричард Оти [2] (R. Auty) ввел понятие «ресурсное проклятие» и сформулировал его концепцию, которую популяризовали Д. Сакс (Sachs J.D.) и А. Уорнер [3] (A. M. Warner) в серии своих работ 1990-2000-х гг.

Под *«ресурсным проклятием»* понимается: 1) высокая степень зависимости страны от наличия природных ресурсов; 2) наличие факторов, наносящих ущерб экономическому росту страны и превращающих благо природных ресурсов в проклятие [4].

Можно выделить несколько вариантов объяснения данного феномена:

– *социальное объяснение:* легкое обогащение правительства и народа ведет к лени, то есть развращает. Данное объяснение было отмечено еще Жаном Боденом в XVI в.;

– *политическое объяснение:* наличие богатства ведет к «безумной» конкуренции элит за природную ренту (предложено P. Lane, A. Tornell [5]);

– *экономическое объяснение*: сырьевой сектор развивается более медленными темпами, чем обрабатывающая промышленность; обрабатывающая промышленность ведет к более сложному разделению труда и, соответственно, к более высокому уровню жизни.

Р. Оти определил, что страны, богатые природными ресурсами развиваются более низкими темпами, чем страны, у которых этих ресурсов меньше. Действительно, если обратиться к данным стран Персидского залива (Кувейт, ОАЭ, Катар, Оман, Арабские Эмираты), можно увидеть справедливость данной теории: начиная с 2017 по 2021 гг. мировые темпы роста стали превосходить темпы роста этих стран (таблица) и, соответственно, проблема ресурсного проклятия вновь стала для них особенно актуальной.

Д. Сакс и А. Уорнер [6] установили также, что существует устойчивая отрицательная взаимосвязь между реальным ростом ВВП на душу населения и отношением экспорта ресурсов к ВВП (по выборке из 97 развивающихся стран за период 1970–1989 гг.).

Кроме того, ресурсное проклятие меняется во времени и в пространстве. Оно более значимо для малых стран, а также для стран, богатых полезными ископаемыми, прежде всего нефтью и газом; усиление действия ресурсного проклятия для ряда стран было характерно в период с 1973 по 1985 гг. [7].

Темпы роста ВВП
отдельных стран Персидского залива и в мире в целом, %

Страны Персидского залива	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*
Кувейт	-4,71	2,43	-0,55	-8,86	1,31
Оман	0,30	1,29	-1,13	-3,38	3,09
Катар	-1,50	1,23	0,77	-3,64	1,59
Саудовская Аравия	-0,07	2,76	0,83	-4,34	3,92
ОАЭ	0,74	1,31	1,11	-4,96	3,92
Ближний Восток и Северная Африка	*1,75*	*2,11*	*1,22*	*-3,77*	*4,42*
Все страны мира	*3,39*	*3,29*	*2,59*	*-3,07*	*6,02*

Составлено по: The World Bank. Data. https://data.worldbank.org/.

Существуют разные точки зрения, доказывающие наличие либо отсутствие феномена ресурсного проклятия для отдельных стран, возможности его успешно избежать или преодолеть. Последнее доказывает пример развития ресурсных экономик скандинавских стран, где ресурсные отрасли рассматриваются как драйверы последующего роста и создания новых ресурсных отраслей.

Проклятие природных ресурсов также связано с так называемой голландской болезнью, при которой концентрация доходов от экспорта природных ресурсов негативно влияет на сектор обрабатывающей промышленности, вызывая рост реального обменного курса и заработной платы. Эта закономерность проявилась во время золотого бума в Австралии в XIX в., в богатых нефтью странах в начале 1970-х гг., в Колумбии в конце 1970-х гг. (производство кофе) [8]. Повышение реального обменного курса ослабляло конкурентоспособность экспорта стран и традиционные экспортные сектора сокращались. Голландская болезнь и ресурсное проклятие – это две разные проблемы. Голландская болезнь описывает экономический феномен, при котором экономика приспосабливается к новому равновесию после крупномасштабного притока иностранной валюты (в силу различных причин). Ресурсное проклятие - тезис, который определяет изобилие природных ресурсов как изначально негативный фактор, отрицательно воздействующий на экономический рост и развитие страны.

Среди путей выхода из «ловушки» ресурсного проклятия наиболее часто рассматривается диверсификация экономики, которая включает диверсификацию продукции и видов деятельности, диверсификацию торговли, диверсификацию государственных доходов и т.д.

Для диверсификации деятельности государство должно создать необходимые условия развития отдельных отраслей и секторов экономики, например, используя уже сложившийся механизм государственного регулирования (систему дотаций, льготного налогообложения, льготного кредитования,

создание благоприятного правового климата и т.д.) [9, 10], либо проводя приватизацию нефте- и газодобывающих производств. Именно данные пути пытаются применять страны Персидского залива. Например, Абу-Даби и Дубай (ОАЭ), пытаясь сократить зависимость доходов бюджета от нефте- и газодобывающих компаний, активно поддерживают развитие таких секторов экономики как туризм, логистика, торговля, авиаперевозки, банковская сфера, строительство [11].

Таким образом, проблема «ресурсного проклятия» остается актуальной для стран, экономика которых ориентирована и зависит от добычи полезных ископаемых, прежде всего нефти и газа.

Библиографические ссылки

1. BP Statistical Review of World Energy. Jul 2021. [Electronic resource]. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf (date of access: 02.04.2024).

2. *Auty R.* Sustaining Development in Mineral Economies // The Resource Curse Thesis. Routledge. London. 1993.

3. *Sachs J.D., Warner A.M.* Natural Resources Abundance and Economic Growth // National Bureau of Economic Research. Working Paper. № 5398. Cambridge. December. 1995. 54 p.

4. *Muhamad G.M., Heshmati A., Khayyatv N. T.* How to reduce the degree of dependency on natural resources? [Electronic resource] // Resources Policy. Vol. 72. August 2021. 102047. URL: https://www.sciencedirect.com/ science/article/ pii/ S0301420721000647 (date of access: 05.04.2024).

5. *Lane P.R., Tornell A.* Power, Growth, and the Voracity Effect [Electronic resource] // Journal of Economic Growth. June 1996. P. 213-241. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/BF00138863 (date of access: 02.04.2024).

6. *Sachs J., Warner A.* The Curse of Natural Resources [Electronic resource]// European Economic Review. 2001. 45. P. 827-838. URL: https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=2406048(date of access: 02.04.2024).

7. *Auty R.* From resource curse to rent curse: a theoretical perspective. P. 26 – 54. [Electronic resource] // M. Badio – Miro [et al.] Natural Resources and Economic Growth. Routledge explorations in economic history. Sweden. 2015. 395 p. URL: https://students.aiu.edu/submissions/profiles/resources/onlineBook/c2i8K4_Natural_Resources_and_Economic_Growth.pdf (date of access: 05.04.2024).

8. *Kojo Naoko C.* Demystifying Dutch disease [Electronic resource]// Policy Research. The World Bank. Working Paper. 2014. Series 6981. URL: https://ideas.repec.org/p/wbk/wbrwps/6981.html (date of access: 03.04.2024).

9. *Трофимова Я. В.* Государственное регулирование взаимодействия экологии и экономики / Я. В. Трофимова. Уфа: Мир печ, 2019. 196 с.

10. *Трофимова Я. В.* Переход государства к экономическим методам регулирования в сфере экологии // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 3(125). С. 21–26.

11. *Heena N.* Robustes Wachstum trotz weltweiter Risiken. Vereinigte Arabische Emirate [Electronic resource] // Germany Trade & Invest: сайт. URL: https://www.gtai.de/de/trade/vereinigte-arabische-emirate/wirtschaftsumfeld/ wirtschaft-waechst-moderat-249150 (date of access: 03.04.2024).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ОАЭ НА АФРИКАНСКОМ РОГЕ

Т. Р. Хайруллин

Институт Африки РАН
ул. Спиридоновка, 30/1, 123001. г. Москва, Россия, jumglaw16@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу внешнеполитической активности ОАЭ в регионе Африканского Рога. Цель исследования состоит в том, чтобы определить эффективность и масштабы распространения внешнеполитической стратегии Абу-Даби в странах рассматриваемого региона. Реальная активизация ОАЭ на Африканском Роге началась после событий «арабской весны» в качестве реакции на усиление в регионе позиций Катара и Турции. Отметим, что общие контуры внешнеполитических интересов ОАЭ совпадают с интересами Саудовской Аравии, которая выступает на Африканском Роге ситуативным союзником Абу-Даби против усиливающейся роли в регионе других региональных и глобальных игроков, таких как турецко-катарский альянс, Иран, Китай и страны ЕС во главе с США. Несмотря на ряд успехов и неудач ОАЭ на Африканском Роге можно с уверенностью утверждать, что потенциал внешнеполитической активности Абу-Даби сохраняется.

Ключевые слова: ОАЭ; «арабская весна»; Африканский Рог; нестабильность; исламизм; региональная безопасность.

UAE FOREIGN POLICY ACTIVITIES IN THE HORN OF AFRICA

T. R. Khayrullin

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Avenue, 30/1, 123001, Moscow, Russian Federation, jumglaw16@yandex.ru

This article is devoted to the analysis of the foreign policy activities of the UAE in the Horn of Africa region. The purpose of the study is to determine the effectiveness and extent of the spread of Abu Dhabi's foreign policy strategy in the countries of the region under consideration. It should be noted that the general contours of the UAE's foreign policy interests coincide with those of Saudi Arabia, which acts as Abu Dhabi's situational ally in the Horn of Africa against the growing role of other regional and global players in the region, such as the Turkish-Qatari alliance, Iran, China, and the EU countries led by the United States. Despite a series of successes and failures of the UAE in the Horn of Africa, it is safe to say that the potential of Abu Dhabi's foreign policy activity remains.

Keywords: UAE; Arab Spring; Horn of Africa; instability; Islamism, regional security.

Активность Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) на Африканском Роге является частью внешнеполитической стратегии по укреплению лидерских позиций в Африке. В этом отношении государства

Африканского Рога представляют интерес по целому ряду факторов. С экономической точки зрения, с одной стороны, это важнейший рынок сбыта товаров, с другой, это территория с запасами полезных природных ископаемых в т.ч. редкоземельного типа, необходимых для развития высокотехнологического производства. С политической точки зрения страны рассматриваемого региона представляют важных игроков и потенциальных союзников в деле продвижения эмиратских интересов на африканском континенте. С точки зрения безопасности, ОАЭ максимально заинтересованы в том, чтобы совместными усилиями бороться против религиозного экстремизма и терроризма, который, судя по всему, утратил значительную часть своего потенциала на Ближнем Востоке и в Северной Африке и переместился в Африку южнее Сахары.

Общие контуры внешнеполитических интересов ОАЭ совпадают с интересами Саудовской Аравии, которая выступает на Африканском Роге ситуативным союзником Абу-Даби против усиливающейся роли в регионе других региональных и глобальных игроков, таких как турецко-катарский альянс, Иран, Китай и страны ЕС во главе с США [2].

Реальная активизация ОАЭ на Африканском Роге началась после событий «арабской весны» в качестве реакции на усиление в регионе позиций Катара и Турции. В частности, для укрепления своего влияния в стране Анкара и Доха использовали дипломатический, военный и финансовый инструменты. Более того, катарские деньги сыграли важную роль в продвижении прокатарских кандидатов к власти в период президентских выборов 2012 и 2017 гг. Однако усилия турецко-катарского альянса по укреплению своих позиций в Сомали столкнулись с интересами саудовско-эмиратского блока, стремящегося к региональному доминированию [1].

Отметим, что победа прокатарского кандидата на президентских выборах 2017 г. совпала с дипломатическим кризисом вокруг Катара, в результате которого сомалийскому лидеру необходимо было сделать выбор между саудовско-эмиратским блоком и катарско-турецким. Не желая отрекаться от финансовых покровителей, приведших его к власти сомалийский лидер занял позицию нейтралитета и отказался разрывать дипотношения с Дохой. Отношения между ОАЭ и Сомали были быстро заморожены. Эмираты прекратили свои программы помощи в области безопасности, отказавшись от программы военной подготовки, которая существовала с 2014 г. (тем самым освободив пространство для иностранной военной поддержки, которую заполнила Турция, построившая в 2017 г. военную базу в Сомали).

Более того, Абу-Даби стал поддерживать сомалийские районы Сомалиленд и Пунтленд, которые стремятся к независимости. В 2017 г. компания DP World, принадлежащая правительству ОАЭ, подписала контракт

на сумму 336 млн долл на расширение порта Босасо к северу от Могадишо в полуавтономном сомалийском районе Пунтленд [5]. Трехстороннее соглашение, подписанное в 2018 г. между отколовшейся Республикой Сомалиленд, Эфиопией и дубайской компанией DP World о расширении и эксплуатации порта в Бербере, еще больше осложнило отношения между Сомали и ОАЭ. В том же году DP World объявила, что Аддис-Абеба получит 19% долю в развитии порта Бербера [3].

Побережье Африканского Рога является важным торгово-логистическим коридором. Неудивительно, что один из первых контрактов DP World за рубежом был заключен с властями Джибути в 2006 г. о развитии порта Дорале. Отметим, что в данном вопросе ОАЭ конкурируют с Китаем, который способствовал строительству более 30% африканских портов за счет собственных инвестиций. На сегодняшний день почти 90% портов находится под контролем китайских компаний. Несмотря на это, для ОАЭ побережье Африканского Рога является стратегически важным объектом в вопросах как торгово-логистического развития, так и в вопросах безопасности, поскольку контроль над Баб-эль-Мандебским проливом, где активизировались боевые формирования йеменских хуситов, может серьезно подорвать региональную систему безопасности. В соответствии с соглашением 2015 г. ОАЭ построили военно-воздушную базу в Эритрее в порту Ассаб на Красном море, с которой они в том же году начали военную операцию в Йемене [4].

Эмиратские дипломаты играют важную посредническую роль в урегулировании споров на Африканском Роге. В частности, ОАЭ в 2018 г. способствовали урегулированию давних разногласий между Эритреей и Эфиопией. Очевидно, что ОАЭ обладают широким спектром внешнеполитических инструментов, способствующих укреплению лидерских позиций в регионе.

1 января 2024 г. Эфиопия и Сомалиленд подписали соглашение, предоставляющее Аддис-Абебе доступ к Красному морю, в ответ на признание Эфиопией независимости Сомалиленда [6]. Ожидается, что соглашение укрепит безопасность, экономическое и политическое партнерство между странами. Также это поднимает вопросы о возможной роли Эмиратов, учитывая исключительные отношения Абу-Даби с Сомалилендом и его недавно укрепившиеся связи с Эфиопией.

Несмотря на ряд успехов и неудач ОАЭ на Африканском Роге можно с уверенностью утверждать, что потенциал внешнеполитической активности Абу-Даби сохраняется. Более того, рост нестабильности в Африке южнее Сахары, связанный с религиозным экстремизмом и терроризмом, а также проблема судоходства в Красном море из-за действий сомалийских

пиратов и йеменских хуситов, требует от ОАЭ усиление активности с целью недопущения потери позиций в регионе.

Библиографические ссылки

1. *Коротаев А.В., Хайруллин Т.Р.* Традиционные кланово-племенные структуры и современная политическая система Сомали. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2024, № 1, с. 137-152.

2. *Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В.* ОАЭ в борьбе за региональное лидерство. *Азия и Африка сегодня*. 2023, № 9, с. 27-35.

3. *Хайруллин Т.Р.* Катарско- турецкий альянс в борьбе за лидерство в Сомали. *Ислам в современном мире*. 2021, № 4, с. 188–200. DOI 10.22311/2074-1529-2021-17-4-188-200.

4. *Шелковников А.И.* Эволюция политики безопасности ОАЭ в отношении конфликта в Йемене // Азия и Африка сегодня. 2023. № 8. С. 60-66.

5. *Fick M.* Harboring ambitions: Gulf states scramble for Somalia. Reuters. URL: https://www.reuters.com/article/us-somalia-gulf-analysis-idUSKBN1I23B4 (дата обращения: 18.07.2021).

6. *Khayrullin T.R., Korotayev A.V.* The roots of the Turkish-Qatari-Ikhwani alliance and its activities in North Africa and the Middle East. South African Journal of International Affairs. 2023. 30(4)ю Pp. 619-640. DOI: 10.1080/10220461.2024.2321897

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ И ТУРКМЕНИСТАНА (1992–2016 ГГ.)

Н. Х. Худайбердиева

Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, nuriya.dzhan@mail.ru

В работе рассмотрена динамика дипломатических контактов Турции и Туркменистана в 1992–2016 гг. Целью работы является исследование динамики развития дипломатических отношений Турции и Туркменистана в 1992–2016 гг. Автор работы выявил ключевые сложности и факторы, ограничивающие дипломатические связи стран на разных этапах.

Ключевые слова: Турция; Туркменистан; дипломатия; внешняя политика; нейтралитет; международные отношения.

DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN TURKEY AND TURKMENISTAN (1992–2016)

N. H. Khudaiberdieva

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, nuriya.dzhan@mail.ru

The paper considers the dynamics of diplomatic contacts between Turkey and Turkmenistan in 1992–2016. The Purpose of the work is to study the dynamics of the development of diplomatic relations between Turkey and Turkmenistan in 1992–2016. The author has identified the key difficulties and factors that limit the countries diplomatic relations at different stages.

Keywords: Turkey; Turkmenistan; diplomacy; foreign policy; neutrality; international relations.

Распад Советского Союза давал возможность Турции направить свои усилия на развитие диалога с молодыми независимыми странами Центральной Азии. Историческая близость Анкары и Ашхабада позволила сформировать тесные дипломатические контакты, которые способствовали политическому, экономическому, культурному диалогу двух стран.

Турция признала независимость Туркменистана 16 декабря 1991 г. В декабре 1991 г. туркменских лидер С. Ниязов посетил Турцию [1, с. 155].

Дипломатические отношения между странами были установлены 29 февраля 1992 г. В марте 1992 г. Туркменистан посетил глава турецкого

внешнеполитического ведомства Х. Четин, в апреле-мае 1992 г. С. Демирель [2, с. 84].

Посольство Турции в Туркменистане было открыто 2 мая 1992 г., первым турецким послом в Ашхабаде стал С. Инчесу. Кроме этого, в рамках Посольства были для реализации эффективного двустороннего диалога были созданы дополнительные должности – Советник по вопросам религиозных услуг, советник по вопросам труда и социального обеспечения, советник по вопросам культуры и продвижения по службе, коммерческий советник, советник по вопросам экономики, советник по вопросам образования, советник по прессе, финансовый советник и военный атташе [3].

С 1997 г. при Посольстве функционирует Турецкий культурный центр. В настоящее время турецкое посольство в Туркменистане возглавляет М. Капужда [4].

Посольство Туркменистана в Турции в городе Анкаре было открыто 17 июля 1992 г. Первым туркменским послом в Турции стал А. Хан. Кроме того, в Стамбуле открыто Консульство в Турецкой Республике. С 2016 г. послом Туркменистана в Турции является А. Ишанкули.

Благодаря тесному сближению на высшем уровне, Турция и Туркменистан в первой половине 1990-х гг. смогли договориться о дипломатической поддержке Анкары по вопросам вступления Ашхабада в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), Организация «Исламская конференция», СБСЕ (ОБСЕ). Кроме этого, Турция выделила кредиты и гуманитарную помощь, стипендии абитуриентам из Туркменистана для обучения в турецких высших учебных заведениях.

Страны развивали контакты и в рамках многосторонней дипломатии. В июле 1993 г. тюркоязычными странами – Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Турцией и Узбекистаном было подписано соглашение о создании Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ). Развитие многостороннего сотрудничества стран позволяло активно развивать культурные, религиозные контакты [5].

12 декабря 1995 г. Туркменистаном было принято важное решение, касающееся ее внешнеполитической стратегии – Генеральная Ассамблея ООН в лице 185 государств-членов Организации единогласно приняла резолюцию № 50/80 «Постоянный нейтралитет Туркменистана» [6]. Принятие нейтрального статуса, позволило Туркменистану реализовывать собственный внешнеполитический курс в политике, экономике, торговле, в вопросах формирования культурных и гуманитарных связей.

Быстрый рост турецкого присутствия в Туркменистане вызвал беспокойство у туркменского руководства. Оно опиралось не негативный опыт, связанный с советским прошлым. Руководство страны опасалось

политической и экономической зависимости от других государств. По этой причине, дипломатические контакты между странами пошли на спад.

Закрепление политической власти туркменского лидера С. Ниязова достигло своего пика в 2002 г., когда была опубликована его монументальная работа «Рухмана» (свод норм и правил для туркменского народа) [7, с. 3]. Внешнеполитический курс Туркменистана вошел в стадию изоляционизма, после чего контакты с Турцией были сведены к минимуму.

Таким образом, дипломатические отношения Турции и Туркменистана начиная с 1995 по 2007 гг. были недостаточно интенсивными. Политика изоляционизма, избранная туркменским руководством, говорила о необходимости проводить сдержанный внешнеполитический курс с Турцией, ограничивать контакты с другими странами и организациями. В 2007 г. к власти в Туркменистане пришел Г. Бердымухамедов, который провозгласил начало реформ во внутренней и внешней политике стран.

С 6 по 7 декабря 2007 г. проходил визит турецкого лидера А. Гюля в Туркменистан. Несмотря на то, что центральными темами для переговоров стали вопросы реанимации строительства проекта газопроводов из Туркменистана в Турцию, данная встреча говорила о восстановлении политического и дипломатического диалога стран, который был фактически приостановлен в первой половине 2000-х гг. [8].

Следующая встреча на высшем уровне состоялась в ноябре 2008 г., когда в Туркменистан прибыл турецкий лидер А. Гюль. Во время визита турецкий лидер смог ознакомиться с возможностями для турецких инвесторов в Туркменистане, в частности, в отношении туркменского курорта Туркменбаши. Стороны обсудили и вопросы двустороннего политического и экономического диалога [9].

Во время данного визита состоялась трехсторонняя встреча Министров иностранных дел Турции, Азербайджана и Туркменистана. В рамках переговорного процесса главы внешнеполитических ведомств обсудили вопросы сохранения территориальной целостности, вопросы международных и региональных отношений, безопасности. По итогам встречи, министры иностранных дел договорились о взаимной поддержке во всех международных организациях, в том числе в ООН, об усилении сотрудничества в реализации совместных проектов антитеррористических и антиэкстремистских проектов, в борьбе с организованной преступностью, незаконной миграцией, торговлей людьми, незаконной торговлей оружием и наркотиками.

С 11 по 13 ноября 2010 г. проходил визит турецкого президента А. Гюля в Туркменистан, в рамках которого состоялись переговоры между турецкой и туркменской делегациями. В состав турецкой делегации вошли работники посольства Турции в Туркменистане,

предприниматели, работающие в Туркменистане, учащиеся. Целью переговоров стран стало расширение двустороннего диалога [10].

В мае 2011 г. состоялся очередной визит турецкого президента А. Гюля в Туркменистан. Во время встречи стороны проанализировали результаты достигнутых договоренностей, рассматривались возможности углубления сотрудничества в разных сферах. Отдельное внимание было уделено вопросам международных отношений, в том числе проблемам мира, стабильности, возникла необходимость активизации турецко-туркменского сотрудничества в миротворческих процессах, наращивания многосторонних усилий для укрепления безопасности и стабильности [11].

В марте 2012 г. туркменский лидер Г. Бердымухамедов посетил Турцию. Во время его визита стороны достигли соглашения по таким вопросам, как проведение модернизации туркменского морского торгового флота, развитие портово-сервисной инфраструктуры страны [12].

С 29 по 31 мая 2013 г. проходил очередной визит туркменского президента Г. Бердымухамедова в Турецкую Республику. Во время визита стороны обсудили состояние и перспективы двустороннего сотрудничества стран, обменились мнениями по наиболее актуальным вопросам регионального и международного характера.

Также лидеры стран отметили, что в последние годы между странами происходит активное укрепление торгово-экономический и гуманитарных связей. Доказательством стали систематические визиты правительственных делегаций всех уровней, проведение консультаций, в том числе между внешнеполитическими ведомствами для обмена мнениями по вопросам двустороннего и многостороннего сотрудничества [13].

Во время майского визита 2013 г. стороны также достигли договоренности о взаимной поддержки инициатив и кандидатур друг друга в международных организациях, а также в согласовании действий на международной арене по вопросам прав человека. Стороны отметили необходимость объединения усилий в борьбе с угрозами и вызовами современности – терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ и др.

В июне 2014 г. состоялся визит туркменского лидера Г. Бердымухамедова в Турцию. Стороны провели переговоры на высшем уровне, проанализировали деятельность Межправительственной туркмено-турецкой комиссии по экономическому сотрудничеству и Туркмено-турецкого бизнес-форума [14].

В декабре 2015 г. турецкий лидер Р. Т. Эрдоган посетил Туркменистан. Его визит был приурочен к празднованию 20-тия со дня обретения Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета. Во время встречи стороны обсудили перспективы двустороннего сотрудничества, выявили

имеющиеся сложности и определили возможности дальнейшего развития. Центральное место в переговорах занимали вопросы торгово-экономического характера, а также сохранение региональной стабильности и безопасности [15].

Несмотря на то, что в 2016 г. между Турцией и Туркменистаном не состоялось ни одной встречи на высшем уровне, дипломатический диалог стран продолжил углубляться. Стороны обменивались мнениями по актуальным вопросам двусторонних, региональных и международных отношений.

Таким образом, развитие турецко-туркменских отношений имеет большой потенциал. Однако, идея «навязывания» идеологии старшего брата Турцией в первой половине 1990-х гг., привела к возникновению ограничений развитию дипломатического диалога стран из-за нежелания Туркменистана утратить свой суверенитет, желания сохранить политический контроль за лидером страны. Начиная с 2007 г. отношения между странами вышли на новый уровень, благодаря увеличению дипломатических контактов, проведению регулярных визитов на высшем и высоком уровнях. Турция и Туркменистан смогли расширить сотрудничество по вопросам регионального и международного взаимодействия, безопасности, культурного сотрудничества, торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия стран.

Библиографические ссылки

1. *Киреев Н. Г.* Турция между Западом и Востоком // Ближний Восток и современность. Выпуск второй. М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996.

2. *Троицкий Е. Ф.* Политика Турции в Центральной Азии (1992-2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 84–88.

3. Büyükelçilik Tarihi ve Önceki Büyükelçilerimiz [Electronic resource] // Türkiye Cumhuriyeti Türkmenistan. 2011. URL: http://ashgabat.emb.mfa.gov.tr/Mission/MissionChiefHistory (date of access: 20.04.2024).

4. Посольство Туркменистана в Турецкой Республике [Электронный ресурс] // Turkmenistanportal. Информационный портал Туркменистана. URL: https://turkmenportal.com/catalog/13705 (дата обращения: 20.04.2024).

5. TÜRKSOY (Joint Administration of Turkic culture and art) [Electronic resource] // Republic of Turkey Minisrty of Foreign Affairs. 2011. URL: http://www.mfa.gov.tr/turksoy-_joint-administration-of-turkic-culture-and-art_.en.mfa (date of access: 20.04.2024).

6. Постоянный нейтралитет Туркменистана: Резолюция ГА ООН № 50/80, от 11 января 1996 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/50/80 (дата обращения: 20.04.2024).

7. *Ниязов С. А.* Рухмана. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2002.

8. Туркмения: Турция предлагает реанимировать проект Трансиранского газопровода [Электронный ресурс] // Фергана. Информационное агентство. URL: https://www.fergananews.com/news.php?id=7867 (дата обращения: 20.41.2024).

9. Волков В. Визит президента Туркмении в Турцию или новая мечта о Транскаспии [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/ru/визит-президента-туркмении-в-турцию-или-новая-мечта-о-транскаспии/a-3222430 (дата обращения: 20.04.2024).

10. Начался официальный визит в Туркменистан Президента Турции [Электронный ресурс] // Туркменинформ. URL: https://www.turkmeninform.com/ru/news/20101111/03494.html (дата обращения: 20.04.2024).

11. В городе Туркменбаши состоялась встреча президентов Туркменистана и Турции [Электронный ресурс] // Trend News Agency. URL: https://www.trend.az/azerbaijan/politics/1883743.html (дата обращения: 20.04.2024).

12. Зарубежные СМИ о визите Президента Туркменистана в Турцию [Электронный ресурс] // Электронная газета «Туркменистан: Золотой век» URL: http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=888 (дата обращения: 20.04.2024).

13. Завершился государственный визит президента Турции в Туркменистан [Электронный ресурс] // Turkmenistan.ru. URL: http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/38653.html (дата обращения: 20.04.2024).

14. Güncelleme S. Türkmenistan ile Türkiye'nin vizyonlari ayni [Electronic resource] // TRT Haber. 2011. URL: https://www.trthaber.com/haber/gundem/turkmenistan-ile-turkiyenin-vizyonlari-ayni-171216.html (Date of access: 20.04.2024).

15. *Волков В.* Эрдоган в Ашхабаде: турецкое плечо для осторожной Туркмении // ИноСми [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20151215/234805760.html (дата дата обращения: 20.04.2024).

УЧАСТИЕ КНР В РЕАЛИЗАЦИИ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ В АФГАНИСТАНЕ В XXI В.

Хэ Бицзюань

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1870444929@qq.com

В данной статье определены основные направления участия Китая в инфраструктурном строительстве Афганистана в 2001-2024 гг. Установлены цели и стратегические планы КНР относительно развития двустороннего сотрудничества в данной области. Выявлены важные факторы, влияющие на реализацию китайской инфраструктурной политики в соседнем государстве. Проанализирована меняющаяся роль Китая в инфраструктурном строительстве Афганистана в 2001-2024 гг.

Ключевые слова: китайско-афганские отношения; инфраструктурные проекты; телекоммуникации; линии электропередач; дорожное и жилищное строительство.

PARTICIPATION OF THE PRC IN THE IMPLEMENTATION OF INFRASTRUCTURE PROJECTS IN AFGHANISTAN IN THE XXI CENTURY

He Bijuan

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, 1870444929@qq.com

This article identifies the main directions of China's participation in the infrastructure construction of Afghanistan in 2001-2024. The goals and strategic plans of the PRC regarding the development of bilateral cooperation in this area have been established. Important factors influencing the implementation of Chinese infrastructure policy in the neighboring state have been identified. The changing role of China in the infrastructure construction of Afghanistan in 2001-2024 is analyzed.

Keywords: Chinese-Afghan relations; infrastructure projects; telecommunications; power lines; road and housing construction.

После начала политики реформ и открытости в 1978 г. КНР активно поощряла предприятия осуществлять прямые инвестиции, заключать контракты на зарубежные проекты и оказывать услуги иностранной рабочей силе за рубежом. В 2000 г. китайское правительство предложило стратегию «выхода за рубеж» и возвело ее в ранг национальной стратегии [1]. В 2001 г. начался процесс восстановления Афганистана. Благодаря стратегии «выхода за рубеж» и потребностям Афганистана, китайские компании

постепенно начали участвовать в строительстве инфраструктуры страны-соседа. В 2013 г. Китай предложил инициативу «Один пояс, один путь», и инфраструктурная связь стала приоритетной областью развития. Поэтому целью строительства инфраструктуры Китая в Афганистане является не только содействие экономическому развитию двух стран и поддержанию региональной безопасности и стабильности, но и содействие строительству инициативы «Пояс и путь», соединяющей Китай с Центральной и Южной Азией и усиливающей региональную экономическую интеграцию.

Инфраструктурные проекты в Афганистане обычно осуществляются на основе консультаций и сотрудничества с афганским правительством. Стоит отметить, что проекты правительства Афганистана обычно финансируются Всемирным банком, Азиатским банком развития, Европейским Союзом или другими странами-донорами. Из-за нестабильной ситуации с безопасностью в Афганистане китайские банки с осторожностью относятся к кредитованию афганских проектов [2].

В данный период китайские компании в основном участвовали в реализации инфраструктурных проектов в области телекоммуникаций, линий электропередач, а также дорожного и жилищного строительства. Это улучшило коммуникационную инфраструктуру Афганистана, энергоснабжение, а также укрепило региональные связи в регионе. В то же время это предоставило больше возможностей трудоустройства и экономических возможностей, уменьшило факторы социальной нестабильности.

Телекоммуникации. Китайские компании Huawei и ZTE внесли огромный вклад в развитие коммуникаций и экономику Афганистана. В 2003 г. компания Huawei стала первой китайской компанией, вышедшей на телекоммуникационный рынок Афганистана и реализовавшей проект расширения цифровой телефонной связи [3]. В 2006 г. ZTE выиграла международный тендер и получила проект строительства национальной оптоволоконной магистральной сети, строительство которой началось в 2007 г. [4]. В 2012 г. ZTE выиграла еще один контракт на оборудование GSM и 3G на сумму 32 млн. долл. США [5].

В 2017 г. компании Чайна Телеком и Афганистан Телеком запустили проект волоконно-оптического кабеля в рамках «Шелкового пути». Цель проекта - совместное строительство новой транснациональной наземной волоконно-оптической кабельной системы, охватывающей регионы Центральной Азии, Южной Азии и Западной Азии, и достижение сетевой взаимосвязи между странами, расположенными вдоль маршрута. В настоящее время в рамках кабельного проекта «Шелковый путь» завершены полевые исследования трасс передачи данных в Китае, Кыргызстане и Таджикистане [6]. В рамках инициативы «Пояс и путь» реализация этого проекта может в целом повысить уровень межсетевого взаимодействия в

Афганистане и Центральной Азии, а также ускорить процесс внедрения интернета и информатизации в регионе.

Линии электропередач. Афганистан сталкивается с серьезной проблемой нехватки электроэнергии. Китайские компании приложили усилия, чтобы решить проблему недостатка электроэнергии в Афганистане и преобразовать ресурсный потенциал в электроэнергию.

В 2014 г. компания China National Electric Engineering Co., Ltd. (CNEEC) взялась за строительство распределительных сетей Баглан и Кундуз в Афганистане [7].

Афганистан богат солнечной энергией и имеет широкие перспективы развития солнечной энергетики. В 2018 г. компания China Shuangdeng Group Co., Ltd. (SHOTO) выиграла тендер по созданию гибридной солнечной фермы мощностью 40 МВт в Афганистане. Последующие проекты включалии строительство микросети оптического хранения мощностью 5,5 МВт и производство солнечной энергии мощностью 5 МВт. Сумма трех проектов превысила 80 млн. долл. США [8; 9; 10].

Дорожное и жилищное строительство С 2003 г. 14-е бюро Китайской железной дороги участвовало в ряде проектов в Афганистане, таких как ремонт дороги Кундуз, ремонт дороги Кисса-Амар, реабилитация шоссе Меба и таможенно-пограничной станции Торхам [11].

В 2013 г. компания Xinjiang Beixin Road and Bridge Construction Co., Ltd. приступила к строительству автодороги из Кабула в Джелалабад, столицу провинции Нангархар. Проект финансировался Азиатским банком развития. Поскольку провинция Нангархар граничит с Пакистаном, эта автомагистраль имеет большое значение для Афганистана в плане развития местной и национальной экономики и развития афгано-пакистанской торговли [12].

В 2017 г. компания China Road and Bridge Engineering Co., Ltd. заключила с Афганистаном контракт на ремонт и реконструкцию дороги от Бамиана до Самангана. Компания China Road and Bridge выиграла тендер на сумму около 205 млн. долл. США. Азиатский банк развития финансировал проект. Это крупнейший и самый дорогостоящий контрактный проект китайского предприятия в Афганистане за последние годы. Проект должен способствовать экономическому росту Афганистана и стать важным шагом в соединении провинций [13].

Стоит отметить, что нестабильная внутренняя обстановка в Афганистане оказала огромное негативное влияние на безопасность персонала и строительство проектов. Например, дорожный проект, реализованный компанией Xinjiang Beixin Road and Bridge Construction Co., Ltd., претерпел серьезные задержки в строительстве из-за ухудшения ситуации с безопасностью. Реализация проекта началась в 2013 г. На этапе строительства

сотрудники подверглись вооруженным нападениям, вследствие чего проект продвигался медленно [14].

В 2021 г. Китай пообещал инвестировать 400 млн. долл. США в строительство угольной электростанции в Афганистане. Электростанция имеет установленную мощность 300 МВт и после завершения строительства увеличит мощность производства электроэнергии в Афганистане почти на 50% [15]. После того, как в 2021 г. к власти в Афганистане пришли талибы, многие китайские компании покинули страну. Хотя ситуация в Афганистане сложная, китайцы, решившие остаться , по-прежнему продвигают проектное сотрудничество и оказывают поддержку экономическому восстановлению Афганистана.

В 2022 г. китайские компании официально получили лицензию от правительства талибов на строительство промышленных парков в Афганистане в рамках инициативы «Пояс и путь». Это был первый инфраструктурный проект, подписанный между китайской компанией и правительством Талибана [16].

В 2001–2024 гг. инфраструктурное строительство Китая в Афганистане добилось определенного прогресса и способствовало экономическому развитию страны и национальному восстановлению. С 2001 по 2021 гг. масштабы и территория участия Китая в инфраструктурных проектах постепенно увеличивались. Основными направлениями стали телекоммуникации, линии электропередачи, жилищное и дорожное строительство. Спонсорами выступали в основном частные инвесторы, Всемирный банк и Азиатский банк развития. Китай в основном выступал подрядчиком в тендерах на проекты, инициированные афганским правительством.

Ситуация с безопасностью является важным фактором участия китайских компаний в инфраструктурных проектах в Афганистане. После возвращения к власти талибов и ухода США из Афганистана наблюдается тенденция активизации участия КНР в инфраструктурном строительстве.

Библиографические ссылки

1. Шиши «цзоучуцюй» чжаньэ = Реализация стратегии «выхода за рубеж» [Электронный ресурс] // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго гоши ван = Национальная историческая сеть КНР. URL: http://hprc.cssn.cn/gsgl/dsnb/zdsj/qian30dashi/2000d2009/201906/t20190611_4915292.html (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

2. Афухань тоуцзы хэцзо чжинань （2015） = Руководство по инвестиционному сотрудничеству в Афганистане (2015 г.). [Электронный ресурс] // Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Шанубу = Министерство коммерции КНР. URL: http://images.mofcom.gov.cn/af/201601/20160111010602973.pdf (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

3. Чжунго гунсы чэнцзе Афухань дяньхуа кожун гунчэн = Китайская компания участвовалв в проекте расширения телефонной связи в Афганистане [Электронный ресурс] // Сина ван = Сеть Сина. URL: https://news.sina.com.cn/w/2007-04-

16/073611647206s.shtml (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

4. Чжунго гунсы чэнцзянь Афухань цюаньго гуансяньван дунгун = Китайская компания начала строительство национальной оптоволоконной сети Афганистана [Электронный ресурс] // Сина ван = Сеть Сина. URL: https://news.sina.com.cn/w/2007-04-16/073611647206s.shtml (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

5. Afghan Telecom Signs Agreement Of GSM And 3G Equipment With ZTE Company [Electronic resource] // Ministry of Communications and IT. URL: https://mcit.gov.af/en/afghan-telecom-signs-agreement-gsm-and-3g-equipment-zte-company-0 (date of access: 16.04.2024).

6. Чжунго Дяньсинь юй Афухань Дяньсинь цидун «сылу гуанлань сянму» = China Telecom и Афганистан Телеком запустили проект оптического кабеля «Шелкового пути» [Электронный ресурс] // Сина ван = Сеть Сина. URL: https://news.sina.com.cn/c/2017-11-09/doc-ifynsait6598388.shtml (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

7. Цзун ю цянь нань вань нань ， дан бу чжу вомэнь сун дянь = Трудности не моли помешать нам отправлять электроэнергию[Электронный ресурс] // Соху ван = Сеть Соху. URL: https://www.sohu.com/a/238275032_744965 (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

8. Шуандэн Цзитуань хо Афухань 40MW тайяннэн хуньхэ дунли сянму = Shuangdeng Group выиграла проект солнечного гибрида мощностью 40 МВт в Афганистане [Электронный ресурс] // Гоцзи тайяннэн гуанфу ван = Международная солнечная фотоэлектрическая сеть. URL: https://solar.in-en.com/html/solar-2308018.shtml (дата доступа: 16.04.2024) (на кит. яз.).

9. Шуандэн Цзитуань юй Афухань гоцзя нэнюань шуйлибу цяньюе 5.5MW гуанчу вэй дяньван хэцзо сянму = Shuangdeng Group подписала проект сотрудничества в области микросетей оптических накопителей мощностью 5,5 МВт с Министерством энергетики и водных ресурсов Афганистана [Электронный ресурс] // Shuangdeng Group. URL: https://www.shuangdeng.com.cn/view-28-2583.html (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

10. 5 чжаова ！ чжунго гунсы цзай Афухань чэнбао тайяннэн сянму = 5 МВт! Китайская компания заключила контракт на проекты солнечной энергетики в Афганистане [Электронный ресурс] // Гоцзи тайяннэн гуанфу ван = Международная солнечная фотоэлектрическая сеть. URL: https://solar.in-en.com/html/solar-2323353.shtml (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

11. «И дай И лу» цзяньшэ de сяньсинчжэ Чжунте шисы цзюй Афухань шичан кайфа цзянь шэ цзиши = Отчет о развитии афганского рынка и строительстве 14-го бюро Китайской железной дороги, пионера в строительстве «Пояса и Пути» [Электронный ресурс] // Чжун го шигун цие гуаньли сехуй = Китайская ассоциация управления строительными предприятиями. URL: http://124.127.192.231/n179/c27012/content.html (дата доступа: 16.04.2024) (на кит. яз.).

12. Бэйсинь луцяо хо Афухань 1.1 и мэйюань даолу гунчэн хэтун = Beixin Road and Bridge выиграла контракт на дорожный проект стоимостью 110 млн. Долл. США в Афганистане [Электронный ресурс] // Чжунго шуйни ван= Китайская цементная сеть. URL: https://www.ccement.com/news/content/4413635486951.html (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

13. Афухань гунгун гунчэнбу юй чжунци цзюйсин гунлу сянму цяньюе иши = Министерство общественных работ Афганистана провело церемонию подписания дорожного проекта с китайской компанией [Электронный ресурс] // Жэньминь Жибао.

URL: http://world.people.com.cn/n1/2017/0110/c1002-29010271.html (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

14. Чжэньсян: цзай Афухань цзянь гунлу вэйхэ шоуцзу? = Правда: Почему блокировалось строительство дорог в Афганистане? [Электронный ресурс] // Синьхуа. URL: http://xinhuanet.com/world/2015-12/02/c_128491553.html (дата обращения: 16.04.2024) (на кит. яз.).

15. Chinese firms set to invest in Afghan energy sector [Electronic resource] // Arab News. URL: https://www.arabnews.com/node/1868146/business-economy (date of access: 16.04.2024).

16. Chinese industrial park project wins approval in Afghanistan. [Electronic resource] // Global Times. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202204/1260570.html (date of access: 16.04.2024).

ОБ АРХЕТИПАХ В ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ДОЧЕРИ ТЕВЬЕ В СТАМБУЛЕ И МАЛОЙ АЗИИ

Д. Л. Шевелёв

Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, shavialiou@bsu.by

Статья описывает одну из современных тенденций в еврейской историографии – работу с архетипами, т.е. обнаружение образа, который объяснял бы модель поведения определенной группы населения на протяжении какого-либо исторического периода. Такими архетипами среди еврейских историков стали Дочери Тевье – героини цикла произведений Шолом-Алейхема «Тевье-молочник». В статье излагается концепция книги американского историка Сары Зайдес *Tevye's Ottoman Daughter: Ashkenazi and Sephardi Jews at the End of Empire* («Османская дочь Тевье: ашекеназы и сефарды в конце империи»), вышедшей в стамбульском издательстве *Libra Kitap* в 2022 г. Автор книги реконструирует тот небольшой экзистенциальный и политический выбор, который существовал перед Дочерью Тевье (т.е. перед евреями из России) в Османской империи: 1) маргинализация, 2) эмансипация, 3) территориализм и 4) сионизм.

Ключевые слова: еврейская историография; архетип; Дочери Тевье; Стамбул; Османская империя.

ON ARCHETYPES OF JEWISH HISTORIOGRAPHY: TEVYE'S DAUGHTERS IN ISTANBUL AND ASIA MINOR

D. L. Shavialiou

Belarusian State University,
20 Leninhradskaya str., 220030, Minsk, Belarus, shavialiou@bsu.by

The article is devoted to one modern trend in Jewish historiography – work with archetypes, that is to say discovery of an image that could explain a behavioral pattern of a certain group of people during a historical period. Tevye's Daughters, the characters of Sholem Aleichem's "Tevye the Milkman," became those archetypes among Jewish historians. The article outlines the concept of the book by an American historian Sarah M. Zaides *"Tevye's Ottoman Daughter: Ashkenazi and Sephardi Jews at the End of Empire,"* published by the Istanbul publishing house *Libra Kitap* in 2022. The author of the book reconstructs the existential and political choice before Tevye's Ottoman Daughter (i.e. before Jews from Russia in the Ottoman Empire): 1) marginalization, 2) emancipation, 3) territorialism and 4) Zionism.

Keywords: Jewish historiography; an archetype; Tevye's Daughters; Istanbul; the Ottoman Empire.

Одно из направлений современной еврейской историографии – работа с архетипами, т.е. обнаружение образа, который объяснял бы модель поведения определенной социальной, этнической и/или религиозной группы, страты, общности и т.д. на протяжении какого-либо исторического периода. Такими популярными персонажами еврейской истории стали Дочери Тевье, которых можно считать архетипами в еврейской истории. Эти аллюзии отсылают к циклу повестей Шолом-Алейхема «Тевье-молочник». («Тевье-молочник» считается одним из главных произведений Шолом-Алейхема и, очевидно, наиболее популярным среди издателей и читателей. Библиографию изданий Шолом-Алейхема см.: [1].)

Дочерей у Тевье семь, автор повествует о пятерых, а две упоминаются мимоходом (см. об этом подробнее: [2]). Дочки Тевье могут считаться теми самыми архетипами: они определяли пути, которые лежали перед российским еврейством в начале XX в. – верность семье и традиции (Цейтл), ассимиляция (Хава), уход в революцию (Годл), эмиграция в Америку (Бейлка) и банальная безысходность (Шпринце). Еще две дочери – Тайбл и ее сестра, которой автор не дал имя – претендуют на другой путь – сионизм, мал-помалу пробивавший себе дорогу в еврейском обществе конца XIX – начала XX вв.

О дочерях Тевье как архетипах пишут историки Ю. Слезкин [3] и С. Зайдес [4]. С. Зайдес, американский еврейский историк, прослеживает пути не попавших в Палестину и оставшихся жить на просторах Малой Азии евреев из Российской империи, будто бы предполагая, что та из дочерей, которая отправилась в Эрец-Исра'эль, до Палестины так и не доехала. Какие же варианты существовали для евреев, покинувших Российскую империю и заблудившихся в Стамбуле и Малой Азии?

Вариант 1 – криминальный – маргинализация и рабство со смутными перспективами освобождения после 1914 г.

Много евреек осело в «квартал красных фонарей» в Стамбуле, где свободно существовали публичные дома. По свидетельствам современников, этот квартал в начале XX в. охватывал два района - Пера (сейчас – Бейоглу) и Галата, которые прилегали к порту и были в основной массе еврейскими районами. Эти факторы и определяли положение кварталов в городской жизни конца XIX – начала XX вв. Вообще же, как утверждают историки, Стамбул был крупным центром транзита на путях торговли людьми [4, p. 75].

Вот как описывал атмосферу Галаты в начале XX в. один из эмиссаров еврейских благотворителей в Стамбуле: «Все выглядит настолько свободно и распущенно, насколько это возможно. Власти не чинят никаких препятствий и ограничений. За [кварталом] нет ни малейшего надзора, за исключением того одинокой сторожевой будки, в которой находится полицейский, в одном или двух местах. Сами улицы по ночам переполняются мужчинами всех национальностей, главным образом моряками. Обитательницы

домов, как мне показалось, - в основном русские и польские еврейки, хотя было и много других… В этом районе также есть церкви, школы и синагоги, но до недавнего времени здесь не предпринималось никаких улучшений. Следует помнить, что большинство людей, проживающих в Галате, - не мусульмане, а греки и евреи, и большая часть основных деловых центров находятся в нескольких минутах ходьбы от этих улиц» [цит. по: 4, p. 90].

Среди женщин легкого поведения преобладали русские еврейки (т.е. еврейки из России, Польши, Галиции) [4, p.73–74, 80 и др.]; среди сутенеров и перевозчиков – те же русские евреи; значительную нишу в отрасли занимали греки и турки.

Вовлеченность евреев в проституцию и торговлю живым товаром в Османской империи началась с Восточной войны (1853-1856 гг.), когда несколько пленных еврейских солдат русской армии открыли бордель на ул. *Yüksek Kaldırım* в Константинополе. Известен даже адрес одного из борделей на начало XX в.: *Yüksek Kaldırım,* дом 47 [4, p. 78].

Рядом с публичными домами располагались синагоги. На *Yüksek Kaldırım* были Ашкеназская синагога и «Синагога портных» (*Tofrey Bgadim*). Ашкензская синагога основана выходцами из Австро-Венгрии. В путеводителях указано, что синагога была открыта в 1900 г. [5, 6]. Сейчас, как утверждают туристы, найти Ашкеназскую синагогу без подсказки специального приложения почти невозможно. До недавнего времени *миньян* в синагоге собирался ежедневно [7].

Синагога *Tofrey Bgadim* была построена в 1894 г. как цеховая для портных - выходцев из России. Синагога была действующей еще во второй половине XX в., а в 1998 г. – превращена в культурный центр.

Еще в 1880-х гг. специально для иммигрантов из России была построена синагога «Ор Хадаш» (*Or Khadash*, «Новый свет»*)*. Поскольку владельцам публичных домов и сутенерам было запрещено молиться в Ашкеназской синагоге и «Синагоге портных», те устремились в синагогу «Ор Хадаш» (сейчас на ул. *Zürafa*). С. Зайдес пишет, что в народе синагога «Ор Хадаш» называлась «синагогой сутенеров» [4, p. 67]. В 1915 г. после полицейской облавы синагога была закрыта [4, p. 79]. Согласно некоторым свидетельствам, в 1915 г. бывшие куртизанки некто Рози и Фремонд купили здание синагоги «Ор Хадаш» и основали в ней приют для коллег по профессии [4, p. 67]. Позднее здание было заброшено. В 1987 г. полуразрушенное здание бывшей синагоги «Ор Хадаш» было продано частному лицу [5].

Полиция игнорировала проституцию как явление. Историки объясняют этот факт тем, что и торговцы живым товаром, и их жертвы не могли быть привлечены к ответственности: все они обладали иностранными

подданствами (в указанном случае – российским), а иностранцы подпадали под режим капитуляций, а значит, изымались из-под действия оттоманских законов.

Жертвам «белой работорговли» помогали еврейские филантропы и международные благотворительные организации – например, Еврейская Ассоциация по защите девушек и женщин, основанная в 1885 г. леди Констанцией Ротшильд-Батерси, стамбульское представительство Великой ложи «Бнай-Брит» или же *Alliance Israélite Universelle*. Со временем к борьбе с торговлей женщинами подключились влиятельные представители еврейских общин в Стамбуле – сефардской и ашкеназской – выходцев из Германии и Австро-Венгрии.

Благотворители добились признания проблемы на международной арене, ее обсуждения и, в конечном итоге, проблема впервые стала предметом международной конвенции в 1904 г. (Международное соглашение по предотвращению белой работорговли).

В 1915 г. в «квартале красных фонарей» полиция провела большую облаву: было задержано 176 человек, из них 102 – с русским подданством, 24 – с румынским и 6 греков. Среди задержанных был некто Мишель-паша(?), который считался главарем сутенеров Стамбула. Его, русского поданного и предположительно, российского шпиона, которого звали, скорее всего, Михаил-Моисей Саламович(?), депортировали в Россию [4, p. 96–97].

Вариант 2 – «возрожденческий» – национальный активизм и сионизм.

Прежде необходимо оговориться, что еврейское население не было однородным. Внутри общины существовало разделение по этническому происхождению. Кроме сефардской общины, которая имела все права и обязанности оттоманских подданных, в империи проживали ашкеназские общины – выходцы из Германии и Австро-Венгрии, русские евреи (выходцы из Российской империи), польские евреи, евреи балканских государств и т.д. Еврейское население составляло в 1893-1894 гг. в Стамбуле - 45 369 чел., в столичном вилайете – 46 440 чел; к 1911-1912 гг. в Стамбуле - 51 721, а в стамбульском вилайете – 53 606 [4, p. 25-26].

Политическую активность еврейского населения на рубеже XIX – XX вв, определяли два фактора: прежде всего, наличие режима капитуляций для части евреев – подданных европейских государств и, соответственно, возможность действовать без оглядки на османские власти, и, затем - Младотурецкая революция 1908 г., запустившая процессы национального возрождения по всей империи.

У еврейской общины / общин империи, по сути, было три политических пути: первый – эмансипация и превращение в подданных Османской империи, второй – сионизм, третий - территориализм. С. Зайдес описывает некоторые «транзитные точки» [термин мой. – *Д.Ш.*] на пути к сионизму

или территориализму – сельскохозяйственные поселения в Малой Азии, после которых, при определенных стечениях обстоятельств, можно было уехать в Палестину, или же последовать за другими территориалистскими проектами (Аргентина, Бразилия, Северная Америка). Это – ферма Тикфур Чифлик, сельскохозяйственная колония «Ор Йехуда» (обе – недалеко от Смирны), или же сельскохозяйственная школа «Микве-Исра'эль» у Яффы. Эти «транзитные пункты», по сути, сами были территориалистскими проектами барона Мориса де Гирша и Еврейского колонизационного общества (ЕКО).

С. Зайдес интересны люди, их дневники, письма, фотографии. Применяя постколониальные методики, американская исследовательница через рассказанные в источниках личные истории складывает пазл социальной и религиозной жизни различных еврейских общностей в Стамбуле, имперском мегалополисе, на перекрестке культур, транспортных путей и рожденных там идей. В центре внимания исследовательницы находится прежде всего угнетенная группа русских евреев, бежавших от преследований в Российской империи в соседнюю Турцию и попытки адаптации эмигрантов накануне гибели империи. В историографических дебатах С. Зайдес достраивает архетип Дочерей Тевье, предполагая, что перед сестрой Цейтл, Хавы, Годл и Бейлки в Османской империи оставался небольшой экзистенциальный и политический выбор: 1) маргинализация, 2) эмансипация, 3) территориализм и 4) сионизм.

Библиографические ссылки

1. *Кнорринг В.* [Каталог выставки к 150-летию Шолом-Алейхема в Российской национальной библиотеке, 2009 г.] [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/exib/Sholom/catalog.html (дата обращения: 22.04.2024).

2. *Горелик М.* Тевьевы дочки // «Новый мир». 2014. №8. С.164–168.

3. *Слёзкин Ю. Л.* Эра Меркурия: Евреи в современном мире: Новая авторская версия. М.: АСТ, CORPUS, 2019.

4. *Zaides S. M.* Tevye's Ottoman Daughter: Ashkenazi and Sephardi Jews at the End of Empire. Istanbul: Libra Kitap, 2022.

5. Shining New Light on Istanbul's Ashkenazi Heritage. 11 Nov 2019. Kenan Cruz Çilli [Electronic resource]. URL: https://kenancruzcilli.wordpress.com/2019/11/11/shining-new-light-on-istanbuls-ashkenazi-heritage (date of access: 29.05.2024).

6. Visiting the Synagogues of Istanbul by the Public Relations Committee of the Jewish Community of Turkey: [A Travel Poster]. Photos by Izzet Keribar. Text from "Istanbul Synagogları" by Naim Güleryüz. Printed by Rubin Ofset. [S.a.].

7. *Френкель М.* История евреев Стамбула 5. Евреи в разных районах Стамбула. [Электронный ресурс]. URL: https://toldot.com/articles/articles_31295.html (дата обращения: 29.05.2024).

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ДРАЙВЕР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

И. Л. Шевлякова-Борзенко

Университет Хучжоу,
ул. Вторая кольцевая восточная, 759, 313000, г. Хучжоу, КНР,
shauliakova@yandex.by

В современном Китае традиционная культура актуализируется как метаоснование и движущая сила, условие и катализатор инновационного развития. Особенностью соответствующих процессов является формирование и продвижение при поддержке государства и личном участии граждан системы культурных брендов, созданных на основе аутентичных материалов. Эти бренды имеют не только аксиологическую ценность, но и высокую экономическую ценность.

Ключевые слова: традиционная культура; Китай; инновации; драйвер развития; культурный бренд.

TRADITIONAL CULTURE AS A DRIVER CHINA'S INNOVATIVE DEVELOPMENT

I. L. Shauliakova-Barzenka

Huzhou University,
759 Erhuandong Road, Huzhou 313000, China, shauliakova@yandex.by

In modern China, traditional culture is actualized as a meta-foundation and driving force, a condition, and a catalyst for innovative development. A specific feature of the relevant processes is the formation and promotion, with the support of the state and the personal involvement of citizens, of a system of cultural brands created based on authentic material. These brands have not only an axiological value but also a high economic value.

Keywords: traditional culture; China; innovation; development driver; cultural brand.

Наблюдаемый в последние десятилетия (с начала 2000-х годов) рост значимости традиционных культур в формировании ландшафта современного мира (в совокупности геополитических, экономических, социокультурных, иных составляющих) связан с тенденцией к глокализации как «сложносочиненному» – многоуровневому, многоаспектному, нередко противоречивому – взаимодействию процессов глобализации и локализации. Цель данной статьи – очертить наиболее значимые причины, факторы и текущие, видимые уже сейчас результаты актуализации в современной КНР традиционной культуры, которая становится своего рода

драйвером инноваций. Понятие «*драйвер* (инновационного) *развития*» наиболее точно, как нам кажется, отражает суть нового функционала традиционной китайской культуры: в нынешнем Китае она воспринимается как «исток» и «перспектива» одновременно, объединяя содержательно-функциональные потенциалы концептуального базиса и движущей силы, условия и фактора, катализатора эволюционных процессов и механизма их осуществления. То есть понятие драйвера развития по отношению к традиционной культуре позволяет рассмотреть ее в оптике «активистской», преобразующей значимости, оценить как феномен, непосредственно влияющий на достижение целей построения «прекрасного Китая», движение к которому объявлено в КНР стратегической целью[1].

Внимание к сохранению и продвижению национальной культуры является неотъемлемой частью государственной политики КНР в течение не одного десятилетия. Начиная с 1990-х годов в стране постоянно принимаются соответствующие законодательные акты разного уровня, при этом китайские исследователи «обращают внимание на активизацию интереса в Китае к своей традиционной культуре после XVIII съезда КПК»[2] [2, с. 20]. Важность традиционной китайской культуры как «основы продолжения и развития», «жизненной силы общества» [3, с. 42] постоянно находится в КНР в фокусе внимания государства[3]. Примерно с середины 2010-х годов стал очевиден своего рода «культурный поворот к традиции», который в смысле значимости для Китая допустимо сравнить с последствиями так называемого антропологического поворота для современной гуманитаристики. В результате традиционная китайская культура утверждается практически во всех сегментах общественной жизни как метаоснование инновационного развития страны; она становится ресурсом как теоретического моделирования, так и практик имплементации той китайской специфики, которая постулируется в качестве гаранта успешного движения к «цивилизации будущего».

Культура в Китае воспринимается обществом как феномен системообразующий, своего рода «архетип инновационности», работающий не только на уровне выстраивания новой гуманитарной парадигмы (так

---

[1] Отношение к культуре как к альфе и омеге инноваций обосновано исторически: стоит вспомнить, что первые упоминания самого понятия «инновации» относят «к культурологическим исследованиям XIX в., где под “инновацией” понимаются механизмы формирования культурных моделей разного уровня, которые создают предпосылки социокультурных изменений» [1, с. 4].

[2] Проходил в г. Пекин с 8 по 15 ноября 2012 года.

[3] «27 января 2022 года Генеральный секретарь Си Цзиньпин посетил древний город Пинъяо, объект всемирного культурного наследия, и выступил с важной речью о защите исторического и культурного наследия, наследовании и продвижении выдающейся традиционной культуры Китая» [4].

называемого Второго Просвещения), но и обладающий вполне очевидной «стоимостью» как экономический ресурс. Так, например, междисциплинарные исследования приводят к выводу о том, что «культуроцентричность китайской модели развития» обусловлена цивилизационно, что «предопределяет зависимость общественного процесса от культурно-ценностного фундамента традиционной китайской культуры, адаптированного к современным реалиям. Практически это находит выражение в постепенном наращивании ценностного арсенала в зависимости от целеполагания в решении задач развития. Так, определение цели создания к 2021 г. в КНР "государства инновационного типа" обусловило широкое внедрение в китайский общественно-политический дискурс концепта "инновация" и закрепления за ним статуса императивной ценности» [1, с. 16]. Процесс актуализации традиционной культуры фактически охватывает – и интенсифицируется – в разных сегментах и контекстах функционирования социума: медиадискурсе, научных исследованиях, в образовании, культуре повседневности и др. В практическое продвижение традиционной культуры оказываются вовлечены все поколения, причем у молодежи, например, интерес к традиционному китайскому костюму (воплощения которого чрезвычайно разнообразны, с учетом исторически обусловленных региональных различий) обретает статус модного тренда, который становится знаком стильности, ультраактуальности.

Дело, конечно, не в том, что традиционная культура «вдруг» возникла в социокультурном дискурсе и информационном пространстве КНР в XXI веке, но именно в целенаправленности ее утверждения и продвижения как одной из основ «китайской специфики», структурообразующего параметра и одновременно стратегического ориентира любого социально-экономического моделирования в КНР. В современном междисциплинарном дискурсе довольно подробно описаны механизмы «взаимосвязи инноваций с определенной национальной культурой, архетипы которой неизбежно формируют уникальные характеристики инновационных моделей»; инновационные социокультурные практики современного Китая «отражают конкурентоспособность сформированной национальной инновационной системы, что подтверждается ее значительным продвижением в глобальном инновационном рейтинге (2017 г. – 23 место, 2021 г. – 12). Инновация, которой в КНР придан статус императивной ценности, определяет приоритетные направления ее социокультурного развития» [1, с. 3].

Китайские исследователи обращают внимание на то, «современная этико-политическая концепция КНР во многом копирует конфуцианские модели и пользуется даосским принципом об управлении государством на основе категорий высокой морали» [2, с. 20]. В когнитивную модель ценностных характеристик инновационности китайской культуры

включаются «этатизм, авторитаризм, традиционализм, коллективизм (в форме фамилизма, патриотизма), избегание неопределенности (следование ритуалу), маскулинность, конфуцианский динамизм (стратагемность, плановость), консерватизм» [1, с. 10]. Актуализация традиционной культуры, являясь частью государственной политики, представляет собой, как уже отмечалось выше, процесс многовекторный, однако безусловно обращает на себя внимание в качестве отличительной черты задействование широкого спектра новейших социальных технологий. Одной из них, например, является превращение аутентичной культуры в ультрасовременный культурный бренд; формирование системы таких брендов в КНР является частью стратегии использования так называемой мягкой силы для построения «прекрасного Китая», «могущественного культурного государства» (взятые в кавычки словосочетания – это образы-мотивы как официальных документов, так и научных исследований). Показательно, что именно культурный бренд «становится одним из инструментов конструирования модели развития китайской цивилизации», что приобретает особый интерес «в контексте практик локализации в гетерогенном социокультурном пространстве страны» [5, с. 3].

Китайские исследователи указывают на высокую степень этатизма процесса формирования культурных брендов в КНР: собственно, «культурные бренды рассматриваются как часть государственной стратегии развития индустрии культуры. <...> Современные брендинговые стратегии обладают качеством опережающего развития и нацелены на продвижение ценностей культур малых этносов. Региональные культурные бренды воспроизводят и транслируют образцы большинства древних региональных культур» [5, с. 10-11]. Это разнообразие продвигается, культивируется всеми способами, включая образование. Например, У Вэньтао, рассуждая о «практической логике традиционного культурного образования в школах», указывает на необходимость реализации принципов комплексности, многоуровневости, последовательности, своего рода рутинности; при этом особый акцент он делает на потенциале именно местного материала [см.: 6].

Понятие традиционной культуры «уточняется», как бы персонифицируется не только в системе координат того или иного крупного региона (например, провинции), но и внутри него, едва ли не в каждой территориально-административной единице (городе, деревне, поселении). Так, например, на севере провинции Чжэцзян, в г. Хучжоу (湖州, *Huzhou*) концепт традиционной культуры (как и многое другое) приобретает «отличительные хучжоусские характеристики» [7, p. 13] не только по сравнению с относительно близким г. Ханчжоу (杭州, *Hangzhou*), столицей провинции Чжэцзян (浙江, *Zhejiang*). Практически каждый из муниципальных округов-районов г. Хучжоу продвигает свой культурный бренд, который

наряду с концептуальным обоснованием (в научных исследованиях, образовательно-просветительских, волонтерских проектах, практике музейной деятельности и т. п.) обладает заметной экономической эффективностью: например, традиции выращивания так называемого белого чая, производства деревянных стульев в Анзи (安吉, *Anji*), деревянных напольных покрытий в Нансюне (南浔, *Nanxun*), создание и развитие экокультурных зон[1] (практически по всему Хучжоу, включая Децин (德清, *Deqing*), Чансин (长兴, *Changxing*)) и др. Наиболее знамениты в Китае и за его пределами бренды «культура чая» и «культура шелка»[2], которые оказываются *естественным* образом вписаны в так называемую *концепцию (теорию) двух гор*, формульное выражение которой (绿水青山就是金山银山/ *Lucid waters and lush mountains are invaluable assets / Зеленые горы и изумрудные воды – несметные сокровища*) сегодня является, пожалуй, одним из самых цитируемых лозунгов в КНР.

В целом, китайская культура как культура «уважения к жизни» [3, с. 50] имманентно природоцентрична, а в современном Китае приобретает параметры экоцентричности, то есть культура и экология уже не мыслятся друг без друга. В контексте курса современного КНР на построение «инновационного государства» и «экологической цивилизации» традиционная культура обнаруживает особый потенциал – универсального драйвера инновационного развития. Понимание традиционной культуры как наследия и перспективы одновременно, развивающегося, неисчерпаемого, изменяющегося «ресурса будущего», сочетание стратегической государственной поддержки и личной заинтересованности, вовлеченности людей в ее продвижение, превращает традиционную китайскую культуру в национальный бренд высокой стоимости, аксиологической и экономической.

Библиографические ссылки

1. *Соломин Д. Н.* Культурно-ценностные основания инновационного развития

[1] Стоит обратить внимание на то, что создание так называемых *культурных экозащитных зон* становится широко распространенной «инновационной формой развития китайской культуры, синтезирующей материальное и нематериальное культурное наследие в природной экосистеме. <...> Первый пилотный проект – учреждение в 2007 г. в провинции Фуцзянь опытной “культурной экозащитной зоны Миньнань”, в которую включено культурное пространство юга Фуцзянь – Цюаньчжоу, Чжанчжоу, Сямэнь, объединенное под названием “культуры Миньнань”» [8, с. 10-11].

[2] Кусочки шелка и ленты, найденные в округе Усин (吴兴, *Wuxing*) г. Хучжоу, являются самыми ранними изделиями из шелка, обнаруженными на сегодняшний день в мире: история разведения шелкопрядов и традиции шелкоткачества насчитывают около 4 тыс. лет [7, с. 15].

КНР : философско-культурологический анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2022. 26 с.

2. *Цзя Хуэйминь.* Традиционная китайская культура в период реформ и открытости (1980 – 2010 гг.). Автореф. дис. ... канд. культурологии. Владивосток, 2017. 29 с.

3. *Ван Шо, Цю Синь, Золотых Л. Г.* Трансляция традиционной китайской культуры в философию новой эпохи // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 3, ч. 1. С. 40–54.

4. 中共中央宣传部等3部门发文 全面加强历史文化遗产保护; 新华社北京2022年2月20日 [电子资源]: 中华人民共和国中央人民政府. 网址: https://www.gov.cn (查阅日期: 2024年3月22日).

5. *Ни Цзяоцзяо*. Феномен культурного бренда в современной китайской культуре. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2019. 26 с.

6. 吴文涛. 传统文化如何走进学校?——论学校传统文化教育的实践逻辑 // 热点问题研究,中国教育学刊. 2018. 03. 第37-42页 [电子资源]: 官方微信号: zgjyxk (查阅日期: 2024年3月29日).

7. 外籍人士湖州外籍人指南 (Guide For Foreign Expats in Huzhou). 湖州市人民政府外事办公室(Foreign Affairs Office of Huzhou Municipal People's Government), 湖州市人民对外友好协会 (Huzhou Municipal People's Association for Friendship with Foreign Countries). 湖州(Huzhou), 2024. 112 p.

8. *Абрамова Н. А.* Инновационное развитие современной китайской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 10–13 [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/1.html. (дата обращения: 20.03.2024).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ОСНОВНЫЕ МИФЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СФЕРУ

В. В. Юдаева[1)], А. А. Суслов[2)]

[1)] Волгоградский государственный университет,
просп. Университетский, 100, 400062, Волгоградская область, г. Волгоград,
Российская Федерация, vik-tori.mind@mail.ru

[2)] Волгоградский государственный университет,
просп. Университетский, 100, 400062, Волгоградская область, г. Волгоград,
Российская Федерация, fno@volsu.ru

Цель исследования – выявить два основных политических мифа в Республике Корея. В статье рассматриваются основные сведение о таком явлении как мифология, её понятиях в культурной и научной сферах. Выявлены два наиболее популярных южнокорейских символических нарратива, определено их влияние на политическую среду в Республике Корея.

Ключевые слова: Республика Корея; мифология; политика; политические мифы; Южнокорейская мифология; исторический метод; описательный метод.

POLITICAL MYTHS OF THE REPUBLIC OF KOREA: THE MAIN MYTHS AND THEIR IMPACT ON THE POLITICAL SPHERE

V. V. Yudaeva[1)], A. A. Suslov[2)]

[1)] Volgograd State University,
100, Universitetsky Avenue, 400062, Volgograd Region, Volgograd, Russian Federation,
vik-tori.mind@mail.ru

2) Volgograd State University,
100, Universitetsky Avenue, 400062, Volgograd Region, Volgograd, Russian Federation,
fno@volsu.ru

The purpose of the research is to determine how mythological way of thinking affects the political sphere in the Republic of Korea. The article deals with the basic information about such phenomenon as mythology, its concepts in cultural and scientific spheres. The most popular South Korean symbolic narratives and their influence on the political environment in the Republic of Korea are revealed.

Keywords: Republic of Korea; mythology; politics; political myths; South Korean mythology; historical method; descriptive method.

Введение: Мифология являлась и является фундаментальной частью человеческого мировоззрения на протяжении всей истории. В данном

контексте «мифология» – это познавательно-образный тип мышления, сознания и даже отдельная сфера культуры. Второе же определение термина: наука, которая конкретно изучает мифологический образ мышления с рационально-логической точки зрения. В дальнейшем, архаический вид мифов, который помогал людям осмысливать и познавать реальность, уступил место сначала религии, а потом и науке.

Но «мифологический принцип» может использоваться в политической сфере. Перенеся основные идеи и принципы работы влияния мифов на человеческое сознание, успешно возникают и используются особый вид образных нарративов – политический миф.

Политический миф – это продукт массового сознания и, в то же время, идеологического производства, нарратив, направленный на распространения какой-либо идеи среди населения, в целях установления определённой идеологической позиции [6]. Это достигается путём замещения конкретных политических фактов образами, вымыслами, легендами, которые привносят эмоциональную окраску к отношению общества к какой-либо ситуации или факта в соответствии с конкретными политическими задачи. Под политическим мифом можно также понимать «систему знаков, которая претендует перерасти в систему фактов», объясняющую историческое становление народа и его предназначение. Иными словами, речь идет о том, как формируются, отображаются и воспринимаются народом те или иные политические истории, соотносящиеся с исторической действительностью, а также к каким политическим действиям они стимулируют [5].

Южнокорейские политические мифы: Основным «естественным» мифом является миф о «Великой Корее» - мощном и самодостаточном государстве, распространенный как на Северной части полуострова, так и на Южной. Развитие в Южной Корее он получил в 90-х годах XX века, когда популярность начали набирать такие лозунги как: «глобализация страны», «превращение её в сверхдержаву в XXI веке». Важно отметить, что КНДР и Республика Корея имеют свои собственные исторические и политические взгляды на этот миф, а также на воссоединение двух стран в одно государство [2]. При этом и само понятие «государство» как политическая структура занимает особое место в сознании корейцев. Это императив, который осознается как необходимость для защиты страны и обеспечения социального и политического взаимодействия, общественным же долгом является – служение верховной власти, для создания эффективного механизма [8].

В настоящее время можно выделить исторический нарратив о воссоединении государства, который перерастает в политический миф. Согласно южнокорейскому взгляду, который на самом деле распространен

среди общества, в отношении решения объединения стран на Корейском полуострове, Два государства не имеют одного политического будущего. То есть воссоединение страны невозможно, на тех условиях, которые хотят добиться и Северная, и Южная сторона. Для Республики Корея объединение с Севером будет означать возвращение экономического и социального состояния страны на десятилетия назад. Поэтому сохранения нынешнего режима в КНДР является необходимым условием для политической стабильности на Севере, что также является благоприятным для Юга. Помимо этого, для поддержания безопасности собственного государства РК должна сохранять и укреплять союз с США. Другим же благоприятным для Южной Кореи был бы исход, когда Северная Корея перешла бы в сферу влияния Китая, установив над территорией прямой контроль. Такой сценарий также предотвратит нежелательное (для РК) объединение стран [7].

В конце 2023 года Северная Корея отказалась добиваться объединения с Южной Кореей. Об этом заявил президент Ким Чен Ын на пленуме ЦК Трудовой партии Кореи [3]. В Республике Корея же официальная позиция была высказана в обращении президента Юн Сок Ёля по случаю 105-ей годовщины Дня движения за независимость [10]. В своей речи президент затронул тему объединения двух стран, высказав мысль о том, что «движение за независимость «Первого марта» станет завершенным только после объединения, которое принесет каждому свободу и изобилие». Объединение необходимо для расширения прав и свобод человека, и усилия по его достижению будут продолжаться.

Вторым из главных политических мифов в Республике Корея можно выделить нарратив антияпонских воззрений. Это исторически возникший государственный образ мышления. Согласно данному нарративу, Япония является основным виновником бед на Корейском полуострове. Она причастна к разделу территории на два государства после колониального периода (1910-1945 гг.). Усиление образа «врага» происходит за счёт синдрома «неодержанной победы», суть которого заключается в том, что освобождение государства от оккупантов являлось не заслугой самих корейцев, а заслугой внешних сил (в следствии чего и произошел раздел на КНДР и Республику Корея - РК). На юге полуострова также не произошло полной ликвидации колониального прошлого - созданных в то время государственных, общественных и военных структур.

Президенты Первой Республики были ярыми антияпонистами, они стремились наказать национальных предателей и сторонников японского режима. Но ситуация складывалась так, что люстрация изменников подорвала бы баланс сил внутри страны в пользу левых партий. Это было нежелательно. Поэтому кампания была прекращена. Ситуация изменилась с военным переворотом 1961 года. Время правления генерала-майора Пак

Чжон Хи характеризуется переосмыслением отношения РК к Японии. Правительство страны начало внедрять в свою систему управления японские аналогии пути развития. Изменения происходили и в промышленной сфере, и в образовательной системе, и даже в некоторых элементах идеологии. В 1965 году Пак Чжон Хи установил дипломатические отношения с Японией, что принесло стране много в стратегическом плане политических и экономических выгод. Приток капитала, инвестиций и компенсаций со стороны Японии стали одной из причин корейского экономического чуда. В политическом ключе, РК получила возможность лавировать между США и Японией, тем самым всё больше сближаясь со Штатами. Но несмотря на политическое признание и экономическое взаимодействие, идеологических изменений по отношению к Стране восходящего солнца не произошло. Она всё также оставалась «врагом». Не исчезла тема ответственности Японии за свершённые преступления. Так, например, в южнокорейских музеях существуют экспозиции, посвященные пыткам корейских патриотов японцами [1].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что национальный миф с помощью реализации националистических комплексов пытается компенсировать «не до конца одержанную победу» над японским колониальным господством. Тема японской власти до сих пор актуальна в СМИ: в марте 2023 года поднимался вопрос о компенсациях корейским рабочим, которые были принудительно мобилизованы для деятельности на японских предприятиях в колониальной оккупации [4].

Заключение. Таким образом, исторические условия и события в Республике Корея привели к появлению двух политических мифов, в общем основанных на колониальном прошлом Корейского полуострова и на идеи возвращение к «единой Великой Корее» - проблемы объединения КНДР и РК. Оба нарратива отражают актуальную политическую позицию РК, направленную на усиление союза с США, а также отношение корейского общества к Японии, хотя от этого мифа власть пытается уходить. Налаживание отношений между двумя странами происходит довольно активно и успешно: в феврале 2024 года в рамках встречи «Большой двадцатки» произошла встреча министров иностранных дел Японии и Республики Корея, в ходе которой оба министра пришли к согласию по продолжению общения между дипломатическими структурами для развития корейско-японских отношений [9]. По вопросу объединения полуострова Правительство РК придерживается позиции продолжения курса на достижение этого события.

Библиографические ссылки

1. *Асмолов К. В.* О корнях антияпонского государственного мифа Южной Кореи [Электронный ресурс] // Новое Восточное Обозрение. URL: https://journal-neo.su/ru/2018/01/19/o-kornyah-antiyaponskogo-gosudarstvennogo-mifa-yuzhnoj-korei/ (дата обращения: 15.04.2024).

2. *Забровская Л. В.* Корейские концепции объединения страны и позиция России [Электронный ресурс] // Россия и АТР. 2014. С. 81–90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koreyskie-kontseptsii-obedineniya-strany-i-pozitsiya-rossii (дата обращения: 13.04.2024).

3. Интернет-портал «Российская газета»: официальный сайт. «Ким Чен Ын отказался от идеи объединения с Южной Кореей». URL: https://rg.ru/2024/01/01/kim-chen-yn-otkazalsia-ot-idei-obedineniia-s-iuzhnoj-koreej.html (дата обращения: 15.04.2024).

4. Интернет-портал «Российская газета»: официальный сайт. «Сеул анонсировал дипломатический прорыв в отношениях с Японией» URL: https://rg.ru/2023/03/05/seul-anonsiroval-diplomaticheskij-proryv-v-otnosheniiah-s-iaponiej.html (дата обращения: 15.04.2024).

5. *Ким Н.Н., Соловьёв А.В.* Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея [Электронный ресурс] // Международная аналитика. 2023. Том14 (2). С. 49–72. URL: https://www.interanalytics.org/jour/article/view/481/413 (дата обращения: 13.04.2024).

6. *Корниенко Т. А.* Сущность и структура политического мифа // Власть, 2009. С. 49–52.

7. *Ланьков А. Н.* «Господин Пак» и окружающий его мир [Электронный ресурс] // Валдайские записки. 2021. URL: https://globalaffairs.ru/articles/mir-gospodina-paka/ (дата обращения: 15.04.2024).

8. *Толстокулаков И. А.* Посттрадиционное общество Южной Кореи и проблемы политической модернизации [Электронный ресурс] // Известия Восточного института. 2010. С. 54–70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/posttraditsionnoe-obschestvo-yuzhnoy-korei-i-problemy-politicheskoy-modernizatsii (дата обращения: 13.04.2024).

9. The Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea: official website. «Outcome of Korea-Japan Foreign Ministers' Meeting». URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5674/view.do?seq=320912 (дата обращения: 15.04.2024).

10. The Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea: official website. «Address by President Yoon Suk Yeol on the 105th March First Independence Movement Day» URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_25772/view.do?seq=32&page=1 (дата обращения: 15.04.2024).

ПРОБЛЕМА АРАБСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ИЗРАИЛЕ ПОСЛЕ 7 ОКТЯБРЯ 2023 Г. НА ПРИМЕРЕ ПАРТИИ РААМ

Е. А. Якимова

Институт востоковедения Российской академии наук
ул. Рождественка, 12, 107031, г. Москва, Российская Федерация,
e.yakimova@ivran.ru

Статья посвящена арабскому политическому представительству в Израиле после атаки ХАМАС 7 октября 2023 г. на примере партии РААМ. Анализируется программа партии, ее предшествующая деятельность, реакция на операцию ЦАХАЛ «Железные мечи». Делается вывод о первостепенном значении для будущего РААМ ее возможной роли при формировании следующего израильского правительства.

Ключевые слова: политическое представительство; израильские арабы; РААМ; ХАМАС; «Железные мечи».

THE ISSUE OF ARAB POLITICAL REPRESENTATION IN ISRAEL AFTER OCTOBER 7, 2023 ON THE EXAMPLE OF THE RAAM PARTY

E. A. Iakimova

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science
Rozhdestvenka str., 12, 107031, Moscow, Russian Federation, e.yakimova@ivran.ru

The article focuses on the Arab political representation in Israel after the Hamas attack on October 7, 2023 at the example of RAAM. The party program, its previous activities, and the reaction to the IDF Operation «The Swords of Iron» are analyzed. The Author concludes that its possible role in the formation of the next Israeli government is of paramount importance for the future of RAAM.

Keywords: political representation; Israeli Arabs; RAAM; HAMAS; «The Swords of Iron».

Несмотря на принцип равноправия для граждан государства вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности, заложенный в Декларации независимости Израиля [1], вопрос участия арабского населения в политической жизни страны не терял актуальности на всем протяжении ее истории, обострившись после террористической атаки палестинской группировки ХАМАС 7 октября 2023 г. Подобное политическое положение израильских арабов обусловлено укоренившимся представлением о них как о потенциальной угрозе безопасности [2, p. 188].

Кроме того, большинство секторальных партий, выражающие интересы данной группы электората, последовательно демонстрируют сосредоточенность на ближневосточном конфликте и палестинской государственности, уделяя меньше внимания интеграции своих избирателей в государстве постоянного проживания.

Еще одним фактором оказалось воздействие на арабское политическое представительство изменений в избирательной системе страны. Электоральный барьер в Израиле с начала 1990-х гг. поступательно увеличивался с 1 % до 3,25 % голосов избирателей, необходимых для попадания в Кнессет. С одной стороны, параллельно возраставший риск непрохождения в парламент подталкивал арабские партии к формальному объединению, которое, однако, не сопровождалось унификацией их политических программ [3]. С другой стороны, на фоне «кризиса больших партий» [4, с. 31–32] именно мелкие политические силы в последние годы приобрели дополнительный вес в ходе коалиционных переговоров.

В контексте указанных процессов особое положение занимает «Объединенный арабский список» (ха-Решима ха-Аравит ха-Меухедет, РААМ). Эта партия была создана в 1996 г. как ответвление «южного крыла» Исламского движения в Израиле в целях обеспечения представительства и защиты прав израильских арабов. Программа РААМ включает целый ряд практических задач, в том числе легализацию построенных без согласования с израильскими властями арабских населенных пунктов, развитие инфраструктуры в районах проживания арабов и бедуинов, повышение бюджетных ассигнований на поддержку данных категорий населения и расширение их доступа к социальным услугам [5]. При этом ее Устав подчеркивает религиозную мусульманскую идентичность партии, содержит осуждение сионизма и призывает к реализации права на возвращение для палестинцев [6].

С момента образования РААМ баллотировалась в Кнессет как самостоятельно, так и в альянсе с одной или несколькими секторальными арабскими политическими силами, не претендуя на вхождение в кабинет министров. После выборов в парламент 24-го созыва на фоне разногласий с другими арабскими партиями (БАЛАД, ТААЛЬ, ХАДАШ) председатель РААМ Мансур Аббас вел коалиционные переговоры не только с оппозицией в лице Н. Беннета и Я. Лапида, в итоге завершившиеся формированием 36-го правительства, но и с «Ликуд». Таким образом, РААМ могла создать условия для беспрерывного пребывания у власти Б. Нетаньяху, однако этому воспрепятствовали партнеры «Ликуд» из правого лагеря. Вместе с тем данное обстоятельство служит дополнительным подтверждением не только общего упрочения позиций малых партий при согласовании

состава правительств Израиля, но и растущего интереса к арабским политическим силам, чей потенциал ранее в таком контексте не использовался.

Войдя в правительственную коалицию, РААМ сосредоточилась на реализации своей предвыборной платформы. При этом во избежание критики со стороны правой оппозиции М. Аббас признал «национальный характер» Израиля, одновременно подчеркнув важность обеспечения равенства в обществе для всех национальных меньшинств [7]. Дважды за время каденции партия вступала в противоречия с другими членами коалиции, основанием для которых служили поддержка бедуинской общины и эскалации насилия в районе комплекса святынь на Храмовой горе. Однако в условиях разрастающегося внутриполитического кризиса РААМ безуспешно попыталась сдержать досрочный роспуск кабинета министров.

По результатам внеочередных парламентских выборов в Израиле 1 ноября 2022 г. РААМ получила 4,07 % голосов [8], что позволило не только преодолеть электоральный барьер, но и обойти на один мандат собственный результат 2021 г. и 2022 г. Подобный исход голосования мог быть обусловлен успешной оценкой избирателями предшествующей работы в составе правительства. Кроме того, РААМ, судя по всему, сумела привлечь на свою сторону голоса близкой в социально-экономической повестке, но отличающейся более радикальными взглядами на Израиль арабской партии БАЛАД, набравшей менее 3 % голосов.

5 мест в Кнессете 25-го созыва потенциально создавали РААМ условия для продолжения активности, начатой в прошлом избирательном цикле, пусть и находясь вне правительства. Однако препятствием для реализации данной задачи стала агрессия ХАМАС против Израиля 7 октября 2023 г. и последовавшая за ней операция ЦАХАЛ «Железные мечи» в секторе Газа, обострившие в обществе и политических кругах вопрос о лояльности арабского населения Государству Израиль.

В сложившихся обстоятельствах с осени 2023 г. М. Аббас избрал умеренную позицию, осуждая терроризм и захват израильских заложников, но и поддерживая отправку в сектор Газа гуманитарной помощи. При этом политик в своих высказываниях старался обходить оценки демонтажа власти ХАМАС в Газе как одной из целей израильской военной кампании. В практическом плане председатель РААМ призвал к отставке члена своей партии И. Хатиб-Ясин, усомнившейся в жестокости действий ХАМАС в «Черный шаббат». Отдельным акцентом в работе партии после 7 октября 2023 г. стало привлечение внимания к тому, что жертвами преступлений палестинских боевиков стали также члены бедуинской общины [9].

Избранный курс давал возможность минимизировать критику правого лагеря в свой адрес, что могло бы облегчить реализацию партийной программы РААМ даже в условиях операции «Железные мечи». Однако

помешали этому публикации о сохраняющихся связях партии с ХАМАС, которые начали появляться в израильских СМИ с ноября 2023 г. Особое возмущение крайне правых политиков вызвали сообщения о финансовой поддержке ХАМАС, которую РААМ оказывала как через некоммерческую ассоциацию «Игата 48», напрямую аффилированную с партией, так и через турецкую организацию Khyar Ommar [10]. В результате вопрос о финансировании ХАМАС, признанной в Израиле террористической организацией, в марте 2024 г. был вынесен на рассмотрение комиссии Кнессета по национальной безопасности.

Сложившаяся к весне 2024 г. вокруг РААМ ситуация пока не оказала существенного влияние на популярность партии. По данным опросов общественного мнения, она получила бы 4-5 мест в Кнессете в случае проведения на указанном этапе досрочных выборов. Однако возможное отставание в депутатских мандатах в сравнении с результатом 2022 г. может быть спровоцировано не столько имиджем партии, поддерживающей ХАМАС, сколько неудовлетворенностью избирателей способностью М. Аббаса и его коллег отстоять права израильских арабов и бедуинов, а также добиться реализации программ их социально-экономической поддержки в условиях операции «Железные мечи».

В более широком смысле опыт РААМ свидетельствует о продолжении кризиса легитимности арабских политических сил. Вопреки довольно умеренной позиции применительно к боевым действиям в Газе, партия М. Аббаса все равно столкнулась с критикой, озвучили которую как в ультра правой партии «Оцма Йхудит», так и более умеренной «Ликуд». В связи с этим можно предположить, что действительным поводом для недовольства деятельностью РААМ, послужили не контакты с ХАМАС, а вероятная роль, которую данная политическая сила способна вновь сыграть в процессе формирования следующей правительственной коалиции.

Библиографические ссылки

1. Full Text of Israel’s Proclamation of Independence Issued in Tel Aviv [Electronic resource] // Jewish Telegraphic Agency. URL: https://www.jta.org/archive/full-text-of-israels-proclamation-of-independence-issued-in-tel-aviv (date of access: 10.04.2024).

2. *Rekhess E.* The Arab Minority in Israel: Reconsidering the “1948 Paradigm” // *Israel Studies*, Vol. 19, No. 2. 2014. P. 187–217.

3. *Hilou N., Hreib M.* Israel’s Electoral Threshold: Implications for Israeli-Arab Political Representation [Electronic resource] // Institute for National Secutiry Studies. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep08478 (date of access: 10.04.2024).

4. *Ханин З.* Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва. Москва: Институт Ближнего Востока, 2016.

5. Ra'am [Electronic resource] // The Israel Democracy Institute. URL: https://en.idi.org.il/israeli-elections-and-parties/parties/raam/ (date of access: 10.04.2024).

6. *Boxerman A.* Ra'am's guiding charter backs Palestinian right of return, calls Zionism racist [Electronic resource] // The Times of Israel. URL: https://www.timesofisrael.com/raams-guiding-charter-backs-palestinian-right-of-return-calls-zionism-racist/ (date of access: 10.04.2024).

7. *Perez G.* Mansour Abbas: Israel was born Jewish and will remain so [Electronic resource] // Globes. URL: https://en.globes.co.il/en/article-mansour-abbas-israel-was-born-a-jewish-state-and-will-remain-one-1001395628 (date of access: 10.04.2024).

8. 2022 Election Results [Electronic resource] // The Israel Democracy Institute. URL: https://en.idi.org.il/articles/46247 (date of access: 10.04.2024).

9. *Жидкова Л. Ю.* Израиль: сущность и возможные причины обвинения партии РААМ в финансовой поддержке ХАМАСа [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=107769 (дата обращения: 10.04.2024).

10. *Жидкова Л. Ю.* О ситуации в среде израильских арабов на фоне операции ЦАХАЛа «Железные мечи» [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/?p=102637 (дата обращения: 10.04.2024).

ДОСУГ «ЧУЖИХ» СРЕДИ «СВОИХ»: ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ*

А. И. Яковлев

Дальневосточный федеральный университет
п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, о. Русский, 690922, г. Владивосток, Российская Федерация
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
ул. Белинского, 58, 677000, г. Якутск, Российская Федерация, aytalyakovlev@mail.ru

Республика Саха (Якутия) к 2024 году сохранила статус самого привлекательного для мигрантов региона среди всех субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с проведением досуга, организацией свободного времени иностранных трудовых мигрантов, находящихся на территории Республики Саха (Якутия). Основное внимание уделено результатам авторского исследования, проведенного с опорой на качественные методы, такие как наблюдение, экспертное и неформализованное интервью.

Ключевые слова: миграционные процессы; трудовая и образовательная миграция; иностранные мигранты; досуг; городское пространство; принимающее сообщество; социальная адаптация.

LEISURE OF «STRANGERS» AMONG «THEIR OWN»: MIGRANT WORKERS IN THE HOST COMMUNITY*

A. I. Yakovlev

Far Eastern Federal University
Ajax Bay, 10, Campus FEFU, Russky Island, 690922, Vladivostok, Russian Federation
Nort-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
Belinsky St., 58, 677000, Yakutsk, Russian Federation, aytalyakovlev@mail.ru

The Republic of Sakha (Yakutia) by 2024 retained the status of the most attractive to migrants of the region among all constituent entities of the Russian Federation, which are part of the Far Eastern Federal District. This article addresses issues related to leisure time, the organization of free time of foreign labor migrants located in the Republic of Sakha (Yakutia). The main attention is paid to the results of the author's research conducted based on quality methods, such as observation, an expert and informal interview.

Keywords: migration processes; labor and educational migration; foreign migrants; leisure; urban space; host community; social adaptation.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, https://rscf.ru/project/23-28-01113/

* The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, https://rscf.ru/ project/23-28-01113/

В настоящее время Республика Саха (Якутия) (РС (Я)) не отстает от общероссийских миграционных трендов, и в каких-то проявлениях демографического роста и движения населения занимает первые места. Наблюдается стабилизация и рост количества прибывающих и проживающих трудовых мигрантов в самом большом субъекте Российской Федерации [см. подробнее: 1]. Картина международной миграции в Якутии на 1 февраля 2024 г. выглядит следующим образом. По информации Министерства внутренних дел (МВД) по РС (Я), на 1 января 2024 года в Якутии находится 21 992 иностранных гражданина, из них граждане Таджикистана – 10 186 человек, Кыргызстана – 8 463, Узбекистана – 7 078, Армении – 1 866 и Казахстана – 1 474. По итогам 2023 года в гражданство Российской Федерации приняты 1 466 человек, в том числе 707 таджикистанцев, 363 кыргызстанца, 112 граждан Армении, 70 казахстанцев и 32 узбекистанцев. Из общего числа иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность, 29% заняты в сфере строительства, 11% в сфере торговли, 11% в домашних хозяйствах, 9% в добыче полезных ископаемых, 5% в деятельности гостиниц и общепита, 24% в других отраслях народного хозяйства. Сумма налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа за приобретение патента, поступившая в бюджет РС (Я) в 2023 году, составила 738,5 миллиона рублей [приводится по: 2]. В данной статистике не определены точно те, кто приехал и зарегистрировался по месту пребывания в течение 2023 года, и те, кто ранее проживал на момент сбора статистических данных в Якутии. Но эти данные в целом позволяют приблизительно определить численность иностранных трудовых мигрантов на территории Якутии и выявить общие тренды.

Помимо международных мигрантов, которые в большинстве случаев оседают в городе Якутске, сюда также активно прибывают внутренние мигранты, в большинстве своем жители улусов (сельских районов) республики. В основном, как отмечают исследователи, внутренняя миграция доминирует, «миграционные процессы в местах основных потоков миграционного обмена в Республике Саха (Якутия) (в Якутске и центрах крупных отраслей добывающей промышленности республики) неоднозначны. Районы республики очень сильно отличаются по социально-экономическому, демографическому и национальному составу, этнокультурному состоянию. В промышленных районах Якутии сохраняется высокая потребность в рабочей силе, а в Якутске – конкуренция между внутренними и внешними мигрантами на рынке труда и в доступе к социальной инфраструктуре» [3].

При сборе полевых материалов в городах Дальневосточного федерального округа (ДФО) в рамках реализации грантов Российского фонда

фундаментальных исследований (РФФИ)[1] и Российского научного фонда (РНФ)[2] методом интервью информантам был задан ряд вопросов, касающихся досуга и отдыха. Результаты эмпирического исследования показали, что трудовые мигранты располагают малым количеством свободного времени, крайне редко посещают общественные пространства (библиотеки, кафе и др.). Чаще всего свободное время трудовые мигранты тратят на отдых в общежитиях и арендованных домах. Проводят досуг в социальных сетях и новостных пабликах, где информация представлена на их родном языке. Если трудовые мигранты выходят в город, то, как показали результаты наблюдения в Якутске, чаще всего посещают городской парк. Также есть несколько ночных клубов, куда ходят исключительно иностранные трудовые мигранты.

Но в большинстве случаев мигранты стараются не удаляться далеко от места работы. Эта тенденция одинакова как для строителей, так и для работников общепита, торговли и сферы услуг. Такая ситуация обусловлена заинтересованностью работодателя в минимизации транспортных расходов. Особое положение занимают мигранты, работающие в такси и на маршрутных автобусах, у них есть доступ к транспорту и дополнительным средствам, которые они могли бы потратить на дорогу домой.

Гораздо лучше обстоят дела у студенческой молодежи – их досуг организует и заполняет университет. Свободное время проводится в университетском общежитии и студенческом городке. Важную роль играют одногруппники – они выступают в качестве главных проводников для вхождения в принимающее сообщество. В отличие от местных студентов, у которых есть возможность поехать к родителям и вернуться в свой дом, иностранные студенты находят в общежитиях и студенческом городке свою вторую семью и дом на время учебы.

---

[1] ПМА 2022 – серия экспертных интервью (n=10) была проведена в январе-феврале 2022 года с представителями региональных органов власти субъектов ДФО (Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская область, Забайкальский край. Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия) в рамках реализации проекта РФФИ № 21-011-31377 «Дальний Восток: уехать «куда» или «откуда».

[2] ПМА 2024 – серия неформализованных интервью (n=5) с представителями мигрантского сообщества, религиозными деятелями, лидерами национальных объединений была проведена 27.032024-28.03.2024: И1 – муж., 30 лет, заместитель муфтия Соборной Мечети города Якутска Духовного управления мусульман Российской Федерации; И2 – муж., 28 лет, гражданин Кыргызстана, обучающийся в интернатуре Медицинского института Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова по направлению подготовки «Педиатрия»; И3 – жен., 37 лет, представитель общественной организации «Союз армян Республики Саха (Якутия)»; И4 – муж., 49 лет, представитель общественной организации «Союз армян Республики Саха (Якутия)»; И5 – муж., 48 лет, представитель общественной организации «Союз армян Республики Саха (Якутия)».

Через университеты иностранные граждане могут получить доступ к местным праздникам, украсить их как званые гости с определенными ролями, функциями и полномочиями. Однако, если речь идет о трудовых мигрантах, то дело приобретает противоположный оборот. Например, в одном улусе Якутии во время традиционного праздника ысыах заказчиками строительства социального объекта рядом с местом проведения стройки было специально оговорено, чтобы строительные работы не проходили, и иностранным работникам был предоставлен выходной день, который они провели бы в своих общежитиях.

Праздники «чужих» среди «своих» в Якутии проходят тоже своеобразно. На праздник Курбан-Байрам в Верхневилюйском улусе трудовые мигранты из Таджикистана и Узбекистана выкупили у местного жителя козу за стоимость годовалой лошади. Причина была в том, что в этом селе подходящая для жертвоприношения коза была только у этого старика. В Якутске с отправлением религиозных потребностей дела обстоят гораздо лучше – в городе хорошо функционирует Соборная Мечеть.

Таким образом, получаем следующую картину досуга трудовых мигрантов. Свободного времени у них имеется крайне мало. И если даже оно появилось, то трудовые мигранты тратят его не на самообразование или саморазвитие. На это влияет ряд факторов: отсутствие проводника в принимающее сообщество, отсутствие достаточного знания местного языка, религиозные отличия и, самое главное, как говорят информанты-работодатели: *«трудовой мигрант приезжает работать, а не отдыхать», «он здесь только полгода, ему надо за короткий срок заработать здесь, а отдыхать дома»*.

Гораздо лучше обстоят дела с досугом у иностранных студентов, которым университеты облегчают интеграцию в принимающее сообщество. Все эти факторы демонстрируют нам сложную картину социальной адаптации иностранных граждан в принимающем сообществе и показывают различия в отношении к свободному времени.

Библиографические ссылки

1. Миграция. Общие итоги миграции населения. Международная миграция [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по республике Саха (Якутия). URL: https://14.rosstat.gov.ru/migrasia (дата обращения: 07.04.2024).

2. *Рудых А.* Мигранты в Якутии: численность, происхождение, занятость, правонарушения [Электронный ресурс] // Якутиядaily. URL: https://yakutia-daily.ru/migranty-v-yakutii-chislennost-proishozhdenie-zanyatost-pravonarusheniya/ (дата обращения: 07.04.2024).

3. *Винокурова Д. М., Томаска А. Г.* Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 177–187.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ КИТАЯ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Яо Цзэни

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4,220030, г. Минск, Беларусь, yao.zengyi@bk.ru

Представленное исследование сконцентрировано на анализе проблемы морской политики Китая и выявлении особенностей модернизации военно-морского флота Народно-освободительной армии Китая. Первые заявления китайских лидеров по поводу необходимости создания мощного военно-морского флота были озвучены еще в середине XX в. Современный же этап модернизации военно-морских сил Китая характеризуется необходимостью достижения цели по превращению страны в великую морскую державу с высокой степенью боеготовности и способностью отстаивать национальные интересы в морском пространстве. Стремление Китая к формированию мощного военно-морского потенциала обусловлено необходимостью сдерживания проникновений внерегиональных государств в стратегически важные для Китая субрегионы Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: военно-морской флот; Народно-освободительная армия Китая; обеспечение морской безопасности; модернизация флота; система безопасности.

MODERNIZATION OF THE NAVY OF THE PEOPLE LIBERATION ARMY OF CHINA AS A CONDITION FOR ENSURING REGIONAL STABILITY

Yao Zengyi

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, yao.zengyi@bk.ru

The presented research is focused on analyzing the problem of China's maritime policy and identifying the features of the modernization of the navy of the People's Liberation Army of China. The first statements by Chinese leaders regarding the need to create a powerful navy were voiced back in the mid-twentieth century. The current stage of modernization of China's naval forces is characterized by the need to achieve the goal of transforming the country into a great maritime power with a high degree of combat readiness and the ability to defend national interests in the maritime space. China's desire to develop a powerful naval potential is driven by the need to contain the penetration of extra-regional states into subregions of the Asia-Pacific region that are strategically important for China.

Keywords: Navy; People's Liberation Army of China; ensuring maritime security; modernization of the fleet; security system.

В формировании современной концепции морской безопасности Китая отдельное, весьма серьезное значение уделяется модернизации Военно-морского флота Народно-освободительной армии Китая (ВМФ НОАК). Превращение Китая в великую морскую державу невозможно без повышения качества боевой подготовки морской пехоты и увеличения количества военно-морской техники. Стремление Китая к формированию мощного военного потенциала обусловлено необходимостью сдерживания проникновений внерегиональных государств в стратегически важные для КНР субрегионы АТР.

В 2012 г. Ху Цзиньтао (в то время Председатель Китайской Народной Республики) поставил серьезную цель по превращению Китая в морскую державу. Эта цель была обозначена в сложных геополитических условиях. Китай уже становился экономически развитой страной. Его влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе возрастало. Продолжением политики всестороннего роста Китая стало решение китайского правительства наращивать морское могущество страны.

Китайская Народная Республика постоянно уделяла внимание укреплению национальной морской мощи. Можно привести несколько исторических примеров. 8 января 1949 г. Политбюро ЦК провело заседание в деревне Сибайпо и приняло «Текущее положение и задачи партии в 1949 г.», составленное Мао Цзэдуном, в котором предлагалось создать «военно-морской флот для защиты побережья и рек» [1]. 23 апреля того же года в храме Байма города Тайчжоу провинции Цзянсу был провозглашен Военно-морской флот Восточно-Китайского военного округа Народно-освободительной армии Китая. 28 августа Мао Цзэдун написал фразу для ВМФ Восточно-Китайского военного округа: «Мы должны построить военно-морской флот, способный обеспечить нашу береговую оборону и эффективно защитить от возможной империалистической агрессии» [1].

Модернизация военно-морского флота продолжилась с началом политики реформ и открытости. В 1979 г., встречаясь с представителями расширенного заседания Постоянного комитета ВМФ в Циндао, Дэн Сяопин отметил: «Укрепление береговой обороны – важнейший вопрос, связанный с судьбой всего Китая» [1]. Дэн Сяопин настаивал на постройке мощного флота, обладающего современными боевыми возможностями [1].

Член Центральной военной комиссии и командующий ВМФ У Шэнли в 2005 г. заявил, что с начала XXI в. военно-морской флот Китая активно участвовал в обеспечении безопасности и защиты морских каналов, борьбе с терроризмом, а также совместных поисково-спасательных операциях. В области военной и гуманитарной помощи он провел 37 совместных военных операций и учений с иностранными военно-морскими силами. Совместные военные учения становятся не только более частыми

и масштабными, но и охватывают более широкие территории, имеют более насыщенное содержание и более глубокое сотрудничество [2].

Необходимость качественной модернизации армии обозначена в нескольких государственных документах КНР. В 14-м пятилетнем плане (2021 – 2025 гг.) указано: «Необходимо реализовать идею Си Цзиньпина об укреплении армии, реализовать военно-стратегические ориентиры новой эпохи, придерживаться абсолютного руководства партии над Народной армией, придерживаться стратегии модернизации армии посредством политики, реформ, науки и технологий, поощрять укрепление армии талантами и управление армией в соответствии с законом, а также ускорить интеграцию механизации, информатизации и развития разведки, всесторонне усилить военную подготовку, улучшить стратегические возможности для защиты национального суверенитета, безопасности и интересов, обеспечить достижение столетней цели по модернизации армии к 2027 г.» [3]. Предполагается, что именно к 2027 г. Китай сможет полностью модернизировать собственную армию и флот. Это обеспечит ему первенство в региональной политике.

Вопросы морской политики, наряду с целым блоком вопросов по обеспечению национальной безопасности, получили также освещение в 14-м пятилетнем плане (2021 – 2025 гг.) Китая: «Необходимо активно расширять пространство для развития морской экономики. Китаю необходимо координировать политику в отношении сухопутных и морских территорий, координировать защиту морской экологии, продвигать развитию морской экономики и защиту морских прав и интересов, а также ускорить строительство морской державы» [3].

Модернизация военно-морского флота за последние годы ведется крайне высокими темпами и учитывает опыт западных стран. В стране «по западному образцу строятся эсминцы типов 52C (6 кораблей) и 52D (построено 7 из планируемой серии в 12), реальные характеристики которых оценить трудно, но потенциально они находятся на передовом мировом уровне» [4]. Китайские военные эксперты модернизируют авианосцы, приобретенные у других стран, занимаются усилением оснащения боевых кораблей. В 2017 г. был продемонстрирован первый полностью созданный в Китае авианосец «Шаньдун».

А. В. Губин, руководитель регионального центра Российского института стратегических исследований, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, в научной публикации «Военно-морские силы как инструмент современной политики Китайской Народной Республики» указывает, что уже сегодня ВМС НОАК достаточно активно действуют в районах инициативы

«Пояса и пути», не являвшихся ранее сферой непосредственных китайских интересов, таких как Средиземное море, зона Африканского рога, северо-восточная часть Индийского океана и др. [5, с. 198]. Заметно расширяется сфера интересов Китая, который выстраивает собственную концепцию морской безопасности и заявляет о себе с лидерских позиций.

Расширяется область сотрудничества Китая с дружественными государствами в области военно-морской безопасности. Главком ВМФ России А. Моисеев и командующий ВМС Китая Ху Чжунмин в апреле 2024 г. подписали меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области поиска и спасания на море, «признали необходимость усиления сотрудничества между флотами, поскольку это требуется для безопасности и стабильности в Мировом океане» [6]. Китай модернизирует военно-морскую базу на камбоджийской военно-морской базе Реам на берегу Сиамского залива, однако подчеркивает, что «оказание помощи королевству направлено на укрепление способности военно-морского флота Камбоджи поддерживать территориальную целостность страны» [7]. Такие действия Китая обусловлены необходимостью формирования союзнических отношений с соседями из Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Учитывая наличие территориальных споров с отдельными странами АСЕАН, сотрудничество с Камбоджей в области военно-морской сферы выгодно для обеих сторон для поддержания региональной стабильности.

Таким образом, модернизация военно-морских сил Китая осуществляется постепенно. Первые замечания китайских лидеров по поводу необходимости создания мощного военно-морского флота были озвучены еще в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Современный этап модернизации военно-морских сил Китая характеризуется необходимостью достижения цели по превращению Китая в великую морскую державу. В настоящее время расширяется сфера интересов Китая в глобальном морском пространстве, который выстраивает собственную концепцию морской безопасности и заявляет о себе с лидерских позиций. Китай расширяет область сотрудничества с дружественными государствами в области военно-морской безопасности.

Библиографические ссылки

1. Весенний прилив приближается к морю – отчет ЦК партии, Центрального военного совета и заботы председателя Си Цзиньпина о строительстве и развитии Народного военно-морского флота [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-04/22/c_1124400733.htm (дата обращения: 07.04.2024) (на кит. яз.).

2. Отчеты ЦК партии и Центральной военной комиссии о строительстве и развитии Народного Военно-Морского Флота) [Электронный ресурс]. URL:

https://www.gov.cn/jrzg/2009-04/22/content_1293419.htm (дата обращения: 07.04.2024) (на кит. яз.).

3. 14-й пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели на 2035 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 07.04.2024) (на кит. яз.).

4. Жемчужина для Великого Китайского флота [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zhemchuzhina-dlya-velikogo-kitayskogo-flota/ (дата обращения: 21.04.2024).

5. *Губин А. В*. Военно-морские силы как инструмент современной политики Китайской Народной Республики // Россия и АТР. 2018. № 1. С. 187–202.

6. Главком ВМФ и командующий ВМС Китая подписали меморандум о сотрудничестве [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20240421/flot-1941372769.html (дата обращения: 21.04.2024).

7. МИД КНР: военное сотрудничество Китая и Камбоджи не направлено против третьих сторон [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16315165 (дата обращения: 21.04.2024).

PERSONAL PRIVACY ISSUES IN THE CONTEXT OF THE SMART ERA: THE CASE OF CHINA

Wang Zhefan

Belarusian State University,
4 Nezavisimosti Avenue, Minsk 220030, Belarus, zheer16242@gmail.com

In the smart era, cases of personal privacy leakage in social networks are common, and life tragedies due to personal privacy leakage occur from time to time, and the prevention and control of personal privacy leakage has become a social problem that needs to be solved in the smart era. For this reason, it is necessary to take measures to strengthen the protection of personal privacy in social networks through a multi-pronged approach at the technical, operational and legal levels.

Keywords: Internet users; social networks; privacy breaches; risk assessment.

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОЙ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЭПОХИ СМАРТ-ТЕХНОЛОГИЙ: ПРИМЕР КИТАЯ

Ван Чжэфань

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости,4, 220013, г. Минск, Беларусь, zheer16242@gmail.com

В эпоху смарт-технологий случаи утечки личной информации в социальных сетях стали обычным явлением. Трагедии, вызванные утечкой личной информации, происходят регулярно, и предотвращение таких утечек стало социальной проблемой, требующей решения. В связи с этим необходимо принимать меры для усиления защиты личной информации в социальных сетях, используя многогранный подход на техническом, оперативном и правовом уровнях.

Ключевые слова: пользователи Интернета; социальные сети; утечки данных; оценка рисков.

While the scale of social network users grows, it also brings the risk of privacy leakage to a large number of user groups due to the serious privacy and security problems. Therefore, how to protect personal information on social networks has become an important issue in the development of social networks. Privacy leakage risk assessment can effectively detect privacy leakage on social networks, which is of great significance to users themselves, social network platforms and social development. The current research on privacy leakage risk assessment is mainly from the perspective of users and based on the attribute information and privacy preference settings provided by users, and a few studies

have considered the network environment and behavioral characteristics of users, so the comprehensiveness of the risk assessment is lacking. In order to address this issue, this paper conducts research from relevant perspectives, and comes up with some practical suggestions for future contributions to the issue of personal privacy in the context of the smart era.

With the rapid development and wide popularization of the Internet, more and more people prefer to communicate and interact through the Internet. Online social networks (OSN) have attracted a large number of users because of their simplicity and effectiveness.OSN provides users with a communication platform without geographical and age limitations, where people can express and communicate on OSN and share and discuss ideas and activities with others. In addition, different types of social networks provide users with a variety of rich functions: most of them, such as Telegram, Viber and WeChat, can be used for instant messaging and social media: Weibo and X are mainly used for the publication of social news and public activities; Jieyin and YouTube mainly provide video-centered social networking services. The 50th Statistical Report on the Development of the Internet in China The survey shows that the development of the Internet has been accompanied by the evolution and change of subcultures, and socialization has gradually become a core attribute of the Internet, especially the mobile Internet. According to statistics, in recent years, the scale of Chinese social network users is huge and increasing year by year, (fig. 1), Chinese social network users have exceeded 1 billion.

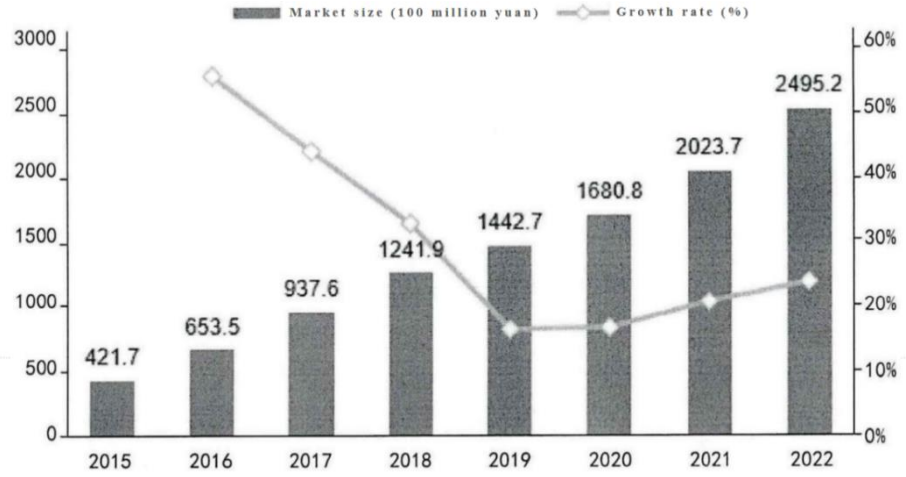


Fig. 1. China’s Social Network User Size and Growth Rate, 2016-2022

In order to avoid the leakage of users' private information, many OSN platforms provide users with optional security settings, such as friend permissions, ways to add friends, information visibility range, etc., and define the categories of users who are allowed to comment, view personal information, or view textual photographs, such as visible to themselves only, to specified

friends, or to everyone. However, due to the relatively hidden location of privacy settings, the number of setting steps or the complexity of the operation, most users will choose the default settings, resulting in these security settings provided by the platforms are virtually useless and cannot achieve the expected protective effect. Therefore, protecting personal information and limiting the leakage of private information are key issues that need to be addressed in the future development of social networks.

Privacy has been studied for many years, but there has been a lack of a standardized definition. In a certain sense, the definition of privacy is dynamic, depending on the particular context and subjective will of the individual, and will change with time, place, culture, etc. In the research related to social network privacy, the definition of privacy varies in different research perspectives. In the research on social network privacy, the definition of privacy varies in different research perspectives. From the current research, user privacy on social networks can be mainly categorized into three types: individual identity information, connection information and content information [1], in which individual identity information refers to attribute information, label information and structural location information related to personal identity, etc.; connection information refers to the privacy relationship, i.e., user relationship, information about following and being followed in the social network, etc.; and content information refers to the content that can disclose the node privacy related content, such as posted text and images.

As social networks around the world already have a certain user base, and with the construction of 5G and product innovation, the value of social networks will be further released (fig. 2). The rise and popularization of social networks in the smart era has led to a great change in the way of interpersonal communication. People socialize in a virtual space, breaking through the barrier of time and space, and the scope, content and form of social activities have undergone profound changes. While the scale of network users grows, it also brings the risk of privacy leakage to the majority of network users due to the existence of serious privacy and security problems. Therefore, how to protect personal information on social networks has become an important issue in the development of social networks. Privacy leakage risk assessment can effectively detect the state of privacy leakage on social networks, which is of great significance for users themselves, social network platforms and social development.

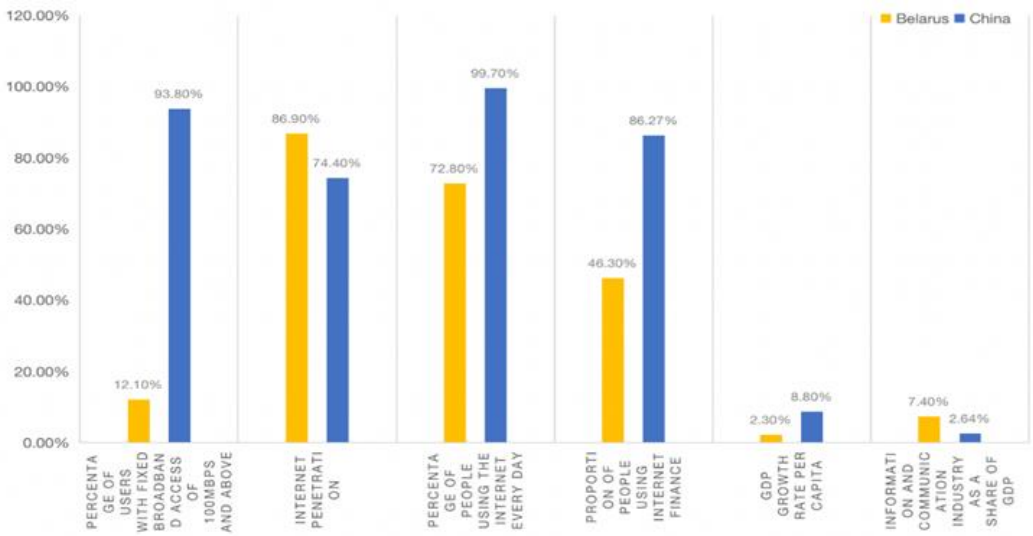


Fig. 2. Network infrastructure construction in Belarus and China in 2021. Source: [2]

The growth in the size of social network users has also brought the risk of privacy leakage to the general user community because of serious privacy and security issues. On the one hand, most OSN providers require users to fill out user profiles to provide basic information, such as age, address, gender, etc., in order to improve the usability of the platform; on the other hand, due to the lack of privacy awareness of the users, they may unintentionally disclose sensitive information, such as educational experience, occupational information, and religious beliefs, in the form of photos or texts. Attackers may also make use of the user's friend relationship information to infer the user's personal and behavioral characteristics, indirectly causing the leakage of the user's private information.

In social networks, users' private information mainly comes from two sources: On the one hand, it comes from user profiles. In order to improve usability, most social network platforms require users to fill in user profiles to provide basic information, such as age, gender, location, etc.: On the other hand, it comes from text content. When users publish text, they may inadvertently leak sensitive information, such as educational experience, religious beliefs, disease and health information, etc. This article starts from the user's own perspective and evaluates the privacy leakage risk of social network users from two aspects: user information and text content.

The goal of this article is to provide users with an early warning of the risk of privacy leakage by systematically researching and analyzing privacy leakage pathways in social networks. As a result, I summarize the following three reflections.

1. From the perspective of the users themselves: the establishment of a secure network environment cannot be separated from the users themselves, and

the improvement of users' privacy literacy is the key to solving the privacy security problem. Quantifying the risk of privacy leakage of users can let users understand their privacy leakage status, let users really feel their privacy leakage crisis, so as to cause users to pay attention to and make targeted changes to avoid the leakage of privacy information from the root.

2. From the perspective of social network platforms: privacy and security is one of the hot topics in recent years. If social network platforms fail to protect users' personal information, on the one hand, it will seriously damage the credibility of the platforms and lose the trust of the users, and on the other hand, the platforms will also face a large number of lawsuits and penalties from the regulatory authorities, which will bring economic losses to the platforms. Evaluating the risk of privacy leakage in social networks can help platforms make targeted improvements to avoid privacy and security problems.

3. From the perspective of social development: the implementation of the bill can provide citizens with protection of personal information at the legal level, but since the current legal system on privacy protection is not yet perfect, it is not enough to rely on legal regulation alone for the protection of personal information. Assessing the risk of privacy leakage can technically provide security warnings for the leakage of personal information, thus creating a good security environment for privacy and information, preventing behaviors detrimental to the public interest, and contributing to the maintenance of social stability.

The risk assessment of privacy leakage in social networks is of great importance both for the users themselves, the social network platforms and the development of the society.

References

1. *Yao Ruixin, Li Hui, Cao Jin.* A review of research on privacy protection in social // Journal of Network and Information Security, 2016. 2(4). Pp. 33–43.

2. *Старовойтова Т. Ф., Ханьтунчжоу Ч.* Международное сотрудничество в рамках проекта «Цифрового Шелкового пути» для развития национальной экономики // Проблемы управления. 2022. №4. С. 60–66.

РАЗДЕЛ II
КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ СТРАН ВОСТОКА

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕНДЕНЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА

М. З. Абдуллаева

Международная исламская академия Узбекистана,
А. Кадири 11, 100011, г. Ташкент, Узбекистан, mirzohira@mail.ru

В статье исследованы материалы сайтов, связанных с исламской религией в киберпространстве Узбекистана. Автором рассматривается история первого подключения к Интернету Узбекистана до регистрации и запуска религиозных сайтов, а также религиозных сайтов, которые используются и по сей день. На основе полученных данных приведена классификация сайтов религиозного содержания. Представлена сводка контент-анализа сайтов, которые сегодня занимают высокие позиции в поисковых системах и рейтингах. Подобный анализ поможет определить возможности пользователей своевременно получать необходимую информацию посредством размещения данных религиозного содержания для пользователей, общающихся на узбекском языке.

Ключевые слова: киберпространство; веб-сайты; религиозные организации; islom.uz; muslim.uz.

FEATURES OF FORMATION OF TRENDS IN THE RELIGIOUS SPHERE IN CYBERSPACE BY THE EXAMPLE OF UZBEKISTAN

M. Z. Abdullaeva

International Islamic Academy of Uzbekistan,
A. Kadiri 11, 100011, Tashkent, Uzbekistan, mirzohira@mail.ru

The article examines sites related to the Islamic religion in the cyberspace of Uzbekistan. The author examines the history of the first connection to the Internet in Uzbekistan before the registration and launch of religious sites, as well as religious sites that are still used today. Based on the data, it was given classification of sites with religious content. Also, the article presents a summary of content analysis of sites that today occupy high positions in search engines and rankings. Such an analysis in the article will help determine the levels of users' ability to receive the necessary information in a timely manner by posting information of religious content for users communicating in the Uzbek language.

Keywords: cyberspace; websites; religious organizations; islom.uz; muslim.uz.

В последние годы потребность в информации населения Узбекистана привела к резкому увеличению числа пользователей Интернета. За прошедший период выросло и число зарегистрированных доменов «uz». Следует отметить, что для создания национального домена «uz» был одобрен запрос, сделанный в 1995 г. Университету информатики Южной Калифорнии (Газета. уз, 2011/05/01). На сегодняшний день число активных доменов достигло 130 586 (cctld.uz, 2024), но количество исламских доменов не достигает 100, хотя их число регулярно увеличивается. Например, зарегистрированные одними из самых первых действующие сайты – это «muslim.uz» (дата регистрации 2003 г.) (У. Алимов и др., 2014) и «islom.uz», «quran.uz» (дата регистрации 2004 г.). Анализ интернет-источников свидетельствует о влиянии виртуального пространства на религиозное мировоззрение. Наблюдения показывают, что если вводить слово «ислам» по самым распространенным поисковым системам, то в первых строках найденных материалов приводятся такие узбекские сайты, как «islom.uz», «islaminstitut.uz» и «muslim.uz». Исходя из этого, для контент-анализа и были выбраны вышеупомянутые сайты.

В настоящее время домен «uz», предоставляющий информацию об исламской религии, религиозные отношения, учебные заведения, исследовательские центры, издатели религиозной литературы, мечети, частные лица религиозные лидеры, ориентированные на женские проблемы, мистические и ориентированные на конкретные религиозные мультимедийные файлы.

Примерами веб-сайтов, специализирующихся на регулировании религиозных отношений, являются Управление мусульман Узбекистан (muslim.uz) и его представительства, а также сайт Управления мусульман Каракалпакистана (paziylet.uz).

Веб-сайты образовательных учреждений, на которых преподаются религиозные дисциплины, являются сайт международной исламской академии Узбекистана (iiau.uz), Ташкентского исламского института имама Бухари (islaminstitut.uz), медресе Кукельдаша (kucaldosh.uz), медресе Ходжа Бухари (khojabukhory.uz), сайты медресе Хадиджи Кубро (khadicha.uz) и другие.

Веб-сайты исследовательских центров, таких как bukhari.uz (Международный исследовательский центр Имама Бухари), islamcenter.uz (Исследовательский центр исламских исследований при МИАУ) предоставляет подробную информацию об исламских исследования и наследие предков.

Сайты издателей религиозной литературы - hidoyat.uz (Издательство Моваройннахр), hilolnashr.uz (Издательство «Хилол»), irfon.uz (Календарь «Ирфон»), ziyo.uz (официальный религиозно-просветительский интернет-сайт, СМИ центр). Сайты мечетей – это отдельные сайты, на которых представлена информация о мечетях столицы и области. регионы.

На всех этих сайтах есть раздел «Пятничные проповеди», где вы можете прочитать текст проповедей и видеообзоры имамов на пятничной молитве. Примеры таких сайтов: diyonat.uz (мечеть «Охун бобо»), kamolon.uz (мечеть «Ходжа Аламбардор»), nasihat.uz (мечеть «Ахмаджон кори»), islamota.uz («Ислам ота» мечеть), islomobod.uz (мечеть «Исломобод»), xutba.uz (мечеть «Шейхуль Ислам»), ummat.uz («Тухтабой» мечеть), minor.uz (мечеть «Минор»), aqida.uz (мечеть «Джалоир») и другие.

Веб-сайты религиозных лидеров также популярны. Среди таких сайтов сайт «islom.uz», опубликованный на Интернет в виде статей из изданий шейха Мухаммада Садика Мухаммада Юсуфа. сайт сейчас достиг уровня религиозно-просветительского портала, объединяющего отдельные веб-сайты.

Сайфуддинов Рахматулло Хабибуллаевич был одним из первых имамов в составе Управления мусульман Узбекистана, который создал собственный сайт «mehrob.uz». Сайт главы имама города Ташкента Рахмонберди Эргашевича под названием «xatib.uz» имеет свою аудиторию.

Примерами сайтов, ориентированных на женскую тематику, являются «muslimaat.uz», «oilam.uz», «muslima.uz». Особенность этого типа сайтов в том, что на них есть отдельные страницы, посвященные вопросам красоты, кулинарии и семьи. на других религиозных объектах не наблюдаются. Это помогает женщинам эффективно использовать сайты и оставаться на них.

Среди мистических сайтов – сайт «tazkiya.uz», предоставляющий информацию по духовному образованию. Сайт, действующий как отдельный сайт портала «islom.uz», на сегодняшний день является единственным таким сайтом. На этом сайте есть статьи и разделы Сайт посвящен сути очищения души и души от плохого. На сайте также есть специальный акцент на том, как делать вопросы Накшбандия.

Сайты ориентированы на конкретные религиозные мультимедийные файлы, поскольку почти все религиозные сайты имеют раздел мультимедиа, сайты для скачивания отдельных файлов в «домене» практически отсутствуют. В этом отношении, можем представить единственный сайт «mp3muslim.uz».

Раздел «Вопрос-ответ» сайта ISLOM.UZ посвящен вопросам «о толерантности в исламе» и «Как обращаться с приверженцами ислама и других религий» объясняется на примерах аятов и хадисов Корана. Толерантность в исламе к другим религиям, защита храмов других религий, невмешательство в их религию и догматические вопросы, приравнивать их к мусульманам в правах, обязанностях и уважать все права человека, разъясняет с историческими примерами.

Большинство статей о толерантности ислама к другим религиям опубликовано в журнале «Вопрос и Ответ» в 2017 году, всего восемь статей.

Статьи ученых, комментирующих важность религиозной толерантности, также будут переведены и размещено на сайте. Например: статьи Али Вчеслава Полосина «Запрещает ли Коран дружбу с евреями и христиа нами?», «Приказывает ли Бог казнить отступников?», Айдын Ализода под названием «Распространяется ли ислам через христианство в христианских регионах?», глава Али Тантави в книге «Сказки истории», основанной на исторических данных.

Сайт Управления мусульман Узбекистана – MUSLIM.UZ. Предоставляет информацию по религиозным вопросам, религиозные и мировые новости, а также информация о начале конференций и открытии толерантности институтов мира и Узбекистана.

Как видно из приведенного анализа, религиозно-просветительская деятельность исламских сайтов в домене «uz» является одним из важнейших критериев. Основным содержанием статей и информации на этих религиозно-просветительских сайтах являются статьи о совершенной и духовной развитии человека. Правильное использование официальных сайтов – это решение, позволяющее не заблудиться и не запутаться в Интернете. Это, в свою очередь, помогает узбекоязычным мусульманам. Хотя сайты работают на «УЗ» и узбекском языках, их посетители не ограничиваются только Узбекистаном, но есть пользователи этого сайта из зарубежных стран, в том числе из России, США, Таджикистана и Кыргызстана. Это показывает, что соответствующие узбекские сайты в Интернете являются источником информации об исламе для узбекоязычных в этих странах.

Как видится, сегодня, в век стремительного технологического развития, деятельность Интернета связывает огромное количество людей на Земле. Несмотря на расстояния и границы, Всемирная сеть предоставляет человеку безграничные возможности в области получения, передачи и распространения информации. Сегодня количество пользователей интернета в Узбекистане превысило 31 млн.

Сегодня в Узбекистане идет процесс развития информационно-коммуникационных технологий, многократно увеличивается количество пользователей Интернетом, что обуславливает необходимость закрепления в основном законе незыблемость права доступа к Всемирной сети, которое в свою очередь, будет способствовать формированию и совершенствованию нормативной правовой базы, регулирующей отношения в сети Интернет. Важно отметить, что в Узбекистане в зоне действия мобильного интернета находится 95% населения, а высокоскоростного проводного до 70%, и продолжает увеличиваться.

Библиографические ссылки

1. *Абдуллаева М. З.* Духовная роль исламского медиа пространства домена “UZ” //Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2020. №. 8 (10). С. 55–62.

2. *Арманова А. А.* Западный опыт исследования проблемы существования религии в киберпространстве // Сборник материалов Международной молодежной научно-практической конференции. 2015. С. 56–61.

3. *Войскунский А. Е.* Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. No 1. С. 36–49.

4. *Зыкова Н. А.* Технологии связей с общественностью в религиозных организациях //Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. №. 24. С. 73–78.

5. Единый Интегратор UZINFOCOM [Электронный ресурс].URL: uzinfocom.uz (дата обращения: 06.06.2024).

6. Информационные технологии в Узбекистане [Электронный ресурс]. URL: http://mitc.uz/ru/pages/information_technologies (дата обращения: 06.06.2024).

7. *Хасанов Б. М.* Интернет-СМИ в Узбекистане и их влияние на развитие гражданского общества //Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. №. 2. С. 119–128.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ НЕМЕЦКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ СМИ НА ВЕБ-САЙТАХ

Ш. А. Абдураимова

Международная исламская академия Узбекистана,
А. Кадири 11, 100011, г. Ташкент, Узбекистан, Shahzoda.1998@mail.ru

Религиозный медиаконтент в Интернете и СМИ, внося огромный вклад в развитие мировой культуры, одновременно создает угрозы экстремизма под прикрытием религии. В религиозно-образовательном поле нового Узбекистана идеи, связанные с системой корректировки темпов роста, используются для воздействия на сознание людей всех возрастов и сословий, формирования их мировоззрения. Поэтому позитивный опыт религиозного медиаконтента Узбекистана и Германии, его влияние на общественное сознание и поведение, безопасность национального информационного пространства, научные концептуальные исследования процессов, связанных с религиозным фактором, приобретают актуальное значение.

Ключевые слова: Религиозный медиаконтент; толерантность; обустройство; информационное пространство; проверка фактов; диаспора; религиозная свобода.

APPROACHES OF STUDYING GERMAN RELIGIOUS MEDIA CONTENTS ON WEBSITES

S. A. Abduraimova

International Islamic Academy of Uzbekistan,
A. Kadiri 11, 100011, Tashkent, Uzbekistan, Shahzoda.1998@mail.ru

Religious media content on the Internet and mass media, while making a huge contribution to the development of world culture, also creates threats of extremism under the guise of religion. In the religious-educational field of new Uzbekistan, the ideas related to the system of corrections in growth rates are being used to influence the minds of people of all ages and classes, and to shape their worldview.Therefore, the positive experiences of religious media contents of Uzbekistan and Germany, as well as their impact on social consciousness and behavior, the security of the national information space, and the scientific conceptual research of the processes related to the religious factor are becoming of urgent importance.

Key words: Religious media contents; tolerance; arrangement; information space; fact checking; diaspora; religious freedom.

Mass media in written, spoken, or broadcast forms has a significant impact on the masses. Commercials on TV, billboards, and social media platforms allow brands to build brand awareness. Mass media informs, educates, and entertains people in a wide variety of ways. Brands can educate users to get the most out of their products. The majority of companies now use social media platforms, create blog posts on their sites, and launch commercials on YouTube to describe their best features, the problems their products can solve, and provide step-by-step guides[1]. What is written above clarifies that mass media has always been vital. When it comes to the religious content, the importance increases.

Every year more and more developed countries increase financially because of mass media, spread their ideas throw-out this magical tool. Media use has become the dominant leisure activity in modern industrial and post-industrial societies, and in Germany (as elsewhere) ranks behind only sleep and work as a proportion of most people's time budgets. The media have been an integral part of the 'affluent society' as well as a driving force behind its advance, filling increased leisure time, creating new 'needs' and constantly offering new ways of satisfying them [2].

With more than 38 million TV households, Germany is the largest and most competitive television market in all of Europe. Strong commercial operators compete for viewers with the numerous regional and national public broadcasters, which are organized in accordance with the federal political framework. The 16 regions of Germany each have their own laws governing both private and public broadcasting. Deutschlandradio, the ZDF television network, and Das Erste are the national public broadcasters. Each family makes a "broadcasting contribution" to support public television and radio. Deutschland's worldwide broadcaster is called DeutscheWelle (DW).Some of the biggest media giants in the world, such as Bertelsmann and publisher Axel Springer, are based in Germany. RTL Group and ProSiebenSat1 Media run the top commercial TV networks that are available for free to the public.

When it comes to Religious especially media contents. Germany is a nation with multiple religions and cultures. It is essential to comprehend that, in addition to the main Christian religions (Catholicism and Protestantism) and a few minority beliefs, approximately a third of Germans are atheists. The predominant church in Germany is the Christian church, which includes Protestantism and Catholicism. Nevertheless, many other popular religious practices in Germany include Hinduism, Islam, Judaism, and Buddhism. Which mean that they all have their own gathering places, materials and media.

Before we proceed to break down the conclusive established system for the relationship being referred to, we ought to investigate the historical backdrop of this relationship and the particular lawful guideline. It will assist us with understanding the hypothetical and academic foundation of the legitimate

developments and accordingly the actual development. The constitution precludes strict separation and accommodates opportunity of confidence and inner voice and the act of one's religion. Calling for violence, inciting hatred, arbitrary actions against religious groups or their members, and defaming religious groups are all against the law. The country's 16 states have a lot of say in how religious groups are registered. Tax benefits are not available to religious groups that are not recognized. The law allows the central government to describe "modern" strict gatherings as "factions" and to give "exact data" or alerts about them to people in general.

Freedom of religion in Germany is guaranteed by article 4 of the German constitution. This states that "the freedom of religion, conscience and the freedom of confessing one's religious or philosophical beliefs are inviolable. Uninfringed religious practice is guaranteed". In addition, article 3 states that "No one may be prejudiced or favored because of his gender, his descent, his race, his language, his homeland and place of origin, his faith or his religious or political views". Any person or organization can call the Federal Constitutional Court of Germany for free help [3].

The constitution prohibits religious discrimination and provides for freedom of faith and conscience and the practice of one's religion. The country's 16 states exercise considerable autonomy on registration of religious groups and other matters. Unrecognized religious groups are ineligible for tax benefits. The federal government banned the Muslim association Ansaar International, stating it financed terrorism, and Hamburg's intelligence service said it would classify the Islamic Center Hamburg (IZH) as an organization receiving "direct orders from Tehran." Federal and some state offices of the domestic intelligence service continued to monitor the activities of numerous Muslim groups and mosques, as well as the Church of Scientology (COS). Certain states continued to ban or restrict the use of religious clothing or symbols, including headscarves, for some state employees [4]. A ruling on two German cases by the Court of Justice of the European Union said the needs of employers could outweigh an employee's right to wear religious clothing and symbols. Senior government leaders continued to condemn antisemitism and anti-Muslim sentiment and acts. In speeches in September and October, then Chancellor Angela Merkel expressed regret that public antisemitism had increased in the country and said Germany would expend great strength to resist it. The first antisemitism commissioner for the state of Hamburg assumed office in July; Bremen remained the only state without such a position.

The German system of state support for otherwise independent religious institutions assists all religions equally in principle, though in practice it has been unable to fully encompass some minority faiths [5]. The government has granted most of the country's major religious communities "public law

corporation" (PLC) status – *Körperschaft des öffentlichenRechts* in German – which allows for numerous benefits. Traditions that lack a centrally organized national structure – most notably Islam – have had difficulty attaining PLC status and the benefits that come with it.[6]

The oldest form of human expression of values, identity, and community – religion – has always been mediated. Through a variety of media, religious ideas are communicated, learned, represented, enacted, and opposed in contemporary society. Religion is discussed in the news, spreads through social media, and becomes a source of imagery for films, television, and websites. Since the so-called "mass media" emerged in the late nineteenth century, the media have become increasingly involved in social and cultural life. Even though oral transmission, ritual performance, writing, visual representation, and printing played an important role in the transmission of social and cultural knowledge in the past, they were less explicit about the processes they enabled. The interaction of social and technological advancements led to the development of the mass media. Automated printing, which created with the modern upset and tracked down its direction into mass-market correspondence in England during the 1870s, achieved significant changes underway, in gathering, and in the political economy of media.

To summarize, the religion in Germany which is seen and spread on websites varies. Journalism has traditionally been the primary means by which religion has been presented to the public by the media. The era of mass media began with the creation of a mass press, which led to the creation of new audiences and economies as well as new content. The majority of the press in Europe and North America prior to the mass media was partisan in some way and beholden to political, clerical, or even corporate authority [7]. Because of the new economy of mass publication, the press could no longer depend on patronage and would receive a wider range of content from new readers and audiences than in the past. The result was the idea that newspapers and magazines were public records. This was probably said by people who didn't think like special interests did. This sort of reporting expected to get comfortable with its, and new models of reporting and new jobs for reporting openly and political life arose. Religion and religious content have been independent of the entertainment media. These media have had a tendency to view the relationship in dualistic terms, as shown by the fact that religious and non-religious book bestseller lists are kept separate. Although the religious "market" for commercialized religious films, magazines, and books is now a multi-million-dollar industry all over the world, it is still regarded as a distinct field from the dominant and more substantial "secular" market [5].

Changes in religions of Germany and the media led to these trends. The media saw an exponential rise in the ubiquity and number of electronic and

digital media channels that were fed into homes around the world as a result of rapid changes in their structure and regulation. The media were simultaneously motivated to seek out new content and audiences and to become increasingly capable of providing material tailored to specialized tastes due to the simultaneous increase in the differentiation of printed media into smaller and smaller "niche" markets.

References

1. *Führer K. C., Ross C.* Mass Media, Culture and Society in Twentieth-Century Germany. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2006.

2. Fact sheet on the constitutional complaint at the Federal Constitutional Court. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/organisation/vb_merkblatt.html (date of access: 23.03.2024).

3. Germany // Berkley Center for Religion, Peace, and World Affairs. URL: https://web.archive.org/web/20131012004817/http:/berkleycenter.georgetown.edu/resources/countries/germany (date of access: 23.03.2024).

4. *Korioth S.* "Jedernach seiner Façon": Grundgesetzfür die multireligiöse Gesellschaft" // KritischeJustiz, Beiheft. 2009. № 1. S. 175.

5. *Ladeur K.-H., Augsberg I.* The Myth of the Neutral State. The relationship between state and religion in the face of new challenges // German Law Journal. 2007. № 8(2). P. 143–152.

6. *Muckel S.* The "Church of Scientology" under German Law on Church and State German // Yearbook of International Law. 1999. № 41. P. 299.

7. *Heinig H.M.* Law on Churches and Religion in the European Legal Area – Through German Glasses // German Law Journal. 2007. № 8(6). P. 563–576.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ХАДИСОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИИ ИСЛАМА В МАВЕРАННАХРЕ

М. Ф. Алимова

Международная исламская академия Узбекистана, А.Кадири 11, 100011, г. Ташкент, Узбекистан, mahfuza1975@mail.ru

В статье анализируются исследования и подходы к изучению хадисоведения и истории ислама в Мавераннахре в Узбекистане за последние годы. По этой специальности в годы независимости Республики Узбекистан защищены больше ста диссертации на соискании ученый степеней. В статье освящены основные моменты научных исследований современных соискателей таких как, М. Алимова, Н. Тураев, М. Жониев, А. Иноятов, Б. Амонов и др. В своих исследованиях они изучали знаменитые труды средневековых учёных и доказывали собственные научные точки зрения основываясь на новых подходах.

Ключевые слова: хадис; Имам Бухари; сборники; Мавераннахр; история; ислам.

APPROACHES TO THE STUDY OF HADITH AND ISLAM HISTORY IN MAVERANNAHR

M. F. Alimova

International Islamic Academy of Uzbekistan,
A. Kadiri 11, 100011, Tashkent, Uzbekistan, mahfuza1975@mail.ru

The article analyzes research and approaches to the study of hadith and the history of Islam in Transoxiana in Uzbekistan in recent years. In this specialty, during the years of independence of the Republic of Uzbekistan, more than one hundred dissertations for academic degrees were defended. The article highlights the main points of scientific research of modern applicants such as M. Alimova, N. Turaev, M. Joniev, A. Inoyatov, B. Amonov, etc. In their research, they studied the famous works of medieval scientists and proved their own scientific points of view based on on new approaches.

Keywords: hadith; Imam Bukhari; collections; Transoxiana; history; Islam.

Специальность «История и источниковедение ислама» входит в состав отрасли исторических наук и предусматривает изучение течений и школ (мазхабов), религиозных учений, историю и источниковедение ислама, суфизма, культуры исламского периода на основе современных

научных методологий и методов. В область исследований этой специальности входят такие вопросы, как исследование отношений государства с религиями, влияние процессов глобализации на религиозные традиции, проблемы фанатизма, экстремизма, фундаментализма и религиозного модернизма. А также методы и методология исследования истории и источниковедения, историографии ислама, кодикология и герменевтика мусульманских источников (Коранистика, экзегетика и хадисоведение), исламское правоведение (фикх), теология (калам, акида), история ислама, история течений и школ (мазхаб), исламская философия и др.

По этой специальности в годы независимости Республики Узбекистан защищены больше ста диссертации на соискании ученый степеней. Из них диссертация М. Ф. Алимовой на тему «Вклад Имама ад-Дарими в развитие илм ал-хадис» (2009) посвящена изучению жизни и творчества самаркандского мухаддиса Абдуллаха ибн Абдурахмана ад-Дарими, жившего в IX в., а также исследованию его единственного, дошедшего до нашего времени произведения «Сунан». А целью исследования Нуъмонжона Насибжоновича Тураева являлось изучение произведения «ат-Тарих ал-кабир» Имама Бухари как важный источник учения хадисов". В работе аргументировано, что "ат-Тарих аль-Кабир" является источником по "джарху и тадиля" (дискредитация и рекомендация передатчиков хадисов) содержит основные принципы, необходимые для определения достоверности личности рассказчика хадисов, его учителей и учеников, не обвинялся ли во лжи в период жизни, о прочности его памяти, времени и места проживания и так далее. Автор доказал, что "ат-Тарих аль-Кабир" был особо признан мухаддисами, так как является важным источником для определения подлинности рассказчиков, после знаменитого труда Имама Бухари «Аль-Джами ас-сахих». Тураев определил, что Имам Бухари использовал 13 типов терминов, относящихся к «джарху», и 8 видов «тадил» в общей сложности в 600 местах, диссертант отметил о 107 рассказчиков как заслуживающие доверия, а также определил число слабых и «надежных».

Научное исследование Жониева Музаффара посвящённая раскрытию источниковедческой ценности документов казийских ведомств Ташкента в изучении социальных и семейных отношений в XIX– начале XX вв. Автор на основе оформленных в казийских ведомствах Ташкента 1000 архивных документов, гражданских и нотариальных исторических актов раскрыл что в надежной защите прав и свобод сторон, в повышении правовой культуры и сознания населения казии строго придерживались законов, а также в обеспечении стабильности социальных отношений основывались на принципах гуманности и справедливости; выявлил, что начиная со второй половины XIX века казиями города Ташкента была внедрена

практика внесения решений и записей по рассмотренным делам в специальные книги «Регистраций решений» и «Регистраций актов», где содержатся важные сведения о демографии, социальном составе, экономическом потенциале населения и топонимии региона; доказал, что при заключении брачного контракта напоминание будущей паре об их правах и обязанностях, возложение ответственности на мужа не оставлять жену без пособия, не применять насилие и притеснение, без ее согласия не уводить ее далеко от родных оказывало заметное влияние на обеспечение стабильности и уменьшению числа семейных разводов в Ташкенте. Жониев показал, что в казийских ведомствах Ташкента при решении гражданских дел, связанных с частной собственностью, казии для смирения тяжущих сторон использовали практику отказа истца в пользу ответчика от имущественного права, которую оформляли в широко распространенной форме документа ибро (отказ от прав).

Работа К.Мирзаахмедова посвящена изучению деятельности Имама Абу Ханифы как мухаддиса и его вклад в развитие науки хадисов. Автор в своём исследовании согласно анализу научной среды Куфы во времена Абу Ханифы и автобиографическим данным ученых того времени, каждый ученик должен был изучать хадис с двадцати лет, поэтому было доказано, что эта традиция была фактором в формировании Абу Ханифы как мухаддиса, дающего фетву, основанного на хадисах.

А также в работе доказано, что Абу Ханифа сформировал особый метод, что фраза «Ахль аль-рай» («أهل الرأي»), как истолковывали мутазилиты и хариджи, применяемая к ханафитам, относится к факихам, то есть к муджтахидам, которые выводят постановления шариата из доказательств, что в дополнение к хадисам религиозных и интеллектуальных аргументов в своем отношении к мутазилитам и течениям хариджи, основанным на разуме. Мирзаахмедов раскрыл, что Китаб аль-асар (كتاب الآثار) и Муснад (مسند) Абу Ханифы суммируют хадисы фикха, которые дошли до нас через самые надежные повествования, что они привели к признанию Абу Ханифы мухаддисом и доказано уровень знаний ученого в хадисах, что критика со стороны разных направлений о том, что «он слаб в хадисах», безосновательна.

Мехрожиддин Аманов в своем исследовании описал и анализировал локальных центров накшбандия-муджаддидия XVIII-XIX вв., он выявил, что в автографе рукописе “Мирот ус-соликийн” освещены вопросы связанные с историей суфизма, формирование братства накшбандия-муджаддидия и её развитие до конца XIX века, а также деятельность 45 шайхов Центральной Азии, в списке “Силсилаи накшбандия” представлены духовная генеалогия этого братства. На основе изучения документальных источников определил, что в XVIII-XIX вв. в некоторых местах в системе

образования наблюдается снижение уровня учебного процесса, усиление формальности в школах и чтобы предотвратить все это Суфи Аллохёр лично сам открывает медресе в Чункаймише и занимается преподаванием в учебном заведении. На основе надгробных надписей автором определены имена, даты смерти и места захоронений наставников и представителей накшбандия-муджаддидия, такие как Суфи Аллаяр, Мухаммад Ислам шейх Каррухи, Мавлоно Мирмухаммад Ибрагим ходжа и члены их семей, способствовавших развитию и распространению суфизма в Мавераннахре и в местах, а также аргументировано их духовная генеалогия.

Работа Иноятова Азизходжи Хайруллоевича посвящена освещению взглядов Имама аль-Бухари на толкование Корана в его произведении “аль-Джами ас-сахих”. В исследовании автор доказал, что в произведении «аль-Джами ас-сахих» Имама аль Бухари, являющейся сборников хадисов, впервые была выделена отдельная глава “Китоб ат-тафсир”, посвященная толкованию Корана, которая в последующем стала традицией в создании многотомных сборников хадисов. Он выявел, что в отличие от других сборников хадисов в произведении “аль-Джами ас-сахих” отдельно освещаются все 114 суры Корана и в разделе книги о тафсире из 50-ти лиц, автор включил лишь повествования 12 ученых из Ирака, Хиджаза и Шома, передавщих хадисы где наблюдался расцвет науки тафсир и этим внес большой вклад в распостранение знаний о тафсире и в других регионах.

Другой исследователь Бароат Амонов изучил комментарии ханафитских ученых к «аль-Джами ас-Сахих» Имам Бухари на примере «Умдат аль-Кари». Амонов показал подлинность комментария Бадрудина Айни «عمدة القاري» (Умдат аль-кари), который был учеником Имама Бухари, к «Сахих аль-Бухари» (صحيح البخاري), доказав, что Мухаммад ибн Юсуф Фирабри тремя путями (Абу Хайтам Кашмихини, Абу Мухаммад Сарахси, Абу Али ибн Шибавайх) и существованием восьми непрерывной и надежной цепочки передатчиков-шейхов в каждом направлении.

Амонов определил, что в период правления мамлюкского султана Ашрафа Шаабана в Египте XV века, в результате подъема внимания к наследию Имама Бухари на уровень государственной политики практика изучения «аль-Джами ас-сахих» широко применялся, а «Сахих аль-Бухари» читался в резиденции султана в Каире и в центральных мечетях в месяц Рамадан, как и Священный Коран. В работе было выявлено, что Бадруддин Айни основал особую методику и школу в преподавании «аль-Джами ас-Сахих» на примере своего учреждения «Айни Медресе» на основе ханафитского толка и внедрил метод запоминания, комментирования и сравнительного анализа выявленных хадисов. Автор доказал, что Бадр ад-Дин Айни подробно интерпретировал хадисы в труде «Умдат аль-

кари» по ханафитской традиции на основе двадцати критериев с точки зрения юриспруденции, грамматики, лингвистики и источниковедения, что являются: высказывание рассказчиков хадисов», «изложение типов хадисов», «вопрос-ответ», «получение юридического решения» и «польза от хадисов» (файда).

Изучение наследий великих мыслителей способствуют углублению наших знаний по истории ислама, истории науки и культуры Мавераннахра и тем самым имеют большое значение в восстановлении национальных ценностей. Труды мыслителей Центральной Азии не ограничиваются отражением общих правил, касающихся учения исламской религии, они возвеличивают такие общечеловеческие ценности как любовь к Родине, доброту, великодушие, уважение к старшим, милосердию, безвозмездную помощь бедным, трудолюбие, честность и др.

Библиографические ссылки

1. *Alimova M.* Actual development trends of religious studies in uzbekistan // The Light of Islam. 2019. № 4. URL: https://uzjournals.edu.uz/iiau/vol2019/iss4/42 (date of access: 23.03.2024).

2. *Alimova M.* The contribution of imam ad-darimi to the development of hadith science // The Light of Islamю 2020. № 2. URL: https://uzjournals.edu.uz/iiau/vol2020/iss2/15(date of access: 23.03.2024).

3. Моваройннаҳр алломаларининг ҳадис илми ривожига қўшган ҳиссалари. Тошкент: Моваройннаҳр, 2011.

ЕВРЕЙСКАЯ КАЛЛИГРАФИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУКОПИСЯХ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ И КАКАЯ ОНА?

Е. М. Белкина

Институт восточных рукописей РАН,
Дворцовая наб., 18, 191186, г. Санкт-Петербург, Россия, belkinakat@gmail.com

Статья рассматривает проблематику определения отдельных типов письма в средневековых еврейских рукописях как примеров еврейской каллиграфии. Сегодня нет ни одной подробной работы, в которой бы приводилось ее определение. Часто оперируют «микрографией» как примером каллиграфии, однако автор утверждает, что это подмена понятий. Наоборот, на наш взгляд, одни из ключевых шрифтов средневековых рукописей воспринимались современниками как «каллиграфичные» – мы же исследуем их как основные шрифты рукописей, без эстетической составляющей (напр., «восточный библейский шрифт» или «шрифт Раши»).

Ключевые слова: еврейские рукописи; каллиграфия; библейские рукописи; микрография; евреи Востока.

HEBREW CALLIGRAPHY OF THE MEDIEVAL MANUSCRIPTS: DOES IT EXIST AND WHAT IS IT?

E. M. Belkina

Institute of Oriental Manuscripts RAS,
Dvortsovaya Emb., 18, 191186, Saint-Petersburg, Russia, belkinakat@gmail.com

The article examines a question of identifying the Hebrew calligraphy in the Middle Ages: how can one call any script a ‘calligraphic’ script. Now there are no works that could provide its definition or criteria for identifying. Micrography is often called ‘calligraphy’. I argue that it leads to misunderstanding. On the contrary, in my opinion, some of the key script modes as we see them now were perceived by the medieval Jews as calligraphic. They are the Biblical Oriental square script and the script of Rashi.

Keywords: Hebrew manuscripts; calligraphy; Bible manuscripts; micrography; Eastern Jews.

Основные работы, которые написаны по еврейской палеографии в Средние века, сосредоточены на задаче датировки, локализации и типологизации еврейских памятников. Палеографы-гебраисты (в первую очередь, проф. М. Бейт-Арье, К. Сират, С. М. Якерсон, Дж. Ольшови-Шлангер, д-р Э. Энгель, А. Ярдени) в своих работах стремились предложить разные подходы к тому, как описывать имеющиеся палеографические и кодикологические данные памятников. Основная работа, которая стала

результатом многих десятилетий исследований, принадлежит проф. М. Бейт-Арье и называется «Hebrew Codicology» [5], в которой бóльшая часть посвящена кодикологии, что ясно из названия, но и содержит палеографическую составляющую, довольно лаконичную. Другими крупными работами стали монографии «Hebrew Manuscripts of the Middle Ages» проф. К. Сират [6] и «Еврейская средневековая книга...» С. М. Якерсона [2]. В них представлено общее книговедческое исследование рукописи как источника: работа писца, характеристики письменных традиций разных регионов, типов письма и т. д., и представлены способы типологизации еврейской графики[1]. Исследование разных типов письма нашло отражение в труде «Hebrew Script in Jewish Manuscripts» А. Ярдени [8]. Оно фрагментарно, т.к. автор показывает шрифты обособленно, опуская взаимосвязи между ними и диахронические видоизменения. Так, будто бы сам по себе описан бухарский вид письма, характерный для памятников XV в., но нет никаких других «бухарских» шрифтов. Остальные труды представляют собой разрозненные статьи, посвященные конкретному источнику или корпусу памятников. Наибольшее значение в разработке типологизации еврейской палеографии в Израиле принадлежит д-ру Э. Энгель, работавшей в конце XX в. в рамках «Еврейского палеографического проекта»[2], а самым крупным проектом европейских исследователей является создание альбома «HebrewPal» под руководством проф. Дж. Ольшови-Шлангер. Ей же принадлежат все последние разработки по описанию и различению графем по *способу начертания* буквы.

Однако, нет ни одного сколько-нибудь подробного исследования по еврейской каллиграфии. Несколько лет назад были опубликованы средневековые списки книготорговцев, сохранившиеся в Каирской генизе [4]. Этим спискам посвящена вся книга Нехемии Аллони, но лишь несколько из этих источников содержат в себе указания, каким шрифтом написаны рукописи, выставленные еврейскими торговцами на продажу. Списки

[1] Существуют две принятые типологизации: вид письма – географическая характеристика; тип письма – структурная характеристика графики источника. Рассматриваются 5 геокультурных регионов: Восток, Ашкеназ, Сефарад, Италия и Византия; по структуре, т. е. способу начертания письма, выделяют 3 типа письма: квадратный, полукурсивный и курсивный типы письма. Автор во многих работах публиковал подробные перечни всех характеристик, см., напр., [1]. Для данной работы они не столь релевантны.

[2] Проект по описанию и микрофильмированию еврейских рукописей под эгидой Национальной библиотеки Израиля с 1960-х гг. Сотрудники проекта (в том числе проф. Бейт-Арье и Сират) впервые создали принятую сегодня типологизацию по регионам, а также в их работах, как и в статьях д-ра Энгель, появляются различения по типу письма. Результаты деятельности проект нашли отражение в альбомах «Specimens» для регионов Востока, Сефарада и Ашкеназа. Описание подхода см. в первом альбоме: [7].

были написаны на еврейско-арабском языке и, соответственно, названия шрифтов также даны по-арабски.

Во-первых, в данных списках нет описания, что стоит за каждым термином. Эти названия были рассчитаны на покупателей, которые поймут контекст и сразу приобретут рукопись. Поэтому нет ни одного уточнения, по каким критериям один шрифт называется *мухаккак* (евр.-араб. מחקק)[1], а другой называется, например, *мужлис/ мужаллас* (евр.-араб. מג'לס)[2]. Проф. Ольшови-Шлангер в своих лекциях[3] приводит перевод термина *мухаккак* как «роскошный, прекрасно структурированный», а *мужлас* – как «посаженный [на строку]». Оба варианта относятся к квадратному типу письма восточного вида X–XII/XIII вв. Обычно такие шрифты воспринимаются как «уставные» в рамках еврейской палеографии. Соответственно, на русский язык само причастие *мухаккак* можно перевести как «уставной». В этот момент, когда исследователь использует понятие «уставной шрифт» для ранней библейской рукописи, и начинается проблематика еврейской каллиграфии, о которой будет сказано ниже.

Во-вторых, в тех же самых средневековых перечнях встречается географическое описание: «иракский», «магрибинский». Что делать с такими определениями, также неясно. Какой тип письма подразумевался книготорговцем: квадратный или (полу)курсивный? К сожалению, мы не можем сопоставить дошедшие до наших дней рукописи с теми данными, которые указаны в списках, иначе это бы намного расширило наши знания о том, что восточные евреи, скажем, X–XI веков называли каллиграфией.

Таким образом, когда исследователь произносит «каллиграфичный текст» для еврейской рукописи, он попадает в ловушку некого обывательского представления. Необходимо более точное представление, 1) от чего отталкиваться, 2) как определить инвариативность графем в каллиграфичном еврейском шрифте.

Автор предлагает взглянуть на квадратный библейский шрифт, которым выполнялись крупные кодексы Еврейской Библии X–XIII вв., как раз как на каллиграфичный шрифт. Квадратный тип предполагает, что каждая графема должна быть вписана в «условный квадрат», т. е. пропорции вертикальных и горизонтальных элементов каждой графемы равны и по высоте, и ширине линии. Таким типом письма выполнены знаменитые «Алеппский кодекс» и «Ленинградский кодекс». Традиционно исследователи сравнивают все остальные тексты именно с их шрифтами: это

[1] Так описан текст в документе шифра T-S Ar.52.214 (n.61), Кембридж.

[2] Текст в документе шифра T-S NS 312.84 (n.5), Кембридж. Без огласовок нам неизвестно точное произношение этих средневековых понятий.

[3] Курс «Hebrew Manuscripts in the Digital Age» читается ею с 2022 г. по-английски в рамках École Pratique des Hautes Études в Сорбонне.

отражено в большинстве указанных в начале статьи публикаций. Типологизация начинается с квадратного типа письма, именно с библейского варианта как с самого яркого и «правильного».

В то же время большинство еврейских рукописей не имеют столь ровных и сложных по структуре графем. В библейском шрифте многие графемы имеют дополнительные засечки, выписанные в отдельный элемент, навершия, изгибы и удлинения отдельных элементов. Такие изменения в структуре графемы практически никогда не встречаются в *обычных*, т.е. небиблейских, рукописях.

С другой стороны, когда палеограф-гебраист обнаруживает в рукописи микрографию, он традиционно воспринимает ее как вариант еврейской каллиграфии. Отчасти это обусловлено общим визуальным восприятием, ведь микрография используется для создания сложного геометрического декора. Вот только графемы, которыми выписаны слова такого орнамента, совсем не совпадают по сложности с библейским шрифтом на соседних листах. Они лишены большинства засечек, имеют в своей структуре только буквообразующие элементы – те, по которым читатель отождествляет графемы алфавита. Поэтому, на наш взгляд, микрография должна восприниматься исключительно как *способ* передачи эстетической составляющей, некий средневековый метод наполнить еврейскую рукопись «иллюстрациями». Сами графемы внутри микрографии никак не улучшают наше восприятие: они слишком условны и слишком невелики по размеру, чтобы смотрящий видел в них «предмет визуального искусства». С точки зрения палеографии графические формы букв в микрографии не имеют никакой каллиграфической нагрузки.

Другое дело с самим библейским шрифтом. Указанные крупные библейские кодексы были предметом роскоши, стояли дорого, украшались золотом, были большого формата (размером 30х30 см и более). В таких рукописях видна разница между основным библейским текстом и текстами на полях (масорой), колофонами, владельческими надписями и т.д. Библейский шрифт имеет множество нюансов в структуре графем, *маргинальные* тексты этого лишены. В задачу переписчиков библейского кодекса на Востоке в X–XII/XIII вв. входило создание сразу двух этих шрифтов на одной странице: библейского шрифта и некоего простого шрифта для остальных текстов. Важно, что по структуре графем это будут оба квадратных типа письма, однако выглядеть они будут по-разному.

Исследуя различные рукописи, автор пришел к заключению, что как раз второй, упрощенный, квадратный тип письма преобладает в *обычных* рукописях: он встречается в тафсирах, грамматиках, трудах по астрономии и медицине. Важно, на наш взгляд, что такой упрощенный вариант начертания графем встречается и в документах. Поэтому «библейский

шрифт» – это особенный шрифт: именно он является примером средневековой каллиграфии, ведь каждая графема инвариативна, тождественна самой себе на протяжении всего библейского текста; писец уделяет ей много времени при написании, каждая графема состоит не из двух-трех элементов, а из пяти-шести.

Такое усложнение есть необходимость создать декоративный шрифт для дорогих и роскошных еврейских рукописей. Библейский шрифт является потому итогом развития *обычного* квадратного типа письма, а не наоборот. Например, в Вавилонских еврейских академиях в раннее средневековье работали писцы, фиксировавшие все происходящее в академиях. Ни один из их сохранившихся документов не зафиксирован библейским шрифтом, так как времени у писца-секретаря выполнять работу по *декорированию* своего текста не было. Наоборот, когда переписчику заказывался крупный библейский кодекс, наличие декоративного библейского шрифта подразумевалось (что выводится статистически из имеющихся рукописей X в. и далее). Поэтому библейский шрифт – следствие развития письма от простого шрифта к каллиграфии, а *мухаккак* или *мужлис* в описаниях средневековых книготорговцев, на наш взгляд, отражают, например, способ декорирования, а не сам тип письма.

Подобно библейскому шрифту сефардский (испанский) полукурсив в конце Средних веков и все Новое время именовался «шрифтом Раши». Это связано с историей еврейского книгопечатания: шрифт, которым был набран в инкунабулах текст комментария рабби Шломо Ицхаки (Раши). Литеры «шрифта Раши» были отражением сефардского полукурсива XIV–XV вв. [3]. Сефардский полукурсив более ранних столетий выглядел иначе, поэтому называть его «шрифтом Раши» неправильно. Однако, в прежние столетия библиотекари упрощали источниковедческое описание обрабатываемых ими рукописей и любой сефардский полукурсив именовали «шрифтом Раши»! Сегодня же становится очевидным, что под «шрифтом Раши» скрывается конкретный каллиграфичный шрифт, изобилующий усложнением структуры графем и инвариатиный для рукописей XV в. из Испании.

В итоге, можно утверждать, что еврейская каллиграфия существовала в Средние века и была известна в еврейских диаспорах. Исследователи же часто отталкиваются от этих каллиграфичных шрифтов в своих типологизациях и исследованиях, хотя, на наш взгляд, к ним необходимо возводить некоторые упрощенные варианты письма. Так, библейский шрифт был всегда вторичен по отношению к простому квадратному типу письма. То же касается и «шрифта Раши»: он развился из сефардского полукурсива, однако этим термином нельзя называть любой полукурсив.

Библиографические ссылки

1. *Белкина Е. М.* Между Средневековьем и Новым временем: датировка нескольких фрагментов еврейско-персидской рукописи (C40 Евр. фонда ИВР РАН) // Ориенталистика. 2021. № 4(5). С. 1219–1237.

2. *Якерсон С. М.* Еврейская средневековая книга: кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты. М. : РГГУ, 2003.

3. *Якерсон С. М.* Оцар Сефарад – Сефардская сокровищница. Сефардская книга X–XV вв. От рукописной к печатной традиции. Учебнометодическое пособие для студентов СПбГУ, обучающихся по направлению «Востоковедение и африканистика». Спб. : Филологический факультет СПбГУ, 2015.

4. *Allony N.,* et all. Jewish Library in the Middle Ages: Book Lists from the Cairo Genizah = הספרייה היהודית בימי הביניים: רשימות ספרים מגניזת קהיר. Jerusalem : Ben-Tzvi Institute, 2006 (in Hebrew).

5. *Beit-Arie M.* Hebrew Codicology: Historical and Comparative Typology of Medieval Hebrew Codices based on the Documentation of the Extant Dated Manuscripts until 1540 using a Quantitative Approach. Jerusalem–Hamburg : The Israel Academy of Sciences and Humanities, 2021.

6. *Sirat C.* Hebrew Manuscripts of the Middle Ages / Ed. and transl. N.de Lange. Cambridge : Cambridge University Press, 2002.

7. Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts. Volume I. Oriental and Yemenite Scripts / Comp. by M. Beit-Arie, E. Engel, A. Yardeni. Jerusalem : Israel Academy of Sciences and Humanities, 1987 (in Hebrew, with an English Foreword).

8. *Yardeni A.* The Book of Hebrew Script: History, Paleography, Script Styles, Calligraphy & Design. Delaware : Oak Knoll, 2003.

ВЕДУЩИЕ ГОСТИНИЧНЫЕ БРЕНДЫ КЛАССА ЛЮКС АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

В. М. Дедок

Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4220013, г. Минск, Беларусь, viktoria_dedok@yahoo.com

Статья посвящена ведущим гостиничным брендам класса люкс Азиатско-Тихоокеанского региона. Кратко представлен основной обзор развития сегмента класса люкс в регионе (ведущие компании, ключевые сделки, прогнозы открытия отелей класса люкс в регионе); представлена краткая информация о ведущей компании в сфере гостеприимства Индии Indian Hotels Company Limited (IHCL); подробно рассмотрен гостиничный бренд с 120-летней историей развития Taj Hotel; представлена структура сегмента отелей класса люкс в регионе (независимые отели, сетевые отели, а также доля таких ведущих гостиничных корпораций, как Marriott, Hyatt, IHG, Accor).

Ключевые слова: отели класса люкс; Азиатско-Тихоокеанский регион; Taj Hotels; IHCI.

THE LEADING LUXURY HOTEL BRANDS OF THE ASIA-PACIFIC REGION

V. M. Dedok

Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220013, Minsk, Belarus, viktoria_dedok@yahoo.com

The article is devoted to the leading luxury hotel brands in the Asia-Pacific region. The main overview of the development of the luxury segment in the region is briefly presented (leading companies, key deals, forecasts for the opening of luxury hotels in the region); brief information about the leading company in the hospitality industry of India Indian Hotels Company Limited (IHCL) is presented; the hotel brand with a 120-year history of Taj Hotel development is considered in detail; the structure of the luxury hotel segment in the region is presented (independent hotels, chain hotels, as well as the share of such leading hotel corporations as Marriott, Hyatt, IHG, Accor).

Keywords: luxury hotels; Asia-Pacific region; Taj Hotels; IHCI.

По данным консалтинговой компании Mordor Intelligence, в 2024 г. рынок отелей класса люкс в Азиатско-Тихоокеанском регионе оценивался в 18,4 млрд долл. США. По прогнозам, в период с 2024 г. до 2029 г. объем рынка отелей класса люкс в Азиатско-Тихоокеанском регионе увеличится в среднем на 8% [1].

Рост численности представителей высшего и среднего класса в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также повышение уровня жизни населения внесли существенный вклад в развитие рынка отелей класса люкс. Дополнительным позитивным фактором для будущего роста мирового рынка отелей класса люкс является постепенная интеграция технологий в операционную деятельность отелей.

Неудивительно, что лидирующую позицию в Азиатско-Тихоокеанском регионе по росту внутреннего гостиничного рынка класса люкс занимает Китай, который в ближайшие годы откроет еще больше отелей класса люкс. Австралия занимает второе место, за ней следуют Индия и Индонезия. В среднем более низкие темпы развития отмечаются в Таиланде и Вьетнаме. Вместе с тем, рынок отелей класса люкс во Вьетнаме в среднем будет больше, чем во многих других странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Крупные международные бренды лидируют на гостиничном рынке Азиатско-Тихоокеанского региона, но более мелкие сети и местные девелоперы также создают привлекательные предложения для своих клиентов. Самым крупным проектом, который открытие которого запланировано в Азиатско-Тихоокеанского регионе, является эко-курорт Муй Динь во Вьетнаме (Mui Dinh Ecopark) площадью 728 га. В проекте будет 7000 номеров и 500 вилл с видом на море, а также такие удобства, как парк развлечений, казино, пляжный клуб и горный клуб [2].

Международные гостиничные бренды вкладывают в Азиатско-Тихоокеанский регион крупные инвестиции с целью расширения своего присутствия. Так, гостиничная корпорация Hyatt объявила о планах открыть 21 новый отель класса люкс в данном регионе: будут открыты семь отелей Park Hyatt, шесть отелей Grand Hyatt, шесть отелей Andaz и два курорта Alila resorts. Кроме того, растущее присутствие местных конкурентов, таких как Banyan Tree, Shangri-La International Hotel Management и The Oberoi, будет способствовать росту рынка [1].

В 2023 г. в Азиатско-Тихоокеанскомрегионе запланировано открытие 10 отелей класса люкс: Andaz Pattaya Jomtien Beach (Тайланд); Artyzen New Bund 31 Shanghai (КНР); Artyzen (Сингапур); Bvlgari Hotel Tokyo (Япония); Four Seasons Hotel Suzhou (КНР); Cap Karoso, Indonesia, Innit Lombok (Индонезия); Six Senses Kanuhura Resort (Мальдивы); Janu (г.Токио, Япония); Regent (Гонгконг); Westin Rishikesh Resort & Spa: Rishikesh (Индия) [1].

Гостиничная группа Pan Pacific Hotels Group объявила, что в 2023 г. удвоит ассортимент отелей класса люкс с обслуживанием, открыв их в таких ключевых городах, как Бангкок, Ханой, Джакарта, Куала-Лумпур и Найроби (+ более 4000 комнат).

Гостиничная группа Mandarin Oriental объявила, что будет управлять новым курортом с фирменными резиденциями в провинции Фуен, одном из прибрежных регионов Вьетнама. Открытие проекта запланировано на 2026 г., и он станет третьим отелем группы во Вьетнаме.

Отели и курорты Fairmont Hotels & Resorts, входящие в ведущую мировую гостиничную группу Accor, и Asset World Corp Public Company Limited (AWC), ведущая интегрированная группа в сфере недвижимости Таиланда, объявили о подписании соглашения о строительстве первого отеля Fairmont в Таиланде. Fairmont Bangkok Sukhumvit откроется в 2024 г. и станет первым проектом, подписанным в рамках рамочного соглашения AWC с Accor о сотрудничестве в сфере недвижимости, которое превратит Бангкок в глобальный центр роскошного отдыха, бизнеса и групповых путешествий.

К числу ключевых игроков отелей класса люкс в Азиатско-Тихоокеанском регионе следует отнести такие компании, как Penninsula Shangai, The Indian Hotels Company Limited, JW Marriott, Hyatt Group, Mandarin Oriental Hotel Group и др.

The Indian Hotels Company Limited является ведущей компанией в сфере гостеприимства в Индии и регионе Южная Азии. По данным на 30 июня 2024 г., под ее управлением находятся 6 гостиничных брендов, включая легендарный бренд Taj Hotels с 120-летней историей развития (табл. 1), 85 спа-центров, более 540 ресторанов.

Таблица 1

Структура портфолио гостиничных брендов компании IHCI (по данным на 30.06.2024 г.)

Гостиничный бренд	Отели в управлении, ед.	Отели на этапе проектирования или строительства, ед.	Всего, ед.
Taj	81	33	114
SeleQtions	23	13	36
Tree of Life	16	0	16
Gateway	8	8	16
Vivanta	30	22	52
Ginger	66	26	92
Всего	224	102	326

Составлено по: [3].

В табл. 2 представлены данные по развитию портфолио гостиничных брендов компании IHCI в первом квартале 2025 г.

Таблица 2

Расширение портфолио компании IHCL
(по данным на 30.06.2024 г., количество отелей)

Форма расширения	Гостиничный бренд						
	Taj	SeleQtions	Tree of Life	Gateway	Vivanta	Ginger	Итого
Подписание контракта	6	2	2	3	1	2	16
Открытие отеля	-	1	2	-	1	2	6

Составлено по: [3].

Согласно данным консалтинговой компании Brand Finance, в 2024 г. гостиничный бренд Taj Hotels, стоимость которого оценена в 545 млн долл США, в рейтинге Brand Strength Index (BSI) третий год подряд занял лидирующее место (92,9 балла из 100, категория AAA+). Иными словами, бренд Taj Hotels удостоен звания самого сильного гостиничного бренда в мире. Кроме этого, бренд Taj Hotels признан вторым самым быстрорастущим брендом в мире после Four Points от Sheraton [4] и самым сильным гостиничным брендом в Индии в 2024 г.

История сети отелей класса люкс **Taj Hotels** берет начало в 1903 г. с открытия в г. Бомбее (Индия) пятизвездочного двореца-отеля Taj Mahal Palace. Согласно легенде, Джамсетджи Нусерванджи Тата, состоятельному индусу из хорошей семьи, было отказано в посещении одного английского отеля, что стало причиной проявления с его стороны своеобразного протеста против отношения британцев-колонизаторов к жителям Индии посредством открытия своего собственного роскошного отеля, который до сих пор считающийся самым роскошным в г. Мумбае. Пока отель находился в стадии строительства, Дж. Н. Тата ездил в Лондон, Дюссельдорф, Берлин и Париж, чтобы лично подобрать мебель, уделяя пристальное внимание каждой детали, от ткани до осветительных приборов. В Париже он присутствовал на открытии Эйфелевой башни и вдохновился идеей заказать 10 колонн из кованого железа, на которых сейчас находится бальный зал отеля. Интерьеры отеля были украшены полудрагоценными камнями, коврами ручной работы, дорогой и изысканной мебелью. Персонал был обучен в соответствии с европейскими стандартами качества. Отель имел электричество и являлся единственным зданием с электричеством во всем городе.

Сейчас сеть является дочерней компанией Indian Hotels Company Limited (IHCL) [5] и управляет 114 отелями и курортами [3], основная часть из которых расположены на территории Индии, остальные – в Шри-Ланке, ЮАР, Непале, ОАЭ, Великобритании, США, Замбии и на Мальдивах. Общий номерной фонд составляет более 16 000 гостиничных номеров.

К числу наиболее известных отелей бренда можно отнести Taj Mahal Palace (г. Мумбаи, Индия), Taj Lake Palace (г. Удайпур, Индия), Taj Falaknuma Palace (г. Хайдарабад, Индия), Taj Dubai (г. Дубаи, ОАЭ), Taj Exotica Resort & Spa (Мальдивы).

Легендарное здание Taj Mahal Palace в г.Мумбаи является олицетворением величия и элегантности эпохи британского колониального правления. Оно сочетает в себе элементы индийской, мавританской и европейской архитектуры, образуя уникальный неповторимый облик. Высокие куполообразные башни, резные балконы, изящные арки и расписные потолки создают поистине дворцовую атмосферу. Внушительный фасад с башенками и часами узнаваем во всем мире.

В ноябре 2008 г. произошла трагедия, связанная с отелем Taj Mahal Palace в г. Мумбаи [6]. В ходе серии террористических атак в городе, один из основных ударов пришелся именно на отель: в течение 3 дней группа террористов удерживала его, в результате чего погибли более 160 человек, а здание отеля получило значительные повреждения. В 2010 г. отель вновь открыл свои двери для гостей. В 2018 г. вышел художественный фильм «Отель Мумбаи: Противостояние», сюжет которого воссоздает хронику нападения, героизм сотрудников отеля, которые самоотверженно пытались спасти людей, и драматичные моменты противостояния террористам.

Taj Lake Palace в г.Удайпуре расположен прямо на воде озера Пичола и был изначально построен в 1746 г. как летняя резиденция махараджи. Белоснежный мраморный дворец с куполами и башенками отражается в спокойных водах озера, создавая поистине сказочную картину. Внутренние дворики, фонтаны, изысканные интерьеры в традиционном раджастханском стиле с росписями на стенах – все это делает Taj Lake Palace одним из самых романтичных и атмосферных отелей в мире.

Taj Falaknuma Palace в г. Хайдарабаде - роскошный дворец-отель – был построен в 19 в. по заказу самого богатого человека того времени - низама Хайдарабада. Здание выполнено в великолепном итало-готическом стиле с элементами мавританской архитектуры. Внутри сохранены интерьеры с мраморными полами, резными деревянными панелями, хрустальными люстрами и бесценной антикварной мебелью. Роскошная обстановка и невероятные виды на город создают по-настоящему королевскую атмосферу для гостей.

В отелях сети Taj останавливались такие знаменитые гости, как президент США Билл Клинтон и первая леди Хилари Клинтон (Taj Palace, г. Нью-Дели), премьер-министр Великобритании Тереза Мэй (Taj Falaknuma Palace, г.Хайдарабад), писатель Марк Твен (Taj Mahal Palace, г. Мумбаи), известная певица Мадонна (Taj Lake Palace), голливудские звезды Джордж Клуни и Амаль Клуни (Taj Falaknuma Palace) и многие другие.

Ценовая политики отелей характеризуется разным уровнем цен в зависимости от месторасположения и спроса. Например, по данным сайта Booking.com на начало июля 2024 г., стоимость проживания в отеле The Taj Mahal Palace, Mumbai составила от 650 до 2200 долл. США за ночь (завтрак дополнительно – 30 долл. США), в отеле Taj Lake Palace Udaipur – от 395 до 6000 долл. США за ночь (завтрак дополнительно – 37 долл. США), в отеле Taj Falaknuma Palace – от 480 до 1280 долл. США за ночь (завтрак включен в стоимость), в отеле Taj Exotica Resort & Spa, The Palm, Dubai – от 400 до 1200 долл. США за ночь (завтрак и ужин включены в стоимость), в отеле Taj Jumeirah Lakes Towers (г. Дубай, ОАЭ) – от 75 до 516 долл. США (завтрак дополнительно – 30 долл. США).

Исследуя тему ведущих гостиничных брендов класса люкс Азиатско-Тихоокеанского региона, безусловно, следует также отметить роль в развитии данного сегмента гостиничного сектора таких брендов, как Mandarin Oriental (Гонконг); Anantara Hotels, Resorts & Spas (Таиланд); Banyan Tree (Сингапур); Capella Hotels and Resorts (Сингапур); Dusit Thani (Таиланд); Oberoi (Индия); Pan Pacific Hotels & Resorts (Сингапур); Peninsula Hotels (Гонконг); Royal Tulip (Нидерланды); Shangri-La Hotels and Resorts (Гонконг); the Leela Palaces, Hotels and Resorts (Индия). Важно отметить, что значительную роль в развитии рынка отелей класса люкс в регионе играют ведущие мировые гостиничные корпорации. Так, согласно данным консалтинговой компании JLL, структура отелей класса люкс в разбивке по брендам представлена следующим образом: Marriott – 8%, Hyatt – 5%, IHG – 8%, Accor – 4%, другие бренды – 21%, независимые отели – 54% [7, с.11].

Таким образом, очевидно, что с ростом спроса на отели класса люкс растет и предложение. Ожидается, что в течение следующего десятилетия положительная тенденция развития рынка отелей класса люкс сохранится и усилится. Соответственно, актуальность исследования данной темы сохранится и в будущем.

Библиографические ссылки

1. Asia-Pacific Luxury Hotels Market Size & Share Analysis – Growth Trends & Forecasts (2024–2029) [Electronic resource] // Mordorinte Intelligence : сайт. URL: https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/asia-pacific-luxury-hotel-market (date of access: 13.06.2024).

2. Project profile: Mui Dinh Ecopark masterplan in eastern Vietnam [Electronic resource]. URL: https://www.chapmantaylor.com/news/project-profile-mui-dinh-ecopark-masterplan-in-eastern-vietnam (date of access : 13.06.2024)

3. IHCL continues its growth momentum signs 16 hotels and opens 6 hotels in Q1 FY25 [Electronic resource] // IHCL official : сайт. URL: https://www.ihcltata.com/press-room/Ihcl-continues-its-growth-momentum-signs-16-hotels-and-opens-6-hotels-in-q1-fy25/ (date of access: 01.07.2024).

4. Taj becomes world's strongest hotel brand on back of rapid revenue growth [Electronic resource] // Business Standard : сайт. URL: https://www.business-standard.com/companies/news/taj-becomes-world-s-strongest-hotel-brand-on-back-of-rapid-revenue-growth-124061201142_1.html (date of access: 13.06.2024).

5. Tata [Electronic resource] // The Indian Hotels Company : сайт. URL: https://www.tata.com/business/the-indian-hotels-company-taj-group (date of access: 23.05.2024).

6. How Mumbai attacks unfolded [Electronic resource] // BBC News : сайт. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/7757500.stm (date of access: 23.05.2024).

7. Evolution of Global Luxury Hospitality[Electronic resource] // JLL Report : сайт. URL: https://www.us.jll.com/en/trends-and-insights/research/the-evolution-of-global-luxury-hospitality (date of access: 20.05.2024)/

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СРЕДСТВА РАЗМЕЩЕНИЯ В ЯПОНИИ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

В. М. Дедок [1)], К. А. Тимофеева [2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости,4, 220013, г. Минск, Беларусь, viktoria_dedok@yahoo.com

[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости,4, 220013, г. Минск, Беларусь, Ksusha.timofeeva2000@gmail.com

Статья посвящена этнокультурным средствам размещения в Японии – рёканам, а также их историческому развитию, начиная с их происхождения в период Нара и их эволюции в течение последующих периодов японской истории. Работа содержит информацию об архитектуре и дизайне рёканов, предлагаемых услугах и опыте, которые позволяют гостям погрузиться в богатую культуру страны. Описание трех конкретных рёканов: Кагая, Суймейкан и Хачиманья также демонстрирует разнообразие и богатство рёкан-гостиниц в современной Японии.

Ключевые слова: этнокультурные средства размещения; рёкан; гостеприимство; японский стиль васицу; исторический период; рейтинг лучших гостиниц.

ETHNOCULTURAL ACCOMMODATION FACILITIES IN JAPAN: HISTORY OF DEVELOPMENT AND CURRENT STATE

V. M. Dedok [1)], K. A. Timofeeva [2)]

[1)] Belarusian State University,
Nezavisimosti ave., 4, 220013, Minsk, Belarus, viktoria_dedok@yahoo.com

[2)] Belarusian State University,
Nezavisimosti ave., 4, 220013, Minsk, Belarus, Ksusha.timofeeva2000@gmail.com

The article is devoted to the ethnocultural accommodation facilities in Japan – the ryokans, as well as their historical development, starting with their origin in the Nara period and their evolution during subsequent periods of Japanese history. The work contains information about the architecture and design of the recans, the services offered and the experience that allow guests to immerse themselves in the rich culture of the country. The description of three specific ryokan: Kagaya, Suimeikan and Hachimanya also demonstrates the diversity and richness of ryokan hotels in modern Japan.

Keywords: ethnocultural accommodation facilities; ryokan; hospitality; Japanese washitsu style; historical period; rating of the best hotels.

Рёканы, традиционные японские гостиницы, являются уникальными культурными объектами размещения, которые олицетворяют суть

древней Японии. От их архитектуры и дизайна до предлагаемых услуг и опыта, рёканы предназначены для того, чтобы гости могли глубоко погрузиться в богатую культуру страны.

Первый рёкан, Нисияма Онсен Кейункан, расположенный в городе Хаякава префектуры Яманаси, был основан в 705 г. н.э. [1]. В 2011 г. рёкан был внесен в Книгу рекордов Гиннеса как «самая старая гостинеца в мире». За всю историю своего существования гостиница принимала как простых горожан, так и японских военначальников или иностранных гостей. Кейункан и по сей день олицетворяет неизменное гостеприимство сердца японской гармонии для всех гостей.

Рёканы имеют свою специфику как в обслуживании гостей, так и в оформлении номеров. Примерное время заселения в японский рёкан – 3 часа дня. Плата взимается за ночь прибывания и двухразовое питание, так как в прошлом рёканы принимали новых гостей обычно по вечерам, предоставляя ужин в день приезда и завтрак на следующий день. При посещении рёкана гостей встречает обслуживающий персонал, возглавляемый хозяйкой рёкана Оками. В соответствии с установленным порядком, все сотрудники рёкана произносят приветственные слова или кланяются при встрече с гостями. После приветствия гостей их сопровождает в номер женщина-помощница Накаи-сан.

В Японии принято снимать обувь при входе в помещения. В отношении рёканов, некоторые из них требуют от гостей снять обувь и надеть тапочки при входе. В таких случаях коридоры рёканов обычно имеют деревянные полы. Однако в некоторых рёканах, где гостям разрешается сохранить обувь до входа в номер, коридоры могут быть выложены камнем или покрыты коврами. Кроме того, в определенных рёканах коридоры и номера могут быть покрыты татами - упругими тростниковыми коврами, наполненными рисовой соломой. В этом случае гостям приходится ходить по коридорам без обуви и тапочек.

В основном номера рёкана представляют собой васицу (номера в японском стиле), которая состоит из деревянного потолка и колонн, стен и татами. В середине главной комнаты - низкий стол затаку и дзайсу (стулья без ножек) с подушками дзабутон сверху.

В спальне постельным бельём выступает футон – толстый хлопчатобумажный матрас, расстилаемый прямо на татами. В номере есть большие широкие окна с сёдзи (раздвижная ширма) из дерева и бумаги. В некоторых номерах вместо окон установлены стеклянные раздвижные двери в деревянной раме, что позволяет гостям выйти в сад прямо из своих номеров. Сад рёкана в японском стиле является неотъемлемой частью японской архитектуры. Пространство с деревянным полом за пределами комнаты называется энгава (крыльцо, похожее на веранду). Спускаясь из

энгавы в сад, гостям предлагается надеть гэта (японские деревянные сабо) или сетта (сандалии на кожаной подошве).

После заселения в номер гостям предлагается порция чая и сладостей (Чака или Вагаси). Практика подачи чая и сладостей гостям в качестве жеста гостеприимства не является чем-то особенным для рёканов, а является повседневной традицией, глубоко укоренившейся в Японии.

Большинство приезжих в рёкан могут воспользоваться онсэнами (горячие источники) - важной составляющей японской культуры. В Японии большое внимание уделяется культуре принятия ванн. В рёкане можно найти термальные ванны в здании или под открытым небом, горячие источники или ротэнбуро (бани на свежем воздухе). После принятия банных процедур как правило одевается японсткая традиционная одежда, легкоё хлопковое кимоно без подкладки – юката (дословно «одежда после ванны»).

Ужин и завтрак в японском рёкане обычно представляет собой меню васёку (традиционной японской кухни). В рёкане трапезу зачастую принимают в номере.

Время выезда из гостиницы – около 11 утра. Оками вместе с сотрудниками рёкана всегда провожают гостя при выселении, сопровождая это традиционным поклоном [2].

По мнению многих исследователей японский рёкан - потенциально самая старая форма отеля в мире, датирующаяся 8 веком. Истоки японского рёкана можно отследить до так называемого «Фусейя» периода Нара (710 -784 гг.). Считается, что «Фусейя», которые представляли собой бесплатные дома отдыха, были первыми в Японии местами ночлега для путешественников. Во многих случаях «Фусейя» создавались буддийскими храмами в рамках своей благотворительной деятельности для путешественников. Это было обосновано неразвитой дорожной системой и, как следствие, большим количеством смертей среди путешественников из-за тяжёлой и опасной дороги.

В последующий период Хэйан (794–1191 гг.) среди членов императорской семьи и аристократов приобрело популярность паломничество к религиозным местам. В этот период храмовые здания стали использоваться в качестве жилья для гостей. Жилые помещения, расположенные на территории храма и принимающе к себе путников, стали называться «сюкубо» (храмовые жилища). Они сохранились до наших дней и открыты для широкой публики.

В период Камакура (1185–1333 гг.) появились дешевые гостиницы под названием 'кичин-ядо', в которых не было своего питания, а плата взималась лишь за дрова, предоставляемые путешественникам для приготовления собственной еды.

В дальнейшем в период Эдо (1603–1867 гг.) были построены автомобильные дороги и развилась денежная экономика, что привело к частым поездкам купцов. В это время вместе с «кичин-ядо» стали функционировать «хатаго» – постоялые дворы, где, в отличие от дешевых гостиниц, предоставлялось питание. Наравне с «хатаго» были открыты так называемые «ходзине» или «ваки-ходзине» - специальные жилые дома для дайме – провинциальных феодалов, приехавших в столицу японской империи Эдо (в наше время Токио). Между этими двумя видами размещения существовал значительный разрыв. Сегодня гостиницы «хатаго», вероятно, соответствовали бы обычным рёканам, в то время как «хондзин» и «ваки-хондзин» были бы эквивалентом рёканов класса люкс. В период Эдо свободное перемещение из одного места в другое официально не разрешалось, но паломничества и посещения богослужений религиозного характера были разрешены. Более того, правила, касающиеся коротких поездок на горячие источники для тодзи (лечение горячими источниками), были не столь жесткими. Как следствие - среди простого населения возник туристический бум. В популярных туристических местах и на тодзи-ба (лечебных курортах с горячими источниками) довольно много давно зарекомендовавших себя гостиниц позже превратились в рёканы и продолжают функционировать по всей стране и по сей день.

Затем, с реформацией Мэйдзи (1868–1889 гг.), Японию охватила тенденция к вестернизации, а распространение железных дорог привело к радикальным изменениям в способах передвижения людей: вместо того чтобы передвигаться пешком, люди начали пользоваться поездом. Многие рёканы были открыты вблизи железнодорожных вокзалов. Кроме того, появилось много желающих отдохнуть и попутешествовать, что привело к появлению многочисленных рёканов в туристических местах и на курортах с горячими источниками по всей Японии. Постоялые дворы «хатаго» стоявшие вдоль бывших магистралей, пришли в упадок, а «хондзин», которые больше не использовались правителями-дайме, остались как историческое наследие. Тем не менее, привлекательность и преимущества «хатаго», где подавали блюда, и «хондзина», где культивировалась уникальная культура, основанная на духе гостеприимства, передавались из поколения в поколение как часть традиционной японской культуры. Они сформировали оригинальную модель японского рёкана и заложили основу для его развития [3].

На основе доклада Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии в 2017 году было зарегистрировано 38 622 рёкана с номерным фондом 688 342 комнаты. По сравнению с 1996 г., когда численность рёканов в Японии составляла 70 393, что на 45,2% больше, чем в 2017 г., за 21 год численность японских гостиниц сократилась почти в

2 раза. Вместе с этим постепенно стала расти численность отелей. По номерному фонду в 2009 г. отели практически сравнялись с рёканами. Несмотря на то, что численность отелей на тот период составляла 9 688, а численность рёканов в этот же год – 48 966, количество номеров было практически одинаковым. После объединения отелей и рёканов в одну категорию в 2018 г. начал вестись общий статистический учет рёканов и отелей. Соответственно, если брать данные позже 2017 г., то точную численность рёканов узнать не представляется возможным [4].

В 2023 г. консалтинговая компания Micado Corporation провела исследование касательно сокращения численности рёканов в стране. В своей работе они отметили две ключевые проблемы. Во-первых, проанализировав данные 2019 г., компания пришла к выводу, что количество новых отелей увеличивается, а количество рёканов уменьшается. Несмотря на то, что рёканов в 2019 г. все равно было больше, чем отелей, число номеров на объект превалирует у отелей; данный факт объясняется спецификой организации рёканов с меньшим количеством номеров. Также крупные гостиничные компании, в том числе бизнес-отели постепенно входят в регионы за пределами мегаполиса в ожидании спроса на жильё. Кроме того, в последние годы крупные компании в области ресторанного и гостиничного бизнеса, а также компании по недвижимости начали заниматься постройкой отелей, что также привело к увеличению их числа.

Стоит также упомянуть, что за последние годы тенденция путешествий по Японии привлекает все больше иностранных туристов. Однако внутренние путешественники также составляют большой процент размещения в гостиницах и отелях Японии. Из данного аспекта вытекает еще один фактор сокращения численности японских рёканов – проблема повышения цен для туристов. Согласно исследованиям Micado, по сравнению с 75% туристов в отелях всего 18% туристов используют рёканы как объект размещения, объясняя это тем, что цена на размещение в японской гостинице слишком высока. Также многие из причин отказа от выбора рёкана были связаны с неудовлетворённостью обслуживанием, которое является частью этикета традиционного рёкана, то есть, часть туристов посчитали высокой цену за рёкан, удобства в котором кажутся старыми [5].

В 2019 году в Японии было зарегистрировано 51 004 рёканов и отелей [6]. Если проанализировать количество рёканов и отелей на префектурной основе в 2019 году, можно отметить несколько префектур – лидеров по размещению туристов: Токио, Хоккайдо, Сидзуока, Нагано и Окинава [7].

Количество рёканов и отелей по префектурам-лидерам составляет 27% (13 788) от общего числа отелей и рёканов в Японии. Размещение гостиниц и отелей в этих регионах во многом связано высоким туристическим потенциалом, который формирует большой туристический поток

в данные префектуры. Согласно ежегодной статистике ночных путешествий за 2019 г., опубликованной Японским агентством по туризму, общее количество ночевавших в гостиницах, включая японцев и иностранцев, составило 543 млн. Из общего числа 66,2 миллиона в префектуре Токио (12,2%), 36,9 млн в Хоккайдо (6,8%) и 27 млн в Окинаве (5%) [8]. Если говорить про совокупное количество иностранных гостей по префектурам в 2019 г., составляющее 101 млн.чел., из анализа данных можно утверждать, что общее количество гостей в объектах размещения по вышеупомянутым префектурам-лидерам составило 44,2% от общего числа гостей в стране. Это говорит о большом спросе на места размещения в данных префектурах [9].

Разумеется, в Японии проводится оценка рёканов, и выделяются лучшие японские гостиницы в стране. В 2024 г. Агентство туристических новостей составило отчет лучших гостевых домов в Японии. Это рейтинг японских отелей и гостиниц с самой долгой историей в Японии.

Рейтинги публикуются раз в год на основе опроса японских туристических агентств. Первые 3 лучшие гостиницы – рёкан-онсэн Кагая в префектуре Исикава, рёкан-онсэн Суймейкан в префектуре Гифу и горячие источники Хачиманья в префектуре Фукусима [10].

Рёкан Кагая – один из лучших рёканов в Японии. Находится на территории Вакура Онсэн – курортного города с горячими источниками. Вакура Онсэн – единственный морской курортный город в регионе Хокурику с 1200-летней историей. Рёкан предлагает размещение в традиционных японских номерах с соответствующим этикетом, посещение термальных источников включая открытые ванны, а также посещение экскурсий по полуострову Ното. Стоит отметить, что природные ландшафты Сатояма и Сатоуми на полуострове признаны Организацией Объединенных Наций сельскохозяйственными системами мирового значения. В номерах рёкана Кагая останавливался 125 Император Японии Акихито со своей женой [11].

Рёкан Суймейкан считается одним из самых престижных рёканов Японии. Он состоит из четырех зданий, расположенных вдоль реки Хида и был основан 80 лет назад в самом сердце Геро Онсэн – одного из трёх самых известных курортов с горячими источниками в Японии. В рёкане действуют 3 термальных источника в виде ванн и саун из хиноки (японский кедр), которые оказывают благотварное воздействие на кожу [12].

Рёкан Хачиманья (или Яхатая от легенды о Яхатаро Ёсиэ) представляет собой гостиницу с горячими источниками, созданную на основе богатой природы долины Абукума. На территории рёкана функционирует оздоровительный спа-центр с ваннами и саунами, вода в которые поступает непосредственно из Матербата – природного радонового горячего

источника. Также на территории рёкана есть комнаты, где расположены камни Майхан, известные тем, что при нагревании они излучают большое количество дальних инфракрасных лучей. В настоящее время в Яхатае они используются для лечения различных заболеваний [11].

Анализ официальных сайтов вышеперечисленных рёканов показал, что данные места размещения используют инновационные пути развития рёканов и продвижения японских традиций. Каждый рёкан использует термин «гостеприимство» как ключевую задачу в размещении гостей. Все 3 рёкана предлагают традиционные японские номера со всеми культурными особенностями и обычаями, однако, гостям также предлагаются японско-западные номера (имеются высокие столы, кресла, кровати). Приехавший турист может сам выбрать тариф, который его устроит. Это может быть как обычная гостиница с более стандартным предложением в проживании и питании, так и культура рёкана. Кроме того, все здания новые и многоэтажные, внешняя архитектура зданий рёканов не отражает японские традиции.

В целом, этнокультурные средства размещения в Японии, представленные в данной работе традиционными гостиницами рёкан, имеют богатую историю и продолжают играть важную роль в туристической индустрии страны. Служившие изначально временными пристанищами для путешественников и поломников, рёканы со временем превратились в изысканные объекты размещения, где гости могут погрузиться в японскую культуру и насладиться уникальными традициями гостеприимства. В современную эпоху этнокультурные средства размещения в Японии переживают возрождение интереса. Туристы все больше ищут аутентичный культурный опыт, в то время как японские традиционные гостиницы продолжают процветать и предлагают туристам уникальный и незабываемый опыт. Они не только предоставляют место для отдыха, но и служат важными хранителями японской культуры и традиций, позволяя гостям глубже погрузиться в богатую историю и самобытность страны.

Библиографические ссылки

1. About Keiunkan // Keiunkan : сайт. URL: https://www.keiunkan.co.jp/en/ (date of access: 03.04.2024).

2. Specifics of Japanese Ryokan Hotels // Ryokan : сайт. URL: https://www.ryokan.or.jp/past/english/what/index.html (date of access: 29.03.2024).

3. History of Ryokan development // Ryokan : сайт. URL: https://www.ryokan.or.jp/past/english/pdf/origins_and_history.pdf (date of access: 08.04.2024).

4. Statistics of hotels and ryokans // C-online : сайт. URL: http://www.c-online.net/data/hotel/index.html (date of access: 07.04.2024).

5. Mikado's research on the challenges in the hospitality market [Electronic resource] // Micado : сайт. URL: https://micado.jp/blog/hotel-market-ing/8852/#:~:text=旅館の軒数の右,要因として考えられます。 (date of access: 08.04.2024).

6. Leaders in the number of accomodation facilities [Electronic resource] // Kankokeizai : сайт. URL: https://www.kankokeizai.com/旅館・ホテルの 2019 年度営業軒数は 5 万 1004 軒%E3%80%80 対前比 1502/ (date of access: 07.04.2024).

7. The number of people in hotels and ryokans in 2019 [Electronic resource] // Travelvoice : сайт. URL: https://www.travelvoice.jp/english/total-guest-nights-in-japan-reached-540-million-in-2019-with-the-record-high-international-guest-nights (date of access: 08.04.2024).

8. Statistics of international arrivals to Japan in 2019 [Electronic resource] // Statistics.jnto : сайт. URL: https://statistics.jnto.go.jp/en/graph/#graph--lodgers--by--area (date of access: 08.04.2024).

9. Rating of the best Ryokans in Japan [Electronic resource] // Ryokan100 : сайт. URL: https://ryokan100.com/ja/ranking100/ (date of access: 08.04.2024).

10. About Kagaya [Electronic resource] // Kagaya : сайт. URL: https://www.kagaya.co.jp/en/ (date of access: 09.04.2024).

11. About Suimeikan [Electronic resource] // Suimeikan : сайт. URL: https://www.suimeikan.co.jp (date of access: 09.04.2024).

12. About Yahataya [Electronic resource] // Yahataya : сайт. URL: https://www.yahataya.co.jp/onsen.html (date of access: 09.04.2024).

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ В КАОДАИЗМЕ

Д. М. Зайцев

Белорусская государственная академия связи,
220076, ул. Ф. Скорины, 8/2, г. Минск, Беларусь, mdizaj@tut.by

В статье рассматриваются вопросы обрядов и паломничества в молодой религии Каодай, зародившейся в первой половине XX в. во Вьетнаме. Сама религия, имея миллионы последователей, позиционирует себя как универсальная и претендует на конечную истину. В работе особое внимание уделено формированию ритуальных действий и этике приверженцев данного вероисповедания, созданию духовных центров и путешествий к ним.

Ключевые слова: Каодай; Вьетнам; религия; обряд; паломничество; храм; медиум.

TRADITIONAL RITES IN KAODAISM

D. M. Zaitsev

Belarusian State Academy of Communications,
220076, st. F. Skaryny, 8/2, Minsk, Belarus, mdizaj@tut.by

The article examines the issues of rituals and pilgrimage in the young Cao Dai religion, which originated in the first half of the 20th century in Vietnam. Religion itself, with millions of followers, positions itself as universal and claims to be the ultimate truth. The work pays special attention to the formation of ritual actions and ethics of adherents of a given religion, the creation of spiritual centers and travel to them.

Keywords: Cao Dai; Vietnam; religion; ritual; pilgrimage; temple; medium.

За последнее столетие возникло несколько оригинальных духовных систем, увлекших за собой миллионы адептов, и позиционирующих себя как мировая религия. Одной из таких стала, учрежденная высокопоставленным служащим французской колониальной администрации Нго Ван Тьеу, религия Каодай. Каодаизм, основанный в городе Тэйнинь на юге Вьетнама в 1926 г., – монотеистическое вероисповедание, сохранившее многочисленные элементы вьетнамской народной религии, а также этические заповеди конфуцианства, оккультные практики даосизма и буддизма, иерархическую организацию римского католицизма. Каодаисты верят, что на них лежит ответственность спасти человечество посредством духовного посредничества и обращения до надвигающегося конца света [1].

Полное название религии – «Великая Вера Третьего Вселенского Искупления» означает универсалистскую и экуменическую сущность

учения. Само слово «Каодай» переводится, вероятно, как «Высокая Башня» и означает место, где обитает Бог или, как его еще называют, Высшее существо, Высшая реальность, Творец мира. Приверженцы данного вероисповедания практикуют молитву, почитание предков, ненасилие и вегетарианство с целью единения с Богом и освобождения из колеса сансары. Количество каодаистов в самом Вьетнаме варьируется от 4 до 6 миллионов человек. Дополнительное число приверженцев, исчисляемое десятками тысяч, в основном этническими вьетнамцами, проживает в диаспорах Каодай в Северной Америке, Европе, Камбодже, Австралии, имеются небольшие группы на постсоветском пространстве.

Догматика каодаизма учит, что на протяжении всей человеческой истории Бог неоднократно открывал свою истину устами многих пророков, но эти послания игнорировались, либо забывались из-за восприимчивости человечества к мирским желаниям. Адепты данной религии верят, что именно сейчас Бог обращается к человечеству напрямую. Основной принцип каодаизма – «Все религии едины» [2].

Каодаисты верят в рай и ад. Чтобы попасть на небеса, человеку необходимо развивать добродетели и посвятить себя духовным делам. Придерживаясь терпимости ко всем религиям в мире, каодаизм также подчеркивает равенство мужчин и женщин в обществе. Однако в духовной сфере рукоположенные женщины не могут достичь высших должностей. Поскольку Ян представляет мужчину, а Инь соответствует женщине, то Инь не должен доминировать над Ян, иначе наступит хаос.

С моральной точки зрения религия Каодай напоминает людям об их обязанностях по отношению к себе, своей семье, обществу и человечеству в целом. Проповедники настаивают на отказе от почестей, богатства и роскоши, достижении полного духовного покоя души. Верующие поклоняются Богу-Отцу, Святой Матери и Божественным существам, почитают великих религиозных пророков истории и чтят предков.

Каодаисты стараются выполнить четыре ежедневных церемонии, в шесть утра, полдень, шесть вечера и полночь, проходящих в храме, либо перед домашним алтарем. Кроме того, ежемесячные ритуалы совершаются в полночь первого и пятнадцатого числа лунного месяца. Раз в год также проводится специальная юбилейная церемония в честь Бога-Отца, Святой Матери, пяти основателей популярных религий и религии Каодай. Как отмечают исследователи данной религии, ритуалы могут проходить по-разному, отличия зависят от местоположения и кому посвящена молитва. Традиционные обряды для данной религии – церемониальные посвящения, бракосочетания и похороны. Особое внимание здесь уделено понятию смерти, в священных книгах объясняется, как душа

путешествует к небесам и как на земле единоверцы могут молиться за души умерших, чтобы они помогли им в пути [3].

Храмы каодаизма и религиозные здания содержат богатый набор символов, по которым можно определить историю, особенности верований, ценности и тайны региона. Святой Престол и крупнейший каодаистский храм находятся в Тэйнине. Храм раскрашен в массу цветов и сочетает в себе множество архитектурных стилей. Во время церемоний в храме присутствуют священники в синих, желтых и красных одеяниях. Верующие снимают обувь перед входом, мужчины заходят справа, женщины – слева. Символом Бога считается знаменитое Око Провидения. Под Божественным Оком располагается религиозная эмблема, которая описывает суть трех религий Востока: чаша благотворительности для буддийского сострадания и аскетизма, метла из перьев для даосского очищения, летописи для конфуцианской добродетели и любви.

В Храме в Тэйнине хранится знаменитая картина с надписью «любовь и справедливость», на ней изображены чрезвычайно почитаемые китайский революционер Сунь Ятсен, вьетнамский поэт Нгуен Бинь Кхием и французский писатель Виктор Гюго. Каодаистский пантеон святых также весьма своеобразен – здесь и Иисус Христос, пророк Магомет, Юлий Цезарь, Жанна Д'Арк, Уильям Шекспир, Уинстон Черчилль, китайский поэт Ли Бо, Владимир Ильич Ленин. Перечисленные личности, по сути, являются трансляторами откровений, но и каждый праведник также может стать пророком единого Бога [4, с. 23].

Своих адептов каодаизм делит на следующие группы: священнослужители, обязанные жить по строгим правилам веры, соблюдать посты и терпеть все лишения, не стричь бороду или волосы и носить одежду однотонного цвета, медиумы, посредники между миром духов и миром людей, и обычные верующие, ежедневно совершающие ритуал поклонения предкам перед алтарем у себя дома или в храме [5, с. 68]. В каодаистском каноне существуют свои заповеди: не убивай; не воруй; постись; не поддавайся порокам; не лги. Религиоведы подчеркивают важность самоограничений для приверженцев данного исповедания. Посты в каодаизме подразделяются на постоянные - для священнослужителей, и в полнолуние и новолуние - для обычных верующих. Также последователям религии Каодай необходимо проявлять доброту к природе, участвовать в ритуальных актах преданности и поклонения. Это способ очистить свое тело и дух, развить любовь.

Теология каодаизма предусматривает тождественность природы Высшего существа и человеческой души, а это дает возможность прямого контакта между ними, который во время церемонии реализуется медиумом. Выводы ряда исследований показывают, что религиозная практика

каодаизма была, скорее всего, заимствована из древних вьетнамских ритуалов призывания духов. Верующие общаются с сакральными силами через медиума, который записывает сообщения духа специальным инструментом на песке или кистью на бумаге. Каодаистские священные писания целиком основаны на записях откровений, полученных медиумами во время сеансов одержимости с Божественными существами каодаистского пантеона [6, с. 61].

Последователь каодаизма может руководствоваться практикой эзотеризма, используя медитацию в качестве упражнения, чтобы постепенно искоренить низшее «я» и развить божественный элемент внутри себя, стремясь к единству с Высшим существом. Медитацию в Каодай называют Тхиен Дин, она предполагает концентрацию сознания и удержание ума от блужданий, при этом используются специальные техники работы с внутренними энергиями Каодаизм предлагает пошаговый путь, ведущий к полной духовной завершенности.

История развития каодаизма претерпела волны гонений. В частности, весьма негативно изначально к новой религии отнеслись коммунистические власти, сумевшие очистить Вьетнам от американских военных и победить монархию Южного Вьетнама. В результате массового потока беженцев из Вьетнама с 1975 года каодаизм распространился и на территории других стран. Свои храмы общины построили в США, Канаде, Великобритании, Франции, Германии, Австралии, Японии. Сегодня идет активная реконструкция старых храмов и строительство новых в регионе Юго-Восточной Азии. Интерес к каодаизму растет и за счет развития туристической отрасли во Вьетнаме.

Наиболее популярные священные места для паломников – это гора Ба Ден, храм Го Кен и Святой Престол каодаизма. На горе Ба Ден располагается трехсотлетний комплекс пагод. Место считается одним из самых священных и привлекает паломников не только со всей страны, но и из десятков стран мира. Главным кумиром горы считается Линь Сон Тхань Мау, которую почитают и буддисты, называя ее Бодхисаттвой, и ежегодно миллионы людей приходят сюда за ее благословением. Дорога от подножия горы до священной пагоды занимает более часа, но первостепенным местом поклонения для пилигримов полагается небольшая пещера с характерным алтарем.

Храм Го Кен – это сооружение культового характера представляет собой вековое сооружение с двумя гигантскими, размером по двадцать пять метров, статуями Будд: бодхисаттвой Авалокитешварой на вершине семиметрового дракона и лежащим «просветленным». Пагода Го Кен – чрезвычайно впечатляющее архитектурное произведение, сочетающее в себе традиционное и современное искусство, построенная в типичном

стиле храмов Каодай. Пение монахов в пагоде и звон колоколов создают необыкновенную обстановку вокруг него. Это место с каждым годом привлекает все больше духовных туристов, в том числе и буддистов.

Святой Престол каодаизма расположен в 5 км к востоку от города Тэйнинь. Главный символ – Всевидящее Око, который мы можем встретить во многих храмах, олицетворяет Верховное Божество. Каодаизм, как уже отмечалось, также с уважением относится и к пророкам, святым других религий. Изображения Будды, Иисуса, Конфуция можно увидеть в разных местах Святого Престола.

Архитектурная красота Святого Престола уже сама по себе является достопримечательностью. Она отражает доктрину и заповеди каодаизма с гармоничным сочетанием различных архитектурных стилей буддизма, индуизма, даосизма, конфуцианства, христианства, ислама. Совмещая в себе европейские и азиатские архитектурные стили, Святой Престол также соединяет в себе символы многих религий. Когда паломник прибывает сюда, он видит, что Святой Престол имеет отдельные входы для женщин и мужчин, пол распределен на девять уровней, что символизирует шаги, ведущие к небесам, а потолок разбит на девять красивых секций, представляющих девять небес [7].

Уникальная архитектура крыш демонстрирует смесь вьетнамской и мусульманской архитектуры. Внутри главного зала стоит гигантский, усеянный звездами глобус. Святой Престол был спроектирован в форме коня-дракона, направляющегося на запад, с двумя рогами: один создан в виде барабанной башни, другой - колокольни. Необыкновенное восхищение у паломников вызывают вырезанные на колоннах драконы в сочетании с лотосами. На вершине главного фасада находится статуя Будды Майтрейи, сидящего на лотосе. Своей красотой выделяются также две башни, которые по своей архитектуре типичны для традиций ислама и даосизма соответственно.

Уже почти столетие данный религиозный комплекс сохраняется почти нетронутым, приверженцы называют его сердцем «Святой земли». Сегодня он стал не только местом паломничества последователей каодаизма всего мира, но и популярным духовным направлением адептов других религий, посещающих Вьетнам.

Каждый год, с 8 по 15 января по лунному календарю, паломники из десятков стран мира стекаются в храм Каодай, чтобы присутствовать на великой церемонии. Данная церемония играет важную роль в духовной жизни верующих, поскольку она демонстрирует отличительные черты каодаизма, а также их уважение к своему Великому Отцу. Посещая храм Каодай в Тэйнине паломники, духовные туристы имеют возможность открыть для себя не просто красоту этих мест, но и проникнуться

особенностями каодаизма посредством торжественных обрядов, таких как подношение благовоний, своеобразные поклонение и молитвы, народные игры, художественные представления, соревнования по боевым искусствам, танцы в нарядах священных животных [8].

Следует отметить, что каодаизм способствует обогащению религиозной жизни не только во Вьетнаме. Сторонники данного вероисповедания полагают, что Вьетнам был выбран Богом, так как именно здесь проповедовали представители крупнейших религий мира, и поэтому его жители способны лучше других воспринять учение Каодай. С одной стороны, данная религия имеет множество оригинальных черт, с другой, представляет собой синтез из популярных духовных учений мира. Обрядовая традиция довольно сложная, от верующих требуется не только ежедневная молитва в доме или храме, но и участие в многочисленных церемониях, обязанность медиумов - проводить спиритические сеансы, священнослужители, по сути, ведут монашеский образ жизни. Паломничество в храмы и святыни каодаизма в последние годы численно увеличивается и расширяется, приобретает международный масштаб. Также наблюдается активная информационная пропаганда учения: появляется множество сайтов, телепередач, литературы, посвященных данной религии. Можно предположить, что интерес к религии Каодай будет сохранен в ближайшем будущем не только во Вьетнаме, но и в других государствах на разных континентах.

Библиографические ссылки

1. *Jammes J.* Divination and Politics in Southern Vietnam: Roots of Caodaism / J. Jammes // Social Compass. Volume 57, Issue 3. 2010. P. 357–371.
2. *Hoskins J.A.* Caodaism timeline [Electronic resource]. URL: https://wrldrels.org/2017/08/10/caodaism/ (date of access: 04.03.2024).
3. Cao Dai [Electronic resource]. URL: https://www.britannica.com/topic/Cao-Dai (date of access: 04.03.2024).
4. *Глазкова Е.А.* Каодаизм в современном мире // Ойкумена. 2010. № 1. С. 18-26.
5. *Колотов В.Н.* Сайгонские режимы: религия и политика Южного Вьетнама (1945-1963). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2001.
6. *Шарипов А.Ш.* Священные книги Каодай: тематика, структура, идеология // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 2. С. 58-73.
7. Three sacred places for pilgrims in Tay Ninh [Electronic resource]. URL: https://e.vnexpress.net/photo/places/three-sacred-places-for-pilgrims-in-tay-ninh-4133220.html (date of access: 04.03.2024).
8. The «Holy Land» of Caodaism [Electronic resource]. URL: https://vietnam.vnanet.vn/english/tin-tuc/the-holy-land-of-caodaism-151292.html (date of access: 04.03.2024).

ИЛЛЮСТРАЦИИ В МАМЛЮКСКОЙ РУКОПИСИ XV В.

Д. В. Зайцева

Институт восточных рукописей Российской Академии наук,
Дворцовая наб., 18, 191186, г. Санкт-Петербург, d.v.zaitseva@yandex.ru

В статье представлен обзор и краткая характеристика иллюстраций из рукописи по военному делу мамлюков С 686 «*Китāб ал-маḫзӯн джāми‘ ал-фунӯн*» XV в. из собрания Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), представляющая комплекс военно-физической подготовки мамлюков.

Ключевые слова: арабские рукописи по военному делу; военное искусство мамлюков; фурусиййа; Институт восточных рукописей РАН; мамлюкский костюм; арабская миниатюра.

ILLUSTRATIONS IN THE MAMLUK MANUSCRIPTS OF THE 16TH CENTURY

D. V. Zaitseva

The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaya emb., 18, 191186, Saint Petersburg, Russian Federation,
d.v.zaitseva@yandex.ru

The article is an overview and a brief description of the illustrations from the MS C 686 Kitāb al-makhzūn djāmi‘ al-funūn of the 15th century on the Mamluks art of war from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg), in which the complete training program of the Mamluks is represented.

Keywords: arab manuscripts on the art of war; military art of the mamluks; furusiyya; Institute of Oriental Manuscripts RAS; mamluk costume; arab miniature painting.

Иллюстрации в мамлюкской рукописи – тема, традиционно рассматриваемая в ключе исламского искусства и живописи, а точнее, «арабской живописи» и «арабской миниатюры». Эти понятия используются, чтобы выделить иллюстрации к рукописям, написанным на арабском языке или изготовленным в арабоговорящих странах (Египет, Сирия, Ирак). Расцвет арабской живописи на Ближнем Востоке (XII-XIV вв.) совпал с периодом владычества мамлюков в Египте и Сирии [1, p. 77]. О. Г. Большаков отмечал, что арабская живопись достигла наивысшей утонченности и изящества в миниатюре гератской школы XV в. По его мнению, арабская средневековая живопись представлена в основном книжной миниатюрой, самая ранняя из которых относится к последней четверти XII в. [2, с. 9–10].

Рукописи, о которых пойдет речь ниже, мы называем мамлюкскими, имея ввиду, что они изготовлены на территории Султаната мамлюков (в Египте или Сирии), являются яркими примерами книг, выполненных в «мамлюкском стиле», который к XIV в. стал доминирующим в мусульманской книжной традиции [3, с. 46–47].

Данная статья посвящена рассмотрению иллюстраций, сопровождающих рукопись по военному делу мамлюков C 686 «*Китāб ал-маḫзӯн джāми‘ ал-фунӯн*» («Книга-сборник, заключающая в себе искусства (военные)», 1474 г.), являющих собой как образец высокой культуры изготовления мамлюкской книги и традиции в жанре руководств по военному делу, так и по истории мамлюкского костюма.

Большая часть описанных в рукописи аспектов военной подготовки мамлюков сопровождаются соответствующими миниатюрами. Изображение игры поло [4, с. 184], помещенное среди глав о *бирджāс* (копейной игре верхом на лошадях) – исключение, отмеченное А. Вернэ-Нури: «Сцены игры в поло, часто изображаемые на медных или стеклянных предметах, редки в арабских рукописях; известен только один пример – в Санкт-Петербурге» [12, p. 78].

Миниатюры находятся в хорошей сохранности за исключением нескольких, поврежденных водой или же намеренно затертых, кое-где со временем рассохлась и отслоилась краска. Нельзя не отметить большую точность в прорисовке деталей: складок одежды и ее теневого рисунка – движение ткани соответствует движениям тела, точность в изображении лошадей, упряжи, оружия, элементов экипировки и поз мамлюков, декоративных украшений разного рода опор, подставок и лафетов, на которых установлены мишени и сами мишени зачастую имеют орнамент. О большом вкусе иллюстратора говорит не только тщательность проработки деталей, но и выбор цветов: насыщенные и яркие, дополненные золочением они придают списку роскошный парадный вид.

Несомненно, художник был профессионалом с хорошей выучкой и прекрасно знал предмет иллюстрирования, возможно, был мамлюком, состоял на военной службе или вращался в мамлюкской среде. Несмотря на условность, присущую восточным миниатюрам, иллюстрации C 686 достаточно достоверны, но до сих пор не проводившийся всесторонний источниковедческий анализ необходим для введения их в научный оборот как изобразительного источника [4, с. 2–4].

СОСТАВ ИЛЛЮСТРАЦИЙ C 686. К сожалению, в рукописи нет сведений ни о переписчике, ни об иллюстраторе. В рукописи насчитывается 83 миниатюры, из них 21 или 27 – схемы боевых порядков («майданов», как они названы в тексте рукописи, или маневров), 10 – изображения различных видов вооружения, традиционно мусульманского: мечи, кинжалы,

щиты, луки и стрелы, арбалеты, дротики и копья, горшки с зажигательными смесями, булава, аркан. Доспехов на миниатюрах нет. Лошади изображены под седлами типично тюркско-монгольского типа – с низкой задней лукой седла, предназначенной для стрельбы верхом вполоборота.

55 миниатюр иллюстрируют различные военные дисциплины, несколько имеют прикладной характер, например, взвешивание луков, измерение высоты копья, способ пленения при помощи копья.

Сюжеты, касающиеся непосредственно выполнения упражнений можно разделить, согласно классификации Шихаба ас-Саррафа, на две группы: верхняя фурӯсиййа (верхом на лошади) и нижняя фурӯсиййа (стоя на земле) (al-Sarraf, p. 199-200). К верхней фурӯсиййи относится, в первую очередь, **копейный бой** (25 миниатюр). Упражнения с копьями выполняется как верхом, так и стоя на земле.

Стрельбе из лука отведено 4 иллюстрации, **из арбалетов** – 2. По 3 миниатюры иллюстрируют **фехтование** и **бой на дубинках**. Арсенал **зажигательных средств** и способы их применения представлены на 2 миниатюрах. **Бой на кинжалах** изображен дважды. По одной иллюстрации приходится на игру **поло**, **бой на кулаках** (бокс), **единоборство всадников**, **борьбу**, использование аркана в копейном бое, стаскивание из седла **крюком**, «Главу – описание «персоны» (манекена) и того, что он делает…».

Упражнения выполняются в одиночку, в паре, в группе. На двух миниатюрах изображены мамлюки с наставником (в малом тюрбане), который обращает к ученикам взгляд и руки в разъясняющем жесте.

Костюм мамлюка. Верхняя одежда мамлюков не отличается разнообразием – по сути мы видим только один вид повседневной одежды, предназначенной для тренировок (*кибр*) [9, p. 8] – длинное однотонное верхнее платье с круглым воротом, разрезом посередине до пояса, на пуговицах, с длинными зауженными рукавами. На рукавах некоторых мамлюков есть *ṭирāзы* (изображены золотой краской, прямоугольной формы). Второй вариант – верхнее платье с коротким рукавом с *ṭирāзами* и без, под ней – нижняя рубаха, другого цвета, с длинным зауженным рукавом. На двух миниатюрах рубахи с треугольным вырезом, поверх которых надета накидка или шарф (*вишāх*), на другом, вероятнее всего, бурнус, откинутый за спину капюшон которого не виден.

С *ṭирāзами* изображалась одежда из дорогих тканей, предназначавшаяся для дарения. Они могли содержать надписи с благопожеланиями и именем правителя, годом и местом производства [1, с. 53]. Со временем в Султанате мамлюков значение *ṭирāзов*, как и наградного платья, сошло на нет. В тюркских военных династиях (бахритов) широко использовались различные разновидности униформы, знаков отличия и ранга. Верхней одежды мамлюков *кабā'* (*ṭардвахш*) украшалась льняными лентами

различных цветов с вкраплениями золотых нитей. С ростом ранга мамлюка ленты заменялись на *ṭирāзы* вышитые золотыми нитями и оторочку из меха белки или бобра. *Ṭардвах̲ш* предназначался для мамлюков рангом не ниже эмира сотни [11, p. 71, 133–134].

Судя по всему, мамлюки носили штаны до колена (бриджи), поскольку ни на одной из миниатюр изображения длинных штанов, например, заправленных в сапоги, нет. В иллюстрации к «Главе о борьбе арабов, персов и турков», на борцах специальные штаны, изготовленные из кожи коричневого цвета.

Среди **аксессуаров** – пояс либо ремешок (*ḫийāṣа*) с пряжкой (округлой формы, изображается золотой краской, обозначающей металл) или ремень из металлических пластин [11, p. 64], кушаки – с *ṭирāзами* и без, разных цветов: лилового, зеленого, серого, синего, красного – только у пеших мамлюков, кроме всадника на fig. 13.

Головные уборы. Воины изображены в типично мамлюкских головных уборах, прочно вошедших в обиход при бурджитах: *замṭах*[1], высоких шапках из грубого длинного меха красного цвета; малых тюрбанах *таḫфūфа ṣахūра* или *калаутах* (конусных шапочках, обвязанных тюрбаном); красных *калаутах*[2]; в *бурнусе* черного цвета; *ṭāḳḳийа* белого цвета с черной полосой по низу, цилиндрической формы с плоской площадкой наверху и черной кисточкой (появляется лишь на иллюстрациях упражнений по манипулированию двумя копьями, стоя на седлах).

Обувь – встречается двух типов: легкие туфли с задниками (черные), в них изображаются мамлюки, выполняющие упражнения и другие манипуляции стоя на земле; сапоги – высокие, без каблука/с небольшим каблуком, тюркские, для езды верхом, летние (большинство светло-серые или белые), предположительно со шпорами.

Внешность мамлюков стандартна, в основном кожа мамлюков бледная, на щеках тщательно прорисован румянец, который не только оживляет мимику, но и говорит о тех усилиях, с которыми они выполняют те или иные упражнения. Разрез глаз, широкие скулы, форма носа, приземистая фигура и крепкое телосложение типичны для тюрков. Прически не видны под головными уборами, об их характере и длине волос может говорить иллюстрация к «Главе о борьбе…», на которой у борцов волосы стянуты в пучки на затылках. О возрасте мамлюков можно судить по

[1] В 1438 г. султан ал-Ашраф Барсбай (1422–1438) ввел запрет на ношение *замṭов* всем, кроме мамлюков [9, p. 8].

[2] Изготавливалась, как правило, из шерсти. Этот вид шапки считался исключительно военным головным убором мамлюков, ее также носили с *таḫфūфа*, оборачивая вокруг *калаута* [11, p. 67].

аккуратно подкрученным усам и опрятной бороде и по их отсутствию – у юношей.

Цвет одежды. Богатая палитра красок миниатюр С 686 остается яркой и выразительной спустя 550 лет после их создания. Чаще всего мамлюки изображены в верхней одежде синего цвета – 40, в оранжевой/красной – 19, шафрановой – 11, зеленой – 13, лиловой – 15, коричневой – 15, черной – 2, золотой – 1. Любопытно, что одежды желтого, главного геральдического цвета, на мамлюках нет.

Мамлюкский костюм как знак отличия. Мамлюкские эмиры носили роскошную одежду из дорогостоящих тканей, богато расшитых золотом и серебром. Их костюм состоял из: нижнего белья (рубахи *ḳамīс* и панталон *либāс*), поверх которого носили татарские кафтаны (*ал-акбийа ал-татарийа*), *такалāуāт*[1] и «исламский халат» (*ал-акбийа ал-ислāмийа*), шапки (*шарбӯш, калаута*, при бурджитах – *замṭ*). Верхнее платье (*ḳабā'*) препоясывалось мечом слева, кожаная поясная сумка (*ṣаулаḳ*) и кинжал (*кизлик*) вешались справа. *Ал-акбийа* изготавливались из шерсти, сатина, шелка или хлопка, были белыми или в полоску (красную или синюю), с узкими рукавами. У высокопоставленных эмиров рукава были декорированы *ṭирāзами* и отделаны мехом [8, p. 21–23). Считается, что традиция изготовления *ṭирāзов* заимствована у персов [11, p. 41].

Заключение. Представляется, что несмотря на дороговизну исполнения, в Султанате мамлюков существовало немало иллюстрированных трактатов по военному делу. Однако разнородность художественных стилей дошедших до нашего времени миниатюр не дает возможности судить о существовании особой художественной школы мамлюкской военной книги на территории Египта и Сирии в XV в.

Рассуждая о формировании арабо-мусульманской художественной школы, Большаков отмечал, что «первым отличием ее должно быть полное отсутствие религиозной тематики… так как ислам осуждает всякое поклонение изображениям». В этом смысле руководства по военному делу, как и научные трактаты, находятся вне прямого запрета.

Представленный анализ иллюстраций рукописи С 686 фокусируется на миниатюрах как источнике по истории мамлюкского военного дела и, в частности, мамлюкского костюма, его характерных особенностей, впервые с 1835 г., когда А. Н. Оленин[2] сделал описание 20 наиболее значимых, по его мнению, миниатюр [10, p. 452–435]. Они отражают, с одной стороны, окончательно сложившуюся к концу XV в. традицию иллюстрирования

[1] Вид одежды, которую эмиры носили в Индии и Египте [7, p. 149].

[2] Алексей Николаевич Оленин (1763–1843) – российский государственный деятель, историк, археолог, художник, директор Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге.

военных руководств и наиболее полный комплекс дисциплин подготовки мамлюков. С другой стороны, представляет собой пик развития художественного стиля «арабской миниатюры» и характерный костюм мамлюков в период правления черкесской династии в Египте и Сирии.

Библиографические ссылки

1. *Carboni S.* The Arabic Manuscripts». Pages of Perfection. Islamic Paintings and Calligraphy from the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. Milan, 1995. Pp. 77–91.

2. *Большаков О. Г.* Миниатюры петербургской рукописи «Макам» ал-Харири. СПб, 2018.

3. *Васильева О. В., Ястребова О. М.* Круг чтения, передача знаний, искусство книги. «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты. Каталог выставки. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2015. С. 47–48.

4. *Малоземова Е.И., Курочкин А.Ю.* Особенности методологии исследования персидской и индийской миниатюры как источника по изучению истории оружия // Историческое оружиеведение, 5-6/2018. С. 1–28.

5. С 686 – рукопись ИВР РАН, 109 + 2 л.: трактат по военному делу анонимного автора Китāб ал-махꞑзӯн джаॐми‘ ал-фунӯн.

6. Chevaux et cavaliers arabes dans les arts d'Orient et d'Occident. Exposition présentée à l'Institut du mond arabe, Paris du 29 novembre 2002 au 30 mars 2003. Gallimard. Milan, 2003. Pp. 102, 103, 107, 192.

7. *Dozy R.* Supplément aux dictionnaires arabes. Tome premier. Leyde: E. J. Brill. 1881.

8. *Mayer L. A.* Mamluk Costume, Albert Kundig. Geneva, 1952.

9. *Mostafa M.* An illustrated manuscript on chivalry from the late circassian mamluk period [Extrait du Bulletin de l'Institut d'Egypte, T. LI. – Session 1969–1970].

10. *Olénine A.* Notice sur un manuscrit du Musée Asiatique de l'Académie Impériale des sciences de St.-tersbourg, intitulé:كتاب المخزون وجامع الفنون Kitab ul-makhzoûn we djâmĩ ul-funoûn // Dorn B. (hrsg.). Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschlaften zu St. Petersburg. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschlaften, 1846. P. 452–460.

11. *Stillman Y. K.* Arab dress: from the dawn of Islam to modern times // Themes in Islamic studies. Vol 2. Ed. by Norman A. Stillman. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2000.

12. *Vernay-Nouri A.* Chevaux et pratiques équestres dansles manuscrits arabes. Chevaux et cavaliers arabes dans les arts d'Orient et d'Occident. Exposition présentée à l'Institut du mond arabe, Paris du 29 novembre 2002 au 30 mars 2003. Gallimard. Milan, 2003. Pp. 73–79.

СПЕЦИФИКА САКРАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ПРАЗДНИКА ДУАНЬУ

М. А. Исаченкова [1], В. И. Щипёрко [2]

[1] *Белорусский государственный университет,*
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, oriental_myphology@mail.ru

[2] *Белорусский государственный университет,*
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shchiperko@gmail.com

Китайский праздник Дуаньу 端午 приурочен к пятому дню пятого месяца по лунному календарю, но по своей семантике он связан с особенностями времени летнего солнцестояния – одной из важнейших точек календарного года. Период характеризуется как опасный, когда стираются границы между миром людей и миром духов, активизируется нечистая сила, для защиты от которой разработаны многочисленные средства и предписания. В китайской модели мира это время описывается как дисбаланс основных космогонических сил, противостояние *Инь* и *Ян*, когда темное женское начало пытается побороть светлое мужское.

Ключевые слова: Дуаньу; летнее солнцестояние; дисбаланс сил Инь и Ян.

THE SPECIFICS OF THE SACRED TIME OF THE DUANWU FESTIVAL

M. A. Isachenkova [1], V. I. Shchypiorka [2]

[1] *Belarusian State University,*
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, oriental_myphology@mail.ru

[2] *Belarusian State University,*
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, shchiperko@gmail.com

The Chinese festival Duanwu 端午 is celebrated on the fifth day of the fifth month according to the lunar calendar, but in its semantics it is associated with the peculiarities of the time of the summer solstice – one of the most important points of the calendar year. The period is characterized as dangerous, when the boundaries between the world of people and the world of spirits are erased, the evil spirit is activated. There are a lot of remedies and prescriptions have been developed to protect against it. In the Chinese model of the world, this time is described as the imbalance of the main cosmogonic forces, the confrontation of Yin and Yang, when the dark feminine principle is trying to win the light masculine principle.

Key words: Duanwu; the summer solstice; an imbalance of Yin and Yang.

С. М. Толстая, известный российский исследователь традиционной славянской культуры, отмечает, что основу народного календаря составляет мифологическая трактовка времени, согласно которой различают время чистое, доброе и нечистое, злое, опасное [1, с. 10]. В зависимости от времени совершения тех или иных действий результаты могут иметь хорошие или дурные последствия [2, с. 65–66].

Система сакрально значимых дат и циклов китайского календаря складывалась на протяжении всей истории народа. Считается, что первоначально год делился на два периода: «деловой» – время роста и трудовой деятельности и «пустой» – время смерти, бесплодия и праздности. Эти два периода знаменовали начало и окончание сельскохозяйственных работ [3, с. 21]. С усложнением трудовой деятельности в годовом цикле выделились весенние и осенние, летние и зимние праздники, также приуроченные к земледельческим работам. Дата зимнего солнцеворота стала соотноситься с Новым годом, а параллельно ей появился праздник летнего солнцестояния.

Со второй половины первого тысячелетия календарный цикл формируется под влиянием понятий о силах *Инь* и *Ян*. Мужскому активному началу *Ян* стал соответствовать весенне-летний период, женскому пассивному *Инь* – осенне-зимний. Примерно с этого же времени оформление праздничного цикла связано и с теорией *усин* (五行), соединяющей пространство и время, землю и небо, человека и космос, культуру и природу.

Праздник Дуаньу приходится на пятый месяц традиционного лунного календаря. Он имеет многочисленные названия, связанные с разными аспектами его семантики. Так как кульминация обычно попадает на 5-й день месяца, в народе праздник получил названия *Ужи уюэцзе* (五日五月节, ‘Праздник пятого дня пятого месяца’) или *Чунъуцзе* (重五节, ‘Праздник двойной пятерки’), в которых находит отражение связь с нумерологией и представлениями о магической силе числа «пять».

Основное наименование – *Дуаньуцзе* (端午节) – говорит об истинном назначении дня: иероглиф 端 *дуань* означает ‘конец’, ‘верхушка’, ‘предел’, 午 *у* – ‘полдень’, ‘пятый месяц по лунному календарю’ [4], следовательно, значение даты мы должны понимать, как предел или высшую точку солнечной активности.

С астрономической точки зрения праздник соотносится со временем летнего солнцестояния, когда солнце находится на середине неба и начало *Ян* достигает своего пика, отсюда произошли и такие названия праздника

как *Дуаньян* (端阳, ‘Предел Ян’); *Тяньчжунцзе* (天中节, ‘праздник Небесной середины’) [3, с. 32].

Названия праздника дают основание полагать, что сначала сакрально маркированным был день летнего солнцестояния, который по лунному китайскому календарю приходился на пятый месяц. Сведения «Лицзи» (禮記, «Книга ритуалов», IV–I вв. до н. э.) подтверждают эти предположения: 「是月也，日長至，陰陽爭，死生分。」 [5] – *«Это месяц, когда день становится длиннее, Инь и Ян противоборствуют, мёртвое и живое разделяются».*

Оценку полярным силам *Инь* и *Ян* дает Дун Чжуншу в трактате «Чунцю фаньлу» (春秋繁露, «Обильная роса “Весен и Осеней”», 206 г. до н. э.): 「陽方盛，物亦方盛；陽初衰，物亦初衰。… 陽而賤陰也。」 [6] – *«Когда Ян процветает, то все вещи тоже процветают, когда Ян приходит в упадок, все вещи тоже приходят в упадок… Ян ценится высоко, а Инь считается негодным»*, а также: 「惡之屬盡為陰，善之屬盡為陽。陽為德，陰為刑。」 [6] – *«Зло причисляется к Инь, а добро – к Ян. Ян – добродетель, Инь – беда».*

В свете этих данных кажется странным, что период представляется опасным, на что указывают многие древние источники. Негативная характеристика времени может быть связана со всем пятым месяцем или с отдельными его датами, главным образом, с пятым днем. С оформлением Дуаньу особенно опасным считалось время, когда праздник совпадал с летним солнцестоянием, о чем записано в «Чжуши» (麈史, «Летопись Чжу», 1115 г.) периода Северной Сун: 「語讖戊子五月五日夏至，安陸老農相謂曰：「夏至逢兩鈔本均作連。端午，家家賣男女。」秋稼不登，至冬艱食，果賣子以自給，至有委於路隅者。明年己丑，大旱，人相食，棄子不可勝數。」 [7] – *«В пятый день пятого месяца на 25-й год 60-летнего цикла, в уезде Аньлу*[1] *старые крестьяне говорили друг другу: “Если летнее солнцестояние совпадает с праздником Дуаньу, то все семьи продают мальчиков и девочек”. В тот год осенний урожай не удался, зимой было трудно найти еду, и люди действительно продавали своих детей, чтобы прокормить себя. Некоторые даже бросали их на обочине дороги. На следующий год (26-й год 60-летнего цикла), случилась большая засуха, люди хотели есть и число брошенных детей было несчетным».*

В «Гуяоянь» (古謠諺, «Древние пословицы и поговорки», 1861 г.) эпохи Цин записана пословица: 「夏至逢端午。家家賣男女。」 [8] – *«Если летнее солнцестояние совпадает с Дуаньу, то все семьи*

[1] Уезд Аньлу находился на территории, принадлежавшей в свое время царству Чу.

продают мальчиков и девочек». До сих пор во многих районах бассейна реки Янцзы ходят такие пословицы, как *«Если летнее солнцестояние совпадает с Дуаньу, все семьи убиты горем», «Если летнее солнцестояние совпадает с Дуаньу, все круглый год заняты в поле»* [9].

В связи с тем, что еще в древности пятый месяц был известен как «злой месяц», «ядовитый месяц», «месяц смерти», возникло множество табу и предписаний.

Особенно важным было указание избегать рождения детей в пятый день пятого месяца. Сведения о подобных верованиях в ханьское время были зафиксированы в «Шицзи» (史記, «Исторические записки», 109–91 гг до н. э.) Сыма Цяня и «Луньхэн» (論衡, «Взвешивание суждений», 80 г. до н. э.) Ван Чуна. В «Гуйсинь цзачжи» (癸辛雜識, «Разные сведения из Гуйсинь») конца династии Южная Сун и начала династии Юань записано, что *«Сун Хуэйцзун родился в пятый день пятого месяца. Чтобы избежать беды, изменили день рождения на десятый день десятого месяца, но он все равно не чувствовал себя спокойно, а десятый день десятого месяца назвал "Праздником Тяньнин" – Праздником небесного успокоения»* [цит. по: 9]. В книге Чжао И «Гайюй цункао» (陔余丛考, 1790 г.) династии Цин также вспоминается эта история: *«Сун Хуэйцзун родился в пятый день пятого месяца, изменил праздник Тяньнин на десятый день десятого месяца, и в итоге обрек на гибель столицу»* [цит. по: 9].

О других многочисленных запретах сведений меньше, но, очевидно, они тоже были очень важны. К сожалению, их объяснений в китайских текстах мы не нашли. Приведем некоторые примеры и попробуем дать возможный комментарий.

В «Юян цзацзу» (酉陽雜俎, «Пестрые заметки с южного склона горы Ю») династии Тан записано: 「俗讳五月上屋，云五月人蜕，上屋见影，魂当去。」 [цит. по: 9] – *«В пятом месяце нужно избегать крыть крыши дома, в пятом месяце душа покидает тело, если покроешь крышу – увидишь тень, это душа покидает тело»*.

Замечание имеет параллели в славянской культуре: «Залезание на крышу сигнализирует о выходе за пределы человеческого пространства и стоит в одном семантическом ряду с залезанием на гору (возвышенность), на дерево. ≪…≫. Через крышу как верхнюю границу дома, по верованиям славян, выходит из дома душа умирающего. ≪…≫. Через крышу происходило общение с "иным миром", с мифологическими персонажами и духами» [10, Т. 3, с. 15, 17]. В данном случае представления как китайцев, так и славян связаны с пониманием оппозиции «верх-низ». Поскольку по воззрениям китайцев пятый месяц – месяц смерти – время, когда душа

может оставить тело, опасались увидеть, находясь вблизи неба (на крыше), свою отлетающую душу, что должно было привести к смерти.

Схожие воззрения лежат в основе табу на строительство дома. Энциклопедия «Тайпин юйлань» (太平御覽, «Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин», 977–983 гг.) цитирует «Фэнсу тунъи» (風俗通义, Восточная Хань): 「五月蓋屋，令人頭禿」 [11] – «*Если в пятом месяце построишь дом – облысеешь*». Строительство дома заканчивается возведением крыши, поэтому очевидна параллель: верх дома – «верх» человека. В «Цзинчу суйшицзи» (荊楚歲時記, «Записки о временах года в царстве Чу»), Лян Цзунлина (501–565 гг.) говорится: 「五月俗稱惡月。多禁忌曝床薦席。及忌蓋屋按異苑云。」[12] – *«В пятом месяце, обычно известном как месяц зла, многое запрещено. Избегайте расстилать постели и циновки, не стройте домов»*. Запрет на расстилание постели и циновок китайский исследователь Ду Гунчжан в начале VII в. связал с историей Юй Ши, которая была приведена в сочинении «Июань» (异苑, «Сад удивительного»): Юй Ши из уезда Синье однажды расстилал циновки в мае, но вдруг увидел на циновке мертвого ребенка, который быстро исчез, а вскоре умер и сын Юй Ши [9]. Ду Гунчжан привел пример, что может случиться при нарушении правила, но не объяснил его происхождения. Опять напрашивается сравнение со славянскими обычаями. В народном славянском календаре май считался месяцем, который открывал лето [10, Т. 3, с. 166]. Во многих местах славянского мира имели место обряды, связанные с растениями (установка «майского дерева», венки в «проводах русалки» и мн. др.), которые становились медиатором между человеком и миром духов. Циновки с древних времен использовались китайцами в ритуалах жертвоприношений, в том числе и для низведения на них духов и божеств. В истории Юй Ши видение мертвого ребенка на циновке – предсказание последующей трагедии. Логика данной связи («если бы человек не увидел мертвое тело, то и смерти не было бы») может быть связана с древними представлениями: видеть – это ведать, знать, а знание «материализуется», становится реальным, тем более в период нечистый, опасный.

Постель также могла стать вместилищем для злых духов или душ мертвых. Вспомним славянский обычай вешать на Троицкой неделе на заборы одежду для русалок [10, Т. 4, с. 135].

В «Дицзин суйши цзишэн» (帝京歲時紀勝, «Записки о временах года в имперской столице», 1758 г.) зафиксировано: 「五月朔日、端陽日，俱不汲泉水，於預日爭汲，遍滿缸釜，謂避井毒也。」[13] – *«В первый день пятого месяца и в Дуаньу не следует черпать воду из колодца. В предыдущий день нужно набрать воды и наполнить все емкости, чтобы избежать отравления из колодца».* Вода в колодце связана с низом, где

рождается сила *Инь*, особо рьяно рвущаяся наружу в это время, а значит, стремящаяся максимально проявить свои негативные качества. Возможно, в этом и кроется причина предписания.

В «Цзясин сяньчжи» (嘉兴县志, «История уезда Цзясин», 1908 г.) записано: *«Пятый месяц – это злой месяц. В домах нужно повесить амулет, запрещается расспрашивать о больных и посещать похороны»* [цит. по: 9]. Смерть и болезни также относятся к иньскому началу, которого так боялись в это время, поэтому не хотели способствовать его усилению.

Многие запреты пятого месяца касаются чиновников. Так, например, в «Фэнсу тунъи» отмечено: 「五月到官，至免不遷。」 [цит. по: 9] – *«Если в пятом месяце станешь чиновником – не продвинешься по службе».* В «Жичжилу» (日知錄, «Записки о ежедневном обучении») философ Гу Яньу (1613–1682 гг.) указывает: 「唐朝新格以正五九月為忌月，今人相沿以為不宜上任。」 [14] – *«Династией Тан установлены новые правила, пятый и девятый месяцы – месяцы смерти, в это время не следует вступать в должность»*.

Средневековая литература полна историй об «опасности» периода, на который приходится праздник Дуаньу. Современный китайский автор Ши Айдун в статье «“Злой” день Дуаньу: история жизни и смерти в борьбе между Инь и Ян» обращает внимание, что только в «Ицзяньчжи» (夷坚志, «Записи Ицзяня», 1198 г.) содержатся три «судьбоносные» истории о катастрофах, связанных с этим праздником («Утопление Шао Юя», «Жена и наложницы У Хуэя» и «Змея из Цзинси»); пророческое и опасное значение рассматриваемого периода показано и в классическом китайском романе «Сон в красном тереме» (紅樓夢): в главах 29–31 описаны любовные похождения Цзя Бао-юя с первого по шестой день пятого месяца, когда происходит много происшествий и зловещих предзнаменований [9].

Упоминания пятого дня пятого месяца в текстах появляются с эпохи Хань, название Дуаньу фиксируется впервые в сочинении династии Западной Цзинь, но уже в чжоуских текстах говорится об особенностях пятого месяца по лунному календарю. Сакрализация пятого дня связана с нумерологией, развитие которой пришлось на ханьский период. На протяжении всего последующего периода в текстах как опасный период отмечается и весь месяц, и только его пятый день.

Специфика периода обусловлена особенностями времени летнего солнцестояния – одной из важнейших точек календарного года. Во многих культурах период характеризуется как опасный, когда стираются границы между миром людей и миром духов, активизируется нечистая сила, для защиты от которой разработаны многочисленные средства. В китайской модели мира это время описывается как дисбаланс основных

космогонических сил, противостояние *Инь* и *Ян*, когда темное женское начало пытается побороть светлое мужское.

В «Хуайнаньцзы» (淮南子, «[Трактат] Учителей из Хуайнани», сер. II в. до н.э.) в главе «Небесный узор» (《天文訓》) говорится: «В день летнего солнцестояния ручка Ковша направлена к югу и находится в центре тяжей. Эфир *ян* находится в пределе, эфир *инь* – в зародыше. Поэтому и говорится, что летнее солнцестояние – это Гибель. Когда эфир *инь* в пределе, то на севере он распространяется до Северного полюса, вниз проникает до Желтых источников. Поэтому нельзя буравить землю, рыть колодцы. Все сущее хоронится, впадающая в зимнюю спячку живность обращается головой к норам. Поэтому и говорится: Благодать в доме» (пер. Л. Д. Позднеевой) [15, с. 56]. Л. Д. Позднеева комментирует данный фрагмент следующим образом: «вслед за движением сезонов идет кругообращение сил, способствующих (Благодать) либо, наоборот, мешающих (Гибель) рождению и росту живого» [15, с. 277]. Знаменательно, что большее значение имело действие не активной в данный период силы, а только еще зарождающейся, но обладающей мощной потенцией, что находит отражение и в главной схеме китайской культуры Тайцзи (太極). Трактовка времени как нечистого, опасного объясняет предписания Дуаньу, запрещающие любые важные действия (рождение детей, строительство дома, поступление на службу и мн. др.), так как они обязательно будут иметь негативные последствия.

Библиографические ссылки

1. *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М. : Издательство «Индрик», 2005.

2. *Толстая С. М.* Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М. : Издательство «Индрик», 1997.

3. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл / Отв. редакторы Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. М. : Наука, 1989.

4. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: https://bkrs.info (дата обращения: 25.06.2021).

5. 禮記 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/liji/yue-ling (date of access: 20.04.2024).

6. 春秋繁露 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/chun-qiu-fan-lu/ (date of access:18.04.2024).

7. 廛史 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=424184&searchu= 五月 &remap=gb (date of access: 18.04.2024).

8. 古謠諺 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=386901&remap=gb (date of access: 10.04.2024).

9. 恶日端午：阴阳相争的死生故事 [Electronic resource] // 中国社会科学网 URL: https://www.cssn.cn/ztzl/ztzl_skwzg/ggfy (date of access:18.04.2024).

10. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Межд. отношения, 1995–2014: 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка); 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито).

11. 太平御覽 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/dictionary.pl?if=en&id=364039&remap=gb (date of access: 18.04.2024).

12. 荊楚歲時記 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=328815&remap=gb#p64 (date of access: 16.04.2024.

13. 帝京歲時紀勝 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=268472&remap=gb (date of access: 11.05.2024).

14. 日知錄 [Electronic resource] // Chinese Text Project. 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=527190&searchu=忌月&remap=gb (date of access: 21.05.2024).

15. Философы из Хуайнани / Хуайнаньцзы. Пер. Л. Е. Позднеевой. М. : Мысль. 2004.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕША СПЕНТА И СЕМИ БОЖЕСТВЕННЫХ ДУХОВ

А. А. Карпинская

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, n7500075@gmail.com

Статья посвящена исследованию функциональных особенностей Амеша Спента в зороастризме на основе Авесты и других зороастрийских текстов и семи божественных духов в раннем христианстве на основе Нового завета. Предпринимается попытка проследить общие черты функциональных особенностей, рассматриваемых духовных сущностей зороастризма и раннего христианства, предполагая их единый источник происхождения.

Ключевые слова: семь божественных духов; Амеша Спента; авраамические религии; христианство; зороастризм; Авеста; Новый Завет, пехлевийская литература

FUNCTIONAL FEATURES OF AMESHA SPENTA AND SEVEN DIVINE SPIRITS

A. A. Karpinskaya

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, n7500075@gmail.com

The paper analyzes the functional features of Amesha Spenta in Zoroastrianism based on the Avesta and other Zoroastrian texts and the seven divine spirits in early Christianity based on the New Testament. This study is an attempt to trace common elements of the functional features of the Amesha Spenta and seven divine spirits in Zoroastrianism and early Christianity, assuming their common source of origin.

Keywords: seven divine spirits, Amesha Spenta, abrahamic religions, christianity, zoroastrianism, Avesta, New Testament, pahlavi literature.

После преобразования зороастризма в монотеизм и после реформ пророка Заратуштры начинается кризисный период, во время которого предпринимаются попытки к восстановлению древних верований и возрождения языческих божеств. Многие аспекты зороастризма подвергаются сомнениям и претерпевают изменения. К таким аспектам можно отнести интерпретацию сущностей и ритуалов. Так, например, изменения затронули и Бессмертных Святых или Амеша Спента. Вероятно, что Бессмертные Святые пришли на смену первичным языческим божествам, они

стали не просто отдельными сущностями, а частью верховного божества Ахура Мазды [1].

Бессмертные Святые представляют собой творения высшего божества в зороастризме – Ахура Мазда. Насчитывается шесть бессмертных святых: Воху Мано – *благое намерение или мысль*, Аша Вахишта – *наилучшая истина*, Хшатра Ваирья – *благая весть*, Спента Армаити – *благочестие*, Хаурватат – *целостность*, Амеретат – *бессмертие*. Грамматически первые три имени сущности нейтрального рода или мужского, последние три – женского. Считается, что таким образом пророк хотел продемонстрировать через них, что Ахура Мазда ни мужчина, ни женщина, а сущность иная, находящаяся выше всех по статусу. Как объясняют зороастрийские богословы, пророк использовал имена бессмертных святых для того, чтобы по отдельности обозначить качества бога, так, например, для описания степени мудрости и силы разума использовалось имя – Воху Мано, когда речь шла о праведности – Аша Вахишта, внетелесность передавалась через имя – Хшатра Ваирья, любовь показывалась через Спента Армаити, совершенность и целостность воплощалась в Хаурватат и бессмертие через Амеретат [2], [3]. Согласно мифологическому словарю Е. М. Мелетинского, пять Бессмертных Святых являются точными копиями божеств из ведической мифологии. Подобное сходство отражает их глубокие индоиранские корни и подтверждает традиционную схему индоевропейского пантеона, состоящего из семи божеств [4]; [5]. До преобразования религии было распространено почитание всех святых, куда включались такие понятия как *асуры* и *дэвы*. Отказавшись от данной классификации, Заратуштра определил основную группу для особого почитания, наделив их смыслом ‘*spəntа*’, т.е. *святой* [2]; [3]. Вместе с Ахура Маздой они создали те семь творений, которые образовали мир. Стоит отметить, что сотворение шести божеств в разных зороастрийских источниках описывается по-разному, не во всех случаях подразумевается обязательное их единство: Ахура Мазда может выступать их отцом, входить в число бессмертных святых, или, как представлено в более поздней традиции пехлевийских источников, создание шести божеств сравнивается с зажиганием одного светильника от другого [6].

Каждый из шести духов обязательно почитается молитвами, гимнами, обрядами, добрыми мыслями, словами и действиями, а также правильным существованием тела и духа (Ясна 0:5). *Амеша Спента помимо высоких качеств, которые они воплощают с духовной точки зрения, олицетворяют творение материального мира. Такие ассоциации появились уже в Зенд-Авесте и пехлевийской литературе. Можно встретить подобные сравнения и в Гатах Заратуштры* [2]. В Висперед (9:4) указывается место обитания Бессмертных Святых, а именно вместе с Добрым

Разумом. В пехлевийской литературе под Духом Разума подразумевается Святой Дух. В Отрывке Видевдад (12:2) описывается ситуация, в которой при соблюдении чистоты в доме, туда могут зайти Амеша Спента. Как показано во Видевдад (19:13) Бессмертные Святые обитают только там, где был принят зороастризм. Видевдад (19:32) раскрывает детали пребывания в духовном мире, а именно в небесной области под названием «Дом Песни», около золотого трона верховного божества Ахура Мазда. В пехлевийской литературе уже говорится о том, что частицы этих духов имеют телесное воплощение, помимо этого они могут быть невидимыми и предстать только перед теми, кому они покровительствуют, либо принять мирской облик перед избранными, когда сами захотят себя показать (Дадестан-и Дениг 31:6-8).

В раннехристианской традиции Нового Завета идея о семи божественных духах была позаимствована из Ветхого Завета. Основная часть Нового Завета, где встречается упоминание духов это Откровение. Так, например, в тексте Откровение от Иоанна образы духов описаны не подробно и говорится только о том, что: духи предстают перед престолом Бога (1:4); перед престолом горят семь огненных светильников (4:5); описываются семь глаз Агнца, посланных на землю (5:6). Семь лампад светильника принято считать семью глазами Агнца и глазами Бога [7].

Семь духов также могут интерпретироваться как семь ангельских существ – серафимов ‘*огненный, пламенный’* или херувимов ‘*великое знание’* (наиболее приближенных к Богу существ), которые схожи с теми существами, что встречаются в Откровении. Если число семь в Откровении употреблено не в значении количества духов, а со смыслом завершенности и совершенства, то в тексте имеется в виду законченность образа Святого Духа [8].

Существует также версия, что семь духов – это семь даров, которые упоминаются в Первом послании к Коринфянам, в главах 12–14 и Послании к Римлянам (12:6-8) [8]. Можно также сделать предположение, что семь даров – это форма проявления в физическом мире посредством праведников.

Согласно другой версии, в Новом Завете на греческом языке встречается термин дунамис ‘*δύναμις*’, который многие трактуют как ‘сила’ или ‘потенциал’ и применяют его в основном для описания силы Бога, Евангелия или Святого Духа. Корень этого слова происходит от ‘дунамай’ ‘*δύναμαι’* и означает ‘*могу*’. Существует предположение, что данным термином обозначался особый класс духовных существ. Так, например, в Послании к Римлянам (8:38), к Ефесянам (1:21, 3:10, 6:12) и Колоссянам (1:16, 2:10, 2:15) встречается слово «дунамис» для названия сущностей. Оно может обозначать как положительных, так и отрицательных

персонажей. На современном этапе среди протестантских священнослужителей данное слово трактуется также как *сила, мощь*, тогда как в древней и современной католической церкви под ‘*дунамис’* понимается *добродетель* [8], [9], [10].

На основе сравнительного анализа Бессмертных Святых и семи божественных духов были выявлены следующие общие характеристики: общий мотив появления и проявления в духовном мире; общее место пребывания. Отличительным стал тот факт, что образы Бессмертных Святых в зороастризме более развиты, имеют древние корни и выполняют целый ряд функций, в отличии от семи духов Божьих. Как в Зороастризме, так и в Христианстве наблюдается схожий мотив появления и проявления в духовном мире при помощи и в виде светильников. По одной из версий, как следует из пехлевийского источника «Великий Бундахишн» Бессмертные Святые по очереди зажигаются друг от друга и таким образом появляются на свет. В Новом Завете в Послание к Евреям (1:7) речь идет о создании духов посредством Ангелов, тем не менее, несмотря на схожесть, невозможно однозначно утверждать, что речь идет о семи божественных духах. В Откровении Иоанна не описан процесс творения духов, но констатируется их форма – светильники (1:12-20 и 4:5) и существо с семью рогами и глазами (5:1-6). Форма Бессмертных Святых описывается как *неосязаемая* и *невидимая* (Ясна 26:3, Шаяст-на-шаяст 15:3).

Место обитания и у Бессмертных Святых, и у семи духов – небесное пространство около трона (престола) Всевышнего (Видэвдад 19:32 и Откровение 1:4, 4:4-5). Тем не менее Бессмертные Святые могут находиться в физическом мире через элементы, которым они покровительствуют и праведных людей (Шаяст-на-шаяст 15:4-6). В Новом Завете нет прямого указания на присутствие в физическом мире. Однако можно сделать предположение, что семь даров (Послание к Коринфянам 12-14) могут быть подобной формой проявления.

Бессмертные Святые, как было упомянуто ранее должны восхваляться наряду с Ахура Маздой. Располагая особыми характеристиками, они могут контролировать разные сферы жизни человека. В Христианстве и, в частности, в Новом Завете подробно не расписаны функции этих существ, только в Послание к Евреям (1:13-14) упоминаются безымянные духи, созданные ангелами, посылаемые для служения праведным, заслуживающим спасение.

Таким образом, основной мотив и идея семи прислужников Бога, их появление и форма в целом имеют общие черты. Тем не менее из-за отсутствия достаточных сведений нельзя сравнить более подробно их основные функции. Вероятно, данный аспект мог быть заимствован христианством не напрямую из зороастризма, а через иудаизм, вследствие чего утратил

некоторые особенности. С другой стороны, можно также предположить, что ранние христиане, знакомые непосредственно с положениями зороастризма, не были заинтересованы в развитии идеи семи духов в такой же степени.

Библиографические ссылки

1. *Ньоли Г.* Проблемы и перспективы исследований персидской религии (научный перевод) // Религиоведческие исследования. 2010. №3–4. С. 89-108.

2. Amesha Spenta [Electronic resource] // Encyclopædia Iranica. URL: https://www.iranicaonline.org/articles/amesa-spenta-beneficent-divinity (date of access: 07.04.2023).

3. اهورامزدا و امشاسپندان و ایزدان در دین زرتشتی (گفتاری از موبد رستم شهزادی) [Electronic resource] // drive.google. URL: https://drive.google.com/file/d/1Z0P68u2UK2uHne8JfluHCmVH2_Ub8hpW/view?usp=drive_link (date of access: 19.03.2023).

4. Мелетинский, Е.М. Мифологический словарь [Электронный ресурс] // phantastike. URL: https://www.phantastike.com/dic/mifologicheskiy_slovar_meletinskiy/djvu/view/ (дата доступа: 22.04.2023).

5. Pacheco, J. The Amesa Spenta and the Bible [Electronic resource] // Sociedad Española de Iranologia – SEI. URL: https://iranologia.es/en/2021/04/01/the-amesa-spenta-and-the-bible/ (date of access: 19.04.2023).

6. Бойс, М. Зороастрийцы. Верования и обычаи [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Литмир. URL: https://www.litmir.me/br/?b=47898 (дата доступа: 29.04.2022).

7. Ли, У. Дух и Тело [Электронный ресурс] // Библия — восстановительный перевод. URL: https://mybible.ws/vse-knigi-sluzheniya-Uitness-Li-i-Vochman-Ni/kniga-duh-i-telo-Uitness-Li-chitat-onlayn/8/ (дата доступа: 22.04.2023).

8. Кто такие семь духов Божьих? [Электронный ресурс] // Bible Online. URL: https://only.bible/qa/1461-seven-spirits-god/ (дата доступа: 20.04.2023).

9. Dunamis Meaning: Understanding the Power of God Bible [Electronic resource] // viralbeliever. URL: https://viralbeliever.com/dunamis-meaning-understanding-the-power-of-god-t523/ (date of access: 19.04.2023).

10. Dýnamis [Electronic resource] // wiktionary. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/%CE%B4%CF%8D%CE%BD%CE%B1%CE%BC%CE%B9%CF%82 (date of access: 19.04.2023).

СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АХЕМЕНИДОВ: ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ И МАТЕРИАЛЫ

Ю. С. Кухарчик

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kukharchyksch44@gmail.com

Работа посвящена изучению строительных практик и традиций персидский царей из династии Ахеменидов. Автор рассмотрел основные строительные материалы и архитектурные термины, которые упоминаются в древнеперсидских царских надписях. Особое внимание уделено основным типам древнеперсидских сооружений *apadā, tačara, hadiš*. Работа выполнена с опорой на широкий корпус источников.

Ключевые слова: Ахемениды; архитектурные термины; строительные материалы; *apadā; tačara; hadiš*.

ACHAEMENID CONSTRUCTION ACTIVITIES: BASIC TERMS AND MATERIALS

Yu. S. Kukhrchyk

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
kukharchyksch44@gmail.com

The work is devoted to the study of construction practices and traditions of the Old Persian kings from the Achaemenid dynasty. The author examined the main building materials and architectural terms that are mentioned in old Persian royal inscriptions. Special attention is paid to the main types of ancient Persian structures *apadā, tačara, hadiš.* The work is based on a wide corpus of sources.

Keywords: Achaemenids; architectural terms; building materials; apadā; tačara; hadiš.

Древнеперсидские цари вели активную строительную деятельность. Культурное и архитектурное наследие царей из династии Ахеменидов многочисленно: дворцы, гробницы, барельефы, колонны и др.

В архитектурной истории Ахеменидов можно проследить влияние более древних архитектурных традиций, среди них, искусство Древнего Египта эпохи Среднего, Нового и Позднего царств, хеттское искусство XIX-XII вв. до н.э., искусство царства Элама периода XV-VII вв. до н.э, искусство ассирийской империи (нач. X – кон. VII в. до н.э.) и нововавилонского царства (626-539 гг. до н.э.), искусство царства Урарту (IX – нач.VI вв. до н.э.), а также древнеиранским искусством X – 1 пол.VI вв. до

н.э. и искусство Анатолии [1, с. 295]. Для ахеменидского искусства и строительства в целом был характерен синкретизм, связанный с включением в свой состав различных государственных образований, где исторически развивались различные архитектурные традиции. Следует отметить, что процесс формирования крупных государств сопровождается или культурными заимствованиям или уничтожением культурных памятников завоеванных территорий. Искусство и строительные техники Ахеменидов использовала традиции покоренных народов, дополняя новыми реалиями.

Древнеперсидские тексты сохранили разнообразную строительную лексику, названия материалов и архитектурных элементов. Древнеперсидские надписи традиционно составлялись на трех языках, наиболее используемых в государстве для создания официальных документов и в делопроизводстве, – это эламский, аккадский и древнеперсидский. В древнеперсидских царских надписях персидские цари рассказывают о наиболее важных делах царей династии Ахеменидов, формируя его положительный и героический образ, опуская при этом все события, невыгодные для формирования нужного образа царя [2, с. 179]. Но не смотря на такую специфику источника, сохранились надписи о строительстве дворцовых комплексов в Персеполе и Сузах, Суэцкого канала. Древнеперсидские надписи, в основе свое хорошо датируются, поскольку датировка надписей четко определяется временем правления древнеперсидских царей от имени которого она составлена. Наиболее ранние надписи относятся ко времени правления Дария I, 522–486 гг. до н.э., а поздние – Артаксеркса III, 359–338 гг. до н.э.

Основными строительными площадками Ахеменидов выступали Персеполь и Сузы.

Строительство Персеполя было начато около 520 г. до н.э. Дарием I и продолжалось при его приемниках Ксерксе и Артаксерксе I [3, с. 250]. При этом план города скорее всего был разработан до начала строительства, так как водопроводные каналы и дренажная система соответствуют зданиям, которые были построены позже [4, p. 224]. Древнеперсидские царские надписи и эламские хозяйственные документы рассказывают о последовательности основных этапов строительства. Следует отметить, что персепольские дворцы представляют собой единый архитектурный ансамбль, состоящий из двух типов построек, это *tačara* и *apadāna*. Позже, при Ксерксе (518 -Август 465 до н.э.) в Персеполе были построены здание гарема и ворота, ведущие в *apadāna*. Так же в древнеперсидских надписях есть термин *hadiš*. Сузы также были одной из столиц Ахеменидов. В городе были возведены царские дворцы, сокровищница, *apadāna* и мощные оборонительные стены. Каждый персидский царь построил в Сузах дворец (Страбон X, 3, 2). Известны царские постройки и в других крупных

городах империи, например Экбатанах (*imam : apadāna : vashnā : AM : Anahata : utā : Mitra : adam : akunām : AM : Anahata : utā : Mitra : mām : pātuv : hacā : vispā : gastā : utā : imam : tya : akunā : mā : vijanātiy : mā : vināthayātiy* (A2Ha 5-7).

Apadāna (D2Sa 1; A2Hb; A2Sa 3, 4; A2Ha 5*)* «дворец» [5, p. 168] представляет собой гипостильный зал, т.е. дворцовый или зал для аудиенций каменной конструкции с колоннами по периметру. При этом древнеперсидский термин *apadana* был заимствован другими языками, например, элам. *ha-ha-da-na,* акк. *ap-pa-da-an.* Этимология не ясна. Интерпретация термина в форме *apa+dāna* восходящее к корню **dā* «творить, создавать, устанавливать; давать, отдавать, дарить» остается спорной [5, p. 168; 6, с.433]. Возможно, корень *dāna* связан с * *dā-na* «вместилище; хранилище; сосуд», тогда **dāna* можно трактовать как результат совпадения образований **dāna* в значении «дом» *(*dam* «строить») и **dāna* в значении «вместилище» [6, с. 429].

Впервые термин употребляется в надписях Дария II и Артаксеркса II в связи с восстановлением сгоревшего в 440 г. до н. э. [1, с. 23] дворца аудиенций эпохи Дария I в Сузах (*imam : apadāna : Dārayavaush : apanayākama : akunash : abayapara : upā : Artaxshaçām : nayākama : ++++ : vashnā : AM : Anahata : utā : Mithra : imam : apadāna : adam : akunām* (A2Sa)). Термин *apadāna* скорее всего использовался исключительно для описания особого типа зала, который использовался для торжественных церемоний и аудиенций царя, которые проводились внутри зала или это было место, где царь, сидя на троне, наблюдал за церемониями или парадами на равнине внизу [8, p.70]. Термин засвидетельствован в более поздние времена и за пределами Ирана, например в парфянском, сирийском, арабском и других языках [9]. Термин используется для аналогичных сооружений в ахеменидской архитектуре.

Древнеперсидский термин *tačara* засвидетельствован в DPa 6, XPj DSd 3 (в форме *dacaram*) «дворец» [5, p . 186]. В отличие от *apadāna* термин *tačara* имеет свои соответствия в эламском (*da-iṣ-ṣa-ra-um*) и акакдском (*bit*) языках. Скорее всего, это был жилой дворец. *Tačara* – это самый старый дворец Персеполя, построенный Дарием Великим. Он стал прообразом фасада гробницы Дария Великого в Накш-и Рустаме, что позволяет точно реконструировать один из фасадов. На фасадах *tačara* были обнаружены многочисленные надписи разных периодов. Как и в других частях Персеполя здесь сохранились многочисленные рельефы различных сановников, слуг, и воинов. У главного фасада сохранился барельеф, изображающий Дария Великого. Позже во время правления Артаксеркса III были достроены две лестницы, на которых изображены процессии из представителей покоренных народов с подношениями для царя.

Древнеперсидское *hadiš* используется в нескольких общих смыслах «место, жилище, дворец» (DSf 22, 27; A2Sd 3; DSj 5; XPc 11; XPd16f; XSa 2; XSc3; A1Pa 19, D2Sb 3,4 ; A2Sc 5). Происхождение связано с глаголом *had-* «сидеть» [5, p. 213]. В такой же форме он встречается и в авестийском языке (*haδiš*). Чаще всего, термин употребляется в значении конкретной резиденции Ксеркса в Персеполе. Дворец Ксеркса был высечен в естественной скале выше уровня равнины. Основа дворца Ксеркса I в Персеполе представляет уменьшенную по размерам классическую *apadāna* [7, с. 27]. В древнеперсидских надписях употребляется и в общих значениях место/дорец.

Строительные материалы, которые использовали ахеменидские цари были традиционными для своего времени и региона: обожжённый кирпич, древесина и камень. Для отделки активно использовались драгоценные и полудрагоценные камни, золото, серебро, слоновая кость.

В Сузах строительную деятельность начали еще эламские цари. DSf Дария Великого рассказывает о строительстве уже ахеменидского дворца недалеко от эламских построек *ima : hadiš : tya : Çūšāyā : akunavam : hacāciy : dūradaša : arjanamšaiy : abariya : fravata : BU : akaniya : yātā : aθagam : BUyā : avārasam : yaθā : katam : abava : pasāva : θikā : avaniya : aniyā : XL : arašaniš : baršnā : aniyā : XX : arašniš : baršnā : upariy : avām : θikām : hadiš : frāsahya : utā : tya : BU : akaniya : fravata : utā : tya : θikā : avaniya* (DSf 22-29) «(Я) построил этот дворец в Сузах. Украшение издалека было доставлено. Вниз земля была выкопана, когда до камня я спустился. Когда раскопки стали, тогда гравием было заполнено внизу (в некоторых местах) одно на 40 локтей в глубину, другое 20 локтей в глубину. На этом гравии дворец был построен. Земля была вырыта, и высохший на солнце кирпич был поражён…»

Древнеперсидские царские надписи содержат информацию о различных строительных материалах, которые использовали персы при строительстве дворцов (табл. 1). Строительная лексика древнеперсидского языка достаточна разнообразна, включает в себя как различные драгоценные материалы, типа золото и серебро, которые явно использовались для отделки, но и классические строительные материалы, типа древесины, гравия и сырцового кирпича. Некоторые термины были заимствованы и другими языками.

Таблица1

Строительные материалы, которые засвидетельствованы в древнеперсидских царских надписях

Название материалов	Текст	Комментарии
daraniy	DSf 35, 49-50	Золото [5, p. 189; 10, p. 114] от авес. *zaraniya-* «золото» [11, p. 1678].
ardata	DSf 37, 40	Серебро; авест. *ərəzata-*, санк. *Rajatá* [5, p. 171; 10, p. 105].
kāsaka эл. ka$_4$-si-ka$_4$	DSf 37; DSf 32, 34; DSz 34, 36	Скорее всего, происхождение связано с **kas* «быть видимым, казаться, светиться, блестеть» [10, с. 117]. Полудрагоценный камень [5, p. 180]. Как правило, используется в сочетании с прилагательным *kapautaka.*
kapautaka	DSf 37	Голубой [5, p. 178], голубой, серо-голубой [12, с. 133]; сине-зелёный, бирюзовый [13, p. 161]; *kāsaka hya kapautaka,* скорее всего, ляпис-лазурь.
sikabru эл. Ši-in-qa-ab-ru-is акк. ṣi-in-ga+-ru-ú	DSf 37	Сердолик [5, p. 209], киноварь [14, p. 125]. Этимология не ясна.
axšaina-	DSf 39	темный [11, p. 51], темно-синий [12, с. 133]. Прилагательное цвета, но явно связан с драгоценными или полудрагоценными камнями.
piru- эл. pi-ru-s акк. pī-lu	DSf 37	Слоновая кость [5, p. 197; 10, p. 140].
θikā	DSf 25, 27, 28	Гравий, щебень, сломанный камень Происхождение связано с **kigā* (ср. санск. *Sikatā* «песок, гравий») [5, p. 188].
θarmi	DSf 30	Древесина [5, p. 188]. Этимология неясна.
ishti	DSf 29	Высохший на солнце кирпич, необожжённый кирпич [5, p. 175; 10, p. 127]. Происходит и.-е. **ai-dh/*i-dh* «гореть», жечь, обжигать [15, с. 32]. Ср. с др.-инд. *iṣṭakā-* «обожженный кирпич» [16, с. 51]. Засвидетельствован авестийском языке *ištya-* «обожженный кирпич» [11, p. 378].
aθaga	DSf 24, 48 DPc; D2Sa 1; A2Hb; A2Sc 6; A3Pa 22	Камень [5, p. 166; 10, p. 107]. В авес. asəngа- имеет то же значение [11, p. 210]. Происхождение возможно связано с *aś 1) острый 2) камень и восходит к и.-е. «острый; остроконечный; имеющий грани, угловатый; камень» [17, с. 237-238]. Также засвидетельствовано и прилагательное «каменный».

Древнеперсидские царские надписи дают нам представление о полезных ископаемых, которые доставлялись с различных регионов империи Ахеменидов, в том числе и Центральной Азии. С территории Центральной Азии поставляли золото и различные самоцветы *daraniyam : hacā : Spardā : utā : hacā : Bāxtriyā : abariya : tya : idā : akariya : kāsaka : hya : kapautaka : utā : sikabruš : hya : idā : karta : hauv : hacā : Sugudā : abariya : kāsaka : hya : axšaina : hauv : hacā : Uvārazmiyā : abariya : hya : idā : karta : ardatam :* т.е. «золото было принесено из Лидии и из Бактрии, которое здесь использовано. Самоцветы ляпис-лазурь и кареол, которые здесь были использованы, из Согдианы. Сине-зелёный самоцвет был принесен из Хорезма, который здесь использован» (DSf 34-45).

Среди древнеперсидских архитектурных терминов также используются понятия *stūnā, arjana, ardastāna, mayūxa* (табл. 2).

Таблица 2

Некоторые архитектурные термины в древнеперсидских царских надписях

Архитектурный термин	Упоминание в текстах	Комментарии
stūnā	DSf 45; DSg 3; D2Sa 1; A2Hb	колонна [5, p. 210].
arjana акк. si-im-ma-nu-u	DSf 41 DSf 23 (в форме arjanam-šaiy).	украшение (как элемент архитектурного стиля) (ornamenation) [5, p. 170]. Аккадский вариант переводится более широким понятием (decoration). Есть мнение, что это может быть «известняк» или другой строительный материал [14, p. 59].
ardastāna	DPc	оконная рама, оконный карниз [5, p. 171], каменные блоки с оконными проемами [10, p. 104]. Образовано сложением двух основ *arda+stāna*. *arda-* «свет» и stāna «место», т.е. «светлое место» [5, p. 171]. Значение основы *arda-* сомнительно, возможно, употребляется в значении «половина» [11, p. 193].
mayûxa	Dpi XPi	дверная ручка [5, p. 202], настенная ручка [10, p. 133].

Архитектурные детали, такие как дверные или оконные проемы являются скорее работой скульпторов, а не архитекторов [3, с. 253].

Известно, что при строительстве важных сооружений персидские цари использовали ремесленников из различных территорий своего государства. Так, на строительстве дворца в Сузах работали лидийцы, ионийцы, вавилоняне, египтяне, мидийцы, ассирийцы. Эламские хозяйственные документы упоминают работников и с территорий восточных

сатрапий, таких как согдийцы (*šu-ug-da* (PF 1659, PF 1660 PF 1118, PF 1175, PF1629, PF 1132)) [18, p. 338, 430, 329, 456, 325], бактрийцы (*ba-ak-ši-ya-ip* (PF 1592, PF 1947) [18, p. 443, 544], которые были задействованы на различных работах, в том числе на строительстве оросительных каналов. Наиболее сложные работы выполняли вавилоняне, поскольку такие способы строительства зданий на искусственных террасах были для них традиционными [3, с. 256].

Поздние Ахемениды также заканчивали строительство своих предшественников, или восстанавливали разрушенные ранее сооружения, например *ima : hadish : Artaxshaçā : paranam : akunaush : hya : manā : pitā : ima : hadish : pasāva : vashnā : AMha : adam : akunavam* (D2Sb 3-4) или *vashnā : Auramazdahā : ima : hadish : Xshayārshā : xshāyathiya : hya : manā : pitā : frataram : pasāva : adam : akunavam : mām : Auramazdā : pātuv : hadā : bagaibish : utamaiy : xshaçam : utā : tyamaiy : kartam* (A1P1a).

Строительная деятельность персидских царей заключалась не только в строительстве церемониальных сооружений или дворцовых комплексов. Так, известно, что Дарий Великий построил Суэцкий канал, который соединил Красное и Средиземное море, *adam : niyashtāyam : imām : yauviyām : katanaiy : hacā : Pirāva : nâma : rauta : tya : Mudrāyaiy : danuvatiy : abiy : draya : tya : hacā : Pārsā : aitiy : pasāva : iyam : yauviyā : akaniya : avathā : yathā : adam : niyashtāyam : utā : nāva : āyatā : hacā : Mudrāyā : tara : imām : yauviyām : abiy : Pārsam : avathā : yathā : mām : kāma : āha* (DZc 8-12), «я приказал этот канал капать от реки под названием Пирава, которая в Египте течет к морю, которое из Персии идёт. Когда этот канал был выкопан, тогда я приказал, и корабль отправился из Египта через этот канал в Персию, как было моё желание.

Строительная деятельность Ахеменидов носила не только важный идеологический смысл. Оно должно было показывать масштабность и незыблемость империи и царской власти.

Библиографические ссылки

1. *Вергазов Р.Р.* Официальный стиль Ахеменидов и его отражение в искусстве северных сатрапий на материале архитектуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 2. С. 294–306.

2. *Медведская И.Н.* Древний Иран накануне империй (X–VI вв. до н.э. История Мидийского царства. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010.

3. *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика Древнего Ирана. М.: Наука, 1980.

4. *Herzfeld, E.* Iran in the Ancient East. London., 1941.

5. *Kent R.G.* Old Persian: Grammer, Text, Lexicon. New Heven, 1953.

6. *Расторгуева В.С. Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков : в 6 т. М. Вост. лит., 2003. Т.2. b-d

7. *Вергазов Р.Р.* Типология дворца-ападаны в классической архитектуре ахеменидского Ирана: проблема происхождения и развития // Искусство Древнего мира // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 6 / под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2016. С. 23–30.

8. *Schmidt E. F.* Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago: University of Chicago Press, 1953.

9. *Schmitt R., Stronach D.* Apadāna [Electronic resource] // Encyclopædia Iranica, URL: https://www.iranicaonline.org/articles/apadana (date of access: 19.02.2024).

10. *Brandenstein W/, Mayrhofer N.* Handbuch des Altpersischen. Otto Harrassowits, 1964.

11. *Bartholomae Ch.* Altiranisehes Wörterbuch. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904.

12. *Абаев В.И.* Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе // Иранские языки: Материалы и исследования по иранским языкам; под ред. В.И. Абаева. М.-Л., 1945. С. 127–133.

13. *Skjærvø, O.* An Introduction to Old Persian. Harvard, 2002.

14. *Hinz W.* Altpersischer Wortschatz. Leipzig, 1942.

15. *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западно-иранских языков: Фонология. М.: Наука, 1990.

16. *Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т.4: i-k. М.: Вост. лит. 2011.

17. *Расторгуева В.С. Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т.1. a-aa. М. Вост. лит., 2013.

18. *Hallock R.T.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969.

РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА К ЯПОНИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ОРИЕНТАЛИЗМА И ЯПОНИЗМА

И. Ю. Лампе

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, ул.Сурганова 1, корп.2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь, hr-irina@tut.by

Автор статьи рассматривает развитие интереса к Японии через проявление феномена ориентализма, кроме того, в статье уделено особое внимание японизму. Ориентализм трактуется как феномен глобального масштаба, как проявление процесса всемирной глобализации. Автор также рассматривает термин «японизм» и историю его возникновения. В статье последовательно рассматривается четыре этапа развития ориентализма и появления японизма. Первый этап охарактеризован автором как этап противоречивой и отрывочной информация о Японии, которая большей частью была вымышлена. Автор отмечает, что второй этап ориентализма был тесно связан с «открытием» Японии и появлению явления «японизма» через всемирные выставки, собирание коллекций и иллюстрированные издания. Третий этап автор охарактеризовал как дальнейшее развитие интереса к японской культуре, в качестве каналов проникновения называя, помимо научно-популярной литературы, культурный обмен и кинематограф. Автор отмечает, что на протяжении четвертого этапа беспрецедентную роль в распространении культуры Японии играет интернет и массовая культура. На каждом из этапов автором описано, как данные феномены проявлялись на белорусской территории.

Ключевые слова: ориентализм; японизм; периодизация; коллекционирование; проявление в изобразительном искусстве; Европа; Россия; Беларусь.

DEVELOPMENT OF INTEREST IN JAPAN AS A MANIFESTATION OF THE PHENOMENON OF ORIENTALISM AND JAPANISM

I. Y. Lampe

Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova St. 1, building 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus, hr-irina@tut.by

The author of the article examines the development of interest in Japan through the manifestation of the phenomenon of Orientalism; in addition, the article pays special attention to Japaneseism. Orientalism is interpreted as a phenomenon on a global scale, as a manifestation of the process of worldwide globalization. The author also examines the term “Japanism” and the history of its origin. The article consistently examines the four stages of the development of Orientalism and the emergence of Japaneseism. The first stage is characterized by the author as a stage of contradictory and fragmentary information about Japan, which was mostly fictitious. The author notes that the second stage of Orientalism was closely connected with the “discovery” of Japan and the emergence of the phenomenon of

“Japanism” through world exhibitions, collections and illustrated publications. The author characterized the third stage as the further development of interest in Japanese culture, naming, in addition to popular science literature, cultural exchange and cinema as channels of penetration. The author notes that during the fourth stage, the Internet and mass culture played an unprecedented role in the dissemination of Japanese culture. At each stage, the author describes how these phenomena manifested themselves on Belarusian territory.

Keywords: Orientalism; Japonism; periodization; collecting; manifestation in fine arts; Europe; Russia; Belarus.

Живейший интерес к странам Востока имеет давнюю историю: он начался в эпоху географических открытий в XVII – XVIII вв. Данный интерес повлек за собой увлечение восточными «диковинками» и на протяжении нескольких столетий во многом определил заинтересованность Европы культурой стран Востока, включая его художественную традицию и философию данного региона.

Это повлекло за собой возникновение новой стилистической тенденции – ориентализма, которая вылилась в новый эволюционный этап европейского искусства, объединивший ар нуво и ар деко, стиль модерн. Влияние ориентализма коснулось всех видов искусства. И благодаря местоположению нашей страны в центре Европы эта тенденция не могла остаться без внимания и в Беларуси.

Интерес к Японии в белорусской культуре имеет давнюю историю, начиная с XVIII в., от включения восточных диковинок в собрания знаменитых магнатских родов [5, с. 12–15]. Благодаря белорусским магнатам и их заинтересованности японским искусством, устроению японских павильонов в усадьбах [3, с. 160] увлеченному собирательству и сохранению предметов восточных коллекций, на этих землях сложилось общее представления об этой экзотической стране.

Мы склонны рассматривать интерес к традиционной японской культуре на белорусских землях в рамках ориентализма. Ориентализм мы склонны трактовать как феномен глобального масштаба, т.е. как проявление процесса всемирной глобализации. Академическое изучение и осмысление культурной традиции и всевозможных аспектов восточного (в т.ч. японского) искусства, включая литературу, философию, экономику и др. науки, которые могут быть связаны с восточным регионом – вот что такое представляет собой ориентализм в нашем понимании.

Впервые термин «Ориентализм» был введен в научный обиход американским ученым Э. В. Саидом (1935–2003) в книге 1978 г. «Orientalism». Ученый высказал свою точку зрения, говоря о том, что «[…] Восток – это неотъемлемая часть европейской материальной цивилизации и культуры. Ориентализм выражает и репрезентирует эту часть культурно и даже

идеологически как вид дискурса с соответствующими ему институтами, словарем, ученой традицией, образным рядом, доктринами и даже колониальными бюрократиями и колониальным стилем. <…>» [8, с. 8.]. Учитывая высказанное мнение американского исследователя, мы все же склонны в данном вопросе разделять точку зрения профессора Школы востоковедения НИУ ВШЭ Е. В. Штейнера, высказанную в лекции «Ориентализм как ур-феномен глобализации» [4]. В данной лекции В. С. Штейнер указал, что «[…] возникновение ориентализма было связано с некоторой усталостью западной цивилизации от постоянного вызова в расширении географического пространства и проявления любопытства в поиске нового, которые впоследствии трансформировались в экзистенциальную потребность изменения мировоззрения, осмысления альтернативного способа философии жизни и себя». Поддерживая идею появления ориентализма в начале XVIII в. в ответ на возникновение новых потребностей в «философском дискурсе Европы» [4], мы считаем, что история ориентализма и его влияние впоследствии усиливалось, поскольку «ориентализм явился как решающая и, в каком-то смысле, последняя фаза способов западного видения и репрезентации» [4]. Рассмотрим этапы ориентализма и их особенности.

Первый этап пришелся на начало XVIII в. – первую половину XIX в. Современные земли Беларуси в рассматриваемый нами период последовательно входили в состав Речи Посполитой, а затем Российской империи. Контакты данных государств с Японией были опосредованными, через привозные предметы и увлечение их коллекционированием, дипломатических отношений установлено не было. Отметим, что фактологические записи о культуре и искусстве Японии этого периода принадлежат дипломатам, военным и путешественникам. Самую раннюю оценку изобразительного искусства Японии дал Н. М. Карамзин (1766–1826). Кроме того, свои личные впечатления о японском искусстве и японцах высказали в своих записях русские мореплаватели В. М. Головнин (1776–1831), и И. Ф. Крузенштерн (1770–1846). Представление о Японии формировались преимущественно через призму европейского опыта и отчетов миссий иезуитов, записок мореплавателей и путешественников, сведений от японских посольств, направленных в страны Европы и т.д. В этот период информация о Японии была противоречива и отрывочна, в большей степени она вымышлена, а интерес к Японии был интересом к загадочному миру экзотики. В большей степени художники его придумывали сами, чем копировали или заимствовали из конкретных произведений японского искусства. Они использовали традиционно-западный способ изображения и форму, но при этом тематика, мотивы и сюжеты их произведений были восточными: это был знакомый европейцам Восток.

Непосредственно на белорусских землях возникновение восточных коллекций связано с магнатскими родами, а одна из наиболее известных коллекций находилась в Несвижском замке у Николая Радзивилла Черного (1515–1565). Она считалась самым крупным собранием в Великом княжестве Литовском на протяжении двух столетий, а в течение XVII и XVIII вв. пополнялась. Согласно описаниям современников, датируемым серединой XIX в. [5, с. 17], она содержала помимо прочих диковинок, коллекцию фарфора и декоративно-прикладного искусства Востока.

Примеру Радзивиллов следовали и другие знаменитые магнатские рода (Сапеги, Хадкевичи, Прозоры, Острожские, Лапатинские, Солтановы, Друцкие-Любецкие и др. [5, с. 12–20]). В XVIII в. в парках усадеб Дорошевичи, Ворняны, в парке резиденции Браницких в Белостоке «<…>были возведены беседки, павильоны, стилизованные под пагоды, японские уголки имелись в ряде крупных парков, ансамбли которых формировались в середине – второй половине XVIII в… <…> »[3, с. 160]. Японская тематика также присутствовала в быту усадебных домов магнатов, украшая экзотическими предметами, оружием, набором предметов декоративно-прикладного искусства комнаты дворцов и усадеб более-менее состоятельных шляхтичей, «<…> создавая иллюзию единства представителей одного сословия…» [3, с. 160–161]. Отметим, что коллекции магнатских родов в соответствии с тенденциями общеевропейского развития должны были сформировать национальное достояние наших земель, однако из-за борьбы за белорусские земли между Россией и Польшей подобного не произошло.

Второй этап ориентализма пришелся на вторую половину XIX в. – 30-е гг. XX в. и был тесно связан с «открытием» Японии в 1854 г. Началось активное изучение японского языка и обмен посольствами. Дипломаты, военные, путешественники собирали коллекции японского искусства, при этом отметим, что особенным интересом пользовались японские цветные гравюры укиё-э. Помимо коллекций, основными каналами, через которые японское искусство проникало в Европу были всемирные выставки, а также многочисленные иллюстрированные издания, началось время «японизма».

Данный термин впервые использовал знаменитый французский критик и коллекционер Филипп Берти в журнале 1872 г. «La Renaissance littéraire et artistique» [7], где описал европейское увлечение Японией после Всемирных выставок. В западном искусстве «японизм» проявился несколько раньше, у художников-импрессионистов.

В России самой первой и самой обширной коллекцией японской цветной гравюры стало собрание С. Н. Китаева (1864–1927). С нее началось знакомство с Японией у широкой аудитории, а также увлечение гравюрой русских художников Серебряного века [2, с. 31–33].

В течение рассматриваемого периода на белорусских землях продолжалось формирование коллекций [6]. Согласно сведениям современников, крупнейшее собрание декоративно-прикладного искусства с коллекцией фарфора имелось в Обринском дворце у рода Кашицев в Западной Беларуси, аналогичные собрания имели Небытовские, Голинские, Святополк-Завадские, Техановецкие и другие [5, с. 48]. После 1917 г. большинство частных коллекций были изъяты Советской властью и национализированы. С началом Великой Отечественной войны большинство коллекций белорусских музеев не успели эвакуировать.

Начиная с 1930-х гг. до 1950-х гг. о японском влиянии или искусстве почти не упоминается, в этот период осмысление данного вопроса не получает дальнейшего развития.

Третий этап: с 1950-х гг. – до 1990 гг. XX в. В Европе третий период ориентализма характеризовался тем, что художники стали ориентироваться на африканские / тихоокеанские формы искусства. В этот период ориентализм перешел «от восхищения Востоком к идее всего отличающегося, иному и непохожему в искусстве» [4]. После Второй мировой войны между странами - СССР и Японией - сложились условия для налаживания разносторонних отношений, а с 1956 г. между странами вновь были инициированы контакты в области культуры и искусства. Одним из важнейших каналов, помимо научно-популярной литературы, способствовавших культурному обмену, стал кинематограф, поскольку, начиная с 1963 г., ежегодно, стали проводиться фестивали японских фильмов в СССР [1, с. 29], а в 1960-е гг. на представителей советского искусства оказали значительное влияние фильмы Акиры Куросавы. Немалую роль сыграло увлечение карате, что также подогрело интерес к Японии и изучению культуры этой страны. В течение 1960-х – 1970-х гг. были переведены на русский язык произведения Кобо Абэ, Ясунари Кавабата, Рюносукэ Акутагава, Ясуси Иноуэ, Кэндзабуро Оэ и других современных японских писателей. Стали популярны связи на уровне городов-побратимов, в нашей стране происходил обмен делегациями, результатом которого стало пополнение в 1970-е – 1980-е гг. коллекции Национального художественного музея несколькими японскими кимоно, продолжив тем самым формирование «Восточной коллекции». Также был популярен обмен делегациями на уровне Союзов писателей /художников, и представители искусства, которым не посчастливилось побывать в Японии с делегацией от Союза художников или с туристическим визитом, воображали себе «Страну Восходящего Солнца» из различных японских стихотворений в переводе российских востоковедов, на уровне репродукций гравюр укиё-э, или по японским фильмам. Увлечение Японией на данном этапе получило отражение в белорусском искусстве лишь фрагментарно.

Четвертый этап: с 1991 г. – по начало XXI в. Данный этап в Европе характеризовался «[…] расширением моделей дозволенного в искусстве; ориентализм на этом этапе приобрел тенденцию глобальной глубинной истернизации, включающей в себя альтернативную самоидентификацию и способы культурного видения, иные культурные стратегии, манифестирующиеся в восточном изображении мира и восточном (буддийском) миропонимании» [4]. В истории Беларуси начался новый этап, как суверенного государства: с 1991 г. наблюдалось активное взаимодействие между Беларусью и Японией в области искусства и культуры. Одним из важных аспектов взаимодействия культур на этом этапе стала массовая культура, ставшая важнейшим фактором взаимодействия и взявшая на себя роль адаптивной системы, внутри которой культура Японии отметилась последовательным расширением своего присутствия в различных сферах. Кимоно стало частью поп-культуры, тогда же начинается бум кимоно за пределами Японии; в Беларуси начинается инвестирование в коллекции кимоно – нам достоверно известно о четырех коллекциях кимоно в нашей стране (три в Минске, включая автора исследования, одна в Могилеве). Беспрецедентную роль в распространении информации о японской культуре этого периода играет Интернет.

Особенность данного этапа проявилась в том, что спустя несколько десятилетий замкнутости, наследство всей мировой культуры стало доступным для белорусских художников, которые стремились впитать всю парадигму художественного опыта человечества. Кроме того, на смену старому поколению пришли новые мастера, которые стали активно осваивать философско-эстетическую сторону постмодернизма, а также активно проявлять свое мировоззрение через призму японской художественной традиции.

Таким образом, ориентализм и японизм имеет давнюю историю на белорусских землях и находит свое отражение как в культуре, так и в других аспектах, используется представителями искусства для расширения своего инструментария самовыражения и демонстрации своего мировоззрения.

Библиографические ссылки

1. *Афонин Б. М.* Культурный и гуманитарный аспекты российско-японских отношений (краткий ретроспективный обзор) // ТРУДЫ ИИАЭ ДВО РАН. Том 24. Владивосток: 2019. № 3. С. 23 – 37.

2. *Грабарь И. Э.* Японцы // Мир искусства. 1902. №2. С. 31-34.

3. *Лазуко Б. А.* Ориентализм в усадебной культуре Беларуси XVIII в. // Усадьбы Смоленщины и Беларуси, их владельцы и обители. Музыка. Архитектура. Садово-парковое искусство: сборник материалов международной научно-практической конференции, 4-5 июня 2018 г. Смоленск, 2018. С. 157-162.

4. Сайт «Пост наука», лекция проф. Е.С. Штейнера «Ориентализм как ур-феномен глобализации» (РФ). URL: http://postnauka.ru/video/8456/ (дата обращения: 12.08.2023).

5. *Гужалоўскі А. А.* Нараджэнне беларускага музея. Мінск : НАРБ, 2001.

6. *Гужалоўскі А.А.* Беларускія калекцыянеры і грамадства – доўгі шлях да ўзаемаразумення // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 6 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк.рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2011. С. 85–93.

7. *Burty Ph.* Japonisme // La Renaissance littéraire et artistique. 1872. №4, de Mai 18, 1872, Paris. P. 25-26.

8. *Said E. W.* Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.

ГЛИФОМАНТИЯ КАК ОДНА ИЗ КИТАЙСКИХ ТЕХНИК ТОЛКОВАНИЯ ПРЕДСКАЗАНИЙ

А. Я. Лобанова

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lobanova_a@bsu.by

Статья посвящена глифомантии как особой технике толкования предсказаний, заключающейся в интерпретации структуры и семантики иероглифа. Данная техника появилась, предположительно, в эпоху Хань. Обнаруживается близкое сходство приемов глифомантии и китайских иероглифических загадок (字谜,灯谜). Рассматриваемый прием интерпретации предсказаний прочно вошел в онейромантическую традицию и стал одним из распространенных способов толкования сновидений.

Ключевые слова: глифомантия; предсказание судьбы (算命); разбивка иероглифов (拆字); угадывание иероглифов (测字); иероглифические загадки; толкование сновидений.

GLYPHOMANCY AS ONE OF THE CHINESE PREDICTION INTERPRETATION TECHNIQUES

A. Y. Lobanova

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, lobanova_a@bsu.by

The article is devoted to glyphomancy as a unique prediction interpretation technique which interprets characters structure and semantics. This technique presumably appeared in Han dynasty. Glyphomancy methods maintain a close similarity to the Chinese riddles about characters (字谜, 灯谜). This prediction interpretation technique firmly embedded in Chinese oneiromantic tradition, became one of the popular dream interpretation methods.

Keywords: glyphomancy; fate prediction (算命); character splitting (拆字); character guessing (测字); character riddles; dream interpretation.

Важной частью китайской народной традиции являются различные способы предсказания судьбы (算命). Сама китайская письменность берет начало именно в гадательной практике, свидетельством чего являются сохранившиеся до наших дней надписи на панцирях черепах и костях животных.

Китайская мантическая традиция сильна и весьма разнообразна. Дж. Г. Грэй характеризует особое отношение китайцев к предсказаниям следующим образом: «Им всегда было свойственно стремление проникнуть в законы судьбы или узнать о результатах своих начинаний. Вряд ли можно назвать область природы, где они не ищут время от времени благих или дурных предзнаменований. Как в важнейших, так и в самых ординарных случаях повседневное поведение китайцев определяется суевериями» [1, с. 317]. Так, китайцы предсказывают судьбу по дате рождения (八字), по лицу (面相学), по рукам (手相), по снам (梦占), по гадательным биркам (求籤), по звездам (紫微斗數), по «Ицзину» (易筮) и др. В данной статье остановимся на кратком рассмотрении *глифомантии* как особой техники толкования предсказаний. В китайском языке она обозначается рядом терминов: 拆字 (букв.: ‘разбивать иероглифы’), 测字 (букв.: ‘угадывать иероглифы’), 破字 (букв.: ‘разрывать иероглифы’), 相字 (букв.: ‘гадать по иероглифам’) и др.

Под «глифомантией» (англ. «glyphomancy») понимается специфический китайский прием гадания, основывающийся на работе с иероглифами. При его использовании учитывается, что иероглиф может состоять из нескольких графем. Например, в «Сборнике сочинений, составленном в свободное от заботы о родителях время» (《陔余丛考》) Чжао И (趙翼) рассказывается история о том, как один человек обратился к гадателю, чтобы справится о здоровье своего отца [2]:

Тотчас же вытянул иероглиф «一». Гадатель сказал: «“一” – это последняя черта иероглифа 生 ‘жизнь’ и первая знака 死 ‘смерть’. Твой отец, похоже, уже не выздоровеет». Он также спросил: «В каком году родился твой отец?» Сын ответил: «В год динчоу, год быка». Гадатель произнес: «Раз так, то твой отец будет жить. Если к иероглифу 牛 ‘бык’ добавить горизонтальную черту (一), то получится иероглиф 生».

Исследователи отмечают, что истоки глифомантии следует искать во времена династии Хань [3], [4], хотя примеры обращения к технике разбивки иероглифа на части обнаруживаются ранее, например, в памятнике «Цзо чжуань» (《左传》) (подробнее см. [4]). Окончательно данная техника складывается к эпохе Сун [4]. Дж. Г. Грэй указывает, что различного рода гадатели, в частности глифоманты, были многочисленной группой и размещались у ворот самых посещаемых храмов либо на оживленных улицах [1, с. 317–321]. Р. Б. Кобболд следующим образом описывает процесс гадания:

«Сначала выбирают несколько многозначных и внушительно звучащих слов. Затем каждое из них пишут на отдельной картонной карточке,

свернутой как миниатюрные пергаментные свитки со стихами из Писания, которые в настоящее время иудеи используют в качестве талисманов. Несколько сотен таких карточек встряхивают в коробке.

Гадателя всегда можно найти неподалеку на углу улицы. Клиент (возможно, намеревающийся узнать результат предполагающейся поездки или предстоящей сделки) опускает руку в коробку и вынимает из нее одну карточку. Тут-то наступает время гадателя. Написав выбранное слово на белой дощечке, которая у него под рукой, начинает определять его корень и производные, выделяет составные части, объясняет основное значение и смысл в словосочетаниях. Затем он выводит из значения и структуры выбранного иероглифа те, что применимы к данному случаю. Возможно, ни один язык не обладает таким потенциалом для гадателей и их искусства, как китайский. Ловкий мастер с легкостью придает выбранным словам туманное пророческое звучание» [цит. по: 1, с. 317].

Отметим, что подобная техника толкования предсказаний схожа с техникой разгадывания китайских иероглифических загадок (字谜, *цзыми*). Сравним объяснение из вышеупомянутой истории со следующей загадкой: «合二而一» [6, с. 59]. Прежде чем дать разгадку, поясним, что отличительной особенностью подобных загадок является то, что не всегда для получения ответа следует учитывать семантику иероглифов. Так в рассматриваемой загадке нам нужно объединить (合) три иероглифа: 二 ‘два, двойка’, 而 ‘и; да; к тому же; а, но’, 一 ‘один, единица’. В результате получится знак 面 ‘лицо’ (рисунок).

Ответ на загадку «合二而一»

Толкование предсказаний – это иероглифическая загадка от обратного, хотя есть целый ряд загадок, состоящих из одного иероглифа. Например, 晒 [6, с. 57]. Данный иероглиф имеет значение ‘сушить на солнце; загорать’, при поиске ответа им можно пренебречь. 晒 состоит из графем 日 ‘солнце’ и 西 ‘запад’. В данном случае следует обратить внимание на семантику знаков, их значения можно проинтерпретировать вместе как «солнце на западе», что указывает на конкретное время суток – вечер. Соответственно иероглиф-отгадка – 夕 ‘вечер’.

В письменных памятниках встречается множество историй о применении подобной языковой игры для толкования сновидений. В «Записках

о поисках духов» Гань Бао рассказывается о некоем Цай Мао, который увидел во сне «как восседает он в большом дворце, а перед ним на самом высоком месте растут три колоса. Мао попытался сорвать их, но добыл только средний из них и тут же вновь обронил» [7, с. 246]. Гадатель по имени Го Хэ истолковал сновидение следующим образом:

«*– Большой дворец, – ответил Хэ, – это знак чиновничьего присутствия. То, что злаки растут на самом высоком месте, означает высшее положение на служебной лестнице. Сорванный средний колос указывает на положение в центре. Знак «хэ» – «колос» и знак «ши» – «обронить» составляют вместе иероглиф «чжи» – «служебное положение». И вроде бы во сне сказано – «колос обронен», но на самом деле это указывает на высокое жалование. И если даже в вашем продвижении будут прорехи, вы сумеете их залатать*» [7, с. 246–247].

В данном случае гадатель использует простую иероглифическую арифметику: 禾 ‘колосья, хлеб на корню’ + 失 ‘терять, утрачивать (что-л.); лишаться (чего-л.)’ = 秩 ‘ранг, чин, служебное звание; старшинство, разряд’.

Таким образом, глифомантия является уникальной китайской техникой толкования предсказаний, основанной на манипуляциях с иероглифами, и представляет собой своего рода языковую игру, обнаруживая тесную связь с иероглифическими загадками.

Библиографические ссылки

1. *Грэй Дж. Г.* История Древнего Китая. М. : ЗАО Центрполиграф, 2006.

2. *趙翼*. 陔餘叢考 [网络资源] // 中國哲學書電子化計劃 : 网站. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=261318 (存取日期: 04.04.2024).

3. *De Groot J. J. M.* On Chinese Divination by Dissecting Written Characters // T'oung Pao. 1890. Vol. 1, No. 3. P. 239–247.

4. *Schmiedl A.* Chinese Character Manipulation in Literature and Divination: The Zi-chu by Zhou Lianggong (1612–1672). Leiden : BRILL, 2020.

5. *Cobbold R. H.* Pictures of the Chinese: Drawn by Themselves. London : J. Murray, 1860.

6. 经典谜语 / 赵芳芳编写. 合肥 : 黄山书社, 2012.

7. *Гань Бао*. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / пер. с древнекит., предисл., прим. и словарь-указ. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА: КЕЙС STARBUCKS В КИТАЕ

А. С. Миксюк

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, miksiukas@bsu.by

Статья посвящена определению влияния социокультурных аспектов на формирование стратегий международного бизнеса на примере анализа опыта Starbucks в Китае. Указывается, что компания Starbucks при продвижении в КНР, помимо использования собственной стратегии, апробированной в США и других странах, принимает во внимание особенности китайской культуры и традиций: адаптирование гастрокультуры, отсылки к искусству и истории, учет специфических феноменов коммуникации («гуаньси», «мяньцзы», «сяо»).

Ключевые слова: Starbucks; гуаньси; Китай; культура; кросс-культурные коммуникации; международный бизнес.

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF INTERNATIONAL BUSINESS: THE CASE OF STARBUCKS IN CHINA

A. S. Miksiuk

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, miksiukas@bsu.by

The article is devoted to the determining of general social and cultural aspects of international business strategies based on an analysis of the experience of Starbucks in China. It is indicated that Starbucks, in addition to using its own strategy, tested in the USA and other countries, takes into account the characteristics of Chinese culture and traditions: adaptation of gastroculture, references to art and history, paying attention to specific phenomena of communication (“guanxi”, “mianzi”, “xiao”).

Key words: Starbucks; guanxi; China; culture; cross-cultural communications; international business.

Расширение международного сотрудничества является устойчивой тенденцией конца XX – XXI вв. При этом взаимодействие с зарубежными партнерами не только несет в себе многочисленные выгоды, но и сопряжено с определенными сложностями, одной из которых является необходимость учета социокультурных аспектов: способов ведения бизнеса, особенностей менталитета, ценностных ориентиров и традиций.

Кейс американской компании Starbucks в Китае является достаточно популярным в бизнес-литературе и СМИ ввиду во многом неожиданного

успеха компании. В рамках данного исследования мы обратимся к анализу китайских культурных феноменов и концептов, которые Starbucks интегрирует в свои стратегии.

Starbucks появляется в материковом Китае сравнительно рано: первая кофейня открывается в Пекине в январе 1999 г. Компания становится первой из крупных западных сетей, которая приходит на китайский рынок. Следует отметить два аспекта, составляющих на старте значительные потенциальные сложности для Starbucks. Во-первых, сравнительно высокая цена продукции (и сегодня Starbucks в Китае остается значительно дороже, чем во многих других странах). Во-вторых, отсутствие сложившейся культуры потребления кофе. Китай – страна с многотысячелетней чайной культурой. Чай является не просто любимым напитком китайцев, но также предметом гордости, национальным брендом, важным элементом культурного наследия и даже философии. Еще в VIII в. поэт и писатель Лу Юй отмечает в трактате «Чайный Канон», что «чай по обычаю пили так обильно, что он глубоко погрузился [вплелся] в наши обычаи и процветает в нынешней династии, как на севере, так на юге» [1]. И хотя с кофе китайцы познакомились еще в XIX в., долгое время он культивировался скорее на экспорт и не стал широко распространенным напитком. Указанные обстоятельства создали скептичные настроения относительно перспектив кофейной компании в Китае.

Однако в XXI в. популярность кофе в Китае устойчиво растет. На сегодняшний день рост продаж составляет 15% в год, что значительно выше среднемировых темпов в 2% [2, с. 444]. Характерно, что кофе остается «социальным напитком», поэтому расширение спроса вызывает не столько рост домашнего потребления, сколько расширение сети Starbucks и появление новых крупных кофейных компаний: в 2006 г. в Китай пришла британская сеть Costa Coffee, в 2017 г. была основана китайская компания Luckin Coffee, в 2022 г. – еще одна китайская компания Cotti Coffee. В настоящее время именно китайские кофейные сети составляют конкуренцию Starbucks. Luckin Coffee уже к концу 2019 г. обогнала Starbucks по количеству точек в материковом Китае. Данное соперничество, как и рост популярности кофе в целом, во многом является «творением» Starbucks, однако вместе с тем и создает новые вызовы, поскольку китайские компании имеют, как минимум, одно преимущество: они работают в родной «среде обитания», в то время как Starbucks нужно адаптироваться к чужой культуре.

Несмотря на конкуренцию в отрасли в январе 2024 г. в Китае функционировало уже более 7000 точек Starbucks, еще 2000 точек планируется открыть к 2025 г. [3]. Таким образом, Китай занял второе место в мире по количеству кофеен Starbucks после США. Более 1000 точек расположены

в Шанхае (в 2022 г. Шанхай стал первым городом в мире, преодолевшим данный рубеж [4]), однако компания активно открывает кофейни в новых городах.

Итак, рассмотрим, какие социокультурные аспекты помогают продвижению Starbucks в Китае.

1) Учет специфики культуры: локализация бренда.

В Китае Starbucks использовал опыт локализации, апробированный в Японии, где первые кофейни открылись в 1996 г. Локализация предполагает адаптацию под местную культуру, согласование продукта с запросом целевого рынка. Прежде всего, это означает изменение внешнего облика и содержания продукта.

В Китае компания существенно скорректировала меню с учетом местной гастрономической культуры и вкусов аудитории. Были введены зеленый чай и чайные напитки, традиционные и понятные продукты (красная фасоль). Более того, меню подвержено постоянным обновлениям, приуроченным к китайским праздникам. В кофейнях можно попробовать атрибут Праздника середины осени – «лунные пряники» (юэбины), а в феврале 2024 г. в меню появился «Пикантный латте года изобилия» (Abundant Year Savory Latte) – латте с мясным соусом и ломтиком свинины, отсылающий к тушенной свинине дун-по, популярному блюду, связанному с празднованием китайского Нового года [5].

Еще один аспект, отсылающий к китайской культуре – это обращение к традиционной архитектуре и интегрирование ее элементов в интерьер и здания кофеен. Некоторые точки Starbucks открывались в исторических кварталах, «вписываясь» в аутентичное окружение: территория музейного комплекса «Запретный город» в Пекине (кофейня работала в 2000–2007 гг.), старый город в Чэнду, сады Юйюань в Шанхае и др. Наконец, национальные мотивы используются в фирменной продукции Starbucks: изображения знаковых зданий, элементы традиционной китайской живописи и др.

Таким образом, локализация, являясь частью маркетинговой стратегии по расширению привлекательности бренда, одновременно стала и жестом уважения по отношению к китайской культуре.

2) Репутация: концепция «лица».

Китайское понятие «мяньцзы» можно истолковать как «социальное лицо», «имидж» или «репутация». Мяньцзи является важным механизмом саморегуляции поведения в китайской культуре. «Лицо» отражает оценку окружающими поступков индивида, является признанием его статуса и не всегда соотносится с моральными качествами [6, с. 132–133]. Одни поступки могут привести к «потере лица», т. е. ухудшить репутацию, другие

– «сохранить» или «продемонстрировать лицо», т. е. поддержать или повысить имидж.

В рамках рассматриваемого кейса концепция «лица» имеет двойственное значение. Во-первых, Starbucks следует уделять внимание репутации бренда. Интересно, что помимо тщательного контроля качества продукции и сервиса, что всегда рассматривалось как один из приоритетов компании, Starbucks работает над рядом социальных проектов и программ, создавая образ социально ответственной организации [7]. Компания практически с момента прихода в Китай сотрудничает с местными благотворительными организациями и фондами. Основанный в 2020 г. Пекинский фонд Starbucks (Beijing Starbucks Foundation) пожертвовал на различные благотворительные цели около 21 млн юаней [8]. Спектр интересов в социальной сфере достаточно широк: экологические проекты и поддержка фермерства, помощь этническим меньшинствам, поддержка молодежи, инклюзивные программы и др. Подобная социальная политика находит одобрение в Китае, поскольку компания демонстрирует вовлеченность в решение актуальных проблем и инновационное развитие, а также проявляет коллективизм, свойственный китайскому менталитету. Поддерживая местные сообщества, Starbucks уподобляется местным бизнесменам, которые, независимо от места жительства, сохраняют связь с малой родиной и оказывают ей поддержку.

Во-вторых, компании следует учесть, как посещение кофейни может повлиять на «лицо» посетителей. Позитивную роль играет концепция «третьего места», определяющая кофейни как уникальное место, отличающееся от «дома» и «работы» и дарящее особые эмоции [9]. Концепция кофеен Starbucks в Китае предполагает наличие уютного интерьера и условий (простор, удобство, кондиционирование), вызывающих желание проводить в кофейне больше времени, а не покупать кофе «навынос», что отлично сочетается с гастрокультурой Китая. Второй аспект – это позиционирование заведений как фешенебельных, ориентированных на средний класс и современных, космополитичных потребителей (неслучайно, кофейни стали особенно популярны в Шанхае с его феноменом haipai – интеграции западной культуры в китайскую). Достижению этой цели способствует высокая цена, расположение точек в престижных местах, а также желание посетителей ассоциироваться с процветающим и успешным брендом и модным западным образом жизни. Таким образом, посещение кофейни, приглашение в кофейню знакомых или просто покупка напитка с собой в узнаваемом фирменном стакане – это своего рода вложение в «лицо», демонстрация высокого социального статуса и высокого уровня доходов.

3. Система доверительных неформальных связей: гуаньси.

Большое внимание Starbucks уделяет установлению связей и выстраиванию отношений с местными партнерами, что соответствует китайской концепции гуаньси. Гуаньси представляет собой систему отношений, построенную на доверии и взаимопомощи. Гуаньси – это не просто символическая репрезентация личных и организационных связей, а прагматичный механизм [10, p. 80]: оказав услугу, человек вправе рассчитывать на ответный жест, т. е. услуга становится «социальным капиталом» (обязательство не переводимо в денежную форму, речь скорее идет про ее эквивалент). При этом система ориентирована не просто на обмен услугами, а на создание и поддержание долгосрочных доверительных отношений. Таким образом, неформальные связи становятся движущей силой бизнеса и катализатором решения ряда вопросов: «важно не что ты знаешь, а кого ты знаешь».

Starbucks развивает отношения с представителями центральных и местных властей, от которых непосредственно зависят возможности компании. Наиболее яркими примерами успешного развития «кофейной дипломатии» являются встреча главы КНР Си Цзиньпина с председателем совета директоров Starbucks Г. Шульцем в Сиэтле в ходе визита в США в 2015 г. и обмен письмами между ними в 2021 г. В частности, в своем письме лидер КНР призывал Г. Шульца содействовать развитию китайско-американских отношений [11]. Данные факты имеют особое значение в связи с тем, что Си Цзиньпин в принципе достаточно редко напрямую общается с представителями иностранного бизнес-сообщества.

Не менее важными субъектами являются местные компании-партнеры. Starbucks нацелен на приобретение долгосрочных и надежных партнеров в разных регионах Китая и разных сферах: фермерские хозяйства, предприятия по переработке сырья, цифровая коммерция, транспортные компании и др. Starbucks начал тесное сотрудничество с местными производителями кофейных зерен, которые слабо котируются на мировых рынках, а в 2012 г. основал Центр поддержки производителей провинции Юньнань [2, с. 443]. Кроме того, как уже было упомянуто, Starbucks активно развивает контакты с благотворительными фондами и организациями.

Немаловажно, что Starbucks помогает своим клиентам в развитии гуаньси. Так, в некоторых кофейнях появились коворкинги и переговорные комнаты, где можно провести деловую встречу в более комфортной обстановке, чем в общем зале. Также Starbucks стал одной из первых розничных компаний, создавших онлайн платформу «социальных подарков» в приложении WeChat [12]: дарение купона на кофе выступает в качестве акта поддержания и укрепления социальных связей.

4. Значение семьи: сыновняя почтительность.

Starbucks в целом позиционирует себя как компания, которая заботится о благополучии своих сотрудников, что позитивно воспринимается в Китае. Классической формой поддержки являются субсидии на приобретения жилья, спонсирование учебы. Интересными новациями Starbucks стали проводимые с 2012 г. ежегодные форумы сотрудников (Starbucks Partner Family Forum), на которые приглашали в т. ч. родителей, а также внедрение в 2017 г. страховок для пожилых родителей сотрудников. Характерно, что глава Китайского подразделения компании Белинда Вон отмечала, что родители «являются естественным продолжением нашей семьи Starbucks в Китае. <...> Успех Starbucks в Китае напрямую связан с энтузиазмом и преданностью наших партнеров, а также непоколебимой поддержкой их семьи» [13].

В этой связи отметим, что понятие «сяо» (сыновняя почтительность) занимает особое место в конфуцианской этике и китайском мировоззрении. Сяо означает уважительное отношение к родителям, старшим членам семьи и предкам, но, по сути, выходит за рамки исключительно родственных отношений и проявляется в социальных взаимодействиях. Как следствие, в китайском деловом этикете огромную роль играет иерархия, а главы компаний зачастую используют патерналистский стиль управления: беспрекословное подчинение сотрудников руководству «в обмен» на опеку и покровительство с его стороны.

Как видим, социальная политика компании показывает ее неравнодушное отношение к сотрудникам, заботу об их благополучии и достаточно хорошее понимание социокультурных реалий. Как результат, Starbucks неоднократно получал премии как лучший работодатель Китая, в т. ч. престижную премию Aon Best Employers – China [14].

Таким образом, при продвижении в Китае Starbucks использует принцип локализации: компания учла специфику китайской гастрокультуры и вкусовые предпочтения аудитории, подчеркнула уважительное отношение к китайской истории посредством отсылок к традиционной архитектуре, элементам интерьера и искусства. Компания опирается на собственную стратегию, апробированную в США и других странах, однако успешно вписывает в нее следование китайским нормам коммуникации: сохранение высокой репутации бренда, что отзеркаливается на репутации клиентов («мяньцзы»), развитие широкой сети долгосрочных связей с правительством и партнерами на местах («гуаньси»), проведение социальной политики, учитывающей важность семьи («сяо»). Учет социокультурных реалий, бесспорно, является одним из существенных факторов успеха компании в Китае.

Библиографические ссылки

1. *Лу Юй.* Канон чая / перевод с китайского, введение и комментарии А. Т. Габуев и Ю. А. Дрейзис. М.: Гуманитарий, 2007.

2. *Гэ Хун.* Влияние инновационного парка Старбакса на окружающую среду и общество Китая // Инновации и инвестиции. 2023. № 7. С. 442–445.

3. Количество магазинов Starbucks в Китае превысило 7000 [Электронный ресурс] // Китай сегодня : сайт. URL: https://prc.today/kolichestvo-magazinov-starbucks-v-kitae-prevysilo-7000/ (дата доступа: 20.04.204).

4. Starbucks Opens its 6,000th Store in China [Electronic resource] // Starbucks Stories and News : сайт. URL: https://stories.starbucks.com/press/2022/starbucks-opens-its-6000th-store-in-china/ (date of access: 20.04.2024).

5. Pork flavored coffee is Starbucks' newest China pitch [Electronic resource] // CNN : сайт. URL: https://edition.cnn.com/2024/02/20/business/china-starbucks-braised-pork-latte-intl-hnk/index.html (date of access: 20.04.2024).

6. *Спешнев Н.* Китайцы. Особенности национальной психологии. М.: Карро, 2017.

7. Starbucks China [Electronic resource] // Starbucks : сайт. URL: https://www.starbucks.com.cn/en/about/ (date of access: 18.04.2024).

8. Starbucks foundation launches Future Star Community program [Electronic resource] // China Daily : сайт. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202308/04/WS64ccbc7fa31035260b81a5e4.html (date of access: 22.04.2024).

9. Reimagining the Third Place: How Starbucks is evolving its store experience [Electronic resource] // Starbucks Stories and News : сайт. URL: https://stories.starbucks.com/stories/2022/reimagining-the-third-place-how-starbucks-is-evolving-its-store-experience/ (date of access: 20.04.2024).

10. *Luo Y.* Guanxi and Business. 3rd edition. Singapore: World Scientific, 2020.

11. Xi Jinping wants Starbucks and Howard Schultz to help repair US-China ties [Electronic resource] // CNN : сайт. URL: https://edition.cnn.com/2021/01/14/business/starbucks-china-xi-jinping-intl-hnk/index.html (date of access: 22.04.2024).

12. Starbucks and Tencent Social Gifting on WeChat in China [Electronic resource] // Starbucks Stories and News : сайт. URL: https://stories.starbucks.com/stories/2016/starbucks-tencent-partnership/ (date of access: 22.04.2024).

13. Starbucks Redefines Partner Benefits in China [Electronic resource] // Starbucks Stories and News : сайт. URL: https://stories.starbucks.com/press/2017/starbucks-partner-benefits-insurance-plan-for-parents-in-china/ (date of access: 22.04.2024).

14. Starbucks Named 2022 Aon China Best ESG Employer [Electronic resource] // Starbucks Stories and News : сайт. URL: https://stories.starbucks.com/asia/stories/2022/starbucks-named-2022-aon-china-best-esg-employer/ (date of access: 22.04.2024).

ЯПОНСКИЕ ТРАДИЦИИ ЗАПРЕТА РАССКАЗЫВАТЬ СКАЗКИ

А. Р. Садокова

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова
Ул. Моховая, 11, стр.1, 125009, Москва, Россия, sadokova@list.ru

Статья посвящена проблеме сохранения в японской традиции ритуального запрета на рассказывание сказок в определенные дни и часы. Известны словесные формулы, которые в юмористической манере учили детей соблюдать правила рассказывания сказок. Однако с давних пор у японцев существовали специальные праздники, когда сказки рассказывать было необходимо. Важное место занимали коллективные рассказывания сказок.

Ключевые слова: японские сказки, обряды и ритуалы, словесные формулы, обереги

JAPANESE TRADITIONS OF THE PROHIBITION OF TELLING FAIRY TALES

A. R. Sadokova

Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya Avenue, 11, 125009, Moscow, Russian Federation, sadokova@list.ru

The article is devoted to the problem of maintaining in the Japanese tradition the ritual ban on telling fairy tales on certain days and hours. There are known verbal formulas that, in a humorous manner, taught children to follow the rules of telling fairy tales. However, for a long time, the Japanese had special holidays when it was necessary to tell fairy tales. Collective storytelling played an important role.

Keywords: Japanese fairy tales; ceremonies and rituals; verbal formulas; amulets.

Современному человеку, который привык рассматривать сказки как исключительно чтение «для самых маленьких» или «для младшего школьного возраста», трудно представить себе, какое значение еще сравнительно недавно придавалось рассказыванию сказок во взрослой аудитории.

Процесс рассказывания никогда не был хаотичным, вызванным чьим-то желанием, а соотносился с определенными днями и часами, а также с датами календаря и представлениями о «хороших» и «плохих» днях для рассказывания. В свое время Э. В. Померанцева, обращая внимание на связь сказки и мифа, подчеркивала, что, даже будучи утраченной, эта связь существует на подсознательном уровне и сохраняет в представлении исполнителей и слушателей свое магическое значение. «Этим объясняются, – писала Э. В. Померанцева, – имеющиеся у ряда народов запреты

на рассказывание сказок или, наоборот, обычаи рассказывать их в определенные моменты производственной и общественной жизни» [2, с. 10–11].

Данное высказывание в полной мере относится и к японской традиции. И хотя строгого временного запрета рассказывать сказки в Японии не было, существовало такое большое количество народных примет и поговорок о времени для сказок, что постепенно сложились некие неписаные правила.

В основе лежал запрет рассказывать сказки днем. Предполагалось, что все взрослые в это время работают на поле, и потому рассказывать, а также слушать сказки могут только бездельники. У детей, понятно, был другой режим, но и им запрещалось тратить дневное время на сказки, то есть на досуг. В разных районах Японии сохранилось немало формул этого запрета, который всегда начинался одинаково: «Если днем будешь рассказывать…». Далее следовали всевозможные пояснения, что именно может случиться. Иногда они были забавные, а иногда нарочито нереальные, но именно благодаря своей народной выразительности запоминались навсегда. Например, продолжением фразы «Если днем будешь рассказывать…» становились такие пояснения: «Пойдешь к мышкам в услужение», «Мыши будут смеяться», «Мыши *кимоно* погрызут».

То, что было так много выражений, связанных с мышами, лишний раз свидетельствует о важной символической роли мыши в японской народной культуре. Мышь воспринималась как хранительница домашнего очага и гарант достатка в доме: если в амбаре нет зерна, мыши и не заведутся. Конечно, мышей боялись и видели в них вредителей, но существовавшее исстари представление об охранительной и счастливой символике мыши, ее связи с богами – покровителями урожая выходило явно на первый план [3, с. 125–127].

Кроме мыши в формах запрета на рассказывание сказок днем упоминались и другие персонажи, а также предметы быта. Говорили, что «Черти будут смеяться», что «Рассмешишь храмовый колокол», «Крышка кастрюли треснет», «От горы кусок отвалится», «С потолка одноногое чудище, истекая кровью, свисать будет». Упоминались и нереальные погодные явления, такие, как: «Летом снег пойдет» или «Красный снег пойдет».

Лучшим и важным временем для сказок считался вечер, точнее, сумерки, некое пограничное время, которое у многих народов считалось наиболее опасным для человека. Полагали, что именно на пограничье дня силы зла особенно активны и получают над человеком особую власть. Это время перехода получило в Японии даже особое название – *хома-но токи*, то есть «время встречи с демонами».

Среди способов обезопасить себя наиболее действенным в Японии издавна считалось рассказывание сказок, которые выступали в роли

оберега. Объяснения появления у сказок особой силы именно в период сумерек и вечернее время были разные, но в основном говорили о том, что сказки как бы выставляют заслон силам зла и, услышав сказки, демоны поймут, что в дом войти невозможно. Согласно другому объяснению, демоны сами так заслушаются рассказчика, что просто забудут, зачем сюда пожаловали.

Именно поэтому существовал ряд обрядов, связанных с обязательным рассказыванием сказок в вечернее или ночное время. Как правило, это были коллективные встречи, и каждый участник становился потенциальным рассказчиком. Однако рассказывать сказки целую ночь было делом непростым. Собравшиеся должны были владеть значительным репертуаром, что, конечно, было не под силу обычным жителям деревни. Но о том, что в деревнях практически каждый житель мог выступать в роли рассказчика, свидетельствуют довольно распространенные формы коллективного рассказывания в Японии сказок и других фольклорных текстов. Две из них можно считать основными.

Первая – это так называемые *дандан-гатари*, что следует понимать как «повествования, рассказываемые постепенно». Речь идет о коллективном рассказывании, когда много людей, собравшись, по очереди рассказывали сказки, подхватывая друг у друга эстафету.

Другая – получила обозначение *мэгури-моногатари*, что следует понимать как «проехать по рассказам» или «рассказы по кругу», то есть от одного к другому. Слово «мэгури», которое можно записать разными иероглифами, имеет значения «объезд, разъезд» или «окружность». Его используют, например, в выражениях типа «осмотреть (объехать) достопримечательные места».

При коллективном рассказывании широко использовался прием своего рода «фиксации» перехода от одной сказки к другой. После каждой сказки давался определенный сигнал, который означал не только границу между сказками и переход эстафеты к новому рассказчику, но и настраивал слушателя на новый сюжет. Самой эффективной «фиксацией» были действия, а не слова: они быстро переключали внимание слушателей. А поскольку в прошлом рассказывание происходило при свечах, то зажигание и тушение огня стало общепринятым сигналом-фиксацией. Было несколько вариантов использования огня при рассказывании сказок. Например, рассказчик, пока говорил, держал зажженную свечку, лучину или даже тлеющую ветку. А когда завершал свой рассказ, передавал ее новому рассказчику. Этот прием получил название *хиватаси* – «передача огня» или *хи-мавaси* – «огонь по кругу» [1, с. 117].

Но была еще она форма рассказывания сказок при зажженных свечах. Она известна как *хяку моногатари*, то есть «сто историй». Это была

специфическая форма рассказывания, потому что на нее собирались, чтобы рассказать и послушать страшные истории: сказки и былички.

Существовало поверье, что за определенный срок, например, к Новому году, в доме собирается сто демонологических персонажей. Помещение давно не чистилось, и требуется большая уборка не только полов и стен, но и самого пространства. Но не так-то просто избавиться от всего недоброго, что собралось в доме: вымести его нельзя, смыть – тоже, но можно напугать. Именно с этой целью происходило коллективное рассказывание страшных историй, которых должно было быть строго сто, по числу представителей нечисти, от которой требовалось избавиться.

Понятно, что для такого большого числа сказок нужно было больше рассказчиков или же собравшиеся должны были знать по несколько текстов, чтобы рассказывать их по кругу несколько раз. Собирались, когда уже было темно, иногда ближе к полуночи, и зажигали сто свечей. В комнате становилось светло – этим хотели показать нечисти, что ее никто не боится. Далее начинали рассказывать сказку за сказкой, быличку за быличкой… И каждый раз, когда история завершалась, гасили одну свечу. К глубокой ночи больше половины свечей уже гасло, а темнота еще была густой. Это вызывало эффект неподдельного страха, и именно на это время оставляли самые страшные истории. Пугались, конечно, сами, но еще больше, как считали, пугали все плохое, что затаилось в темных уголках дома и сада. Сказки рассчитывали таким образом, чтобы к первым признакам рассвета, ведь зимой солнце восходит поздно, все свечи были потушены, а сказки рассказаны. Это означало, что дом очищен и ничто более не угрожает его хозяевам.

Как видно, сказка всегда понималась в японской народной традиции как важный обрядовый элемент. Потому исстари в Японии четко разделялись дни и часы, когда нельзя рассказывать сказки и когда это делать необходимо.

Библиографические ссылки

1. *Кавагути Кэндзи*. Нихон-но камисама дзитэн. Ёми токи [Энциклопедия японских синтоистских божеств. Чтение, толкование]. Токио: Касивасёбо:, 2001.

2. *Померанцева Э. В.* Русская народная сказка. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.

3. *Садокова А. Р.* Фольклорная символика японской животной игрушки // Японские исследования. – 2020. – № 3. – С. 123–136.

ПРОЦЕСС ПЕРЕГОВОРОВ В ЯПОНСКОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЕ

К. О. Севрюк

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sevruk.karina@gmail.com

В статье рассматривается важность соблюдения культурных элементов переговорного процесса в японской деловой культуре: способ установления контакта через посредника, принятый в японской деловой культуре; особенности формирования иностранной команды, а также особенности формирования японской команды для проведения переговоров; этикетные элементы приветствия (поклон, рукопожатие, обмен визитными карточками); необходимость установления с деловыми партнерами не только деловых, но и личных отношений. Элементы рассмотрены в рамках переговоров японской и иностранной компаний.

Ключевые слова: японская деловая культура; деловые переговоры; японский деловой этикет; обмен визитными карточками; переговоры в неформальной обстановке.

NEGOTIATION PROCESS IN JAPANESE BUSINESS CULTURE

K. O. Sevruk

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, sevruk.karina@gmail.com

The article describes the importance of observing the cultural elements of the negotiation process in Japanese business culture: the method of establishing contact through an intermediary, accepted in Japanese business culture; features of the formation of a foreign team, as well as features of the formation of a Japanese team for negotiations; etiquette elements of greeting (bow, handshake, exchange of business cards); the need to establish not only business, but also personal relationships with business partners. Elements were considered in the framework of negotiations between Japanese and foreign companies.

Keywords: Japanese business culture; business meeting; Japanese business etiquette; exchanging business cards; informal negotiations.

В каждой стране существуют традиции и обычаи деловой сферы, сформировавшиеся на основе исторического и культурного контекста. При ведении бизнеса за рубежом важно не только понимать местные обычаи деловой культуры, но и следовать им. Неотъемлемой частью деловых отношений является процесс переговоров, в ходе которых важно не только понимать специфику коммуникации с японцами, но и особенности организации и культурных атрибутов этикета ведения переговоров.

Подготовка к деловым переговорам с японской компанией начинается с установления контакта. Японцы являются закрытой нацией, один из главных концептов их культуры – разделение людей на своих 内 [ути] и чужих 外

[сото]. Иностранцы в этом случае являются чужими, с которыми не установлены личные контакты. В японской культуре, где личные отношения играют важную роль, достаточно сложно получить согласие на переговоры, просто связавшись напрямую с потенциальными деловыми партнерами или клиентами и предложив встречу. Существует три основных пути, по которым может пойти иностранная компания, чтобы установит контакт с японской компанией:

- Если это первая попытка иностранной компании выйти на японский рынок через формирование отношений с японской компанией, то разумнее всего или найти представителей японской компании в своей стране, или связаться с японской компанией через посредника: посольство, торгово-промышленную палату и т.д. [1]. После того, как иностранную компанию представит третья сторона, подготовка к переговорам начнется с обязательного обмена письмами, в которых иностранная компания в письменной форме предоставит сведения о себе, свои деловые предложения, а также пришлет необходимые сопроводительные документы. В этом случае подготовка займет максимально долгое время, возможно, понадобится «визит доброй воли» с целью познакомиться лично, прежде чем компании смогут перейти непосредственно к обсуждению деловых вопросов [2, с. 43];
- Если иностранная компания уже имеет успешный опыт делового партнерства с японскими компаниями, то установление контакта проходит легче, поскольку в этом случае одну из этих компаний можно попросить стать посредником в знакомстве с новой компанией. В таких случаях подготовка к переговорам также проходит в форме обмена электронными письмами с тем же содержанием. Представители компаний также могут обмениваться звонками, в ходе которых уточняются организационные моменты, например, переговорная площадка, список и количество участников и т.д.;
- Если у иностранной компании, желающей вести переговоры, есть филиал в Японии, то установление контакта и весь организационный этап может лечь на плечи представителей из японского филиала. В этом случае возможен не только обмен электронными письмами и звонками, но и личные встречи между японским филиалом иностранной компании и японской компанией, с которой хотят вести переговоры.

Важной частью подготовки к переговорам является формирование команды. С учетом того, что японская деловая культура требует установления не исключительно деловых, но и личных отношений с деловыми партнерами, разумно выбирать людей, которые смогут вести деловые отношения с японской компанией на протяжение всего совместного бизнес-проекта. Члены команды должны в первую очередь спокойно воспринимать культурные различия и уметь соответственно адаптироваться; необходимо также уметь ладить

с людьми и обладать стремлением поддерживать хорошие межличностные отношения [3, с. 101].

В команду рекомендуется включать переводчика. Амэмия Кадзухиро (雨宮 和弘), генеральный директор Crossmedia Communications Inc., президент Японского отделения Международной ассоциации бизнес-коммуникаторов (IABC Japan), в интервью говорил: «…таких людей преимущественное большинство: тех, кто плохо говорит на иностранных языках, но при этом наделен ответственностью за развитие международного бизнеса» [4, с. 233].

Когда две стороны встречаются, переговорный процесс начинается с приветствия: рукопожатия и/или поклона. Внутри японского общества, безусловно, преобладает культура поклонов, однако с расширением международного сотрудничества, японцы привыкли обмениваться с иностранными партнерами рукопожатиями или комбинировать легкий поклон и рукопожатие. Основным отличием японского рукопожатия является отсутствие силы в пожимании руки, поскольку жест является для японцев культурно чужеродным [5, с. 42]. Неотъемлемой частью переговорного этикета является обмен визитными карточками – 名刺交換 [мэйси ко:кан]. Об этом обычно необходимо позаботиться в процессе подготовки к переговорам, поскольку в Европе или Америке переговоры чаще проходят без обмена визитными карточками [6]. Визитную карточку необходимо принять двумя руками и тут же пробежать глазами в знак вежливости [7, с. 129]. В связи с усилением роли международного делового общения, японцы все чаще делают визитные карточки на двух языках: японском и английском. Таким образом, прочесть визитную карточку сразу полезно как для лучшего запоминания имен членов команды, так и для понимания их позиций в компании и ролей в переговорном процессе.

Если говорить о составе команды с японской стороны, то на первую встречу приходит гораздо большее количество людей, чем на последующие. Высокопоставленные лица японских компаний редко принимают участие в ежедневных переговорах [8, с. 111]. Поэтому для успешного ведения переговоров с японцами важно понимать, что решение по тому или иному вопросу вряд ли будет принято мгновенно в процессе самих переговоров [6]. Японская корпоративная культура сформировала особый способ принятия решений таким образом, чтобы ответственным за принятое решение был коллектив компании, а не один отдельный человек, – 稟議制度 [ринги сэйдо:]. Система ринги сэйдо предполагает обсуждение вопроса в группой специалистов, имеющих к нему отношение, сбор мнений сотрудников компании и только затем – принятие самого решения [9]. Таким образом, члены переговорной команды со стороны японской компании могут не иметь полномочий принимать решения на месте, что значительно удлиняет срок обсуждения предложений, выдвинутых в процессе переговоров. Строгие временные рамки, в течение которых нужно принять решение (например, пока иностранные деловые

партнеры, чей визит длится пять рабочих дней, находятся в Японии), японцы будут воспринимать как манипуляцию в переговорах [3, с. 25].

Одним из ключевых моментов переговорного процесса с японцами являются встречи в неформальной обстановке. Исследователи Эдвард Холл и Милдред Холл в своей книге «Скрытые различия: ведение бизнеса с японцами» разбирали пример, в котором провалились переговоры между японцем и американцами. Японец не согласился продать свой бизнес людям, ведущим переговоры только принципу «время – деньги» и систематически отказывавшимися выстраивать личные отношения. Японец аргументировал свой отказ тем, что перед продажей ему нужно было узнать что-то о потенциальных покупателях как о людях. Ему хотелось хоть немного почувствовать, что это за люди [3, с. 119]. Амэмия Кадзухиро считает: «Процесс переговоров по-японски – это всегда человеческий фактор, отношения. ... Вместе выпили, подружились, теперь и работать можно. ... С китайцами или тайваньцами, с русскими, наверное, тоже ты можешь выпить вместе и на личных отношениях построить доверие» [4, с. 238]. Таким образом, одной из важнейших частей переговоров является общение вне офиса. Так называемый, радушный прием японской стороны является наиболее известной среди иностранцев практикой переговорного процесса [6]. Неформальное общение обычно включает в себя совместные ужины и обеды, показ достопримечательностей, выезды на природу. С целью снятия напряженной обстановки особенно в первые дни будет организован хотя бы один поход в бар, в связи с чем в японском языке появился термин 飲みニケーション [номиникэ:сён], состоящий из двух слов: 飲み [номи] – от глагола 飲む [ному] – «пить» и части слова コミュニケーション [комюникэ:сён] – «коммуникация» [10]. Такая деловая практика углубляет личные отношения, позволяет лучше узнать потенциальных деловых партнеров. Однако будет ошибкой принять такое радушие за искреннюю дружбу. В японской культуре принято оказывать теплый прием гостям, какими считаются деловые партнеры, совместное времяпрепровождение вне офиса и переговорных комнат помогает укрепить доверительные связи, но не ведет к мгновенное крепкой дружбе и не влияет на твердость японцев в отстаивании своих интересов в процессе переговоров.

Завершение переговоров обычно представляет собой «декларацию о намерениях». В конце личных переговоров принято подводить итоги, в письменном виде предоставляя обсужденные в ходе переговоров идеи и предложения. Обычно японской стороне требуется обсудить предложения внутри компании и принять соответствующие решения, прежде чем подписать контракт, поэтому переговорный процесс для уточнения деталей продолжается в формате электронных писем и звонков.

При ведении бизнеса за рубежом необходимо понимать местные деловые обычаи, основанные на культуре страны, и соответственно адаптировать формат организации и проведения переговоров. В случае организации переговоров необходимо учитывать аспект закрытости японского общества и искать посредника, который даст японской компании рекомендации относительно иностранной компании, которая хочет установить контакт. К формированию команды для переговоров необходимо подойти стратегически, подбирая людей, способных адаптироваться к чужой культуре. Участие в неформальных встречах за пределами офиса часто будет являться ключевым аспектом сближения японской и иностранной сторон. В Японии более высокие шансы на успех в переговорах у тех, кто вкладывается в формирование межличностных отношений, изучая и соблюдая обычаи и традиции деловой практики японцев. Понимание и следование традициям японской деловой культуры в процессе переговоров с японцами значительно упрощает проведение встреч и обсуждение необходимых вопросов, помогает проводить переговоры гладко, а также укрепляет доверительные отношения между договаривающимися сторонами.

Библиографические ссылки

1. かえる [Электронный ресурс] 日本人との交渉のコツ｜海外で日本人との交渉はどうすべきと言われているのか?. URL: http://caeru.co.jp/blog/negotiation_with_japanese (дата обращения: 28.04.2024).

2. *Kevin B.* Bucknall Japan. Doing business in a Unique Culture. North Carolina : Boson Books, 2006.

3. *Hall E.T., Hall M.R.* Hidden differences. Doing business with the Japanese. New York : An Anchor Book, 1990.

4. *Стоногина Ю.* Бусидо 5.0. Бизнес-коммуникации в Японии. М. : ВКН, 2017.

5. *De Mente B. L.* Etiquette guide to Japan. Vermont : Tuttle, 2015.

6. Digima ～出島～ [Электронный ресурс] ビジネスに役立つ世界の商習慣まとめ - 日本と海外の商習慣の違いを解説. URL: https://www.digima-japan.com/knowhow/world/19505.php (дата обращения: 28.04.2024).

7. *De Mente B.L.* The Key To Understanding & Dealing With The Japanese! Vermont : Tuttle, 2003.

8. *Alston J. P.* Japanese Business Culture and Practices: A Guide to Twenty-First Century Japanese Business. Lexington : iUniverce, 2018.

9. *Севрюк К. О.* Система 稟議制度 в японской корпоративной культуре // Сб. тезисов : Проблемы современного востоковедения : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 июня 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Р. Боровой (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2023. С. 229-234.

10. *Севрюк К. О.* Концепция 本音-建前 в японской деловой культуре // Сб. тезисов : Проблемы современного востоковедения : материалы II Между-нар. науч.-практ. конф., Минск, 30 июня – 1 июля 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Р. Боровой (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2022. С. 163-167.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И НАЗНАЧЕНИИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ОБЕЛИСКОВ В ПЕРИОД ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

А.А. Спартак

Учреждение образования «Белорусская государственная академия связи», улица Франциска Скорины, 8, корп. 2, Минск, Беларусь, spartakala@gmail.com

Обелиски в древнеегипетской культуре выражали идею света и творения. Подобная концепция назначения обелисков зарождается в период Древнего царства, при правлении V династии. При этом обелиски также являются объектами заупокойного культа предков, и эта традиция является не уникальной для цивилизации в Долине Нила. На протяжении всей истории Древнего Египта обелиски так и будут сохранять свою двойственность назначения, которая зародилась в период Древнего царства и просуществовала на протяжении тысячелетий.

Ключевые слова: Древний Египет; Древнее царство; обелиск; солярный культ; царский культ; фараон.

ON THE QUESTION OF THE ORIGIN AND PURPOSE OF ANCIENT EGYPTIAN OBELISKS DURING THE OLD KINGDOM

A.A. Spartak

Educational Institution «Belarusian State Academy of Telecommunications», Francysk Skaryna Street, 8, bldg. 2, Minsk, Belarus, spartakala@gmail.com

Obelisks in ancient Egyptian culture expressed the idea of light and creation. A similar concept of the purpose of obelisks originates during the period of the Old Kingdom, during the reign of the V dynasty. At the same time, obelisks are also objects of funeral cult of ancestors, and this tradition is not unique to civilization in the Nile Valley. Throughout the history of Ancient Egypt, obelisks will retain their dual purpose, which originated during the Old Kingdom and lasted for thousands of years.

Keywords*:* Ancient Egypt; Old Kingdom; obelisk; sun worship; kingship; Pharaoh.

Существует принципиальная разница между тем значением, которое придается обелискам современным человеком и тем, как его понимали древние египтяне. Современный человек воспринимает обелиски в-первую очередь как объекты материального мира, как каменные памятники мемориального значения. Исходя из своих представлений о мироустройстве и обладая иными, по сравнению с современным человеком знаниями о мире, люди древности воспринимали обелиски как объекты

нематериального, или сакрального мира, и как объекты ритуала. Обелиск в Древнем Египте являлся материальным воплощением царя и его власти.

Традиция установки древнеегипетских обелисков уходит своими корнями в глубокую древность – III тыс. до н.э., период зарождения цивилизации и становления государственности в Долине Нила. Археологические данные свидетельствуют о том, что обелиски изначально были элементами погребального ритуала, заупокойного культа в рамках гелиопольской космогонии, в которой солярный бог Ра признавался верховным божеством. Именно идея творения мира согласно данной мифологической системе была отражена в символической форме обелиска. Навершие обелиска (пирамидион) представляло собой первозданный холм bnbn, с которого, согласно гелиопольской космогонии, началось творение мира.

По всей вероятности, подобная форма заупокойных памятников была широко распространена как в регионе Северной Африки, так и в Восточном Средиземноморье. Что отражено в библейских преданиях. В частности, представления о том, что каменный столб/сооружение из камней/аниконический камень являлся вместилищем души предка или местом пребывания бога.

Общесемитское название аниконических камней – бетил “дом бога” (др.-евр. בֵּית־אֵל [Beyth-‘El]) (Ge 28: 18–22). В древнееврейской традиции бетилы известны как מַצֵּבָה [matstsêbâh] – нечто “размещенное, установленное, обелиск, колонна, идол, мемориальный памятник, стоящее изображение, столб” [1, 70], либо как חַמָּן [chammân] (от chammâh – высокая температура; по смыслу, солнце: тепло, солнце) – солнечный столб, идол, изображение [1, 40]. מַצֵּבָה [matstsêbâh] в Септуагинте соответствует греческому στήλη, в Вульгате – латинскому statua [Biblia…]. Б.А. Тураев считал, что «хамманим – это камни или столбики – обелиски, ставившиеся у жертвенников бога» [2, с. 13]. И в зависимости от авторов установки этих предметов, данные объекты могли иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. К примеру, подобные каменные памятники могли быть «домом божьим» (Ge 28:22, Быт 28:22), а могли быть идолами, установленными «Аморреями, Хеттеями, Ферезеями, Хананеями, Евеями и Иевусеями, которые необходимо разрушить по повелению бога» (Ex 23:24, Исх 23:24).

Время появления обелисков на территории древнеегипетского государства точно не установлено. Если эпиграфические источники фиксируют первые упоминания данных памятников в период правления IV-VI династий, то археологические находки обелисков данного периода достаточны скудны. В Британском музее хранится нецарский обелиск из известняка периода правления IV династии, высотой 67,5 см. На обелиске

на каждой из сторон имеется надпись, содержащая имя некоего iri, жреца Гелиополя (BM, EA495). При том, что обелиск нецарский, очевидно, что жрец принадлежал к культу солярного бога Ра. Известны обелиски, относящиеся к периоду правления V династии, которые имели небольшие размеры, были сделаны из известняка, и располагались возле входов в гробницы представителей царского рода.

Кроме того, известны обелиски цариц из заупокойных храмов в Саккаре [3, p. 19]. В 2017 г. был найден обелиск царицы Анхесенпепи II, матери царя Пепи II (VI династия). В некоторых гробницах были обнаружены изображения обелисков среди сцен, показывающих участие владельца гробницы в его ритуальном шествии к Богине Запада Аментет [4, p. 22]. Также, в некоторых гробницах были обнаружены маленькие деревянные обелископодобные предметы, которые хранились вместе со статуэтками ушебти.

Эти факты свидетельствуют о том, что изначально обелиски были элементами погребального инвентаря гробниц представителей рода, ведущего свое происхождение от бога Ра. Впоследствии, культ Ра стал официальным культом царской династии, и его атрибуты были перенесены на представителей царской династии. Непосредственное родство царя и бога Ра (в представлениях древних египтян) привело к созданию образа могущественного царя, единственного, способного на поддержание маат. При этом категория маат становится неразрывно связанной с солнечной идеологией Древнего царства, с культом Ра [5, с. 37–44]. Так, Хорово имя титулатуры Усеркафа[1] содержало эпитет Ir maAt – установивший маат [6, p. 207–209].

Иероглифическое (или идеографическое) изображение обелиска появляется в качестве составной части слова в период правления IV династии, в надписях восточных гробниц Плато Гизы. Здесь слово с изображением «обелиска» встречается среди перечисления погребального инвентаря гробницы.

К периоду правления VI династии относится первая фонетическая запись древнеегипетского txn «обелиск» – в надписи управляющего Асуанским районом Сабни при правлении Пепи II [3, p. 41].

В Текстах пирамид Пепи I также есть упоминание обелисков:

«§ 1178a (Kartusche|ppy|Kartusche) Пепи это тот, кто принадлежит к двум обелискам Ра, которые принадлежат земле.

§ 1178b (Kartusche|ppy|Kartusche) Пепи тот, кто принадлежит к двум светящимся Ра, которые принадлежат небесам» [TLA, Pyramide Pepis I., PT 515].

[1] Основатель V династии (XXV в. до н. э.), первый царь, построивший солярный храм.

Русскоязычная версия перевода Текстов пирамид Т. Шмакова (2014 г.) гласит: «Пепи – направляющийся к *двум обелискам* Солнца земным. Пепи – направляющийся к *двум светлым/ослепительным* Солнца небесным» [7].

Таким образом, на основании переводов двух указанных фрагментов Текстов пирамид можно сделать следующие выводы:

1. Обелиски имели двойственную природу, они были и элементами мира профанного (земного), и элементами мира сакрального (небесного).

2. Обелиски имели определенное и, по всей видимости, важное свойство – светоносность.

Современные исследования египтологов в области изучения института царской власти говорят о том, что царь достиг династической легитимности посредством преемственности и связи с божественными предками, как законный и единственный сын бога солнца [6, p. 192]. Солярная идеология была основой государственности в Древнем Египте. И начало этой идеологии было положено в период Древнего царства, во времена правления V династии. К периоду правления V династии относится появление солярных храмов (заупокойных храмов родового бога Ра V царской династии), центральными объектами которых были одиночные массивные обелиски. Храмы являлись поминальными храмами родового бога Ра V царской династии. Очевидно, что обелиски в этих храмах имели самое непосредственное отношение к солярному культу.

Согласно титулам жрецов, зафиксированным различными источниками, известны солярные храмы царей в период правления V династии Сахура, Нефериркара I, Неферефра (Ранеферефа), Ниусерра и Менкаухора [8]. Однако локализованы и раскопаны только храмы Усеркафа и Ниусерра.

Солнечный храм царя Усеркафа носил имя «Крепость (оплот) Ра» [9, S. 148]. Храм был найден сильно разрушенным, поэтому все реконструкции носят гипотетический характер. На найденных на месте раскопок известняковых табличках храм обозначался логограммой «мастаба» с «мачтой» [10, p. 223]. И поскольку обелиск не фигурирует в этих надписях в названии храма, некоторые исследователи предполагали, что обелиск в храм был добавлен не Усеркафом, а его преемниками, царями Сахура либо Нефериркара [11, S. 541-542]. Однако М. Нуццоло убежден, что обелиск был сооружен Усеркафом, обосновывая свою позицию как на материале эпиграфических надписей (имеющихся изображений храма Усеркафа в других источниках с обелиском, и не имеющихся таковых относительно Сахура), так и исходя из выведенной им теории «персональных» солнечных храмов [6, p. 223–224]. В пользу того, что обелиск был, могут свидетельствовать как археологические находки (был найден один угловой

кусок из гранита от верхнего края обелиска [12, S. 13]), так и письменные источники [12, S. 18].

Солнечный храм Ниусерра имел название «любимое место Ра» [13, S. 7]. Обелиск храма Ниусерра в Абу Гураб также известен лишь по упоминаниям и описаниям из текстов. Он имел колоссальные размеры и скорее представлял из себя отдельное здание, нежели элемент архитектуры в сравнение с более поздними обелисками и обелисками гробниц. Ф. фон Биссинг считал, что его высота была около 35 м [13, S. 12]. Он был составлен из блоков известняка неправильной формы и сверху облицован плитами из белого известняка и гранита. Биссинг отмечал, что обелиск не был монолитным, а состоял из отдельных блоков больших размеров из желтого известняка [13, S. 12].

Солярные храмы были предназначены в том числе для празднования хеб-седа. Хеб-сед – праздник обновления витальных сил царя. Это праздник воссоединения царя с богом, и ритуал праздника представлял собой «преобразование природы царя из человеческой в божественную» [6, p. 200]. Таким образом, солярные храмы были связаны с ритуалом, который отражал именно мирской аспект царствования бога Ра и царя, как его ка, и был связан с отождествлением фараона с трансцендентным и вечным богом солнца Ра, чьей судьбой царь поделится только после своей смерти, но чью «божественную природу он разделяет при жизни, hie et nunc» [10, p. 228].

Хеб-сед по всей видимости был ритуалом взаимодействия людей с богом посредством царя, возможно, во время праздника сакральность царя «проявлялась», «приходила в действие», и происходило это по восшествии царя к обелиску. Предположение о сути этой взаимосвязи уже высказывалось К. Мартином в 70 -х гг. прошлого века. По его мнению, «обелиски были осью, связующим элементом между богом (Ра), царем и людьми… Царь, устанавливая обелиски, обеспечивал непрерывность процесса его взаимодействия с богом. Обелиск, с позиции царя, был подношением богу, но при этом существовала обратная связь бога с царем, который взамен на такое подношение преподносил в дар царю и его подданным жизнь» [14, S. 141–151]).

Обелиски в Древнем царстве выражали идею света и творения, одновременно являясь памятниками заупокойного культа бога Ра и прижизненного культа царя. Таким образом, произошло зарождение и становление культа обелисков, которые для древних египтян уже с III тысячелетия до н.э. являлись: символами творения; мифом о сотворении мира, запечатленным в камне; символами сакральной взаимосвязи царя с солярным богом-отцом; символами прочности и вечности царской власти, царя; объектами светоносности (сакральности); символами божественности или сакральности царя, подтверждением его божественного происхождения;

элементами заупокойного культа предка царя; элементами культа «живого» царя; символами стабильности и незыблемости установленного миропорядка маат; символами фертильности бога-отца.

Библиографические ссылки

1. *Strong J.* A concise dictionary of the words in the Hebrew Bible. New York : Eaton a. Mains ; Cincinnati : Jennings a. Pye, 1890

2. *Тураев Б. А.* История Древнего Востока : в 2 т. / Б. А. Тураев ; под ред. В. В. Струве, И. Л. Снегирева. Л. : ОГИЗ : Соц.-экон. изд-во, 1935. Т. 2.

3. *Habachi L.* The obelisks of Egypt: skyscrapers of the past. Cairo : Amer. Univ. in Cairo Press, 1984.

4. *Bonnet H.* Reallexikon der ägyptischen Religionsgeschichte. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2000.

5. *Жданов В. В.* Эволюция категории «Маат» в древнеегипетской мысли : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. М., 2002.

6. *Nuzzolo M.* Human and Divine. The King's Two Bodies and the Royal paradigm in Fifth dynasty Egypt // 8th Symposium on Egyptian Royal ideology: Constructing authority. Prestige, reputation and the perception of power in Egyptian kingship, Budapest, May 12–14, 2016 / ed.: T. Bacs, H. Beinlich. Wiesbaden, 2017. P. 185–214.

7. *Шмаков Т. Т.* Древнеегипетские тексты пирамид (рабочая версия) [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/7712009 (дата обращения: 10.04.2024).

8. *Kaiser W.* Zu den Sonnenheiligtümern der 5. Dynastie // Mitt. des Dt. Archäologischen Inst. Abt. Kairo. 1956. Bd. 14. S. 104–116.

9. Das Sonnenheiligtum des Königs Userkaf : in 2 Bd. / Hrsg.: H. Ricke [et al.]. Kairo ; Wiesbaden : Schweiz. Inst. für Ägyptische Bauforschung u. Altertumskunde in Kairo : Kommiss. bei Franz Steiner, 1965–1969. Bd. 2 : Edel, E. Die Funde / E. Edel, G. Haeny, W. Helck. 1969. XI, 148 S. – (Beiträge zur ägyptischen Bauforschung und Altertumskunde ; Heft 8).

10. *Nuzzolo M.* The Sun temples of the Vth Dynasty: a reassessment zolo // Studien zur Altägyptischen Kultur. 2007. Bd. 36. S. 217–247.

11. *Stadelmann R.* Userkaf in Saqqara und Abusir // Abusir and Saqqara in the year 2000 / ed.: M. Bárta, J. Krejčí. Praha, 2000. P. 529–542.

12. *Ricke H.* Der Harmachistempel des Chefren in Giseh // Beitr. zur Ägyptischen Bauforschung u. Altertumskunde. 1970. Heft 10. S. 1–48.

13. *Bissing F. W. von.* Das Re-Heiligtum des Königs Ne-woser-Re (Rahutes) : in 3 Bd. Berlin : A. Duncker, 1905–1923. 3 Bd.

14. *Martin K.* Ein Garantsymbol des Lebens. Untersuchung zu Ursprung und Geschichte der altägyptischen Obelisken bis zum Ende des Neuen Reiches. Hildesheim : Gerstenberg, 1977. XVII, 253 S. (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge ; 3).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И БЕЛАРУСИ В 2016-2022 ГГ.

Сунь Шэнцзы

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sunshengzi296@gmail.com

Данная статья посвящена изучению основных направлений культурного сотрудничества между Китаем и Беларусью в 2016-2022 гг. В статье показаны различные формы и содержание культурного взаимодействия двух государств. Вывод состоит в том, что различные мероприятия по культурному обмену между Китаем и Беларусью способствовали всестороннему сотрудничеству в гуманитарной сфере на этапе доверительного всестороннего стратегического партнерства.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Республика Беларусь; культурное сотрудничество; гуманитарное сотрудничество.

MAIN DIRECTIONS OF CULTURAL COOPERATION OF CHINA AND BELARUS IN 2016-2022

Sun Shengzi

Belarusian State University,
Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, sunshengzi296@gmail.com

This article is devoted to the study of the main directions of cultural cooperation between China and Belarus in 2016-2022. The article shows the various forms and content of cultural interaction between the two states. The conclusion is that various cultural exchange activities between China and Belarus have promoted comprehensive cooperation in the humanitarian field at the stage of trust-based comprehensive strategic partnership.

Key words: People's Republic of China; Republic of Belarus; cultural cooperation; humanitarian cooperation.

В последние годы сотрудничество Беларуси и Китая в сфере культуры становится все более тесным. Формы культурного взаимодействия между двумя странами постоянно обновляются, а содержание обменов обогащается. Целью данной статьи является комплексного изучение основных направлений культурного сотрудничества Китая и Беларуси в 2016–2022 гг. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в 2016 г. официальные отношения между двумя странами вошли в стадию доверительного всестороннего стратегического партнерства, а в 2022 г. вышли на новый уровень всепогодного и всестороннего стратегического партнерства.

Одним из актуальных направлений культурного диалога стало сотрудничество между библиотеками, издательствами и почтовыми отделениями. В 2017 г. почта Беларуси выпустила памятные марки «25-летие установления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь» с изображением государственных гербов двух стран. Китайская филателистическая корпорация выпустила памятный дипломатический конверт с изображением суоны и дуды – национальных музыкальных инструментов двух стран [1]. В 2017 и 2021 гг. Китай и Беларусь поддержали издание книг «Беларусь глазами китайских дипломатов» и «Воспоминания посла Беларуси в Китае». Публикация этих двух работ являлась новой формой культурного обмена между народами Китая и Беларуси.

На новый уровень вышло сотрудничество художественных галерей, музеев и художников двух стран. В 2017 г. в Художественном музее Университета Цинхуа прошла выставка белорусской современной гравюры, акварели и эскизов «Нелинейная реальность», а в Национальном художественном музее Китая – первая выставка коллекции Белорусского национального художественного музея. В 2018 г. Дун Юйсинь, известный китайский художник «национальных церемоний», был приглашен Посольством Республики Беларусь в КНР специально для создания картины «Весна в погоне за снегом» с изображением гусей-лебедей в подарок Президенту Беларуси А. Г. Лукашенко [2].

В ноябре 2018 г. в Национальном художественном музее Китая прошла выставка «Культурный ландшафт – белорусское современное искусство». На выставке впервые в Китае экспонировалась частная коллекция известного белорусского коллекционера Олега Ильгизовича Хусаенова. В 2019 г. Китай и Беларусь совместно провели Салон оценки белорусской масляной живописи. В августе 2021 г. китайский художник Син Линминь принял участие в Китайско-белорусском культурном форуме «Ярмарка каллиграфии и живописных кистей», а его картина «Веселая картина с лотосами» была приобретена Посольством Республики Беларуси в КНР. В 2022 г. Президент Беларуси наградил директора Национального художественного музея Китая У Вэйшаня «Медалью Франциска Скорины», что стало свидетельством заслуг в деле развития и укрепления двусторонних отношений в области изобразительного искусства [3].

Активно развивалось сотрудничество КНР и Республики Беларусь в области театрального искусства, кино и телевидения. В мае 2017 г. Китай и Беларусь провели «Неделю китайско-белорусского обмена дружбы» в г. Чанчунь, в рамках которой в Национальном центре исполнительских искусств Китая состоялся показ балета «Лебединое озеро». Одновременно в Чанчуне прошла Неделя белорусского кино. Новые явления

наблюдались в сфере медийного сотрудничества. В 2016 г. Минск посетила делегация из Чанчуня, и СМИ двух городов наладили практическое сотрудничество. В 2017 г. по приглашению МИД Республики Беларусь делегация китайских СМИ посетила Минск [4, с. 29].

В январе 2018 г. в рамках празднования Года туризма в Беларуси в 2018 г. Белорусская художественная труппа «Купалинка» и молодые артисты Чунцинского института искусств выступили с песенно-танцевальной программой в Чунцине. Одновременно в Чунцинском художественном музее прошла «Выставка современной фотографии Беларуси под объективом». В ответ в июле того же года в Минске прошел Чунцинский культурный фестиваль, во время которого работала выставка китайской живописи «Впечатление» и выставка кинокультуры «Город света и тени».

Разнообразные совместные мероприятия продолжились и в последующие годы. В январе 2019 г. белорусский фольклорно-этнографический ансамбль «Неруш» был приглашен для исполнения песен и танцев на 3-м Пекинско-белорусском культурном мероприятии «Рождественские гимны». В январе 2020 г. в Пекинском художественном музее «Дунъюэ» прошла фотовыставка «Пекин глазами белорусских фотографов». В январе 2022 г. Чунцинская телерадиовещательная группа и Генеральное консульство Беларуси в Чунцине совместно провели в «Чунцинско-Минскую телевизионную неделю» [5]. По Чунцинскому спутниковому телевидению был показан 5-серийный документальный фильм «Хочу посмотреть», подготовленный Белорусским столичным телевидением [6]. Мероприятие «Телевизионная неделя» демонстрировало появление новой формы китайско-белорусского сотрудничества.

Особое место занимало сотрудничество по вопросам сохранения нематериального культурного наследия. В июне 2017 г. белорусские эксперты в области нематериального культурного наследия обсудили актуальные направления взаимодействия с Китаем, Сербией и другими странами на 6-м Международном фестивале нематериального культурного наследия «Нематериальное культурное наследие и устойчивое развитие» в Чэнду (Китай). В июле 2017 г. Минске и Гродно (Беларусь) прошла Неделя белорусско-китайского нематериального культурного наследия. В 2018 г. во время Дня культурного туризма в Чунцине специалисты по исследованию и реставрации древних книг из библиотеки Чунцина продемонстрировали аудитории результаты сохранения китайских древних текстов. В 2022 г. после включения традиции соломоплетения в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, Китай и Беларусь организовали 15-дневную тематическую выставку, посвященную данному ремеслу [7].

Беларусь и Китай уделяли много внимания развитию культурного сотрудничество в молодежной среде. В январе 2018 г. на базе Белорусского

национального центра художественного творчества молодежи с успехом прошел Белорусский детский фестиваль китайской культуры и искусства «Звезда Китая–2018». В 2018 г. Белорусский центр международного культурного сотрудничества «Йими», Белорусская ассоциация конькобежцев и Белорусский национальный центр детского и юношеского творчества учредили проект зимнего лагеря по хоккею с шайбой «Звезда надежды» и проект летнего лагеря по белорусскому классическому балету для китайских и белорусских подростков [8]. В 2019 г. в Минске успешно прошел первый конкурс китайской культуры среди молодежи. В октябре того же года подростки из Беларуси приняли участие во «Всемирной конференции по обмену студенческой магией среди университетов 2019», организованной Китаем. В 2022 г. Волковыск и город Биньчжоу совместно провели «Международную художественную выставку «Карнавал-молодежь городов дружбы Китая и Беларуси». Кроме того, в 2018-2021 гг. ежегодно проходил Международный молодежный художественный конкурс «Шелковый путь».

В заключение следует отметить, что в 2016–2022 гг. Китай и Беларусь продолжали проводить масштабные мероприятия, ставшие традиционными. Министерство культуры и Посольство КНР в Беларуси ежегодно проводили серию мероприятий «С китайским Новым годом». Успешно прошли Дни культуры Китая в Беларуси (2019 г.) и Дни культуры Беларуси в Китае (2017 г. и 2022 г.). В 2016–2022 гг. благодаря усилиям двух правительств содержание и форма обменов в культурной сфере между Китаем и Беларусью заметно обогатились. Особое место стало занимать молодежное сотрудничество, основными формами которого стали культурные фестивали, выставки, летние лагеря.

Библиографические ссылки

1. 中国白俄罗斯齐发邮品庆祝建交 25 周年 = Китай и Беларусь разослали марки в честь 25-летия установления дипломатических отношений [Электронный ресурс] // 白罗斯共和国驻华大使馆 = Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике : сайт. URL: https://china.mfa.gov.by/zh/embassy/news/fbaaad479e2298dd.html (дата обращения: 06.03.2024).

2. 我县画家创作国画赠白俄罗斯总统 = Художники нашего уезда создали традиционные китайские картины и передали их в дар Президенту Беларуси [Электронный ресурс] // 青县新闻网= Сеть новостей Цинсянь : сайт. URL: http://qingxian.hebei.com.cn/system/2018/05/25/011750390.shtml (дата обращения: 06.03.2024).

3. 吴为山获颁“弗朗西斯科·斯卡里纳奖章” = У Вэйшань награжден медалью «Франсиско Скалины» [Электронный ресурс] // 中国旅游新闻网 = Сеть новостей туризма Китая : сайт. URL: http://www.ctnews.com.cn/news/content/2022-03/29/content_121231.html (дата обращения: 29.03.2024).

4. *Гайдукевич Л. М.* Белорусско-китайские отношения сорудничество в сфере туризма: состояние и перспективы развития // Белорусско-китайские отношения в межгосударственных, межправительственных и межведомственных документах (1992—2019 гг.) / Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2021. Вып. 9. С. 27–36.

5. 中白建交 30 周年图片展暨重庆-明斯克电视周开播仪式在渝中举行 = Фотовыставка, посвященная 30-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Беларусью и церемонии открытия Чунцинско-Минской теленедели, прошла в Южонге [Электронный ресурс] // 重庆市渝中区人民政府 = Народное правительство района Юйчжун в Чунцине : сайт. URL: http://www.cqyz.gov.cn/zwxx_229/yzyw/202201/t20220126_10341820.html (дата обращения: 06.03.2024).

6. 重庆与白俄罗斯明斯克州探索文化和旅游合作新举措 江卫宁一级巡视员出席“重庆—明斯克电视周开播仪式” = Чунцин и Минская область Беларуси рассмотрели новые меры культурного и туристического сотрудничества Инспектор Цзян Вейнин принял участие в «Церемонии открытия Минской недели телевидения в Чунцине» [Электронный ресурс] // 重庆市文化和旅游发展委员会 = Комитет по развитию культуры и туризма Чунцина : сайт. URL: http://whlyw.cq.gov.cn/zwxx_221/bmdt/gzdt/202201/t20220127_10348405_wap.html (дата обращения: 13.03.2024).

7. 我校举行中国-白俄罗斯草编交流云展览开幕式 = В нашей школе состоялось торжественное открытие Китайско-белорусской выставки обмена облаками соломоплетения [Электронный ресурс] // 安外国语大学= Сианьский университет иностранных языков : сайт. URL: https://eyxy.xisu.edu.cn/info/1287/5075.htm (дата обращения: 06.03.2023).

8. 当古典之美遇到冰上激情 白俄罗斯多项利好吸引中国客 = Когда красота классики встречается со страстью на льду, у Беларуси есть много преимуществ, чтобы привлечь китайских туристов [Электронный ресурс] // 央广网 = Официальный сайт CNR : сайт. URL: http://travel.cnr.cn/list/20180522/t20180522_524241890.shtml (дата обращения: 06.03.2024).

ПРОДВИЖЕНИЕ КИТАЙСКОЙ «КУЛЬТУРЫ ШЕЛКА» В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Чень Ченьлин[1)], Сюй Мэнлин[2)]

[1)] Университет Хучжоу,
ул. Вторая кольцевая восточная, 759, 313000, г. Хучжоу, КНР, 408452595@qq.com

[2)] Университет Хучжоу,
ул. Вторая кольцевая восточная, 759, 313000, г. Хучжоу, КНР, 02645@zjhu.edu.cn

«Культура шелка», существующая на протяжении нескольких тысяч лет в регионе города Хучжоу (на севере китайской провинции Чжэцзян), рассматривается в статье не только как уникальный культурный феномен, но и как ресурс социально-экономического развития. Особое внимание сфокусировано на роли и потенциале видеопродукции в продвижении «культуры шелка» как в самом Китае, так и в инокультурной среде.

Ключевые слова: Китай; Хучжоу; культура шелка; видеоролик; ценностное содержание; инокультурная среда.

PROMOTION OF THE CHINESE «SILK CULTURE» IN THE MEDIA SPACE: REGIONAL PRACTICES

Chen Chenlin[1)], Xu Menglin[2)]

[1)] Huzhou University,
759 Erhuandong Road, Huzhou 313000, China, 02645@zjhu.edu.cn

[2)] Huzhou University,
759 Erhuandong Road, Huzhou 313000, China, 02645@zjhu.edu.cn

The «silk culture», which has existed for several thousand years in the region of Huzhou city (in the north of the Chinese province of Zhejiang), is considered in the article not only as a unique cultural phenomenon but also as a resource for socio-economic development. Special attention is focused on the role and potential of video products in promoting the «silk culture» both in China itself and in a foreign cultural environment.

Keywords: China; Huzhou; silk culture; video; value content; foreign cultural environment.

Для современной КНР шелк и возникший во многом благодаря торговле им Великий шелковый путь – это не только важная часть национальной истории, но и символ культуры, уникальность которой со временем раскрывается всё новыми и новыми гранями. В Китае в спорах о самом

лучшем шелке используют в качестве аргумента такую пословицу: в мире смотрят на китайский шелк, китайский шелк смотрит на Чжэцзян, чжэцзянский шелк смотрит на Хучжоу.

Город Хучжоу расположен на севере провинции Чжэцзян, граничит с Шанхаем, Ханчжоу и Нанкином; он представляет собой не только живописную местность, где горы соседствуют со знаменитым озером Тайху, но и динамично развивающийся в экономическом отношении регион. С давних времен местный климат подходит для культивирования шелковицы, уникальная географическая среда является преимуществом для осуществления полного цикла шелкового производства. В сборнике «Ши цзин», древнейшем памятнике китайской литературы, есть такое описание: «Весенний солнечный свет теплый и тающий, иволга поет песню. Девушка несет глубокую бамбуковую корзину, идя по тропинке, протягивает руку, чтобы собрать молодые листья тутовника. Дни весны становятся всё длиннее и длиннее» [1, с. 200]. Приведенный фрагмент, наряду с поэтичностью, обладает и реалистичностью, удивительно напоминая сельские будни тех, кто веками выращивает тутовые деревья в регионе Хучжоу.

В 1851 году Сюй Жунцунь, купец из Гуандуна, отправил 12 пакетов шелка из хучжоуского села Чжули для участия в Первой лондонской Всемирной выставке и получил первую Золотую медаль этой выставки, выданную королевой Англии. В 1915 году шелк из Хучжоу также получил Золотую медаль Панамо-Тихоокеанской международной выставки.

В 1934 году житель Хучжоу Шэнь Вэйчжи на территории древней деревни Лучунь (муниципальный район Усин) обнаружил участок Цаньшаньян; после серии раскопок здесь был найден материал светло-коричневого цвета, который идентифицировали как обрывки шелка, чей возраст датировался примерно 4400 годами. Этот фрагмент признан самой ранней шелковой тканью, произведенной в Китае [2, с. 7]. В 2008 году шелк из Хучжоу был включен в список нематериального культурного наследия Китая за мастерство, с которым он был изготовлен, – «тонкое, как крыло цикады, и легкое, как утренний туман»; в 2011 году техника ручной обработки шелка из хучжоуского села Чжули также была включена в список нематериального культурного наследия Китая. 25 июня 2015 года Ван Чжунвэй, заместитель генерального секретаря Госсовета и директор Канцелярии советника Госсовета КНР, вручил городу Хучжоу памятную доску «Источник шелка в мире».

И традиции шелкового производства, так и необходимость его совершенствования в современных условиях рассматривается как ценный ресурс развития, культурного и экономического. Тем не менее, продвижение традиционной китайской культуры, в том числе культуры шелка, сталкивается с определенными трудностями. Механизмы этого продвижения,

несмотря на всемерную поддержку государства, органов власти не всегда оказываются достаточно гибкими. Иногда чрезмерное акцентирование национальных особенностей, региональной специфики создает барьеры для распространения культуры шелка в инокультурной среде [3]. В то же время в некоторых случаях внимание фокусируется на экономической выгоде, а содержание (идеи, дух китайской культуры шелка) игнорируются. Следует признать, что в смысле формы продвижению культуры шелка не хватает интерактивности: модус общения с иностранцами долгое время сводился к идее «представить Хучжоу», и этот формат общения имеет свои очевидные ограничения [4]. В глобальном медиадискурсе западная культура остается доминирующей, а вот традиционная китайская культура, при растущем к ней интересе, рассматривается как подчеркнуто «чужая культура», и западная аудитория испытывает к ней своего рода инстинктивное сопротивление. По точному замечанию Дж. Кэя, большинство жителей Запада могут назвать несколько римских императоров, но мало кто может назвать хоть одного китайского [5].

В этой ситуации Китай оказывается вынужден искать новые, эффективные в современном информационном пространстве каналы, формы и способы продвижения своей культуры. Особая роль в их довольно обширном перечне отводится культурно-просветительской видеопродукции, в частности, видеороликам. Они относительно экономичны в производстве, легко и быстро масштабируются на огромную аудиторию (в том числе благодаря социальным сетям). Содержание и формат коротких видеороликов делает их идеальными для современного потребителя, от представителей генерации с так называемым клиповым мышлением до более взрослой аудитории. Кроме того, в контексте межкультурной коммуникации знакомство с другой культурой через яркие и короткие видео позволяет сформировать насыщенное эмоциями первое впечатление, мотивирующее к поиску дальнейшей информации [6].

В Хучжоу потенциал коротких видео в полной мере используется для продвижения уникальной культуры шелка, там более, что возможности современных медиа позволяют в коротком видеофрагменте совершенно по-новому рассказать миру историю Китая через историю шелка из Хучжоу. Показательно, что при всем внимании к видеоряду, инновационным технологиям в процессе «рассказывания историй» наиболее важная – ценностная – роль отводится, конечно, культурному контексту и подтексту. При этом создатели современных видеороликов о культуре шелка стремятся избежать нарочитого дидактизма, чтобы позволить зрителям самим выстроить собственный путь, мотивацию к погружению в историю, даже в чужую (если речь идет об иностранцах).

Видеоформат позволяет задействовать широкий спектр возможностей для создания особого эффекта «культурной идентичности», когда в незнакомом материале зритель отыскивает знакомые или просто притягательные для него культурные символы, концепты, идеи и идеалы. Доступность понимания и усвоения этих насыщенных аксиологическим содержанием образов обеспечивается универсальностью языка вино (видео как художественно организованного видеоряда). Введение в видеотекст культурных символов, которые идентифицируются не-китайской аудиторией как «свои», значительно облегчает процесс принятия ею экзотической культуры, особенно если речь идет о встраивании экзотической культуры в собственную историю. Например, известно, что французский король Людовик XIV был одержим китайским шелком. Один из знаменитых балов в Париже даже назывался «Китайский император», сам король появился на этом балу в одежде из китайского шелка, чем вызвал восторг всех присутствующих. Визуализация этого сюжета позволяет реализовать многоуровневую связь между сознанием западной аудитории и уникальным образцом традиционной китайской культуры (культуры шелка), избегая дидактизма и в буквальном смысле захватывая зрителя (и содержанием, и формой).

Важное значение для продвижения «культуры шелка» имеет сохранение ценностного содержания при достижении эффективности воздействия на современную аудиторию. Как известно, процесс производства шелка включает пять этапов: посадку шелковицы, собственно «рождение» шелка, окрашивание и ткачество. Хотя каждый этап может стать объектом для отдельного видеоповествования, нынешняя аудитория ориентирована на короткие видео, следовательно, сюжет для таких видео должен быть динамичным, в определенном смысле, новелистичным, то есть с неожиданными поворотами сюжета и развязкой. Например, в древние времена люди, занимающиеся шелководством в Хучжоу, любили называть шелкопряда «малышом», поэтому женщин, участвовавших в производстве шелка, независимо от того, были замужем они или нет, называли «матерями шелкопряда». Эта деталь может наполнить общую историю, рассказываемую в видеоролике, личностным смыслом, оживить и индивидуализировать историческую метафору и т .п.

Шелк Хучжоу олицетворяет не только труд и творческую мудрость жителей Хучжоу, но и Шелковый путь как связующее звено между Китаем и миром. В настоящее время шел является одни из культурных символов инициативы «Один пояс, один путь». Представители многих стран, культур знакомятся с историей и современностью Хучжоу через «дух шелка», с его помощью пытаются понять культуру Китая в целом. Кроме того, высокое качество хучжоуского шелка превращает его в продукт

высокой экономической значимости, он востребован как в разных регионах Китая, так и во многих странах мира.

В рамках данной статьи мы смогли представить только один пример использования возможностей современных медиа для продвижения традиционной китайской культуры. Обращение к инновационным технологиям для популяризации «культуры шелка Хучжоу» ориентировано на сочетание ценностного содержания, исторически и культурно достоверного, обоснованного спецификой цивилизационного развития Китая, – и ультрасовременных технологий, возможностей визуализации, воздействия медиа на аудиторию через различные каналы восприятия. Показательно, что целевой аудиторией такой культурно-просветительской видеопродукции становится не только собственно китайская, но и инокультурная аудитория. Наибольшего эффекта (образовательного, просветительского, информационного и даже экономического) достигают видеоролики, в которых сочетаются компоненты, модусы разных дискурсов – исторического и современного, собственно-китайского и внешнего («западного»), реалистично-документального – и художественно-метафорического. Мы полагаем, что подобное использование инновационных технологий и инструментов для продвижения традиционной культуры и ценностей не только способствуют развитию интереса к Китаю на мировой арене, но и расширяют культурные, цивилизационные горизонты инокультурной аудитории в целом.

Библиографические ссылки

1. 周振甫. 中国古典名著译注丛书：诗经译注，北京：中华书局，2010年，第200页.

2. 刘柏林、罗瑞林. 中国丝绸史话，北京：纺织工业出版社，1986年，第7页.

3. 未永海，张舒予.
中国文化对外传播的视觉表征与创新发展，中国电化教育，2013年第7期，第13-19页.

4. 郭萌萌，王炎龙.“转文化”:中国文化对外传播范式转换的逻辑与方向，现代出版，2019年第期，第52-55页.

5. 刘连营. 主体自信与话语构建： 中国文化对外传播的困境与展望， 国际公关，2022年第24期，第85-87页.

6. 严小芳. 移动短视颇的传摇转性和媒体新机遇， 东南传播， 2016年第2期，第90-92页.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА В КИТАЕ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ЮАНЬ

С. Чжан

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, natalia95sato@gmail.com

Данная статья посвящена изучению мусульманской общины в Китае в начале правления династии Юань. Этот период ознаменовался притоком в Китае большого количества мусульман, которые становятся важной частью китайского общества. Если раньше мусульмане в Китае были представлены главным образом торговцами, с этого момента среди них появилось много воинов, ремесленников и ученых.

Ключевые слова: Династия Юань; китайские мусульмане; монгольская армия; мусульманская община; Западный поход монголов.

MUSLIM COMMUNITY IN CHINA AT THE BEGINNING OF THE YUAN DYNASTY

S. Zhang

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, natalia95sato@gmail.com

This article is devoted to the study of the Muslim community in China at the beginning of the Yuan Dynasty. This period was characterized by the inflow of a large number of Muslims to China, who would become an important part of Chinese society. If earlier Muslims in China were represented mostly by merchants, from this time on many warriors, craftsmen and scholars emerged among them.

Key words: Yuan Dynasty; Chinese Muslims; Mongol army; Muslim community; Mongol invasion of Eastern and Central Europe.

XIII в. ознаменовался событиями, которые имели колоссальное значение как для мировой истории, так для Китая. В 1206 г. съезд монгольской знати подвел итог многолетней борьбы вождя Тэмучжина за объединение монгольских племен. Он был провозглашен великим ханом под именем Чингисхан. Так возникла одна из наиболее могущественных в мировой истории империй, которая на протяжении менее чем ста лет завоевала

огромные территории, включавшие земли от Восточной Европы до Тихого океана.

Китай стал первой целью монгольских завоеваний. Сначала были завоеваны империи Западная Ся и Цзинь в Северном Китае, а затем пришел черед империи Южная Сун, уничтожение которой потребовал несколько десятилетий и завершилось только в 1279 г.

В 1271 г. великий хан Хубилай провозгласил себя императором новой династии Юань 元 (1271—1368 гг.), которая включала помимо земель собственно Китай обширные территории в Центральной Азии. Столицей империи стал город Ханбалык (кит. Даду – современный Пекин).

В отличие от Сунской империи, контакты которой с мусульманами ограничивались морской торговлей и эпизодическими контактами с мусульманскими государствами Центральной Азии, монгольская держава тесно взаимодействовала с мусульманским миром. Еще до Западного похода монголов, начатого в 1219 г. государство Чингисхана активно торговало со странами Средней Азии через мусульманских купцов. Именно уничтожение в 1218 г. купеческого каравана из 450 купцов-мусульман – подданных великого хана стало поводом для великого похода монголов против государства Хорезмшахов.

С монголами в Китай прибыло большое количество мусульман: арабов, персов и тюрков; среди них наемники, ученые, ремесленники, купцы и т.д. Многие из них служили чиновниками как в центральной, так и в местных администрациях, и пользовались особым доверием монгольских правителей [1, с. 112] Выходцы со всех концов мусульманского мира селились в Китае, становились подданными юаньских императоров, сохраняя свою религию и культурные традиции. При этом они активно изучали китайскую культуру, интегрировали и развивали ислам в Китае с китайской спецификой. Так была заложена прочная основа для будущей китаизации представителей таких народов, как дунсян, баоань, салары, уйгуры, казахи, киргизы, таджики, узбеки и татары.

Морские торговля, которая уже процветала во времена династии Сун, в период династии Юань достигла еще больших масштабов, этому сопутствовало усовершенствование кораблестроения и навигации. На международных морских путях от Китайского моря до Индийского океана китайские морские суда уже значительно превосходили арабские и персидские и занимали лидирующее положение, а по правилам того времени в китайских водах могли плавать только китайские корабли [2, С. 203–209]. Поэтому во времена династии Юань в Китай на китайских кораблях прибыло множество мусульман, среди которых было выходцы из Южной Азии, Юго-Восточной Азии и даже из Африки, а также новая волна арабских и персидских купцов и миссионеров.

В это же время мусульман со всего мира в Китае называли «хуэйхуэй» (回 回), и численность их значительно превысило число «Фанькэ» и "Хушан" во времена династий Тан и Сун, а их статус был гораздо более высок не только в экономическом, но и в политическом плане. Самым большим отличием в отношениях мусульманской общины и официальных властей при династии Юань, в сравнении с династиями Тан и Сун было то, что хуэйхуэй были официально внесены в китайские государственные реестры и стали считаться полноправными членами китайского общества. Хотя и раньше имперские власти часто ставили мусульман перед выбором – либо возвращаться на родину, либо принять китайское подданство, из-за чего многие предпочитали стать китайскими гражданами, в то время это происходило в относительно небольших масштабах – главным образом в столицах [3, с. 16].

Перемены эти начались с походов монголов на запад, которые продлились более полувека. В ходе этих походов было уничтожено множество городов, в том числе, центров мусульманской культуры. В Бухаре, одном из важнейших центров исламской науки, ковчег Корана превратился в ясли для коней, а сам город сожжен и разрушен. Та же судьба постигла Самарканд, а бывшая столица Хорезма, Гургандж, была превращена в болото. Судьба Багдада, религиозного и политического центра мусульманского мира того времени, была не менее трагична [1, с. 124]. При этом монголы казнили последнего Аббасидского халифа в Багдаде и истребили его семью. При этом были разграблены не только золото, серебро и драгоценности, но и были уничтожены книги, технология, астрономические обсерватории, мечети, мавзолеи т.д., которые были плодом мудрости людей на протяжении веков. Истреблялись ученые, ремесленники и священнослужители – ущерб, который просто невозможно оценить. Со временем, однако, монголы, которые обосновались в мусульманских странах, попали под влияние их культуры, что привело к принятию ими ислама.

Ранее немногочисленные общины китайских мусульман, преимущественно торговцев, в этот период в большом количестве пополнились мусульманами – главным образом, тюркского происхождения среди которых были также военные, ремесленники и ученые. Об это свидетельствует более активное строительство мечетей, причем архитекторы были родом из арабских стран и Ирана. Согласно «Исламским наскальным рисункам Цюаньчжоу», Рухб Хаджи Ахмад ибн Мухаммад аль-Джаддус перестроил «Мечеть Айсухаб» в Цюаньчжоу в 1310–1311 годах [4, с. 4]. В документах династии Юань есть много записей в роде «Данисиманд», «Дарвиш» и «Гади». Титулы духовных лиц, такие как «Шайх-аль-ислам», «Мутавали», «Муаззин» и т. д., также зафиксированы в «Мечети Цинцзин». Помимо

арабов и персов, среди мусульман династии Юань было много тюрков-мусульман, так как к этому времени многие из них уже приняли ислам.

Кроме того, мусульмане периода династии Юань продолжали интегрировать другие расы, включая чернокожих «кунлуну» из Южной и Юго-Восточной Азии, существовавших еще со времен династий Тан и Сун, мусульман из Чампы (占城, нынешняя территория Вьетнама) и некоторых мусульман из Южной Азии.

Во времена династии Юань в провинции Юньнань сформировалось крупная мусульманская община. Помимо «Сухопутного шелкового пути» и «Морского шелкового пути» между Китаем и исламскими странами, мусульмане Юньнани также открыли «Дорогу Юньнань-Тяньфан», в которой Тяньфан обозначает Аравию, ради облегчения паломничества и торговли.

Таким образом, монгольское завоевание Китая в 13-ом веке способствовало большого количества мусульман, прежде всего из Центральной Азии, но также из Ближнего Востока. Это привело не только к увеличению мусульманского населения, но и к изменению его состава в том, что касалось их профессий. Среди высокопоставленных чиновников эпохи Юань мы можем встретить много мусульман.

Библиографические ссылки

1. *邱树森*.中国回族史. 银川: 宁夏人民出版社, 1996. = *Цю Шусэнь*. История этнической группы хуэй в Китае. Иньчуань : Народное издательство Нинся, 1996.

2. *Rev. Samuel Lee.* The Travels of Ibn Battuta in the Near East, Asia and Africa 1325-1354. Mineola, New York : Dover Publications, Inc, 2004.

3. *余振贵*.中国历代政权与伊斯兰教. 银川: 宁夏人民出版社, 2012. = *Юй Чжэньгуй*. Китайские правительства и ислам. Иньчуань : Народное издательство Нинся, 2012.

4. *陈达生*.泉州伊斯兰教石刻.银川: 宁夏人民出版社, 福建人民出版社, 1984. = *Чэнь Дашэн*. Исламским наскальным рисункам Цюаньчжоу. Иньчуань: Народное издательство Нинся, Народное издательство Фуцзянь

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЙСКОГО ПРАЗДНИКА ДУАНЬУ

В. И. Щипёрко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shchiperko@gmail.com

Древний праздник Дуаньу остается одним из самых значимых и популярных в современном Китае. Долгий процесс его формирования включает обилие мифологических, религиозных, фольклорных и реальных событий, образов, сюжетов. Становление Дуаньу рассматривается в статье на основе письменных памятников. В самых ранних источниках обращается внимание на особенности среднего летнего месяца – времени летнего солнцестояния, в ханьских сочинениях упоминается большое количество запретов и предписаний, связанных с пятым днем пятого месяца. Только в конце IV в. (Западная Цзинь) фиксируется название Дуаньу. Именно в эпоху Шести династий формируются обычаи и ритуалы (в основном традиции бассейна Янцзы), известные до сих пор. Возможно, еще во времена Хань под влиянием конфуцианства дух риса, которому и были посвящены древние ритуалы южан, стал ассоциироваться с разными историческими личностями, но главным образом, с Цюй Юанем.

Ключевые слова: Дуаньу; формирование праздника; традиции бассейна Янцзы.

FORMATION OF THE TRADITIONAL CHINESE DUANWU FESTIVAL

V. I. Shchypiorka

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, shchiperko@gmail.com

The ancient Duanwu festival remains one of the most significant and popular in modern China. The long process of its formation includes an abundance of mythological, religious, folkloric and real events, images and plots. The formation of Duanwu is considered in the article on the basis of written monuments. The earliest sources pay attention to the peculiarities of the middle summer month - the time of the summer solstice, Han works mention a large number of prohibitions and prescriptions associated with the fifth day of the fifth month. Only at the end of the fourth century (Western Jin) is the name Duanwu recorded. It was during the Six Dynasties that the customs and rituals (mainly the traditions of the Yangtze basin) known to this day are formed. Perhaps, even in Han times, under the influence of Confucianism, the spirit of rice, to which the ancient rituals of the southerners were dedicated, became associated with various historical figures, but mainly with Qu Yuan.

Key words: Duanwu; festival formation; Yangtze basin traditions.

Одной из четырех главных дат в традиционном китайском календаре является праздник Дуаньу (端午). Данный праздник привлекает внимание исследователей, так как имеет богатую и долгую историю, на протяжении которой он менялся, вбирал в себя новые элементы и при этом сохранял архаические представления. В современном Китае время празднования Дуаньу – пятый день пятого месяца – вычисляется, как и прежде, по лунному календарю.

В статье рассматривается формирование праздника Дуаньу с опорой на письменные китайские источники. Можно сказать, что его становление в целом соответствует этапам формирования календарных праздников китайцев. В эпоху Чжоу люди еще придерживались первобытных верований. Обряды в это время представляли собой поклонение божествам, шаманские ритуалы для призыва добрых и отпугивания злых духов. Со второй половины первого тысячелетия на формирование праздничного цикла оказывают влияние представления об *Инь* и *Ян*, *усин*, объединяющие воедино элементы космоса.

В самых ранних китайских письменных источниках нет упоминаний праздника Дуаньу, в текстах периода Воюющих царств (476–221 гг. до н. э.) встречается информация о запретах и предписаниях, связанных с пятым месяцем. В «Книге ритуалов» (禮記, «Лицзи», IV–I вв. до н. э.) в главе «Полунные приказы» сказано: 「是月也，日長至，陰陽爭，死生分。君子齊戒，處必掩身，毋躁。止聲色，毋或進。薄滋味，毋致和[1]。節嗜欲，定心氣，百官靜事毋刑，以定晏陰之所成。」[2] – «*Это месяц, когда день становится длиннее, Инь и Ян противоборствуют, мёртвое и живое разделяются. Благородные мужи очищаются постом, живут, непременно сдерживая страсти, не смеют быть вспыльчивыми. Отказываются от плотских утех и избегают женских покоев. Вкус [должен быть] простым, недопустимо сочетание смешения вкусов, [необходимо] воздерживаться от плотских страстей, концентрироваться на состоянии духа. Официальные чины не [проводят] наказаний, дабы завершилось успешно утверждение светлого и темного (яньинь[2])*»[3].

В тексте не называется конкретно пятый месяц, речь идет о втором месяце лета, который и соответствует пятому месяцу в лунном календаре. Обращается внимание, что в середине лета солнце достигает своего пика, и борьба Инь и Ян делает это время опасным. Поскольку текст «Лицзи» –

[1] Знак 和 здесь понимается как *хо*, то есть смешение пяти вкусов [1, с. 87], что недопустимо во время поста.

[2] *Яньинь* (晏陰): 晏 – чистый, ясный, безоблачный, 陰 – тёмный, тусклый; мрачный; пасмурный.

[3] Здесь и далее перевод автора, если не указано иное.

официальный документ, предписания, в первую очередь, касаются «благородный мужей», поведение которых направлено на поддержание природного порядка разделения света и тьмы. Название *Дуаньу* еще не известно.

В «“Записках о благопристойности” Старшего Дая» (大戴禮記, «Дадай лицзи», дин. Восточная Хань) включена глава «Малое установление Ся» (夏小正, «Сясяочжэн»), посвященная календарю династии Ся. Существуют разные мнения о времени, когда был составлен сяский календарь. Современные ученые связывают его с чжоуским периодом [3]. В сочинении описывается специфика именно пятого месяца: особенности роста растений в течение месяца, привычки животных, жертвоприношения. Среди прочих упоминается обычай омовения в орхидеях (「蓄蘭。為沐浴也。」 [4] – «Собирают орхидеи для обряда омовения».) В древности орхидея считалась растением с очистительными свойствами.

Итак, в эпоху Воюющих царств в письменных текстах фиксируются сведения о пятом месяце, а чаще – о середине лета, как времени опасном, требующем действий по защите от неблагоприятных сил, однако данных о них встречается немного. Вредоносность времени связана с соотношением сил Инь-Ян, когда активное начало Ян достигает своего пика, а сила Инь набирает свою мощь, чтобы преодолеть его.

В текстах эпохи Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э) зафиксировано гораздо больше информации об особенностях этого календарного периода. В «Исторические записки» (史記, «Шицзи», 109–91 гг до н. э.) Сыма Цянь включил историю Мэнчан-цзюня, который родился в пятый день пятого месяца. Его отец Тянь Ин приказал жене отказаться от воспитания сына, но мать не решилась на убийство ребенка и воспитывала его втайне, в результате чего появился Мэнчан-цзюнь – один из четырех правителей Воюющих государств: *«Тянь Ин имел более 40 сыновей. Одна из его неглавных наложниц родила сына по имени Вэнь. Он появился на свет 5-го числа 5-й луны. [Узнав об этом], Ин сказал его матери: “Не корми его!” Но она тайком кормила его и сохранила ему жизнь. Когда [Вэнь] вырос, мать повела его вместе с братьями представлять [отцу] Тянь Ину. Тянь Ин, разгневавшись на нее, сказал: “Я же велел тебе избавиться от этого ребенка, я ты осмелилась сохранить ему жизнь. Почему ты так поступила?” Вэнь, поклонившись [отцу], на это сказал: “По какой причине вы, цзюнь, не хотели иметь сына, рожденного в 5-й луне?” Тянь Ин ответил: “Ребенок, рожденный в 5-й луне, вырастает ростом с ворота и в дальнейшем приносит вред своим родителям”»* (перевод Р. В. Вяткина) [5, с. 173]. Сыма Чжэнь (司馬貞, 679–732) составил «Поиски скрытого в “Исторических записках”» (史記索隱, «Шицзи соинь») и в связи с процитированным выше отрывком для комментария использовал «Нравы и

обычаи» (風俗通/风俗通, «Фэнсутун»): 「俗說五月五日生子，男害父，女害母。」 [6] – *«Если в пятый день пятого месяца родить ребенка, мальчик погубит своего отца, а девочка погубит мать»*. Автор, живший в VIII в., цитирует текст «Фэнсу тунъи» (風俗通義), созданный в конце династии Хань[1]. Судя по приведенным фрагментам, представления о неблагоприятном рождении детей в пятом месяце в китайском обществе были устойчивыми и имели долгую традицию. В «Фэнсу тунъи» появляются и сведения о защитных амулетах в виде браслетов из нитей пяти цветов.

Во «Взвешивании суждений» (論衡, «Луньхэн», 80 г. до н. э.) Ван Чуна также есть свидетельства о том, что нужно избегать рождения детей в этот период: 「夫正月歲始，五月盛陽，子以生，精熾熱烈，厭勝父母，父母不堪，將受其患。」 [8] – *«В первом месяце год начинается. В пятом месяце Ян [достигает своей] полноты, у ребенка, рожденного [в это время], пылкий и страстный дух, подавляющий родителей. [Если] отец и мать не в силах [противостоять], они будут страдать».*

Следовательно, в ханьский период происходит перенос представлений со дня летнего солнцестояния на пятый день пятого месяца, чему несомненно способствовало развитие нумерологии, воплощение в двойной пятерке максимальной янской силы. При этом губительный характер времени подчеркивается наличием возросшего количества предписаний и запретов, отраженных в письменных памятниках.

По-видимому, в это время уже имели место две основные традиции проведения пятого месяца. В северном регионе – это наследование чжоуских традиций, связанных с представлениями об Инь и Ян, а на юге получает развитие комплекс верований, связанных с культурой выращивания риса. Скорее всего, именно в ханьский период, не без влияния конфуцианства, ставшего официальной идеологией, пятый день пятого месяца начинает ассоциироваться с именами исторических личностей – Цюй Юаня и У Цзысюя – легендарных сановников царств Чу и У соответственно, непонятых своими правителями и закончившими жизнь в водах Мило и Янцзы.

Надо отметить, что время династии Хань – это создание централизованного государства, формирование его идеологии. Происходит быстрый информационный обмен между разными частями

[1] «Фэнсу тунъи» (風俗通義) – «уникальный для Древнего Китая трактат, в котором была предпринята попытка комплексного анализа нравов, обычаев и заблуждений людей. Он был создан в конце Восточной Хань государственным деятелем Ин Шао и дошел до нас в составе десяти более-менее полных глав» [7].

Поднебесной, знакомство с обычаями и верованиями разных регионов, заимствование и освоение их собственной культурой.

Периоды династий Вэй (220–266), Цзинь (265–420), Северных и Южных династий (420–589) были одними из самых бурных периодов китайской истории. Противостояние между севером и югом, миграция и интеграция этнических групп, а также внедрение иностранных культурных ценностей влияли на развитие и объединение народных обычаев. Традиционная система праздников, первоначально сформировавшаяся в конце династии Восточная Хань, не только получила дальнейшее развитие, но постепенно создала относительно единую модель праздничного этикета и обычаев по всей стране. Можно точно говорить об установлении в это время праздника, приуроченного к пятому дню пятого месяца, о распространении главных обрядовых мероприятий Дуаньу: приготовление *цзунцзы* (粽子) и плавание на драконьих лодках.

Чжоу Чу (周處, 236–297) в «Описании обычаев земель» (風土記, «Фэнтуцзи») эпохи Западной Цзинь впервые приводит название праздника Дуаньу: 「仲夏端五，烹鵹角黍，端，始也。謂五月初五日也。又以菰葉裹黏米煮熟，謂之角黍。」[9] – *«В Дуаньу середины лета готовят цзяошу. Дуань – это начало, название пятого дня пятого месяца. В листья риса-гу заворачивают клейкий рис [и] варят до готовности – это называется цзяошу»*. Запись свидетельствует, что традиция праздника еще не утвердилась окончательно: в записи названия 端五 употреблен 五 *у* ‘пятерка’ (наверное, в значении ‘пятый месяц’) вместо 午 *у* ‘полдень’. Обрядовое блюдо указывается 角黍 *цзяошу* (‘рогатое просо’), а не более привычное *цзунцзы*.

В «Продолжении “Записок Ци Се”» (續齊諧記, «Сюй Ци Се цзи», 510–520 гг.) У Цзюня говорится, что в пятый день пятого месяца цзунцзы с листьями мелии и нитями пяти цветов бросали в воду, чтобы защититься от водного дракона: 「屈原五月五日投汨羅而死，楚人哀之，每至此日，竹筒貯米，投水祭之，漢建武中，長沙歐回，白日忽見一人，自稱三閭大夫。謂曰：君當見祭甚善，但常所遺，苦蛟龍所竊，今若有惠，可以楝樹葉塞其上，以五采絲縛之，此二物蛟龍所憚也。固依其言，世人作粽，并帶五色絲及楝葉，皆汨羅之遺風也。」[10] – *«Цюй Юань в пятый день пятого месяца бросился в воды реки Мило и погиб. Чусцы скорбят по сей день, в качестве жертвы они бросают в воду бамбуковые трубочки с рисом. Во времена Цяньу династии Хань в г. Чанша Оу Хуэй средь бела дня внезапно увидел человека, который представился как Сановник трёх усадеб (Саньлю дафу). Он сказал: “Твои подношения очень хороши, но водяной дракон их ворует. Если ты хочешь мне помочь, можно*

накрыть подношения листьями мелии и перевязать шелковыми нитями пяти цветов, так как этих двух вещей водяные драконы боятся". Последовав его совету, люди стали делать цзунцзы, используя листья мелии и разноцветные нити, что стало обычаем на реке Мило».

В сочинении следующей династии Суй (581–618) отмечается, что праздник лодок-драконов и приготовление *цзунцзы* сначала появились на юге. В «Юйчжу баодянь» (玉燭寶典, «Сокровищница сведений нефритового светильника») этого времени обращается внимание, что в песнях царства У говорится: 「五月节蔬生四五尺缚作九子糉计止南方之事遂复远流北土」 [11] – *«В праздник пятого месяца, рис-гу вырастает высотой в четыре или пять чи, [им] обвязывают цзюцзыцзун, [это] считается только южной традицией, которая затем распространилась и на севере»*. В сочинении также указывается: 「南方民又競渡世謂屈汨羅之日並撤楟之在北舳艫既少乾有此事」 [11] – *«На юге есть лодочные соревнования, которые посвящены утоплению Цюй Юаня в реке Мило, на севере такое встречается редко»*. Как видим, праздник стал прочно ассоциироваться с именем Цюй Юаня и обычаями южного региона, возможно, бывших чуских земель.

С эпохи Тан (618–907 гг.) Дуаньу в основном сохраняется в том виде, каким он был в период Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий. Можно отметить, что записей об этом празднике появляется все больше. Они касаются разных аспектов: защиты от вредных поветрий, соревновательных мероприятий, в первую очередь связанных с драконьими лодками, обычаев поминовения предков, ритуальных блюд и мн. др.

Как следует из письменных источников эпохи Чжоу, изначально маркирован был средний летний месяц – время летнего солнцестояния и дисбаланса сил Инь и Ян. В официальных текстах проводится идея о влиянии поведения благородного мужа на состояние космоса, что, по-видимому, было связано с чжоускими традициями.

Название *Дуаньуцзе*, описание основного ритуального действия (соревнований на лодках-драконах), главного обрядового блюда *цзунцзы* появляются в текстах Шести династий. Именно в это время формируются основные обычаи и ритуалы, многие из которых дошли до наших дней. Их истоки – в древних традициях бассейна Янцзы, связанных с культурой возделывания риса. В сочинениях династии Суй обращается внимание, что самые важные праздничные обряды и обычаи родились на юге. Возможно, еще во времена Хань под влиянием конфуцианства дух риса, которому и были посвящены древние ритуалы южан, стал ассоциироваться с разными историческими личностями, но главным образом, с Цюй Юанем.

Библиографические ссылки

1. 史應勇 禮記鄭王比義發微/史應勇//經學史研究叢刊. – 2022 年.

2. 禮記 [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/liji/yue-ling (date of access: 20.04.2024).

3. 庄雅州. 夏小正月令異同論. 孔孟月刊. – 1983 年，頁15–23. // [Electronic resource] URL: // https://tpl.ncl.edu.tw/NclService/ (date of access: 15.03.2024).

4. 大戴禮記 [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/da-dai-li-ji/ (date of access: 18.04.2024).

5. *Сыма Цянь.* Исторические записки : Ши цзи : [В 9 т.] : Т. VII. / Пер. с кит., предисл. Р. В. Вяткина, коммент. Р. В. Боткина, А. Р. Вяткина. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996.

6. 史記索隱 [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=965748&searchu (date of access: 21.04.2024).

7. *Клементьева Т. В.* За что и как нужно критиковать поветрия и обычаи: о связи государства, морали и обычаев в трактате Ин Шао «Фэн су тун и» [Видео] // Большой востоковедный семинар Laboratorium Orientale. СПб. : НИУ ВШЭ. 2022.

8. 論衡 [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/lun-heng/ (date of access: 18.04.2024).

9. 風土記 [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/text.pl?node=540553 (date of access: 18.04.2024).

10. 續齊諧記 [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/library.pl?if=gb&remap=gb&file=220724&page=21& (date of access: 18.04.2024).

11. 玉燭寶典 [Electronic resource] // 中國哲學書電子化計劃. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=260380&remap=gb#p65 (date of access: 18.04.2024).

РАЗДЕЛ III
ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА СТРАН ВОСТОКА

ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ДВОРА В СТИХОТВОРЕНИЯХ ЛИ ЦИНЧЖАО

А. А. Аксёнчикова-Бирюкова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
ул. Советская, 108, 246053, г. Гомель, Беларусь, angelaleks99@mail.ru

В статье исследуется пространственный образ двора в некоторых поэтических произведениях китайской поэтессы эпохи Сун Ли Цинчжао. Рассматривается использование поэтессой данного образа в разные периоды ее творчества. Анализируются особенности применения Ли Цинчжао образа двора для выражения ее мыслей, жизненного опыта, эмоционального состояния.

Ключевые слова: китайская классическая поэзия; Ли Цинчжао; пространство; двор.

LEXICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A COURTYARD IN THE POEMS OF LI QINGZHAO

A. A. Aksenchikova-Biryukova

Gomel State University named after. F. Skaryny,
st. Sovetskaya, 108, 246053, Gomel, Belarus, angelaleks99@mail.ru

The article examines the spatial image of the courtyard in the poetic works of the Chinese poetess of the Song era, Li Qingzhao. The use of this image by the poetess in different periods of her work is considered. The features of Li Qingzhao's use of the image of the courtyard to express her thoughts, life experience, and emotional state are analyzed.

Keywords: Chinese classical poetry; Li Qingzhao; space; courtyard.

Внешнее пространство древнекитайской архитектуры – это своего рода переход, непрерывность и посредничество между пространством внутри здания и природным пространством. В литературном жанре *цы* пространство чаще всего предстает в виде образов, содержащих в себе мысли и эмоции поэта [1, с. 22].

Ли Цинчжао (1084–1151) была известной поэтессой на рубеже Южной и Северной династий Сун. Ее отец Ли Гэфэй был одним из последних четырех

ученых семьи Су, а мать – внучкой талантливого ученого Ван Гунчэня, обладавшего прекрасными литературными способностями. Живя в ученой семье и получив отличное домашнее воспитание, Ли Цинчжао преуспела в поэзии и была довольно знаменита в литературном мире того времени.

Выбор Ли Цинчжао пространства в ее произведениях в основном сосредоточен на будуаре и внутреннем дворе. Это связано с тем, что поэтесса жила здесь круглый год, и большая часть ее пространственного опыта приходилась на внутренние постройки.

В статье рассматривается образ двора в некоторых стихотворениях Ли Цинчжао. Согласно первому словарю иероглифов «Шовэнь цзецзы» (《说文解 字》), 庭 [tíng] – 即围墙里房屋和四周的空地组成的空间 – Двор – это пространство, состоящее из домов внутри стен и окружающего их открытого пространства.

Пространство в древней китайской литературе бессознательно несло в себе субъективные эмоции автора. Как часть жизненного пространства, двор представлял собой образ и объект, который часто появлялся в поэзии. Поскольку внутри двора много компонентов, при его описании слово «двор» зачастую не упоминалось, но внимание фокусировалось на объектах, находящихся в нем, таких как качели, растения [2, с. 31].

В раннем произведении Ли Цинчжао «Придержу-ка я качели» (《蹴罢秋千》) описывается состояние девушки после того, как она закончила кататься на качелях в собственном дворе. Оно отражает свободу подростковых лет поэтессы и показывает образ милой и энергичной девушки, которая услышала, что к ней в гости приедет будущий муж, хотела увидеть жениха, но из-за сложившегося этикета могла только подглядывать:

蹴罢秋千，起来慵整纤纤手。露浓花瘦，薄汗轻衣透。 / 见客入来，袜划金钗溜。和羞走，倚门回首，却把青梅嗅。 – *Перестала кататься на качелях и встала, чтобы выпрямить свои стройные руки. Роса густая, цветы тонкие, пот тонкий, а одежда легкая. / Когда входит гость, золотая заколка выскальзывает. Робко отошла, прислонилась к двери и оглянулась, нюхая зеленые сливы* [3, с. 3].

Хотя во всем произведении нет ни слова о дворе, слова 秋千 [qiūqiān] ‘качели’, 露 [lù] ‘роса’, 花 [huā] ‘цветок’, 门 [mén] ‘дверь’ свидетельствуют, что событие, описанное в стихотворении, произошло во дворе Ли Цинчжао. Пространство двора при этом не замкнуто, что указывает на радостное эмоциональное состояние героини.

В стихотворениях Ли Цинчжао двор представляет собой пространство, где женщины проводят большую часть своей жизни. Он несет в себе множество женских эмоций – счастливых или грустных.

В стихотворении «Подтаял последний снежок во дворе…» (《雪裏已知春信至》), написанном в счастливое время вскоре после свадьбы, поэтесса основное внимание уделяет цветению сливы во дворе, используя благородные и красивые цветы как метафору самой себя. Строки произведения передают уверенность автора, пространство двора при этом ничем не ограничено. Весь двор наполнен атмосферой радости и счастья. В частности, конкретно описываются яркость и влажность зимних слив в снегу, очарование полураскрывшихся цветков, естественная красота, принимающей ванну женщины:

雪里已知春信至。寒梅点缀琼枝腻。香脸半开娇旖旎。当**庭**际、玉人浴出新妆洗。 – *По снегу известно, что пришла весна, и зимнее цветение сливы усеяно красивыми ветвями. Ее ароматное лицо полуоткрыто и очаровательно.* ***Во дворе*** *красавица принимает ванну и смывает свежий макияж* [3, с. 44].

В позднем стихотворении «До чего же глубок этот двор!..» (《庭院深深深幾許》), созданном Ли Цинчжао после ее путешествия на юг, описана ситуация, когда весна возвращается на землю, а поэтесса живет одиноко, глядя на глубокий двор, беспокоясь о своей стране и родном городе, скучая по своим родственникам, грустно вздыхая:

庭院深深深几许？云窗雾阁常扃。柳梢梅萼渐分明。春归秣陵树，人老建康城。 – *Насколько* ***глубокий двор****? Павильон за окном окутан туманом. Ветви ивы, цветы сливы становятся более четкими. В начале весны деревья возвышаются, люди в Цзянькане старятся* [3, с. 66].

Три повторяющихся иероглифа 深 [shēn] ‘глубокий’, ‘темный’ дают возможность выразить поэтессе состояние изолированной и запертой души, чувство бесконечной тоски и беспомощности.

В стихотворении «Давно никого не видать во дворе…» (《蕭條庭院》), написанном поэтессой после того, как ее муж надолго уехал по служебным делам, выражено унылое настроение и обида покинутой женщины:

蕭條庭院，又斜風細雨、重門須閉。寵柳嬌花寒食近，種種惱人天氣。– ***Безжизненный двор****, снова дует ветер и идет дождь, нужно закрыть ворота. Ива распустилась, скоро праздник Цинмин, ненастная погода вызывает досаду* [3, с. 68].

Словосочетание 蕭條庭院 ‘безжизненный двор’ передает ощущение одиночества, отстраненности и уныния женщины. Закрытые ворота усиливают горечь безысходности, изолированности от внешнего мира.

Стихотворение «Кто, скажите, тот пышный японский банан…» (《窗前誰種芭蕉樹》 является поздней работой Ли Цинчжао, созданной, когда

поэтесса жила в одиночестве вдали от родных мест. В нем большое внимание уделено образу бананового дерева, растущему во дворе:

窗前誰種芭蕉樹？**陰滿中庭。陰滿中庭**，葉葉心心、舒捲有餘情。– *Кто посадил перед окном японский банан?* ***Средний двор в тени***, ***средний двор в тени***. *Листья постоянно тянутся, как мысли, то сворачиваются, то разворачиваются, любовь переполняет* [3, с. 88].

В китайских литературных произведениях бананы часто ассоциировались с меланхолией, так как чем больше листьев на банановых деревьях, создающих тень, тем тоска автора становилась более тяжелой. В данном стихотворении поэтесса, описывая пышные и высокие банановые деревья, дважды повторяет выражение 陰滿中庭 [Yīn mǎn zhōngtíng] ‘средний двор в тени’, что подчеркивает глубокую тоску автора.

Стихотворение «Весенний закат» (《春暮》) изображает образ молодой женщины, одиноко живущей в будуаре:

帝里春晚，重门**深院**。草绿阶前，暮天雁断。楼上远信谁传，恨绵绵。 *– В столице Новый год,* ***в глубококом дворе*** *закрыты двери. Перед ступенями зеленый цвет, вечером в небе летит гусь. Кто на башне письмо передаст? Беспрерывно досадую* [3, с. 28].

Праздник весны создает контраст с тоской и уединением замкнутого пространства большого двора, аскетично закрытого для веселья. Поэтесса остается одна во дворе в это оживленное и радостное время, не имея возможности сблизиться с природой и встретиться с мужем.

Пространственный образ внутреннего двора в стихотворениях Ли Цинчжао дает возможность автору передать сложнейшие эмоциональные состояния, выразить тоску, обиду и боль одиночества, мысли о родине и стремление вернуть утраченную землю.

Библиографические ссылки

1. *罗哲文， 王振复主编.* 中国建筑文化大观. 北京： 北京大学出版社， 2001.

2. *梁丽.* 宋词中的庭院意象研究：[硕士学位论文].广西：广西师范大学文学院/新闻与传播学院，2015. 62 页.

3. Complete Ci-Poems of Li Qingzhao / Jiaosheng Wang. UPP, 1989.

О КОРПУСЕ КАК ОБ ИНСТРУМЕНТЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИВРИТА: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПОТЕНЦИАЛ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

М. Е. Алексеева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 11, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
m.e.alekseeva@spbu.ru

Статья анализирует накопленный опыт использования корпусных инструментов и методик для изучения современного иврита. Автор классифицирует существующие корпуса, указывая, с одной стороны, на ограничения, а с другой, на потенциал их использования при решении различных лингвистических и прикладных задач. Рассматривается также опыт создания корпусов и результат применения квантитативных методов в синтаксических исследованиях.

Ключевые слова: корпус; корпусный анализ; современный иврит; синтаксис.

CORPUS AS A TOOL FOR STUDYING MODERN HEBREW: LIMITATIONS AND POTENTIAL IN THE DIGITAL AGE

M. E. Alekseeva

St Petersburg University,
Universitetskaya embankment, 11, 199034, Saint-Petersburg, Russia,
m.e.alekseeva@spbu.ru

The article analyzes the experience of using corpus tools and techniques for studying Modern Hebrew. The author classifies existing corpora, pointing out, on the one hand, the limitations, and on the other, the potential for their use in solving various linguistic questions as well as practical issues. The experience of creating corpora and the result of using quantitative methods in syntactic research are also considered.

Keywords: corpus; corpus analysis; Modern Hebrew; syntax.

The use of corpus tools and automated data analysis methods is gradually becoming more and more popular in modern linguistic research. The undoubted advantage of the corpus-based method is that such research is always “based on recorded speech samples, and not on made up examples, on segments of texts linked by certain semantic relationships, and not on isolated sentences” [1, p. 10]. Thus, corpus analysis makes it possible to identify relevant factors with greater efficiency and statistically assess the strength of their influence on the choice of a particular linguistic expression [2, p. 120–121].

Corpus analysis, for various reasons, is most actively used for studying major European and some oriental languages (in particular, English, Spanish, Chinese, Arabic and Japanese). However, in the last two decades, the number and volume of other languages corpora, including Modern Hebrew, has also rapidly increased. On the SketchEngine platform (sketchengine.eu) alone, users can access twelve Modern Hebrew corpora, some of which are available in multiple versions.

The goal of this article is to demonstrate the potential of corpus analysis for solving various theoretical and applied problems in linguistic research using the Modern Hebrew data, as well as to point out some limitations in using such technologies.

The issues involving the processing of natural languages that differ significantly from the Central European standard were demonstrated by many authors. For Hebrew, they were comprehensively described by Sh.Wintner in 2004 [3]. Among them, the phonological and morphological ambiguity of the Hebrew text, the problem of multiple interpretations of the syntactic structure and the variability of text division. Together with the relatively small number of speakers these factors slow down the development of Hebrew-based corpora and other resources significantly.

However, over the past twenty years, due to the efforts of researchers [4, 5, 6, etc.] and technological advances, the range of Hebrew-language corpora has been expanding, and the tools for quantitative analysis continue to improve constantly.

Currently, there exist both general (Hebrew General Corpus [7], 150 million words) and specialized corpora for various tasks: corpora of spoken Hebrew (Corpus of Spoken Israeli Hebrew [8] (18 hours), Map Task Corpus of the Open University of Israel [9] (32 units), Haifa Corpus of Spoken Hebrew [10]), Internet corpora (heTenTen21 [11] (2.7 billion words)), literary corpora (Gutenberg Corpora 2020 [12] (158 thousand words), Hebrew Drama Corpus [13] (950 thousand words)), corpus of children's speech CHILDES Hebrew Corpus [14] (807 thousand words), as well as parallel corpora (for example, Hebrew Translation Corpus [15] (1.1 million words)).

Among the listed there are both annotated and non-annotated corpora. Spoken language corpora, such as the Map Task Corpus [9], in particular require a complex tagging system [16], while for the multi-billion heTenTen21 Internet corpus [11] even the annotation does not completely disambiguate the contexts.

Despite some of the limitations that working with such corpora impose on researchers, corpus analysis is gradually becoming common practice among researchers of Modern Hebrew. Spoken language corpora are especially widely used [for example, 17, 18]. Using different corpora studies focus on lexical stress patterns [16], discourse markers [19, 20, 21] and aspectual tense system

of the verb in spontaneous speech [22], as well as stylistic features and discourse strategies in written text [23], and many other relevant and diverse topics.

Automated systems for extracting data from large text corpora are successfully used not only to study phonology, lexicon and morphology, but also the syntax of Modern Hebrew.

In particular, the author conducted a study of asymmetric object marking for Modern Hebrew, based on two research corpora constructed for this particular task: Hebrew Objects General Corpus (HOG corpus) and Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT Corpus), with a total volume of about 101 thousand words. The dataset for these corpora was based on the annotated version of the heTenTen21 Internet corpus [11]. The fact that the aforementioned corpus provided general Part-of-Speech tagging, as well as was specifically annotated for Hebrew (NNT (Construct state noun), AT (Accusative marker ’et), POS (Possessive preposition šel and accusative marker ’et with a pronominal suffix), DEF (Definiteness marker a -), etc.), made it possible to automatically sort and categorize contexts that are most relevant to the objectives of the study, resorting to manual sorting only at the later stages.

The first research corpus, called the Hebrew Objects General Corpus (HOG corpus), with a volume of about 52 thousand words, was constructed from randomly selected contexts, in which O-participant is present in the transitive clause, from the online corpus of Modern Hebrew, Hebrew Web 2021 (heTenTen21) [11]. The main objectives of this corpus were to form a general picture of the use of accusative constructions in Modern Hebrew (by identifying the main types of marked and unmarked objects) and to identify the correlation between the marking strategy and the definite/indefinite status of the referential expression encoding the O-participant of the situation, as well as to record cases when marking within any particular type of referential expression is optional. A total of 1,313 transitive clauses with two participants were found in the HOG corpus.

The second research corpus, the Hebrew Objects Targeted Corpus (HOT corpus), approximately 49 thousand words in volume, included 1,205 two-participant transitive clauses randomly selected from the heTenTen21 corpus. Unlike the HOG corpus, the HOT corpus consisted only of contexts with the types of referential expressions that exhibited the optional object marking in the HOG corpus.

Both research corpora were manually tagged according to 11 parameters. Tagging for parameters associated with the information status of the referent was based on the author's interpretation of the contexts under consideration.

The author’s analysis of statistical data from two research corpora of Modern Hebrew made it possible to identify additional discourse-pragmatic factors that licensed object marking of an asymmetrical type, previously not considered in the scientific literature in relation to Modern Hebrew [24]. Therefore, corpus analysis

was instrumental in carrying out this study in order to identify relevant factors of object marking in Hebrew, based on large quantity of data.

The results of this and similar studies can be used not only for further research, but for both teaching Modern Hebrew and for programming various automated systems that include Hebrew text to improve the accuracy of the information presented. Considering the rapid development of Hebrew-language corpora over the past 20-30 years, as well as the emergence of the rapidly developing technology of artificial intelligence in recent years, we can surmise that corpus-based research of Modern Hebrew will continue to develop, and perhaps the development vector will shift towards combining corpus technologies and AI.

References

1. *Voyeykova M.D.* Vvedeniye. Peterburgskaya shkola funktsional'noy grammatiki: istoriya, sovremennoye sostoyaniye i napravleniya razvitiya [Introduction. St. Petersburg school of functional grammar: history, current state and directions of development] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. 2015. No.1. P. 7–21.

2. *Lyutikova Ye.A., Tsimmerling A.V., Ron'ko R.V.* Differentsirovannoye markirovaniye argumentov: morfologiya, semantika, sintaksis [Differential marking of arguments: morphology, semantics, syntax] // Voprosy yazykoznaniya. 2016. No. 6. P. 113–127.

3. *Wintner Sh.* Hebrew Computational Linguistics: Past and Future // Artificial Intelligence Review. 2004. No. 21. P. 113–138.

4. *Goldberg Y., Elhadad M.* Word Segmentation, Unknown-word Resolution, and Morphological Agreement in a Hebrew Parsing System // Computational Linguistics, 2013. No. 39(1). P. 121–160.

5. *Yona Sh., Wintner Sh.* A Finite-State Morphological Grammar of Hebrew // Proceedings of the ACL Workshop on Computational Approaches to Semitic Languages, Ann Arbor, Michigan. Association for Computational Linguistics. 2005. P. 9–16.

6. *Bar-Haim R., Sima'an K. and Winter Y.* Part-of-speech tagging of Modern Hebrew text // Natural Language Engineering, 2008. No. 14(2). P. 223–251.

7. Hebrew General Corpus [Electronic resource]. URL: https://www.sketchengine.eu/hebrewgc-hebrew-general-corpus/ (date of access: 23.06.2024).

8. CoSIH: The Corpus of Spoken Israeli Hebrew [Electronic resource]. URL: https://cosih.com/ (date of access: 23.06.2024).

9. Map Task Corpus of the Open University of Israel [Electronic resource]. URL: https://www.openu.ac.il/en/academicstudies/matacop/pages/default.aspx (date of access: 23.06.2024).

10. Haifa Corpus of Spoken Hebrew [Electronic resource]. URL: https://cris.haifa.ac.il/en/publications/the-haifa-corpus-of-spoken-hebrew (date of access: 23.06.2024).

11. Hebrew Web Corpus (heTenTen) [Electronic resource]. URL: https://www.sketchengine.eu/hetenten-hebrew-corpus/ (date of access: 23.06.2024).

12. Gutenberg Corpora 2020 [Electronic resource]. URL: https://www.sketchengine .eu/gutenberg-corpora-2020/ (date of access: 23.06.2024).

13. Hebrew Drama Corpus [Electronic resource]. URL: https://www.sketchengine.eu/ dracor-drama-corpora/ (date of access: 23.06.2024).

14. CHILDES Hebrew Corpus [Electronic resource]. URL: https://childes.talkbank.org/ (date of access: 23.06.2024).

15. Hebrew translation corpus [Electronic resource]. URL: https://www.sketchengine.eu /hebrew-translation-corpus/ (date of access: 23.06.2024).

16. *Silber-Varod V., Khorshidi N., Levi L., & Amir N.* The Influence of lexical stress on formant values in spontaneous Hebrew speech. In: The Scottish Consortium for ICPhS 2015 (Ed.), Proceedings of the 19th International Congress of Phonetic Sciences. Melbourne 5–9 August 2019.

17. *Bar-Aba E. B.* Towards a Description of Spoken Hebrew. Hebrew Studies. 2005. № 46. P. 145–167.

18. *Izre'el Sh.* The Basic Unit of Language: A View from Spoken Israeli Hebrew Lecture given at the International Workshop on Afroasiatic Languages, Tsukuba University, March 1-2, 2010 [Electronic resource]. URL: https://www.tau.ac.il/~izreel/ publications/BasicUnitsTsukuba2010.pdf (date of access: 23.06.2024).

19. *Maschler Y.* Discourse markers at frame shifts in Israeli Hebrew talk-in-interaction // Pragmatics. 1997. № 72. P. 183–211.

20. *Maschler Y.* The role of discourse markers in the construction of multivocality in Israeli Hebrew talk-in-interaction // Research on Language and Social Interaction. 2002. № 35. Pp. 1–38.

21. *Gonen E., Zohar L., Noam A.* The Discourse Marker axshav ('now') in Spontaneous Spoken Hebrew: Discursive and Prosodic Features // Journal of Pragmatics. 2015. № 89. P. 69–84.

22. *Dekel N.* A matter of time: tense, mood and aspect in spontaneous Spoken Israeli Hebrew. [Thesis, fully internal, Universiteit van Amsterdam]. 2010. [Electronic resource]. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/1041346/77515_thesis.pdf

23. *Weizman E.* Explicitating Irony in a Cross-Cultural Perspective: Discursive Practices in Online Op-eds in French and in Hebrew // Contrastive Pragmatics. 2023. № 4. P. 437–465.

24. *Alekseeva M.Ye.* Odushevlennost' i referentsial'nyy status kak faktory asimmetrichnogo ob"yektnogo markirovaniya v sovremennom ivrite (na primere voprositel'nykh i otnositel'nykh mestoimeniy) [Animacy and referential status as factors of asymmetrical object marking in Modern Hebrew (on the example of interrogative and relative pronouns)]// Litera. 2023. № 6. P. 210–220.

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ОБЪЕКТА В КОНСТРУКЦИЯХ С ДИНАМИЧЕСКИМИ ГЛАГОЛАМИ НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА ГАЗЕТЫ «HAARETZ»

М. Е. Алексеева[1)], **А. А. Щигорева**[2)]

[1)] *Санкт-Петербургский государственный университет,*
Университетская набережная, 11, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
m.e.alekseeva@spbu.ru

[2)]*Санкт-Петербургский государственный университет,*
Университетская набережная, 11, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
st088122@student.spbu.ru

Данная статья посвящена вопросу падежного оформления объекта в современном иврите. В качестве материала исследования используется под-корпус газеты «Haaretz» корпуса heTenTen21, размещенного на платформе Sketch Engine (sketchengine.eu). На основе корпусных данных рассмотрены способы маркирования объекта в конструкциях с динамическими глаголами, проанализированы факторы, влияющие на выбор падежного оформления объекта, приведены статистические данные по исследованию.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта (ДОМ); корпусный анализ; современный иврит.

OBJECT MARKING FEATURES IN ACTUAL VERB CONSTRUCTIONS BASED ON THE 'HAARETZ' NEWSPAPER CORPUS DATA

M.E. Alekseeva[1)], **A.A. Shchigoreva**[2)]

[1)] *St Petersburg University,*
Universitetskaya embankment, 11, 199034, Saint-Petersburg, Russia,
m.e.alekseeva@spbu.ru

[2)]*St Petersburg University,*
Universitetskaya embankment, 11, 199034, Saint-Petersburg, Russia,
st088122@student.spbu.ru

This article studies the issue of object case marking in Modern Hebrew. Research data was collected from the "Haaretz" newspaper sub-corpus of the heTenTen21 corpus on the Sketch Engine platform (sketchengine.eu). Based on corpus data, different ways of encoding objects in actual verb constructions are considered, factors influencing the choice of case marking are analyzed, and statistical data is presented.

Keywords: differential object marking (DOM); corpus analysis; Modern Hebrew.

Под дифференцированным маркированием объекта (ДОМ) в современной лингвистической науке понимается «расщепленное кодирование пациентивного участника ситуации, выражаемого именной группой (ИГ) в позиции прямого дополнения, в зависимости от семантических и прагматических свойств этого участника или всей ситуации в целом» [1, с. 42]. Данному явлению посвящена обширная литература, включающая различные аспекты синтаксиса, семантики, морфологии и социолингвистики, многие работы западных исследователей охватывают эту область, в том числе работы [2; 3; 4; 5].

Данное исследование посвящено изучению дифференцированного маркирования объекта в конструкциях с динамическими глаголами в современном иврите. Опираясь на широкую научную базу исследований, в том числе, используя методологию анализа вариативности объектного маркирования, предложенную в работе израильского лингвиста Р. Халеви [Халеви 2004], авторы ставят несколько целей: продемонстрировать влияние различных факторов на оформление пациентивного участника ситуации в современном иврите с помощью предлогов *’et* и *be-*, а также попытаться ранжировать влияние этих факторов на примере конструкций с динамическими глаголами на материале корпусных данных. В качестве материала исследования, позволяющего сделать предварительные выводы о вариативности объектного маркирования в письменной речи, в работе используется под-корпус газеты *«Haaretz»* корпуса *heTenTen21,* размещенного на платформе Sketch Engine (sketchengine.eu).

Согласно грамматическим описаниям современного иврита (см., например, [8]) падежное оформление объекта может быть выражено посредством предлогов *’et, al, be-, mi-, le-* и пр. Настоящее исследование рассматривает вариативность использования предлогов *’et, be-* и нулевого маркера при оформлении аккузатива. Вопрос о факторах, влияющих на выбор способа оформления прямого объекта, поднимается, в частности, в исследованиях Р. Халеви. В работах, посвященных падежному оформлению объекта [6; 8], она предлагает рассматривать следующие параметры вариативности: категория субъекта, вовлеченность объекта в событие, контакт между агенсом и пациенсом, роль объекта в предложении, тип ситуации, вид глагола. Р. Халеви предполагает, что вариативность предлогов *’et* / *be-* не зависит ни от референциального статуса ИГ [Падучева 2010], ни от семантического класса глагола [11], но зависит от абстрактного значения структурного фрейма – «знания, которое ассоциировано с концептом, представленным тем или иным словом» [12], [9, с. 80]. Влияние последнего фактора можно проиллюстрировать следующими примерами из рассматриваемого корпуса:

(1) Shney ceirim **hiku oto** leaxar wid’u ki hu arabi.

Два молодых человека **избили его** после того, как подтвердили, что он араб.

(2) Pit'om **hiketa bi** hahakara.
Внезапно это осознание **поразило меня**.

(3) Im haiti ozer la, hayu **horgim** gam **oti**.
Если бы я помог ей, они **убили** бы и **меня**.

(4) Laxen lekoxot habitaxon mutar **laharog beoyevenu**.
Поэтому силам безопасности позволено **убивать наших врагов**.

В примерах (1) и (2) рассматриваются конструкции с глаголом «*hika*» [«ударять, поражать»], который предполагает тесный контакт между агенсом и пациенсом. Согласно данным, зафиксированным в корпусе, параметры, предложенные Р. Халеви, распределяются следующим образом. В конструкциях, где объект оформлен предлогом *'et*, в 98,82% примеров объект независим от глагола, в 95,3% случаев объект является пассивным, в 94,12% примеров контакт между агенсом и пациенсом не маркирован, а глагол употребляется в прямом значении. В 89,41% примеров субъектом выступает человек. При анализе конструкций с данным предлогом, было выявлено, что объект чаще используется в конкретных ситуациях (84,71%) и описывает определенную фазу события в 74,12% контекстов.

В конструкциях с предлогом *be-* контакт между агенсом и пациенсом интенсивный в 87,5% примеров, объект вовлечен в событие в 83,93% примеров и независим от глагола в 82,14%. Объект, выраженный посредством предлога *be-*, чаще встречается в конкретных ситуациях (в 76,79%), где засвидетельствована определенная фаза события (в 71,43%). Субъект является абстрактным в 58,93%, глагол может использоваться как в прямом (50%), так и в переносном (50%) значении (реализуется метафорическое прочтение).

Примеры (3) и (4) иллюстрируют оформление объекта в конструкциях с глаголом «*harag*» [«убивать»], который также подразумевает тесный контакт между агенсом и пациенсом. Согласно корпусным данным, относительно данного глагола параметры распределяются следующим образом. В конструкциях, где объект оформлен предлогом *'et*, в 97,56% примеров объект независим от глагола, в 95,12% примеров засвидетельствовано пассивный объект, контакт между агенсом и пациенсом немаркирован, глагол употребляется в прямом значении, в 93,9% примеров описана определенная фаза события, в 90,24% описана конкретная ситуация, а субъектом выступает человек.

В конструкциях с предлогом *be-* субъектом всегда выступает человек (100%), объект является пассивным, контакт между агенсом и пациенсом немаркированный, объект независим от глагола, глагол используется в прямом значении и отражает конкретную ситуацию. В 66,67% примеров

глагол с данным предлогом употребляется для отражения процесса, который может длиться бесконечно.

Таким образом, корпусные данные газеты *«Haaretz»* подтверждают гипотезу Р. Халеви о том, что помимо распространенных способов кодирования объекта (референциальный статус ИГ, одушевленность, тема-рематический статус, линейная позиция прямого дополнения в высказывании, вес ИГ, глагольный аспект, значение партитивности) [1, с. 43] существуют дополнительные параметры, влияющие на вариативность оформления объекта. Семантическая группа глагола, референциальный статус ИГ, одушевленность, определенность и другие параметры, характерные для ДОМ в целом, не являются определяющими для выбора оформления в паре *’et* / *be-*. Так, вариативность оформления объекта с помощью данных предлогов засвидетельствована в конструкциях с глаголами разных семантических групп, референциальный статус ИГ варьируется и не является устойчивым показателем при выборе предлога, также как и факторы одушевленности и определенности.

Новые данные в изучении дифференцированного объектного маркирования в современном иврите, возникающие с учетом дополнительных, ранее не рассматривавшихся параметров, а также, методика анализа, построенная на применении корпусных инструментов, представляют интерес для современной лингвистической науки и требуют дальнейшего исследования.

Библиографические ссылки

1. *Коношенко М. Б.* Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке [Электронный ресурс] // Труды ИЛИ РАН. Т.5, часть 2. СПб., 2009. С. 42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/differentsirovannoe-markirovanie-obekta-v-kalmytskom-yazyke/viewer (дата обращения: 17.04.2024).

2. *Haspelmath M.* Explaining Syntactic Universals. Universals of Differential Case Marking [Electronic resource]. 2005. URL: http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/2.DiffCaseMarking.pdf (date of access: 10.02.2024).

3. *Hopper P. J., Thompson S. A.* Transitivity in Grammar and Discourse // Language, 56. 1980. P. 251-299.

4. *Moravcsik E.* On the Case Marking of Objects // Greenberg J. (ed.). Universals of Human Language, vol.4: Syntax. Stanford (California): Stanford University Press. 1978. P. 249–290.

5. *Comrie B.* Subjects and Direct Objects in Uralic Languages: a Functional Explanation of Case-Marking Systems // Etudes finnoougriennes. XII. 1975. P. 1–17.

6. *Halevy R.* Transitive verbs in Hebrew with ’et/be- (ACC/oblique case) alternation. Режим доступа: (PDF) Transitive verbs in Hebrew with ‘et/be- (ACC/oblique case) alternation (researchgate.net). [in Hebrew] 2004. P. 31–64.

7. Sketch Engine [Electronic resource]. URL: http://www.sketchengine.co.uk (date of access: 15.03.2024).

8. *Glinert L.* The Grammar of Modern Hebrew // Cambridge University Press. 1989.

9. *Halevy R.* Transitive verbs with non-accusative alternation in Hebrew: Cross-language comparison with English, German and Spanish // Conference: SLE. 2001. P. 61–101.

10. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. Москва: Изд. ЛКИ, 2010.

11. *Bolinger D.* Entailment and the meaning of structures // Glossa 2. 1968. P. 119–127.

12. *Fillmore C., Atkins B.T.* Towards a Frame-based organization of the lexicon: the semantics of RISK and its neighbors. In A. Lehrer & E. Kittay (eds.) Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization. Erlbaum. 1992. P. 75–102.

О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ НЕЧИСЛОВОЙ КВАНТИТАТИВНОСТИ В ВЭНЬЯНЕ

Л. Л. Банкова

Московский городской педагогический университет,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226, г. Москва, Россия, BankovaLL@mgpu.ru

Описанное в работе исследование выражения последовательности с помощью нечисловой квантитативности в вэньяне проводилось в рамках четырех периодов развития китайского языка. На протяжении всего развития вэньяня показатель порядковости находится в препозиции к маркируемой лексеме. В древнекитайском ранжирующие комплекты наиболее многокомпонентные, а их вариативность наиболее широкая в среднекитайском периоде. В новокитайском периоде происходит унификация способов нечислового ранжирования.

Ключевые слова: квантитативность в китайском языке; вэньянь; китайские числительные; ранжирование; китайские порядковые числительные.

METHODS OF EXPRESSING ORDER BY MEANS OF NON-NUMERICAL QUANTITATIVENESS IN CLASSICAL CHINESE (WENYAN)

L. L. Bankova

Moscow City University,
Vtoroy Selskohoziajstvenny proezd, 4, 129226, Moscow, Russia, BankovaLL@mgpu.ru

The study of the expression of sequence using non-numerical quantitativeness in Classical Chinese (wenyan) described in this paper was carried out within the framework of four periods of development of the Chinese language. Throughout the entire development of wenyan, the ordinal indicator is in preposition to the marked word. In Ancient Chinese, ranking sets are the most multi-component, and their variability is the widest in the Middle Chinese period. In the Modern Chinese period, non-numerical ranking methods were unified.

Keywords: quantitativeness in Chinese; Classical Chinese (wenyan); Chinese numerals; ranging; Chinese ordinal numbers.

Исследование вэньяня в отечественной синологии характеризуется неослабевающей актуальностью. Выражение квантитативности в диахроническом аспекте ранее не было освещено в трудах отечественных китаеведов, поэтому данная работа имеет целью восполнить обозначенный пробел, описав обозначение последовательности посредством нечисловой квантитативности. Исследование проводится в рамках периодизации,

предложенной в [1], а его материалом послужили такие произведения, как «Ханьшу» [2], «Комментарий Цзо к “Чунь цю”» [3], «Шицзи» [4], «Шаншу» [5], «Планы сражающихся царств» [6], «Мэнцзы» [7], «Луньюй» [8], «Математика в девяти книгах» [9] и др. (названия произведений на русском языке даны по [10; 11]).

В древнекитайском языке для передачи значения ‘первый’ использовались такие лексические средства, как 太上, 上, 甲, 冠 [12, с. 100]. Для передачи значения ‘второй’ и ‘третий’ употребляли 其次 ‘затем, далее; во-вторых; быть на втором (следующем) месте; второй, следующий; второе место’, 次之 ‘быть на втором месте, следовать за...; быть ниже; уступать’ и 次 ‘последующий, второй’ [4, с. 100], а также 再, 下, 又 в тех же функциях [12, с. 100–101], [13, с. 8]. Проиллюстрируем данные положения примерами:

[石]奋长子建，**次**子甲，**次**子乙，**次**子庆，皆以驯行孝谨，官皆至二千石。 (司马迁 《史记•万石张叔列传》) [ИЗ] Старшего сына [Вань] Фэна звали Цзянь, следующего сына Цзя, еще одного – И, а последнего – Цин. Все его сыновья отличались прекрасным поведением и сыновним послушанием, и все они дослужились до постов с жалованьем в две тысячи даней. (Сыма Цянь «Исторические записки. Жизнеописание Вань Ши и Чжан Шу»)[1].

一鼓作气，**再**而衰，三而竭。 (左丘明 《左传•庄公十年》) [3] Первый барабанный бой в лагере противника перед сражением поднял у него дух, при втором его дух стал ослабевать, а при третьем и вовсе иссяк (Цзо Цюмин «Комментарий Цзо к “Чунь цю”. Десятый год [правления] Чжуангуна») (здесь и далее перевод наш, если не указано иное – Л. Б.).

Последние три лексических средства 再, 下, 又 сохранились и в современном китайском языке. Выражение 再而衰 сейчас означает 第二次击鼓 ‘ударить в барабан второй раз’. Также в наше время 再 является наречием со значением повторяющегося действия (我看到他们没听懂我的话， 不敢再说了。 如果你还不放心就再想想。 ‘Если ты еще не успокоился, подумай снова’) [14].

Кроме выше приведенных лексических средств обозначения порядка, зафиксированы другие ранжирующие комплекты этого периода развития языка, которые представлены ниже и имеют значения «первый», «второй», «третий» («четвертый», если есть):

- 大上……其次……其次……;
- 元……二……下……;
- 上上……上下……中上……中中……中下……下上……下中……下下…… ;

[1] Перевод Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца [18, с. 229].

●受上赏……受中赏……受下赏……;
●上……上次……中……中次……下……;
●上……次……其次……下……;
●太上……其次……其次……其次……其次……其次……其次……最下……;
●上之……次之……外之……下之……;
● 大豪……中豪……下豪…… [5; 7; 6; 8].

Еще одним средством выражения порядковости служили традиционные циклические символы Небесные стволы [15], система которых сложилась еще в период цзягувэнь:

令有先后，故有甲、令乙、令丙。 (班固 《汉书》) [2] Закон имеет [такую] структуру: первую, вторую и третью статью. (Бань Гу «Ханьшу»).

В среднекитайский период появились новые ранжирующие комплекты, некоторые из которых представлены двусложными показателями:

●初……次……次……次……;
●先……次……次……;
●前……中……后……;
●初……次……又……又……;
●上……中……竟……;
●上头……中央……要……;
●上起……中起……遍竟…… [9; 16].

В качестве иллюстрации данного положения приведем следующий пример:

初日织一寸三十一分寸之一十九，**次**日织三寸三十一分寸之七，**次**日织六寸三十一分寸之一十四， **次**日织二尺五寸三十一分寸之二十五。(《孙子算经》卷上) [16] В первый день соткали один цунь целый и девятнадцать долей цуня из дридцати одной, во второй день соткали три цуня и семь долей из тридцати одной, в третий день – шесть цуней и четырнадцать тридцать первых его долей, в четвертый – два чи и пять целых цуней и двадцать пять тридцать первых его долей («Математический трактат Суньцзы», первый том).

Продолжают функционировать для обозначения порядка перечисления циклические символы Небесные стволы:

甲得一奇钱六分钱之二，**乙**得一钱六分钱之一，**丙**得一钱，**丁**得六分钱之五，**戊**得六分钱之四。 (**刘徽** 《九章算术》) [9] Первый получает одну целую часть денег и две части денег из шести, второй – одну целую часть денег и одну шестую, третий – одну целую часть, четвертый – пять из шести, пятый – четыре из шести. (Лю Хуэй «Математика в девяти книгах»)

В новокитайский период наблюдается сокращение ранжирующих комплектов, и в современном периоде в основном используется тот, что пришел из древнекитайского (上 ‘первый’, 中 ‘второй’, 下 ‘третий’): 上册 ‘книга первая’, 中册 ‘книга вторая’, 下册 ‘книга третья’. Также в новокитайском и впоследствии в современном китайском языке сохранили свою функцию ранжирования циклические знаки Небесные стволы и Земные ветви.

Исследование показало, что выбор способа записи порядковости зависит от произведения. В структурном плане определяются следующие особенности. Показатель порядковости находится в препозиции к маркируемой лексеме. В древнекитайском языке ранжирующие комплекты наиболее многокомпонентные (встречаются восьмикомпонентные, а также пяти и шести). Однако в среднекитайском количество компонентов сокращается максимум до четырех. Преобладают трехкомпонентные комплекты. Древнекитайский и среднекитайский периоды развития языка характеризуются наличием большой линейки средств выражения порядковости, особенно в эпоху династии Тан. В новокитайском периоде их количество сокращается, что свидетельствует об унификации способов нечислового ранжирования.

В отличие от средств обозначения порядковости посредством числовой квантификации (т. е. с помощью числительных), нечисловые средства представления порядковости подходят для ранжирования ограниченного количества предметов или персон, как правило, не больше четырех. Зафиксированы смешанные комплекты, включающие как числовые (иероглифы-цифры обычного комплекта 小写 [17]), так и нечисловые средства выражения квантификации (元……二……下……).

Наиболее продуктивным комплектом нечислового способа обозначения квантитативности в вэньяне является ранжирующий комплект 上 ‘первый’, 中 ‘второй’, 下 ‘третий’.

Полученные результаты могут быть применены как при трактовке древних текстов, так и при их переводе на иностранные языки.

Библиографические ссылки

1. *Bankova L. L.* Diachronical Research of the Chinese Numerals: the Problem of Periodization // Current Issues in Modern Linguistics and Humanities. Moscow : RUDN University Press, 2020. P. 10–18.

2. *班固.* 汉书. = Бань Гу. Ханьшу. URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/book_40.aspx (дата обращения: 12.06.2024).

3. *左丘明*. 左传. = Цзо Цюмин. Комментарий Цзо к “Чунь цю”. URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/book_19.aspx (дата обращения: 12.06.2024).

4. *司马迁*. 史記. = Сыма Цянь. Исторические записки. URL: https://shiji.5000yan.com/ (дата обращения: 12.06.2024).

5. 尚 書 . = Шаншу. URL: http://www.360doc.com/content/18/0823/20/57852223_780682956.shtml (дата обращения: 12.06.2024).

6. 战国策 = Планы сражающихся царств URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/book_53.aspx (дата обращения: 12.06.2024).

7. 孟 子 . = Мэнцзы. URL: https://dushu.baidu.com/pc/reader?gid=4355208833&cid=1567916610 (дата обращения: 12.06.2024).

8. 论语. = Луньюй. URL: http://www.lunyu8.cn/ (дата обращения: 12.06.2024).

9. *刘 徽* . 九 章 算 术 . = Лю Хуэй. Математика в девяти книгах. URL: https://www.qidian.com/book/1033832404/?source=m_jump (дата обращения: 12.06.2024).

10. *Кондратова Т. И.* Литература Китая. Москва : Московский городской педагогический университет, 2020.

11. *Игнатенко А. В., Кондратова Т. И.* Введение в китайскую литературу: от древности до наших дней : учебник. Москва : Общество с ограниченной ответственностью "ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН", 2022.

12. *田有成, 曾鹿平*. 近代汉语数词表示法 // 延安大学学报 (社会科学版). 2000. №3(22). 页码: 99–101.

13. *陈复源*. 古汉语数词用法例说 // 中学教与学. 2001. №8. 页码: 8.

14. 北京语言大学汉语语料库. = Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета. URL: https://bcc.blcu.edu.cn/ (дата обращения: 12.06.2024).

15. *Банкова Л. Л.* Иероглифы комплектов Небесные стволы и Земные ветви в функции порядковых числительных в китайском языке // Вестник Пятигорского гос. ун-та. 2019. № 1. С. 91–94.

16. 孙 子 算 经 . = Математический трактат Суньцзы. URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/book_46653FD803893E4F5C0894B876A07CC5.aspx (дата обращения: 12.06.2024).

17. *Банкова Л. Л.* Комплект китайских обычных цифр “小写” // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С. 76–81.

18. *Сыма Цянь*. Исторические записки : Ши цзи. [В 9 т.]. Т. 8.; Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, А.Р. Вяткина и А.М. Карапетьянца. М. : Восточная литература, 2002.

СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТА БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ПРОШЕДШЕМ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

П. В. Гибкий

Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, pavel.gibkiy@bk.ru

Статья посвящена исследованию метасемантики и комбинаторики знаков алфавита синтаксиса 再 (zài), 又(yòu), 就 (jiù), полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le). Кроме того, установлено, что комбинация знака алфавита синтаксиса 再 (zài) и модальных частиц 了 (le), амплификатора 就 (jiù), знака алфавита синтаксиса 再 (zài) и модальной частицы 了 (le), полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le)**,** а также знаков алфавита синтаксиса 又 (yòu) и модальной частицы 了(le) является процедуральным синтаксическим средством создания эффекта будущего времени в прошедшем в китайском языке.

Ключевые слова: китайский язык, временные отношения, эффект будущего времени в прошедшем, знаки алфавита синтаксиса 再 (zài) и 又 (yòu), амплификатор 就 (jiù), полусуффикс 了 (-le), модальная частица 了 (le).

THE EFFECT OF FUTURE TENSE IN THE PAST CREATION BY A IN THE CHINESE LANGUAGE

P. V. Gibkij

Minsk State Linguistic University,
Zakharova, st. 21, 4, 220030, Minsk, Belarus, pavel.gibkiy@bk.ru

The article is devoted to the study of metasemantics and combinatorics of the syntax alphabet signs 再 (zài), 又(yòu), 就 (jiù), the semi-suffix 了 (-le) and the modal particle 了 (le). In addition, it has been revealed that the combination of the syntax alphabet sign 再 (zài) and the modal particles 了 (le), of the amplifier 就 (jiù), the syntax alphabet sign 再 (zài) and the modal particle 了 (le), of the semisuffix 了 (-le) and the modal particle 了 (le), as well as of the syntax alphabet signs 又 (yòu) and the modal particle 了(le) is a procedural syntactic means of the effect of the future tense in the past creation in the Chinese language.

Keywords: Chinese language, temporal relations, the effect of the future tense in the past, the syntax alphabet signs 再 (zài) and 又(yòu), the amplifier 就 (jiù), the semisuffix 了 (-le), the modal particle 了 (le).

В китайском языке нет словоизменения и морфологических показателей времени. Декларативно обозначать временные отношения могут лексические единицы либо их комбинации. Предложение также может

быть включено в контекст времени [1]. Кроме того, комбинацией знаков алфавита синтаксиса может создаваться эффект временных отношений (их процедуральное представление) [1]: эффект прошедшего времени [2], эффект настоящего времени [3] и эффект будущего времени [4], а также эффект будущего времени в прошедшем [1], который понимается как временной интервал, переносимый наблюдателем из прошедшего в будущее для облегчения ориентации в пространстве [1]. Под знаками алфавита синтаксиса (ЗАС) понимаются «вспомогательные средства синтаксиса, служащие для соединения составных частей языковых структур» [5, с. 20]. Данные языковые единицы не являются членами предложения [там же] и показателями времени.

Цель статьи – установить роль знаков алфавита синтаксиса китайского языка в создании эффекта будущего времени в прошедшем. В качестве материала исследования использованы предложения из корпуса китайского языка электронной версии Большого китайско-русского словаря [5]. Методологическая база исследования – комбинаторная семантика [1].

Рассмотрим метасемантику и комбинаторику знаков алфавита синтаксиса 再 (zài), 又 (yòu), 就 (jiù), 了 (-le) и 了 (le), приведём примеры из электронной версии Большого китайско-русского словаря [5]. По мнению А.Н. Гордея, 再 (zài) и 又 (yòu) обозначают итеративные (повторяющиеся) процессы. При этом 再 (zài) употребляется, когда процесс не завершён / не может быть завершён / произойти снова [1], а 又 (yòu) – когда процесс завершён или перешёл в состояние. Амплификатор 就 (jiù) также является знаком алфавита синтаксиса, может указывать на то, что процесс будет осуществлен практически сразу после момента речи, на то, что событие произойдет в указанное время, на быструю смену процессов в событии, последовательность процессов и др. Ниже представлены предложения, иллюстрирующие употребление ЗАС 再 (zài), 又 (yòu), 就 (jiù) в прошедшем, настоящем и будущем времени (табл. 2).

Таблица 1

Примеры употребление ЗАС 再 (zài), 又 (yòu), 就 (jiù) в прошедшем, настоящем и будущем времени

再 (zài)	又 (yòu)	就 (jiù)
1. *之后我们再也没见过他* (‘Больше мы его не видели ’). 2. *不要再增加了，已经差不多了* (‘Больше не надо	1. *我又来了，因为您第一次没有听我的话* (‘Я снова пришёл, так как в первый раз Вы меня не послушали’).	1. *他就要回来* (‘Он вот-вот вернётся’) – обозначение быстрой смены событий в предложении без обстоятельства времени.

再 (zài)	又 (yòu)	就 (jiù)
добавлять, уже достаточно’). 3. *不知几时咱们能再见面*! (‘Неизвестно, когда мы снова сможем увидеться’)	2. *你又要离开了吗？我喜欢你待在我身边* (‘Снова уходишь? А я люблю, когда ты здесь’). 3. *明天又是新的一天* (‘Завтра снова будет новый день’).	2. *明天就可以休息* (‘Завтра можно будет отдыхать ’) – указание на то, что процесс будет осуществляться в течение определенного периода времени в предложении с обстоятельством времени. 3. *他把书摔在桌子上, 就走了* (‘Он ушёл, швырнув книгу на стол’) – обозначение быстрой смены событий в предложении без обстоятельства времени. 4. *这样的话，我们就来敬今晚一杯吧* (‘В таком случае, выпьем за сегодняшний вечер’) – обозначение быстрой смены событий в предложении с указанием на условие.

Кроме того, амплификативная пара 一…就… обозначает быструю смену событий в сложном предложении: 等他一来我们就动身 (‘Начнем, как только он придет’) [1].

Рассмотрим ЗАС 了 (-le) и 了 (le) сквозь призму комбинаторной семантики. Согласно А.Н. Гордею, 了 (-le) определяется как полусуффикс, так как его лексическое значение полностью не стерто: прослеживается, что и полусуффикс 了 (-le), и модальная частица 了 (le) произошли из ёгена 了 (liǎo, ‘завершать’). Благодаря наличию полусуффикса 了 (-le), китайский ёген содержит дополнительную информацию о завершенности процесса [1]: 我把所有的书查看了一下 (‘Я пересмотрел все книги’): говорящий закончил просмотр книг. Модальная частица 了 (le) указывает на изменение ситуации в событии [1]: 病已经好了，当然要照常工 (‘Болезнь уже прошла, конечно, нужно работать в обычном режиме’): ранее человек болел, теперь же он выздоровел, ситуация изменилась. Данные знаки алфавита синтаксиса также не обозначают время, и только в комбинации с другими ЗАС могут выступать в качестве процедуральных средств создания эффекта временных отношений (см. [2], [3], [4]) (табл. 2).

Таблица 2

Роль знаков алфавита синтаксиса 再(zài), 又(yòu), 就 (jiù) и 了 (le) в создании эффекта будущего времени в прошедшем

Предложение на китайском языке	Перевод	Эффект будущего времени в прошедшем
1.铁路组织已经完蛋了，他们对学院而言不再是个问题了[6]。	‘«Подземка» уже уничтожена. Больше она не сможет помешать Институту’.	Один процесс в прошлом (‘уничтожена’) предшествует другому (‘не сможет помешать Институту’) в будущем. Эффект будущего времени в прошедшем создан комбинацией знака алфавита синтаксиса 再 (zài) и модальных частиц 了 (le). 再 (zài) в сочетании с негатором 不 (bù) указывает на то, что процесс не может быть осуществлен повторно, модальные частицы 了 (le) – на изменение ситуации.
2. 够启动锅炉的方块我们都拿到手了。那么就别再浪费时间 [6] 。	‘Мы раздобыли кубы, нужные для запуска котлов. Так что не будем опять терять время’.	Один процесс (‘раздобыли кубы’) в прошлом предшествует другому (‘не будем опять терять время’) в будущем. Эффект будущего времени в прошедшем создан комбинацией амплификатора 就 (jiù), знака алфавита синтаксиса 再 (zài) и модальной частицы 了 (le). 就 (jiù) указывает на быструю смену процессов в событии, 再 (zài) в сочетании с модальным ёгеном 别 (bié) – на нежелательность повторного осуществления процесса, модальная частица 了(le) – на изменение ситуации.
3. 他们把宝石从塔里带了出来，但他们没有什么机会占有这些宝石了[6] 。	‘Он стянул их из башни, но камни недолго будут в его власти’.	Один процесс (‘стянул с башни’) в прошлом предшествует другому (‘недолго будут в его власти’) в будущем. Эффект будущего времени в прошедшем создан комбинацией полусуффикса 了 (-le), указывающего на завершенность описываемого процесса (带了出来– ‘стянул’) и модальной частицы 了 (le), иллюстрирующей изменение ситуации.
4. 又喝醉了? 不知老婆又该怎么骂你? [6]	‘Опять напился? Неужто не знаешь, как жена опять тебя отругает?’	Один процесс (‘напился’) в прошлом предшествует другому в будущем (‘жена опять отругает’. Эффект будущего времени в прошедшем создан комбинацией знаков алфавита синтаксиса 又 (yòu) и модальной частицы 了(le). ЗАС 又(yòu) указывают на то, что описываемые процессы будут снова осуществлены, модальная частица 了(le) – на изменение ситуации.

Таким образом, выявлены следующие процедуральные синтаксические средства создания эффекта будущего времени в прошедшем в китайском языке: комбинация знака алфавита синтаксиса 再 (zài) и модальных частиц 了 (le), амплификатора 就 (jiù), знака алфавита синтаксиса 再 (zài) и модальной частицы 了 (le), полусуффикса 了 (-le) и модальной частицы 了 (le), а также знаков алфавита синтаксиса 又 (yòu) и модальной частицы 了 (le). Результаты исследования планируется применить в рамках преподавания синтаксиса китайского языка, интерактивные материалы и упражнения разместить на Telegram-канале «Китайский язык с Гибким Павлом» [7].

Библиографические ссылки

1. *Гордей А.Н.* Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс [Электронный ресурс]. 1 эл. опт диск [CD-ROM]. Минск, 2007.

2. *Гибкий П. В.* Эффект прошедшего времени в китайском языке // Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов университета, 25–29 апреля 2022: в 4 ч. Минск : МГЛУ, 2022. Ч. 4. С. 165–166. URL: http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/11499 (дата обращения: 03.12.2023).

3. *Гибкий П. В.* Эффект настоящего времени в китайском языке [Электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (36). С. 92–96. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-nastoyaschego-vremeni-v-kitayskom-yazyke (дата обращения: 12.03.2023).

4. *Гибкий П.В.* Методическое построение занятия: «Эффект будущего времени в китайском языке / П.В. Гибкий // Материалы XVI Международной научно-практической конференции на английском языке «Диалог культур». В 3 ч. / Минобрнауки РФ; ФГБОУ ВО «С.-Петерб. гос. ун-т промышленных технологий и дизайна»; сост. Е. Н. Лашина, М. С. Липатов; под общ. ред. В. В. Кирилловой. СПб.: ВШТЭ СПбГУПТД, 2023. Ч. III. – С. 256–260.

5. *Гордей А.Н.* Метасемантика языковых категорий // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 19–24.

6. Большой китайско-русский словарь // 大 БКРС. URL: https://bkrs.info (дата обращения: 08.10.2023).

7. *Гибкий П. В.* Китайский язык с Гибким Павлом [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/gibkit (дата обращения: 23.02.2023).

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ФИЛЬТРЫ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Ю. В. Дашкевич

Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220088, г. Минск, Беларусь, yuliya.das@gmail.com

В статье рассматривается действие фонологического и графического фильтров в процессе адаптации англицизмов в корейском языке. Автор анализирует, как заимствования приводятся в соответствие с нормами корейской фонологической системы. Основное внимание уделено модификациям слоговой структуры, консонантным заменам, а также особенностям корейской письменности, действующим как защитный механизм фонологической системы.

Ключевые слова: фонологический фильтр; графический фильтр; фонетическая адаптация; заимствования; корейский язык; слоговая структура.

PHONOLOGICAL FILTERS IN THE PROCESS OF ADAPTING FOREIGN-LANGUAGE BORROWINGS (BASED ON ENGLISH BORROWINGS IN KOREAN)

Y. V. Dashkevich

Minsk State Linguistic University,
Zakharova St., 21, 220088, Minsk, Belarus, yuliya.das@gmail.com

The article examines the effect of phonological and graphic filters in the process of adapting English loanwords in the Korean language. The author analyzes how borrowings are brought into line with the norms of the Korean phonological system. The main attention is paid to modifications of the syllabic structure, consonant substitutions, as well as features of the Korean writing system acting as a protective mechanism of the phonological system.

Keywords: phonological filter; graphic filter; phonetic adaptation; loanwords; the Korean language; syllabic structure.

В современном глобализованном мире наблюдается усиление языковых контактов, которые часто проявляются в виде заимствования лексики. Наиболее интенсивно заимствуется английская лексика, поэтому появление большого количества англицизмов присуще практически любому языку. Это верно и для корейского языка, где пласт английской лексики занимает первое место по численности среди некитайских заимствований [1, с. 12].

Особый интерес для исследования представляет собой фонетическая адаптация таких заимствований, в первую очередь, потому что английский и корейский языки являются неродственными и их фонологические системы обнаруживают значительные как качественные, так и количественные отличия. На материале англицизмов в корейском языке можно наблюдать, каким образом фонологическая система принимающего языка предопределяет восприятие и последующую адаптацию иноязычной лексики.

Еще Н. С. Трубецкой в «Основах фонологии» предложил идею о существовании «фонологического сита», через которое в сознании носителя языка «просеивается» воспринимаемая речь [2, с. 57]. Этим «ситом» является фонологическая система родного языка, которая, очевидно, не подходит для восприятия иноязычной речи и ведет к появлению ошибок и искажений смысла: некоторые элементы полностью «отсеиваются», а другие аппроксимируются к схожим существующим элементам принимающей фонологической системы.

В процессе адаптации английских заимствований в корейском языке так же задействован фонологический фильтр, который функционирует на разных уровнях: фонемном, слоговом и акцентном. Особое внимание следует уделить тому, что помимо фонологического дополнительно надстраивается графический фильтр, который значительно усиливает действие первого, в наибольшей степени на слоговом уровне.

В корейском языке есть собственная письменность – алфавит Хангыль. Он представляет собой фонематическое письмо, то есть практически всегда одна буква соответствует одной и той же фонеме [3, с. 273]. Важной особенностью этой письменности является то, что она демонстрирует тяготение корейского языка к слоговости: несмотря на то, что все символы обозначают буквы, они обязательно объединяются в четко различимые блоки. Каждый такой блок является отдельным слогом.

Порядок записи букв в каждом блоке также строго ограничен. Любой слог начинается с одной согласной; если же при произнесении слог начинается с гласной, то на письме перед ней в любом случае ставится «немая согласная». Вторым элементом является гласная; так как в корейском языке есть гласные, основанные на вертикальных или горизонтальных чертах, они могут записываться справа от согласной или под ней соответственно. Если в слоге есть последняя согласная, то она всегда записывается под предыдущими элементами. В нижней части слога, как и в начале, также может находиться только одна согласная. Исключение составляют 11 исторически сложившихся двойных сочетаний: они передаются на письме, но вслух произносится только одна из согласных. Эти сочетания не употребляются в заимствованных словах, поэтому не требуют дальнейшего описания. Таким образом, несмотря на то что корейский язык определяется как

неслоговый (фонемный) с чертами силлабизма [4, с. 100–101], его графическая репрезентация, вне всяких сомнений, является слоговой.

Именно слоговая структура заимствований в процессе адаптации претерпевает наиболее заметные изменения, так как фонотактических ограничений в корейском языке значительно больше, чем в английском. Самое серьезное из ограничений – запрет на любые сочетания согласных в пределах одного слога. В английском же языке насчитывается 44 сочетания согласных, встречающихся в начале слога, и 75 – в конце слога [5, с. 231].

В том, как корейская фонологическая система обращается с сочетаниями согласных, наиболее отчетливо проявляется взаимодействие фонологического и графического фильтров. С одной стороны, в силу действия фонотактических правил, сочетания согласных распадаются на два отдельных слога. Однако одна лишь согласная не может составить слог, поэтому к ней присоединяются гласные *eu* или *i,* например: *drama – deu-ra-ma; snack – seu-naek; switch – seu-wi-chi* и т. п.

С другой стороны, если в английском языке деление на слоги не отражается на письме и запись ведется последовательно в одну линию, то в корейском языке невозможно записать отдельную согласную без ее привязки к тому или иному слогу или дополнительно вписать в начало или конец слога, так как система записи слогов в принципе не предусматривает сочетаний согласных. Например: *screen* ‘экран’ – 스크린 (*seu-keu-rin*) невозможно записать как ㅅㅋ린* (*s-k-rin*). Поэтому даже с точки зрения правописания, рядом с согласной необходима гласная буква, чтобы слово было записано по-корейски.

Безусловно, существуют заимствования, слоговая структура которых не вступает в конфликт с принятой слоговой структурой слов в корейском языке. Однако даже в этом случае конечный облик заимствованного слова может претерпеть значительные изменения в связи с действием фонемного фильтра. Наиболее значительные изменения связаны с согласными, так как больше половины английских согласных не имеют эквивалентов в корейском языке. Возможные варианты замены значительно отличаются от оригинала.

Исходя из этого, целесообразно разделить все согласные английского языка на три группы: (1) идентичные или почти идентичные корейским звукам(совпадают по двум и более дифференциальным признакам); (2) перцептивно схожие (совпадают хотя бы по одному дифференциальному признаку); (3) не имеющие эквивалентов в корейском языке. Ниже представлена таблица, которая позволяет оценить масштаб возможных адаптационных модификаций, начиная от минимальных и заканчивая полной заменой согласных, входящих в третью группу, где действие фонемного фильтра оказывается наиболее сильным (таблица).

Степени типологического сходства английских и корейских согласных

Согласные, идентичные корейским		Согласные, перцептивно схожие с корейскими		Согласные, не имеющие корейских эквивалентов	
английские	корейские	английские	корейские	английские	корейские
/m/	/m/	/l/	[ɾ], [l]	/r/	[ɾ]
/n/	/n/	/b/	/p/	/z/	/tɕ/, /s/
/ŋ/	/ŋ/	/p/	/p^h/	/ʒ/	/tɕ/
/s/	/s/	/d/	/t/	/ʃ/	[s^j]
/h/	/h/	/t/	/t^h/	/v/	/p/
		/g/	/k/	/f/	/p^h/
		/k/	/k^h/	/θ/	/t̪/, /s/
		/dʒ/	/tɕ/	/ð/	/t/
		/tʃ/	/$tɕ^h$/		
		/w/	/w/		
		/j/	/j/		

Английские заимствования на пути в корейский язык также испытывают давление акцентного фильтра. Выделение некоторых слогов более высоким тоном в корейских словах нельзя в полной мере отождествлять с английским ударением, где выделение происходит за счет силы голоса и качества гласного [6, с. 245]. В процессе адаптации заимствования часто утрачивают свою акцентную структуру. Поскольку в корейском языке безударные гласные не редуцируются, а ударение не несет смыслоразличительную функцию и является свойством слова на уровне фразы, создается ощущение полного отсутствия ударения.

Таким образом, фонемный, силлабический, акцентный и графический фильтры усиливают друг друга, защищая фонологическую систему корейского языка от внешних влияний, поэтому никакие исключения не приживаются ни в письменной, ни в устной речи.

Библиографические ссылки

1. *Sohn H. M.* The Korean Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

2. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000.

3. *Coulmas F.* The Blackwell Encyclopedia of Writing Systems. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.

4. *Чой С. М.* Слоговая структура русских словоформ «в зеркале» корейского языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2006.

5. *O'Connor J. D.* Phonetics. London: Penguin Books, 1988.

6. *Jones D.* An Outline of English Phonetics. Cambridge: W. Heffer and Sons, 1962.

ЭПИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ МАНДЕН (МАЛИ, ГВИНЕЯ) КАК ИСТОЧНИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ НОРМ

О. Ю. Завьялова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, jontan@mail.ru

Данная статья посвящена эпическим сказаниям манден. Сказания рассматриваются как о культурообразующие документы. Также рассматривается и влияние современной ситуации, на изменение некоторых социо-культурных представлений. Исследовательской базой являлись как эпические сказания, так и экспедиционные материалы, собранные в Гвинее и Мали.

Ключевые слова: Устная традиция; Манден; эпос.

THE MANDEN EPIC (MALI, GUINEA) AS A SOURCE FOR DEFINING SOCIAL AND CULTURAL NORMS

O. Y. Zavyalova

St Petersburg University,
Universitetskaya embankment, 7–9, 199034, Saint-Petersburg, Russia,
jontan@mail.ru

This article is devoted to Manden epic stories. Epic stories are considered as culture-forming documents. The influence of the modern situation on changing some socio-cultural ideas is also considered. The research base included both the Manden epic and expeditionary materials collected in Guinea and Mali.

Keywords: Oral Tradition; Manden; epic.

Об эпических сказаниях манден (Западная Африка) написано много работ. Но хотелось бы поговорить о них не с точки зрения литературы или фольклора, а как о культурообразующих документах. Наиболее известные сказания повествуют о начале правления Сундьяты[1] и основании им империи Мали (13 век).

Мы можем сравнить культуру каждого социума с определенным виртуальным миром, со своими правилами и со своей структурой. В первую очередь, как и во всех фольклорных текстах, в эпосе манден можно найти

[1] Сундьята – эпический герой (исторический персонаж Мари Джата 13 в.), основатель империи Мали.

определенные нормы (общечеловеческие и культурные). Но эпос о Сундьяте в силу многих причин оказался практически сводом законов, а данные сказания являются базовыми для понимания всей структуры социума и его правил.

Основа социума манден – это система джаму (*jamu*). Система отношений джаму (кланов) и «шуточное родство» (*sinankuya*) являются важными институтами и традициями, общими для всех народов манден и их соседей в Западной Африке. В основе группы джаму лежит идея одного предка, тотема, а также общего происхождения, профессиональной деятельности и общих брачных ограничений, а также определенной системы взаимодействия с другими подобными группами (синанкуя). Сегодня джаму больше связаны с системой родства и выполняют роль кланового имени или фамилии, но традиция еще жива.

Существует большое количество версий о Сундьяте у манинка, мандинка и бамана (Гвинея, Гамбия, Мали, Буркина Фасо). Сам Сундьяте считается прародителем родов правителей (мансарен), именно от него идет отсчет родства, а эпос о нем является не только хранилищем всех норм, но и ключом к определению схемы социума. В нем говорится о создании системы джаму и некоторых связей сенанкуя,

Основой данного исследования было сравнение эпоса о Сундьяте [1,2][1] с информацией, полученной в ходе полевых исследований 1999 и 2014 гг.в Гвинее и 2022 и 2024 гг. в Мали.

Таблица джаму, полученная в ходе исследований в Гвинее представлена в моей статье «Система джаму» [3]. Из нее видно, что многими предками джаму являются персонажи из эпоса: Сундьята, Сумангуру Канте, Фа Коли, Камаджан и другие.

Именно исходя из эпических повествований гриотов (традиционных профессиональных сказителей и хранителей истории), в 2008 году в Мали была реконструирована Хартия Курукан Фуга [4], считающаяся чем-то вроде первой конституции манден. Гриоты говорят, что «Сундиата произнес все запреты, которые до сих пор регулируют отношения между племенами, каждому он дал свою землю, установил права каждого народа и скрепил дружбу народов».

В этом эпосе у разных гриотов можно найти обоснования не только связей джаму, их истории, но и обоснование «шуточного родства», которое актуально и сегодня. Эпос рассказывает о появлении некоторых джаму о начале взаимоотношений родов: Кейта и Куяте, Конле и Таравеле, Таравеле и Джабате и тд. Так как Сундьята является не только основателем рода Кейта, рода правителей, но и культурным героем,

[1] Здесь достаточно упомянуть только несколько версий в качестве примеров.

большинство остальных благородных родов находят связь с ним именно в сказаниях о нем, Сказания позволяют связывать рода и обосновывать их положение в социуме.

В своих экспедициях я постоянно интересуюсь историями джаму и семей манден. Память народа имеет свойство меняться в соответствии с современными реалиями и ценностями. Есть некоторые «места памяти» - имена, места, события, но информация вокруг них, тем не менее, всегда претерпевает изменения. Сегодня интересно наблюдать за некоторыми такими изменениями. Отношения «шуточного родства» остаются незыблемыми, однако отношения между родами меняется. Самым очевидным является отношение к роду антагониста и врага Судьяты, правителю Сосо Сумаоро Канте. Сундьята и Сумаоро Канте – герои основного эпоса всех манден. Занимаясь устной традицией Западной Африки, можно заметить, как пересматривается образ основных персонажей в соответствии меняющимися нормами и ценностями.

Сейчас образ Сумаоро пересматривается и становится более человеческим, зачастую обретая многочисленные положительные качества[1]. Эпос, в частности, повествует о начале его вражды со своим племянником Фа Коли Думбия, соответственно и со всем его родом. Из-за того, что самый близкий человек Фа Коли – его дядя \ по матери Сумаоро – отнял у него единственную жену – красавицу, Фа Коли с войском ушел к Сундьяте и помог тому победить Сумаоро. Представители Канте в Гвинее полностью соглашались в 1999 году с гриотским образом великого жестокого кузнеца Сумаоро, правителя государства Сосо. Однако, сейчас во время моей последней поездки в Мали, представители семьи Сумаоро считали, что их предок не был колдуном, а он «просто умел делать многие вещи, чему все завидовали», к тому же он не был кузнецом, а был свободным, как и все его потомки которые якобы также всегда были воинами. Есть еще одна особенность у потомков Сумаоро и Фа Коли – из их имени собственного появились джаму (после победы Сундьяты), аналоги Канте и Думбия. Сейчас говорят, что Сумаоро и Канте аналоги, однако все-таки это разные джаму, как и Факоли и Думбия. Никто из носителей не смог обьяснить этот феномен, однако они все сказали, что «Сумаоро» и «Фа Коли» – это также джаму, а не имена их предков (информация от представителей обоих джаму, полученная в г. Вассулу). Сейчас представители этих двух джаму не только живут рядом, но и являются лучшими друзьями, причем Факоли соглашаются с тем, что их предок предал Сумаоро. Таким образом, сейчас потомки полностью пересмотрели взаимоотношения своих родов. Впрочем, я встречала и другое аналогичное оправдание

[1] См. эпос о Сумаоро Канте [5].

предка, но во втором случае, именно эпос выступил против истории. Гриоты представили в эпосе о Бакариджане пересказ истории правителя Сегу, основателя династии Джара – Нголо Джара [6]. Представив его не рабом, отданным в счет уплаты дани или долга, а просто сыном недостойного отца. Позже практически эту историю стали транслировать не только все Джара, но и большинство малийцев. Одновременно с этим и рабы-дружинники (*tonjonw*) также в глазах многих перестали быть рабами и стали представляться как обычные умелые воины, а не бандиты, как представляли их гриоты в многочисленных сказаниях, в частности, в цикле о городе Сегу [7].

Сам же эпос о Сундьяте связывает основной правящий род Кейта и Джара, правящий род Сегу с 17 века, тем самым создавая связь между государствами и правящими кланами во времени. В одном из вариантов эпоса о Сундьяте называется имя его деда по матери - Фаони Конде, Фаони Диара, правитель страны До. В других сказаниях также называют его мать как Соголон Джата и самого Сундьяту также называют Джата (*jata* – ‘лев’) – это его хвалебное имя. Совершенно очевидно, что джаму Джара произошло от *Jata*.

Именно анализируя сказания, можно понять, откуда появились некоторые представления и зачем. Эпос является обоснованием многих особенностей культуры. Интересен для нас мотив, в котором Сундьята, увидев, что его гриот голоден, отрезает кусок мяса со своего бедра и дает ему (тот не знал что ест), объясняется это тем, что накормить гриота – первоочередная обязанность патрона. Однако мы знаем, что с тех пор гриоты Куяте и род Кейта находятся в шуточном родстве.

Надо отметить, что представления о «шуточом родстве» (*sinankunya*) и джаму также меняются, претерпевают со временем трансформации. Пары синанкунья (*sinanku*), как и джаму отличаются в Гвинее и Мали, хотя в большинстве своем связаны в большую систему. Сама история джаму представляется, судя по моим опросам в Мали в 2024 году, следующим образом: часть джаму существовала до образования империи Мали, но именно на поле Курукан Фуга, как и повествует традиция и эпос, была принята договоренность привести их в общую систему и закрепить за ними профессиональную деятельность. Так, например, информант Сириман Камара из деревни Кола (Мали, недалеко от Сиби) говорил, что Камара *fina*[1] и остальные Камара не имеют общего происхождения. Давно два человека со своими женами шли из Мекки в Мали (сегодня все джаму говорят, что их предок пришел из Мекки, что обусловлено исламом). У

[1] Фина – эндогамная группа, стоящая отдельно от остальных, практически выполняют функции гриотов, но не исполняют эпос. Фина могут быть только джаму Камара.

одного из них было джаму Камара, а у другого джаму не было, только имя. У второго жена по дороге стала умирать от голода, и Камара отрезал мясо со своего бедра. Она съела, не ведая этого. Когда же Сундьята давал джаму и спросил предка фина, у которого не было до этого джаму, какое он возьмет, тот ответил, что станет Камара, как его спаситель.

Синанкунья между бозо и догонами произошло аналогичным образом: их предки, как рассказал мне Маман Набо из Кирина, были родными братьями. «Однажды младший страдал от голода, и старший отрезал ему часть бедра и накормил брата. Тот съел, не зная того, что он ест. Когда же он понял, что сьел, они поклялись никогда не причинять друг другу вреда. Если один съел мясо другого, то тот сразу становится его *tana*. Они стали *tana* (тотем, запрет) друг другу». Таким образом мы видим, что шуточное родство само по себе в некотором роде родство, чаще приобретенное, через акт обмена плотью. В эпосе о Сундьяте говорится, что два брата – будущие основатели родов Таравеле и Джабате, привели будущую мать Сундьяты Соголон Конде его отцу после того, как младший сам не смог ею овладеть (именно ему дали ее в жены)[1], – сейчас Таравеле и Конде в шуточном родстве.

Эпос живет и сегодня и изменяется постоянно, согласовываясь с современными представлениями и одновременно согласуя их с традицией. Даже сегодня в своих исторических рассказах народ ссылается на эпос.

Библиографические ссылки

1. Mamadou Kouyate. La variabilité dans quatre versions de l'épopée mandingue. Linguistics Univer-sité Michel de Montaigne — Bordeaux III, 2015. URL: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01203724 (дата обращения: 21.03.2016).

2. Niane D. T. Sundiata: An Epic of Old Mali. Hong Kong: Longman African Classics, 1992.

3. Завьялова О. Ю. Система и понятие джаму у манден (Гвинея) по устным источникам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2016. Вып. 3. С. 101–115. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2016.308

4. La charte de Kurukanfuga. URL: http://www.humiliationstudies.org/documents/KaboreLaCharte-DeKurukafuga.pdf (дата обращения: 12.03.2024).

5. Bulman, Stephen P. D.; Vydrin, Valentin. The epic of Sumanguru Kante, narrated by Abdulaye Sako. [African Sources for African History, Vol. 15.] Leiden – Boston: Brill, 2017.

6. Думбия Б. Поэма «Бакариджан» (сказание гриота Баба Сиссоко). Приложение к дис. «Язык гриотского эпоса народа бамана» [ч. 2], М., 1976.

7. La geste de Ségou: racontée par des griots bambara / trad. et éd. par G.Dumestre. Paris, 1979.

[1] Данный факт большинство гриотов стараются скрывать.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ «ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА» В ВУЗАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ

В. Р. Боровой[1)], К. В. Русый[2)], Б. А. Каплун[3)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220083, г. Минск, Беларусь, Borovoi@bsu.by

[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220083, г. Минск, Беларусь, fmo.rusyy@bsu.by

[3)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220083, г. Минск, Беларусь, fmo.kaplun@bsu.by

Данная статья посвящена выявлению и анализу ряда характерных особенностей специальности «Востоковедение и африканистика» в вузах Российской Федерации. Актуальность работы заключается в исследовании перспектив развития российского востоковедения в ближайшем будущем. В частности, в статье были затронуты такие аспекты, как количество вузов с данной специальностью, их географическое расположение, структура, количество зачисленных абитуриентов и также были выявлены диспропорции количества представленных в вузах восточных языков.

Ключевые слова: востоковедение; африканистика; российские востоковедение; востоковедение в российских вузах.

SPECIALTY “ORIENTAL AND AFRICAN STUDIES” IN UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND SPECIFICS OF DEVELOPMENT

V. R. Borovoy[1)], K. V. Rusy[2)], B. A. Kaplun[3)]

[1)] Belarusian State University,
Nezavisimosty Av., 4, 220083, Minsk, Belarus, Borovoi@bsu.by

[2)] Belarusian State University,
Nezavisimosty Av., 4, 220083, Minsk, Belarus, fmo.rusyy@bsu.by

[3)] Belarusian State University,
Nezavisimosty Av., 4, 220083, Minsk, Belarus, fmo.kaplun@bsu.by

This article is devoted to identifying and analysing a number of characteristic features of the specialty “Oriental and African Studies” in universities of the Russian Federation. The relevance of the work lies in the study of the prospects for the development of Russian oriental studies in the near future. In particular, the article touched upon such aspects as the number of universities with the specialty, their geographical location, structure, number of enrolled applicants, and also revealed disproportions in the number of oriental languages represented in the universities.

Keywords: Oriental studies; African studies; Russian oriental studies; oriental studies in Russian universities.

На сегодняшний день в Российской Федерации, в общем и целом, можно выделить порядка 28 вузов, которые занимаются подготовкой специалистов по направлению «Востоковедение и африканистика» на уровнях бакалавриата и/или магистратуры. Также действует множество учебных заведений, в которых реализуются различные программы, которые ориентированы на получение студентами комплексных знаний о «странах Востока» и их языках. К ним можно отнести такие специальности, как «Зарубежное регионоведение» в МГУ имени М.В. Ломоносова, «Международные отношения» в МГИМО и «Лингвистика» в Департаменте восточных языков и культур Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). В данной исследовательской работе будут рассмотрены те вузы, которые выпускают востоковедов бакалавриата с дипломами по специальности «Востоковедение и африканистика».

На основе доступных электронных информационных ресурсов были получены необходимые данные для исследования поставленной темы и выделен ряд особенностей.

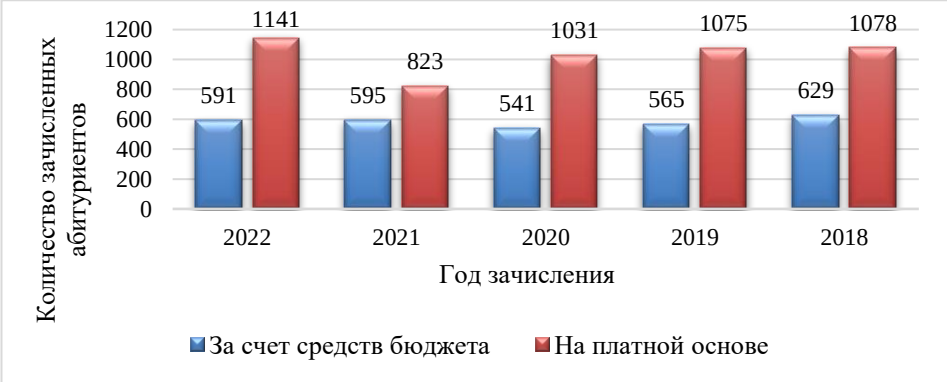
Сперва следует отметить, что обучение по данной специальности ведется в вузах 18 городов России, причем в Москве – 10 вузов, в Санкт-Петербурге – 2, а в остальных городах – по одному. При этом, в Москве и Санкт-Петербурге ведется подготовка большинства востоковедов (преподавателей и исследователей) России различных направлений (Ближний Восток, Дальний Восток, Африка и другие). Таким образом, эти два города являются своеобразными крупными востоковедческими центрами и лидерами в области исследований в данном направлении. Вслед за ними идут Владивосток как дальневосточный центр востоковедения и Казань с одной из старейших востоковедческих школ, история которой начинается с 19 века и насчитывает уже более 200 лет.

При рассмотрении некоторых количественных данных проводимого НИУ ВШЭ мониторинга качества приёма в российские вузы проявляются некоторые особенности. Так, за 5 лет (с 2018 по 2022 гг.) на данную специальность на бюджетной и платной основе абитуриентов принимали от 15 до 20 вузов. При этом, приблизительные ежегодные цифры приёма колебались в пределах от 1400 до 1700 человек, чуть больше трети из которых (около 36%) поступили на бюджетные места (рисунок).

Необходимо также рассмотреть и распределение количества бюджетных и платных мест среди вузов. Так, согласно статистическим данным мониторинга НИУ ВШЭ в 2022 году было выделено 591 бюджетное место и 1141 платное место. Причем ДВФУ получил 119 бюджетных мест, МГУ им. М.В. Ломоносова – 100 мест, НИУ ВШЭ в Москве – 86 мест, СПбГУ и МГПУ – по 65 мест, КФУ – 34 места, РГГУ – 25 мест, а филиал НИУ

ВШЭ в Санкт-Петербурге – 23 места. Это составило 78,7% всех бюджетных мест по этой специальности в 2022 г. (рисунок).

Что же касается небюджетных мест, то с большим отрывом от других вузов оказываются КФУ (16%), ДВФУ (13%) и НИУ ВШЭ в Москве (12%), каждый из которых принял более 130 абитуриентов.



Статистика количества зачисленных абитуриентов на специальность «Востоковедение и африканистика» в вузы Российской Федерации (2018-2022 гг.)
Составлено по: [9]

На основе данных по среднему баллу ЕГЭ (для поступления как на бюджет так и на платное) и ежегодной стоимости обучения на платной основе с большим отрывом от других выделяются НИУ ВШЭ в Москве (480 тыс. руб.) и филиал НИУ ВШЭ Санкт-Петербурге (470 тыс. руб.), далее идут МГУ им. М.В. Ломоносова (420 тыс. руб.) и СПбГУ (382,5 тыс. руб.). Все эти показатели могут указывать, в первую очередь, на высокий статус этих учреждений и престижность получения востоковедческого образования в них.

Далее можно выделить одну характерную особенность данных вузов, связанную с самими востоковедческими структурами. В довольно-таки больших учебных заведениях присутствуют крупные подразделения по подготовке востоковедов с различными направлениями специализации (Восточный факультет СПбГУ, ИСАА МГУ, Институт востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге). Однако в других вузах востоковедение, в основном, представлено кафедрами или как одна из специализаций в составе различных, в основном, крупных кафедр, которые специализируются или на изучении истории и международных отношений стран определенного региона, или на изучении восточных языков. Тут также есть и еще одна особенность, связанная с годом основания и началом работы данных структур, большая часть из которых была образована начиная с 1990-х гг. Данный факт может свидетельствовать, что востоковедение в вузах России, в принципе, является относительно молодой

специальностью. Примерами являются кафедра восточных языков отделения восточных языков Института лингвистики в РГГУ (создана в 1992 г.), кафедры китайского и японского языков в Институте иностранных языков МГПУ (с 2007 и 2009 гг. соответственно) кафедра истории зарубежных стран и востоковедения в составе исторического факультета ВГУ (с 2016 г.) и прочие подобные структуры. Отсюда вытекает и различный вклад этих исследовательских структур в изучение востоковедения в масштабе всей России.

При рассмотрении количества преподаваемых в вузах языков было выявлено, что изучаемые в вузах восточные языки имеют определенную диспропорцию. Так, широко представленными восточными языками являются китайский (24 вуза), корейский (22), японский (21), арабский (16), фарси (13) и турецкий (12). Также ведется преподавание монгольского языка (9), вьетнамского (8), хинди (7), иврита (6), которые можно отнести в разряд средне представленных. Что же касается мало представленных языков, то они, в основном, встречаются на Восточном факультете СПбГУ, ИСАА МГУ и НИУ ВШЭ, однако они зачастую вовсе и не преподаются ввиду разных причин, среди которых можно выделить малую популярность в их изучении среди студентов, низкую востребованность на рынке труда специалистов со знанием этих языков и другие. Также такую диспропорцию объясняет и тот факт, что, к примеру, вузы тех регионов, географически расположенных ближе к дальневосточным странам, чаще набирают группы, которые будут специализироваться на изучении дальневосточных языков и этого региона в целом. К примерам можно отнести Дальневосточный федеральный университет, Тихоокеанский и Иркутский государственные университеты.

При изучении программ по обучению представленных в вузах восточных языков было обнаружено, что в таких городах азиатской части Российской Федерации, как Уфа, Махачкала, Улан-Удэ и Элиста есть учебные заведения, в которых программы по подготовке востоковедов основаны, в первую очередь, на исследованиях в области собственных национально-культурных и исторических традиций и особенностей. Тем не менее, в вузах некоторых субъектов азиатской части России отсутствуют подобные программы, хотя традиции изучения собственной культуры, истории и национальной идентичности существуют и продолжаются. К таким субъектам можно отнести, к примеру, Алтайский край и Республику Тыва. В случае с алтаистикой необходимо отметить, что её исследованием, отчасти, занимаются некоторые специалисты из Института калмыцкой филологии и востоковедения КалмГУ.

На основании проделанной исследовательской работы можно сделать выводы, что, в целом, востоковедение как специальность в

большинстве российских вузов является довольно-таки молодой и пока что не во всех этих учреждениях сформировались чёткие востоковедческие школы. Были также выявлены города с расположенными в них крупными востоковедческими центрами (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток и Казань). На основе количественных показателей приема абитуриентов в вузы были выявлены те учреждения, которые можно отнести к лидерам по данному показателю. При исследовании количества представленных восточных языков была обнаружена диспропорция, одной из причин которой является географическое расположение данных вузов. Также была обнаружена особенность, связанная с отсутствием данной специальности в вузах тех субъектов азиатской части России, у которых есть востоковедческие традиции в контексте изучения своего региона.

Библиографические ссылки

1. Востоковедение и африканистика. Бакалавриат УрФУ [электронный ресурс] – Режим доступа: https://programs.edu.urfu.ru/ru/10158/. – Дата доступа: 30.05.2024.
2. Восточный институт БГУ им. Доржи Банзарова [электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.bsu.ru/university/departments/institutes/vi/. – Дата доступа: 30.05.2024.
3. Восточный факультет ГАУГН [электронный ресурс] – Режим доступа: https://gaugn.ru/obrazovanie/faculties/oriental/about/. – Дата доступа: 30.05.2024.
4. Институт калмыцкой филологии и востоковедения КалмГУ [электронный ресурс] – Режим доступа: https://kalmgu.ru/struktura-kalmgu/instituty-fakultety-kafedry/institut-kalmyczkoj-filologii-i-vostokovedeniya/. – Дата доступа: 30.05.2024.
5. Институт практического востоковедения ММА [электронный ресурс] – Режим доступа: https://iposmsk.ru/abit/. – Дата доступа: 30.05.2024.
6. Кафедра восточных языков и культур ПГУ [электронный ресурс] – Режим доступа: https://pgu.ru/information/structure/chairs/detail.php?ELEMENT_ID=22235. – Дата доступа: 30.05.2024.
7. Кафедра восточных языков МГЛУ [электронный ресурс] – Режим доступа: https://linguanet.ru/fakultety-i-instituty/perevodcheskiy-fakultet/kafedra-vostochnykh-yazykov/. – Дата доступа: 30.05.2024.
8. Кафедры восточного факультета СПбГУ [электронный ресурс] – Режим доступа: https://orient.spbu.ru/index.php/ru/o-fakultete/kafedry. – Дата доступа: 30.05.2024.
9. Мониторинг качества приема в вузы [электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. – Режим доступа: https://ege.hse.ru/news/94398230.html/. – Дата доступа: 30.05.2024.
10. Университеты со специальностью «Востоковедение и африканистика» [электронный ресурс] – Режим доступа: https://orientaliarossica.hse.ru/category/21?page=2. – Дата доступа: 30.05.2024.
11. Факультет востоковедения и истории Педагогического института [электронный ресурс] – Режим доступа: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/fvi/. – Дата доступа: 30.05.2024.

ТИПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

С. Ю. Лебедев

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220083, г. Минск, Беларусь, sulebe@yandex.ru

Статья посвящена особенностям разных этапов развития повествования в художественной литературе. Рассматриваются также разные принципы жанрообразования в контексте «Восток–Запад».

Ключевые слова: автор; повествование; жанр; художественность.

TYPOLOGY OF NARRATIVE IN FICTION IN HISTORICAL CONTEXT

S. Y. Lebedzeu

Belarusian State University,
Nezavisimosty Av., 4, 220083, Minsk, Belarus, sulebe@yandex.ru

The article is devoted to the features of different stages of narrative development in fiction. Various principles of genre formation in the context of “East-West” are also considered.

Keywords: author; narration; genre; artistry.

Советская и постсоветская история осмысления понятия «повествование» связана с учением классической риторики о композиционных формах речи: *повествовании, описании* и *рассуждении*. (Исследователи отмечают, что в современном литературоведении «место “рассуждения” в этой триаде, как правило, занимает характеристика» [8, с. 281].) Под влиянием работ М. Бахтина, в которых была противопоставлена речь **изображающая** речи **изображенной**, повествованием стала называться совокупность **всех** указанных форм речи как «имеющих изобразительные задачи» [8, с. 281], то есть сегодня в широком смысле повествование включает в себя и описания, и рассуждения (характеристики). Таким образом, термин «повествование» понимается двояко: с одной стороны (в узком его значении) – как речевой жанр, характеризующийся изложением последовательности событий и противопоставленный *описанию* и *характеристике*; с другой стороны – как «весь текст эпического литературного произведения за исключением прямой речи» [12, с. 813].

Понимание повествования в узком смысле, на наш взгляд, для литературоведения непродуктивно, так как очевидное для риторики и стилистики противопоставление речевых форм не является таковым при рассмотрении художественного произведения как **целостности**. Исследователи неоднократно показывали, как, например, собственно описание в произведении становится характеристикой персонажа (а по иному, заметим, и быть не может), а характеристика может нам сказать о событиях.

Таким образом, под повествованием следует понимать **всю совокупность** речевых форм в произведении, так как **все** они имеют изобразительные задачи. Повествование как **осуществление посредничества между художественным миром и читателем** происходит в каждом моменте художественного текста. Если автор – субъект, носитель сознания, смоделировавшего новый мир, который и является собственно воплощением автора, – всем повествованием **связывает** свою модель мира с читателем, то повествователь – **функция, осуществляющая это посредничество**, формально выраженный **субъект развертывания** (литературно-художественная модель не существует в пространстве, она **развертывается** во времени). То есть мы можем говорить о повествовании в широком смысле как о сущностной характеристике любого произведения литературы. Развертывание художественной модели мира происходит при восприятии как эпического произведения, так и произведения, относящегося к лирике или драме. Родовая (и жанровая) принадлежность будет, несомненно, диктовать особенности структуры этого развертывания, различие в типологии.

История «взаимоотношений» между различными субъектами сознания и речи в художественном произведении напрямую связана с историей развития литературы как искусства слова вообще и категориями **автор** и **повествование** в частности. Система повествовательных ситуаций в любом тексте всегда будет в структуре «хранить» этапы своего становления.

Как считают авторы большинства исследований, опирающихся в первую очередь на «Историческую поэтику» А. Веселовского, «“начала” будущих искусств (музыки, пения, танца, театра, литературы), и литературных родов пребывали в синкретическом виде и были составляющими мифа и обряда» [4, с. 85]. Дальнейшее развитие художественного сознания традиционно подразделяется на три исторических этапа: 1) **мифопоэтический**, 2) **традиционалистский** (VI – V вв. до н. э. – середина XVIII в.) и 3) **индивидуально-творческий**, существующий по сей день (см. [1, с. 4]).

В первую эпоху в литературе не существовало разных субъектов речи и сознания, мало того, были «размыты» границы даже между субъектом всего произведения и реципиентом. Как пишут исследователи, в первый период еще невозможно выделить само понятие **автора** в современном значении этого слова, так как в архаическом типе художественного

сознания «нет различия между тем, кто рассказывает, что рассказывается, кому рассказывается» [10, с. 267]. Субъектно-объектных отношений не существовало не только в рамках художественного «текста», – их не было даже во взаимоотношениях «текст – слушатель»: в художественном творчестве этого периода рассказывающий и слушающий – как бы один субъект, «автор-герой-бог» [4, с. 31]. Мифопоэтическое сознание было полностью во власти синкретизма мифа, оно не выделяло различных субъектов в системе «автор – высказывание – слушатель», «**авторству** как новому культурному типу отношений между человеком и высказыванием предшествовал архаичный тип таких отношений, отвечающий понятию **авторитета**, – одному из ключевых для всякой традиционалистской культурной эпохи» [9, с. 23]. Авторитет вообще не подразумевал никакой субъективности в «построении» художественного высказывания, «я-высказывающее» не может не совпадать с «я-слушающим» и самим текстом высказывания. Литература этого периода вообще еще не «выделена» из реальной жизни, «жанровые структуры не отделимы от внелитературных ситуаций, жанровые законы непосредственно сливаются с правилами ритуального и житейского приличия» [1, с. 12].

Автор как самостоятельный субъект сознания появляется лишь в следующую, **традиционалистскую** эпоху, однако в этот период «на первый план выдвигаются нормативные категории стиля и жанра, подчиняющие себе субъективную волю автора» [1, с. 15]. Жесткость канонов диктовала автору **все** – вплоть до взаимоотношений «автор – повествователь», каковые (взаимоотношения) в каждом жанре были строго регламентированы, при этом, естественно, «индивидуализация авторского образа была весьма низкой, преобладали некие широкие жанровые амплуа» [6, с. 431]. По мнению исследователей, в традиционалистскую эпоху «автор – выражает себя в первую очередь через жанр <…>. Сервантес и Шекспир в разных жанрах предстают как бы разными индивидуальностями» [1, с. 28]. Однако несмотря на это, уже в античности «поэты и прозаики часто достигают высокой степени самовыражения (опираясь при этом все-таки на поэтику “общих мест”)» [1, с. 23].

И только в третий, **индивидуально-творческий** период автор, наконец, «получил свободу» и смог «передоверять» повествование носителю **любого** сознания, несовпадающего с ним самим, и обращаться к **любому** «слушателю», а не к «узкоспециализированному» «воспринимателю» «житий» или «хождений». Как указывают исследователи, «центральным “персонажем” литературного процесса стало не произведение, подчиненное заданному канону, а его создатель, центральной категорией поэтики – не стиль или жанр, а автор <…>. Понятие стиля переосмысляется: он перестает быть нормативным и делается индивидуальным» [1, с. 33]. Для выражения

неповторимой, всегда конкретной образной концепции личности автор «стал волен» использовать любые стилевые средства, – в том числе возможность введения в текст многочисленных повествовательных инстанций, различных точек зрения, перспектив ви́дения. «Стилевая свобода» дает возможность автору ограничивать себя лишь «нуждами» той концепции личности, которой суждено «выразиться» в конкретном произведении – и понятие **нормы** стиля практически исчезает. «Многостильность искусства <…> в новую эпоху развития искусств является характерной принадлежностью индивидуального стиля» [5, с. 17–18]. Существование нескольких, а иногда и множества повествовательных перспектив, «преломляющихся» в одну, авторскую перспективу, становится своего рода нормой. Множественность повествовательных инстанций стала возможной в любых эпических жанрах, однако литература без «повествовательных канонов» в XIX и XX вв. нашла воплощение в первую очередь «в романе как всеохватывающей по своему смыслу и в то же время каждый раз индивидуально построенной форме» [1, с. 37].

Жанр как одна из основных категорий поэтики и один из важнейших «уровней» литературно-художественного произведения всегда находился в центре внимания литературоведения. В частности, одним из наиболее актуальных вопросов типологии жанра был и остается вопрос о взаимозависимости его и других (в первую очередь – стилевых) структурных уровней текста. Для нас представляет интерес взаимосвязь **повествования** и жанра, каковая (взаимосвязь) может быть выявлена лишь при четком определении сущности жанра.

Следует оговориться, что мы имеем в виду, **во-первых, современную** (не привязанную к исторически изменяющимся принципам классификации), **во-вторых, европейскую**, и, **в-третьих, эпическую систему жанрообразования**. Оговорка эта важна в связи с тем, что во многих неевропейских литературах в основу классификации жанров были положены иные принципы, нежели в ведущей свое начало от античности европейской литературе. По словам Л. Чернец, «объем жанров изменяется в зависимости от жанрообразующих факторов, действующих в литературе того или иного периода» [11, с. 15]. Как утверждают исследователи, исторически сложились три типа организации жанровой системы: **индийский** («формальный принцип деления преобладает над функциональным, стиль закреплен непосредственно за темой, жанр часто нечеток» [1, с. 23]), **арабский** («функциональный принцип деления преобладает над формальным, в поэзии господствующий жанр выделяется как панегирический (мадх), в прозе выделяются жанры деловые, развлекательные и т.д.» [1, с. 23]), **античный и китайский** («компромиссный: в стихотворных жанрах преобладает формальный принцип деления (эпос, элегия, ямб,

лирика), в прозаических – функциональный принцип (проза историческая, ораторская, философская)» [1, с. 23]). Функциональный принцип типологии жанров для современной художественной прозы не представляется приемлемым. Современная же европейская классификация типов лирических жанров и форм продолжает основываться либо на содержательном, тематическом аспекте (элегия, ода), либо на формальном (сонет, рондо) [7, с. 68–69].

Л. Чернец указывает, что, «в отличие от других литературоведческих категорий (например, сюжета, композиции, стихотворного размера и др.), жанр не указывает на какую-то всегда одну и ту же сторону произведения» [11, с. 15]. Все попытки найти жанрообразующие факторы в стиле произведения не увенчались успехом. Связано это с тем, что конкретных **стилевых** особенностей жанра не существует, любой жанр может быть выражен практически любыми стилевыми средствами – и при этом «оставаться самим собой», то есть быть представителем конкретного жанра. А. Андреев справедливо утверждает, что «никакой особой романной, новеллистической или повестной (повести как жанра) структуры нет <…>. Метод меняется, стиль – тоже, но ***качество мышления*** остается прежним: полифоническим (в романе), тезисно-дискретным (в рассказе), тезисно-континуальным (в повести). Это и есть та неизменная жанровая “величина”, которая позволяет жанру стать памятью искусства, носителем генетического кода литературных форм» [2, с. 87]. Жанр – это «момент непосредственного перехода содержания в форму в художественном произведении» [3, с. 49], и единственным жанрообразующим фактором может являться само жанровое мышление, которое, в свою очередь, может быть реализовано в бесконечном разнообразии стилевых возможностей; «“чистых” носителей жанра как таковых просто не существует, ибо в силу многофункциональности каждого уровня (компонента) произведения они выполняют и иные, не имеющие отношения к жанру функции» [2, с. 87].

Библиографические ссылки

1. *Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.

2. *Андреев А. Н.* Методология литературоведения. Минск: Дизайн ПРО, 2000.

3. *Андреев А. Н.* Целостный анализ литературного произведения: Учеб. пособие для студентов вузов. Минск: НМЦентр, 1995.

4. *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика. Учебное пособие. М.: РГГУ, 2001.

5. *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1961.

6. *Манн Ю. В.* Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 431–480.

7. *Рагойша В. П.* Тэорыя літаратуры ў тэрмінах: Дапаможнік. Мінск.: «Беларуская энцыклапедыя», 2001.

8. *Тамарченко Н. Д.* Повествование // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др. / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 1999. С. 279–295.

9. *Тюпа В. И.* Категория автора в аспекте исторической поэтики (к постановке проблемы) // Проблема автора в художественной литературе. Межвузовский сборник научных работ / Удм. гос. ун-т им. 50-летия СССР; [Редкол.: Корман Б. О. (отв. ред.) и др.]. Устинов: УдГУ, 1985. С. 22–27.

10. *Фрейденберг О. М.* Образ и понятие // О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 223–622.

11. *Чернец Л. В.* Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

12. *Чудаков А. П.* Повествование // КЛЭ. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 6: Присказка – «Советская Россия». С. 813.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В КИТАЙСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТРЕНДАХ

К. И. Лещенко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kseniya.leshchanka@gmail.com

Статья посвящена анализу использования прецедентных имен в современных китайских музыкальных трендах. В качестве примера используются имена героев популярной китайской легенды о несчастных влюбленных – Лян Шаньбо (梁山伯)и Чжу Интай (祝英台). Легендарные персонажи и их трагическая судьба являются источником вдохновения для современных поэтов и композиторов, таких как Ли Маоян, Энди Лау и др. Употребление прецедентных имен позволяет глубже раскрыть образы лирических героев, дать слушателю более полное понимание авторской идеи. Использование прецедентных имен и реминисценций позволяет сделать вывод о преемственности музыкальной культуры современного Китая по отношению к культуре традиционной.

Ключевые слова: китайская музыкальная культура; Лян Шаньбо; музыкальный тренд; прецедентное имя; Чжу Интай

.

PRECEDENT NAMES IN CHINESE MUSIC TRENDS

K. I. Leshchanka

Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, kseniya.leshchanka@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the use of precedent names in modern Chinese musical trends. As an example, the names of the heroes of the popular Chinese legend about unhappy lovers – Liang Shanbo (梁山伯) and Zhu Yingtai (祝英台) are used. The legendary characters and their tragic fate are a source of inspiration for modern poets and composers, such as Li Maoyang, Andy Lau, etc. The use of precedent names allows us to reveal the images of lyrical heroes more deeply, giving the listener a more complete understanding of the author's idea. The use of precedent names and reminiscences allows us to draw a conclusion about the continuity of the musical culture of modern China in relation to the traditional culture.

Keywords: Chinese musical culture; Liang Shanbo; musical trend; precedent name; Zhu Yingtai.

Под прецедентными именами в лингвистике понимаются «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека (города, населенного пункта, предприятия, организации и др.), а в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств» [1]. Широкое употребление

прецедентных имен в художественной литературе делает их популярных объектом исследования.

Новизну же нашего исследования обусловливает рассмотрение использования прецедентных имен в китайских музыкальных трендах современности. Под музыкальным трендом мы будем понимать направление развития в музыке, наиболее актуальное и популярное в текущий момент. Показателями популярности того или иного тренда в современном мире может служить количество просмотров в сети, поисковых запросов, однообразных по содержанию подражаний и ремейков, скачиваний и др.

Китайская поп-музыка является динамично развивающимся направлением. Вопреки распространенному предубеждению, тексты популярных композиций зачастую представляют собой довольно глубокие произведения, следующие правилам построения поэтического текста. Так, одним из трендов китайской поп-музыки – начиная, пожалуй, с самого ее зарождения как вида искусства – остается написание композиций, включающих элементы традиционной культуры – от цитат из классики до использования народных инструментов и мелодий. В текстах подобных композиций используются и прецедентные имена. Рассмотрим для примера такую пару прецедентных имен, как 梁祝 «Лян-Чжу», т. е. Лян Шаньбо и Чжу Интай (梁山伯祝英台), легендарная пара влюбленных – герои «одной из четырех великих историй любви» Китая, своего рода «китайские Ромео и Джульетта».

Согласно одной из версий легенды, во времена, когда обучение женщин наравне с мужчинами и даже самостоятельное путешествие женщин считались недопустимыми (как обычно указывается, речь идет о династии Восточная Цзинь 东晋, 317–420), красивая и умная девушка по имени Чжу Интай отправилась в город Ханчжоу учиться, переодевшись в мужской наряд. Во время учебы она подружилась с юношей Лян Шаньбо. Шаньбо не знал, что Интай – девушка, однако об этом узнала жена учителя, и Интай решила вернуться домой. Шаньбо проводил ее до дому, но так и не понял, несмотря на ее намеки, что Интай – девушка и испытывает к нему романтические чувства. Через некоторое время Шаньбо решил навестить Интай, и тогда все и обнаружилось. Шаньбо понял, что также влюблен в Интай, однако родители уже просватали ее за человека из богатого клана Ма. Лян Шаньбо был вынужден вернуться домой, где слег от тоски, а затем и умер. Завещал он похоронить себя у дороги, которая вела от дома Чжу Интай к дому Ма. В день свадьбы с Ма паланкин с Чжу Интай несли мимо могилы Лян Шаньбо, и тогда Интай выскочила из паланкина и поклонилась могиле. Могила раскрылась, Интай бросилась в нее, и могила тут же закрылась. Ма приказал раскопать могилу – гроб в ней оказался пустым, но вылетели из могилы две птички (или, согласно более популярной версии, бабочки) – считается, то были сами Шаньбо и Интай. Жених

Ма бросился в реку и утонул, а затем сам обернулся рыбой с желтой чешуей [2, с. 312–317].

Образы Лян Шаньбо и Чжу Интай не требуют дополнительного толкования для китайского слушателя и как прецедентные зачастую встречаются в поп-композициях. Так, в тексте популярнейшей песни 寄明月 (Moonlight thoughts, 2017) в группы SING 女团, собравшей на Youtube более 30 млн просмотров, есть следующие строки:

若不识梁祝变成蝴蝶，驾紫烟穿过天上宫阙。

绝不知人间多愁离别，吹落叶散作秋风清切 [3]。

Если не знать, как Лян и Чжу превратились в бабочек,

Что порхают среди палат Небесного дворца, подхваченные сиреневым туманом,

То и не понять никогда, несколько горько расставаться,

Среди порывов осеннего ветра, срывающего листья с деревьев.

Автор текста и музыки Ли Маоян (李懋扬) использует прецедентные имена, чтобы подчеркнуть горечь разлуки, которую испытывает лирический герой.

Отметим, что в песне 寄明月 также встречаются и другие отсылки к классическим сюжетам – например, к Чжуанцзы и сну о том, как он стал бабочкой (想化作庄周变成蝴蝶 ‘*хотела бы обернуться Чжуан Чжоу, который превратился в бабочку’*), а сама песня была названа критиками «электронной гофэн» (电子国风), то есть композицию сравнили по глубине содержания с древнейшим памятником Шицзин (诗经) и его первым разделом «Нравы царств» (国风) [3]. Помимо реминисценций и аллюзий в тексте, автор также использует традиционные народные инструменты в аранжировке композиции.

Ли Маоян не был первым поэтом, обратившимся к образу Лян Шаньбо и Чжу Интай. Так, 祝英台近 «Приближается Чжу Интай» – это исторический популярный мотив-мелодия для создания стихов жанра цы (词): стихи на этот мотив есть, например, у Синь Цицзи (辛弃疾, 1140-1207), поэта эпохи Южная Сун (напр., 祝英台近 • 晚春 *На мотив «Приближается Чжу Интай» – Поздняя весна)* [4]. А у современного поэта Чжана Чжихао (张执浩, род. 1965) в стихотворении 睡莲醒了 *Проснулась кувшинка* читаем следующие строки:

蝴蝶越飞越慢, 好似标本啊好像梁山伯 [5]。

Бабочка порхает все медленнее, будто она уже музейный экспонаты, будто бы это – Лян Шаньбо.

Что касается поп-композиций, имена Лян Шаньбо и Чжу Интай можно встретить и в песне 苦命梁祝 *Горькая участь Лян и Чжу* (2005)

Энди Лау (刘德华), знаменитого гонконгского актера и певца (автором текста является он сам):

亲手埋葬了这一场——苦命梁祝。

没有爱情的日子里不会哭 [6]。

Собственными руками похороню все это [т. е. любовь и чувства] – горька участь Лян и Чжу.

В дни, в которых нет любви, не стану плакать.

Лирический герой сам отказывается от любви, не желая в будущем страдать так же, как герои легенды, и надеется, что это убережет его от слез разлуки. Однако отказ от любви также приносит страдания:

以为那只是传说中苦命梁祝，

没有泪水的日子里还是哭 [6]。

Я думал, что это только в легенде горька участь Лян и Чжу,

Но в дни, когда уже нет слез, я все же плачу.

Имена Лян Шаньбо и Чжу Интай употреблены в качестве прецедентных, автор не пересказывает легенду и не дает им дополнительного разъяснения, а под Лян и Чжу подразумеваются лирический герой и его возлюбленная.

Если говорить о трендах в развитии китайской инструментальной музыки, именами Лян Шаньбо и Чжу Интай названы многочисленные композиции, такие как «Лян-Чжу» (梁祝) , концерт для эрху и оркестра [7], и одноименный концерт для скрипки и оркестра, написанный, правда, в середине XX в., но входящий в репертуар современных исполнителей [8] и в последние годы получивший новый виток популярности в кавер-версиях для гучжэна [9], фортепиано [10] и др. Лиричная мелодия раскрывает все этапы развития отношений влюбленных – от знакомства и зарождения чувств до грустного финала. Слушатель, знакомый с легендой, угадывает в мелодических ходах основные сюжетные повороты.

Таким образом, на примере имен героев легенды Лян Шаньбо и Чжу Интай мы продемонстрировали популярность феномена прецедентного имени в китайских музыкальных трендах. В данном контексте можно сделать вывод, что музыкальные тренды Китая продолжают многовековую традицию преемственности по отношению к традиционной культуре и произведениям предшественников, характерную для китайского художественного творчества в целом.

Библиографические ссылки

1. *Терещенко А. В.* Прецедентные имена в современном русском и английском языках : статус, семантика, особенности функционирования // Вестник ТГПУ. 2016. №11 (176) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-

imena-v-sovremennom-russkom-i-angliyskom-yazykah-status-semantika-osobennosti-funktsionirovaniya (дата обращения: 23.06.2024).

2. Китайские народные сказки / Перевод с китайского Б. Рифтина. М. : Художественная литература, 1972.

3. 寄明月_百度百科 [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/寄明月/22142686 (дата обращения: 23.06.2024).

4. «Чжуинтайцзинь» [Электронный ресурс]. URL: https://chinese-poetry.ru/cycles.php?cycle_zh=祝英台近 (дата обращения: 23.06.2024).

5. Оригиналы стихов Чжан Чжихао (1965-ныне) [Электронный ресурс]. URL: https://chinese-poetry.ru/originals.php?action=show&record_id=3315 (дата обращения: 23.06.2024).

6. 苦命梁祝 歌词 – 刘德华 | Mulanci [Электронный ресурс]. URL: https://www.mulanci.org/lyric/sl37560/ (дата обращения: 23.06.2024).

7. 《梁祝》 Butterfly Lovers ErHu Concerto 指揮/閻惠昌 二胡/孫凰 – YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/tu5XohUR3Pg?si=ny8iG7e4v7OBJU8l (дата обращения: 23.06.2024).

8. 文薇 – 梁山伯与祝英台小提琴协奏曲（余隆指挥中国爱乐乐团，电影版） Butterfly Lovers Violin Concerto – Wen Wei (Yu Long conducts CPO) – YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/Ebf3h-o4xiw?si=GVq_FlEQ0L6H6hzR (дата обращения: 23.06.2024).

9. 《梁祝The Butterfly Lovers》法國街頭，一曲梁祝，人山人海，感受一下？【Chinese Musical Instruments 古箏 Guzheng Cover| 碰碰彭碰彭】 – YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/pghaG4tAbCk?si=8ooO1uOTJieRwhce (дата обращения: 23.06.2024).

10. 德國鋼琴家表演《梁祝》The Butterfly Lovers Concerto – Oskar Roman Jezior 羅曼耶卓 – YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/2w5fEoXu78E?si=VJiudkmAxqm2Ea4S (дата обращения: 23.06.2024).

СЛОВЕСНАЯ КУЛЬТУРА АФРИКИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

А. В. Ляхович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
anastasia_07007@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению понятия “словесность” и формированию понимания данного термина применительно к народам Африки. Изучение словесной культуры Африки имеет особую специфику, которая связана, в частности, с задачами переноса существующего в мировой науке терминологического аппарата, интерпретации характерного для африканских народов синтеза различных элементов массовой культуры и пр.

***Ключевые слова*:** словесность; Африка; подходы к изучению; суахили; хауса; африканское литературоведение; изучение фольклора народов Африки.

LITERARY CULTURE OF AFRICA AS A SUBJECT OF STUDY

A. V. Lyakhovich

St. Petersburg State University,
Universitetskaya embankment, 7–9, 199034, St. Petersburg, Russia,
anastasia_07007@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the concept of “literature” and difficulties in application of the term to the peoples of Africa. The study of African literary culture has a specificity, which is associated, in particular, with transferring the terminological apparatus existing in world science, interpreting the synthesis of various elements of mass culture specific to African peoples, etc.

Keywords: literature; Africa; approaches to study; Swahili; Hausa; African literary studies; study of the folklore of the peoples of Africa.

Словесность принято понимать как термин, объединяющий в себе сферы художественной литературы и устного народного творчества, совокупность литературных и фольклорных произведений какого-либо народа [1, 2]. Термин словесность применительно к народам Африки был разработан в исследованиях А.А. Жукова о суахалийской словесности [3]. Также этот термин использовался в работе А.В. Ляхович, посвященной художественной прозе на языке хауса 30-х годов XX века [4].

Необходимость использования данного термина в принципе очевидна. На протяжении всего исторического развития африканских

народов литература и фольклор вступали во взаимодействие. Более того, вплоть до настоящего времени эти явления неразрывно связаны, а иногда и трудноразличимы. В отличие от западной культуры, где более четко разграничены фольклор, театр и литература, кино и радио, пресса, в африканских культурах эти явления находятся в синкретическом взаимодействии. Они тесно переплетаются и функционируют в культуре в виде органичного единства. Так, например, современная словесная культура хауса (Нигерия) соединяет в себе различные элементы фольклора и литературы. Традиционные формы словесности служат основой для инновационных: профессиональный театр, кино, радио, телевидение осваивают и развивают ранее созданные фольклорные и литературные приемы, сюжеты, образы.

Если в цели исследования не входит разграничение тех или иных явлений, термин “словесность” дает возможность избежать ошибок неправильного употребления терминов применительно к реалиям африканской словесности. С другой стороны, рассмотрение ряда явлений в совокупности дает исследователю возможность судить об их развитии во взаимосвязи. И здесь также оказывается востребованным термин “словесность”. Современная хаусанская словесность объединяет различные по происхождению жанровые особенности и формы. Так, религиозная литература хауса – результат восприятия мусульманской культуры, особенности беллетристики свидетельствуют о влиянии западной культуры. И все в целом – это отражение развития всей хаусанской словесности и в общем – хаусанской культуры.

В изучении африканской словесности большое значение имеет вопрос использования и разработки терминологического аппарата. Во многих случаях у исследователей, занимающихся литературой или фольклором Африки, как правило, не возникает особых проблем с терминологией. Для описания многих явлений используется терминология, разработанная мировым и отечественным литературоведением и фольклористикой в первую очередь на материале европейской и русской словесности (А.Н. Веселовский, М.Ю. Лотман, В.Я. Пропп и др.). Это возможно, поскольку некоторые категории и явления носят универсальный характер, например, такие понятия, как: литература, фольклор, сюжет, мотив, сказка. В то же время в ходе изучения словесности африканских народов становится очевидным тот факт, что прямой перенос часто не осуществим: приходится вносить определенные дополнения в уже разработанные классификации и термины. Например, понятие “сказка” существует в русской культуре и в хаусанской культуре, однако если анекдотическая сказка – это примерно одинаковые явления в обеих культурах, то понятие “дилеммная сказка” – специфически африканское явление. И наоборот, как показывают исследования О.Ю. Завьяловой [5, 6], А.Ю. Желтова,

В.Ф. Выдрина [7], понятие «волшебная сказка» не применимо к африканскому фольклору.

В словесной традиции каждого народа есть столь специфические вещи, что их оказывается невозможным описать средствами мирового литературоведения или фольклористики. Очевиден вывод, что в исследованиях африканской словесности нужно отталкиваться, прежде всего, от терминов, которые существуют у самих африканцев. В языке африканских народов содержится ключ к пониманию многих важных явлений. Это касается и словесности. Например, задаваясь вопросом о том, что такое сказка хауса, надо обратиться, прежде всего, к понятиям *тацуния* и *лабари*. *Тацуния* – слово хаусанского происхождения, значения – "сказка" и "звезда". *Лабари* – "история" – слово арабского происхождения. Исходя только из этой информации, можно предположить, что жанр *лабари* появился не раньше XXI века, а семантика слова *тацуния* говорит о том, что произведения этого жанра исполняются ночью, при звездах.

Говоря о подходах к изучению словесности народов Африки, нужно отметить, что такие подходы вполне сформированы и находят отражение в достаточно объемной литературе, посвященной этому вопросу. Существующая научная литература основывается на довольно обширных материалах по литературе и фольклору народов Африки.

В первую очередь до нас дошли записи самими африканцами произведений художественного и нехудожественного характера. Такие записи появляются с появлением письменности. Характерно, что не сразу. Сначала употребление письменности было утилитарным. На ранних этапах своего развития литературная традиция была научной и религиозной, но не художественной. По этим памятникам мы можем судить о развитии литературы африканских народов доколониального периода.

Колонизация Африки была связана с активным изучением европейцами языков и культур африканских народов. Уже на ранних этапах колонизации велась плодотворная работа, связанная с фиксацией со слов африканцев фольклорных текстов. Кроме того, европейские исследователи, миссионеры и колониальные деятели занимались сбором и письменных текстов – благодаря их деятельности сегодня мы имеем в своем распоряжении сравнительно обширную коллекцию уникальных литературных памятников. Такие тексты позиционировались в первую очередь как надежный источник для изучения традиций, языка, истории африканцев. Исследования собственно словесности как таковой начинаются намного позже.

Изучение национальной словесности африканцами начинается много позже, чем исследования европейцев. В разных странах Африки пути к осознанию национальной словесной культуры, ее научному анализу, были разными. Разными были причины этого, цели также различались. Однако

нужно отметить один общий для всех феномен – исследование самими африканцами национальной словесности началось как одно из следствий “встречи цивилизаций”. Африканцы сегодня проявляют активный интерес к собственным национальным словесным традициям и корням.

Библиографические ссылки

1. *Назарова М.О.* Вклад В.Г. Белинского в определение семантического различия филологических терминов “письменность”, “словесность” и “литература” // Русский язык и литература: актуальные проблемы теории и практики преподавания : сб. мат-в VIII Всерос. научно-метод. конф-ии. Коломна : ГСГУ, 2023. С. 145–150;

2. *Аннушкин В.И.* Что такое словесность? (к определению научного термина и границ учебного предмета) // Рус. слов-ть. 1994. № 5. С. 33–41.

3. *Жуков А.А.* Культура, язык и литература суахили (доколониальный период). Л. : Изд-во ЛГУ, 1983.

4. *Ляхович А.В.* Становление художественной прозы на языке хауса (30-е годы XX века) : дисс…. канд. филол. наук / С.-Петербургский гос. ун-т. СПб, 2007.

5. *Завьялова О.Ю.* Проблема выделения жанров устной традиции манден (Западная Африка) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930) : мат-лы конгр. СПб : ИПК «НП-Принт», 2019. С. 284–285;

6. *Завьялова О.Ю.* Жанры устной традиции народов манден (Западная Африка) // Вестн. С.-Петербургского ун-та. Востоков. и африк. 2019. Т. 11, № 4. С. 529–541.

7. *Выдрин В.Ф., Желтов А.Ю.* “Люди – не люди”: опыт бинарной типологической классификации сказочных сюжетов // Африканская сказка - III. К исследованию языка фольклора / А.И. Коваль. М.: Изд-во Инст-та яз-ия РАН, 2005. С. 504–517.

ИСТОРИКО-АВАНТЮРНЫЙ РОМАН ИСКЕНДЕРА ПАЛЫ

М. М. Репенкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, ул. Моховая, 11, 125 009, г. Москва, РФ, mmrepenkova@rambler.ru

В статье рассматриваются поэтологические особенности романа «Шах & султан» (2010) известного современного турецкого писателя и филолога Искендера Палы. Цель исследования – рассмотреть сюжетно-композиционное содержание романа, делая акцент на пространственно-временной организации романного действа и его образной системе, а также доказать, что по своим художественным принципам роман вписывается в популярный сегодня историко-авантюрный жанр (Назан Бекироглу, Садык Йалсызучанлар, Нурийе Акман, Озлем Кумрулар, Мурат Тунджель и др.).

Ключевые слова: турецкая массовая литература; историко-авантюрный роман; Искендер Пала; «Шах & султан»; сюжетно-композиционные особенности.

HISTORICAL ADVENTURE NOVEL BY ISKENDER PALA

M. M. Repenkova

Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Mohovaya str., 11, 125 009, Moscow, Russia mmrepenkova@rambler.ru

The article deals with the poetological features of the novel "Shah & Sultan" (2010) by the famous contemporary Turkish writer and philologist Iskender Pala. The aim of the study is to examine the plot and compositional content of the novel, focusing on the spatial and temporal organization of the novel action and its image system, as well as to prove that according to its artistic principles the novel belongs to the historical adventure genre (as well as the novels written by Nazan Bekiroglu, Sadik Yalsizucanlar, Nuriye Akman, Ozlem Kumrular, Murat Tuncel etc.)

Keywords: Turkish mass literature; historical adventure novel; Iskender Pala; "Shah & Sultan"; plot and compositional features.

Историко-авантюрный роман[1] вот уже более полувека остаётся одним из самых востребованных жанров турецкой массовой литературы.

[1] Возникновение историко-авантюрного жанра в турецкой массовой литературе приходится на 1930-е гг., когда появляются первые романы, описывающие интриги султанского двора, любовные похождения членов султанской семьи, военные походы султанов, приключения турецких пиратов и т.п. (Турхан Тан, Абдуллах Зия Козаноглу). В 1940 – 1950-е гг. список авторов, пишущих в этом развлекательном жанре, пополняют Феридун

Среди современных авторов этого жанра наибольшей популярностью пользуется Искендер Пала. Родился И. Пала в 1958 г. в городе Ушаке. В 1979 г. он закончил филологический факультет Стамбульского университета и остался работать на кафедре. В 1983 г. защитил диссертацию, в 1993 г. стал доцентом, а в 1998 г. – профессором. Он имеет весьма внушительный список научных трудов по классической османской диванной поэзии. Литературная деятельность И. Пала началась, когда в 1980-х гг. в газетах и журналах стали появляться его очерки и рассказы, в той или иной степени связанные с османской поэзией. Популярность ему как литератору принесли романы «В Вавилоне смерть, в Стамбуле любовь» (Babil'de Ölüm İstanbul'da Aşk, 2004), «Капля горя» (Katre-i Matem, 2009), «Шах & султан» (Şah & Sultan, 2010), «Поэт Фатих» (Şair Fatih, 2010), «Великолепный поэт Мухибби» (Muhteşem Şair Muhibbi, 2011), «Ода – Роман "Юнус"» (Od – Bir 'Yunus' Romanı, 2011), «Легенда – Роман "Барбаросс"» (Efsane – Bir 'Barbaros' Romanı, 2013), «Принимающий гостей – Роман "Эюп Султан"» (Mihmandar – Bir 'Eyüp Sultan' Romanı, 2014) и др., тиражи которых переваливали за сотни тысяч. В настоящее время И. Пала преподаёт в Стамбульском университете культуры, совмещая научно-педагогическую деятельность с литературной.

Сочинения И. Пала называют ещё и «костюмными», потому что исторические события, которые он описывает, являются лишь фоном напряжённого романного действа. При этом достоверность и точность приводимых фактов порой вызывают сомнения, хотя многие романы и сопровождаются обширными списками книг по истории. В центре же повествования находятся: борьба с врагами (внутренними и внешними), раскрытие тайны, любовные приключения, интриги султанского двора. Нередко поведение персонажей (их поступки, речь, образ мыслей) далеко от изображаемой эпохи, «историчность» же поддерживается лишь именами реальных исторических лиц, описанием деталей исторической одежды, интерьера и быта. В его «костюмных» романах на первый план выходит не историческая составляющая, а занимательность и остросюжетность.

В основе сюжета одного из самых известных романов И. Пала «Шах & султан», выдержавшего уже более двадцати изданий, лежит война

Фазыл Тюльбентчи, Шакир Зия, Огуз Оздеш. Поток псевдоисторической массовой продукции буквально захлёстывает турецкий книжный рынок в 1960 – 1970-е гг. Наиболее известными представителями историко-авантюрного романного жанра в этот период являются Рагип Шевки Ешим, Огуз Оздеш, Севда М. Сезер, Мурат Сертоглу, Нихаль Атсыз, произведения которых уводят читателя в приукрашенный мир султанских дворцов, необыкновенных приключений вымышленных и реальных исторических героев, борющихся за процветание Османского государства [1, с. 31].

мужественного и справедливого турецкого султана Селима I Явуза[1] против трусливого пьяницы иранского шаха Исмаила за города-крепости Эрзинджан, Тебриз, Чалдыран. Сюжет включает в себя не только мотив борьбы с внешним врагом, но и мотив сокрытия тайны, осложнённый традиционным для историко-авантюрного романа мотивом переодевания: два брата-близнеца шиит Ака Хасан и суннит Джан Хюсейн, будучи персонами особо приближёнными к шаху и султану – они мухасипы[2] и охранники царственных лиц – из-за случайного стечения обстоятельств вынуждены, обменявшись одеждой, уйти в стан врагов (шиит Ака Хасан – к султану, суннит Джан Хюсен – к шаху), после разоблачения они оказываются помилованными новым хозяином, но затем каждый из них, признавшись в измене, возвращается на первоначальное место службы и теперь уже прощается своим прежним господином. Достаточно сильным является и мелодраматический-любовный мотив. При этом автор, отступая от правды, предельно накаляет страсти: девушка-суннитка Бихрюзе становится второй любимой женой шаха Исмаила и получает имя Тачлы / Коронованная; в битве за Чалдыран её пленяют турки; между Тачлы и Селимом вспыхивает любовная страсть, которую оба скрывают; султан увозит пленницу в Стамбул; поверженный шах спивается от ревности, горечи поражения и умирает.

Романное действо разворачивается на фоне жестокой и кровавой борьбы конца XV – XVII вв. между суннитами (сторонниками османского султана) и шиитами-алевитами (сторонниками иранского шаха) за обширные территории Восточной Анатолии и Азербайджана. Пространственно-временная организация произведения выстраивается из рассказов трёх главных героев – братьев-близнецов Ака Хасана и Джан Хусейна, а также юноши-евнуха Камбер-джана. Романные локусы быстро сменяют друг друга, «своё» и «чужое» пространства противопоставляются, а частые перемещения персонажей в пространстве формируют образ пути, проходящего сквозной линией через судьбы героев и подчёркивающего власть над их жизнями иррациональных моментов – случайностей и тайн. Например, загадочная тайна скрывается за историей рождения евнуха Камбер-джана, который не знает, кто его родители и живы ли они. До восьми лет его воспитывал некий Бабайдар – человек добрый, любящий мальчика, как собственного сына, но не желавший раскрывать ему тайну его родителей. Однажды августовской ночью 1501 г. в дом Бабайдара нежданно приходят

[1] Селим Явуз / Грозный (1477 – 1520) правил Османской империей с 1512 по 1520 гг. Он совершил ряд успешных походов на Восток против сефевидской империи шаха Исмаила (1487 – 1524). В период его правления турками также были завоёваны Мосул, Сирия, Палестина, Египет.

[2] Мухасип – друг-собеседник, компаньон в развлечениях господина.

люди шаха во главе с Ака Хасаном и забирают Камбер-джана в шахский дворец в городе Тебризе. Бабайдар успевает передать Камбер-джану только «мешочек со звёздами» (небольшую сумочку-кошелёк), строго наказав, никогда с ним не расставаться. Во дворце мальчика кастрируют и определяют евнухом к любимой жене шаха Бихрюзе / Тачлы. Камбер-джан влюбляется в Тачлы, но понимает, что ему никогда не завоевать любовь красавицы. Вместе с Тачлы Камбер-джан в составе резервного подразделения шахского войска, участвует в сражении при Чалдыране (1514 г.), в котором шах Исмаил терпит поражение. Шах вместе с остатками своего войска бежит в Тебриз, забрав с собой первую жену Гюлизар Бегюм и её сына. Камбер-джан и Тачлы попадают в плен к туркам. Камбер-джан, выступая в качестве романного рассказчика, подробно останавливается на отношениях султана и Тачлы. Он рассказывает о смерти султана и переживаниях Тачлы, о том, как оставшись одна, она завещает похоронить её на кладбище для бездомных и, потеряв рассудок, накладывает на себя руки. Все драматические события фиксируются датами, что призвано подтвердить реальность происшедшего. В заключительной части романа Камбер-джан обнаруживает под подкладкой «мешочка со звёздами» записку, из которой узнаёт, что он – родной племянник шаха Исмаила, что после смерти родителей он был отдан шахом на воспитание Бабайдару, что затем шах взял его во дворец, чтобы сделать евнухом, дабы лишить его возможности претендовать на престол.

В рассказах главных действующих лиц (Джан Хюсейн, Ака Хасан, Камбер-джан) читателю предлагается их собственная интерпретация исторических событий, часто не связанная с реальными фактами истории. Поэтому историческое время остаётся весьма условным, при том, что в названиях и подзаголовках глав присутствует временная определённость, т.е. говорится о том, кто, когда и о чём рассказывает. Например: «Глава 6. Шах мира. В этой главе повествуется о том, что шах приказал убить свою мать. Июль 1506, снова поведал Камбер» [2, с. 56].

Присутствующие в романе лексические сигналы изображаемой эпохи намечают условный исторический фон повествования. Это историзмы, архаизмы и диалектально-архаические формы, представленные в речи рассказчиков и других персонажей. Кроме того, сама устно-разговорная стилистика фразы «послушаем-ка, что он поведал» близка к фольклорно-эпическим повествовательным формам, которые часто встречаются, например, в эпосе «Дедем Коркут». В некоторых заголовках фраза заменяется на «посмотрим, что он поведал» [2, с. 246].

Отмечена архаизмами и речь шехзаде Селима, собирающего в Трабзоне войско для похода на Восток: «Мои соколы!... Мои волки!...<…> Я из тех удалых воинов (здесь и далее выделено мною – *М.Р.*), кто презирает

тяготы, возникающие на пути к Аллаху. А коль такие удальцы есть, стало быть, есть и я, и пока здравствую я, здравствуют и они. Мой лик – это лик истины. Некогда я вместе со своими старшими братьями Ахмедом и Коркутом играл на коленях у глубокочтимого, заслуживающего блаженной памяти нашего деда Мехмеда Фатиха. Я помню!...» [2, с. 35 – 36].

Согласно законам жанра образы героев романа «Шах & султан» однобоки и схематичны. Каждый из них наделяется доминирующим признаком-штампом, обозначения которого в тексте постоянно варьируются. При этом рамки жесткой оппозиции «положительные – отрицательные» строго сохраняются. Для положительных героев характерны такие устойчивые признаки, как ум, смелость, сила воли, преданность. Эти признаки часто демонстрируются в гиперболически преувеличенной форме. Если они влюбляются, то обязательно с первого взгляда. Если любят, то до самой смерти. Если сражаются на поле боя, то до последней капли крови. Например, султан Селим Явуз – смел и честен. Он борется за расширение земель Османского государства, за упрочение централизованной власти. Он жесток, но справедлив по отношению к своим подданным и своим врагам. Он ведёт переписку с шахом Исмаилом, в которой призывает воинственного соседа к честному и открытому сражению. Султан образован и умён. Ему удаётся вместе со своим преданным охранником Джаном Хюсейном под видом странствующих дервишей проникнуть в шахский дворец в Тебризе, провести с шахом сеанс игры в шахматы и победить Исмаила. Султан способен на глубокие чувства. Он с первого взгляда влюбляется в Тачлы, которую видит рядом с шахом во дворце, и остаётся преданным этой любви до своего последнего вздоха.

Формулы-штампы сопровождают и образы людей из султанского окружения (Джан Хюсейн). Они также являются смелыми, честными и преданными. Они достаточно легко преодолевают встречающиеся на их пути трудности, побеждают власть случайностей, разоблачают козни врагов и оказываются способными повлиять на судьбы государства османов.

Штампованные формулы определяют характеры и отрицательных персонажей – шаха Исмаила и окружающих его людей. Они коварны, жестоки, трусливы, слабовольны и корыстолюбивы. Образ шаха Исмаила высвечивается в рассказе Камбер-джана: жестокость шаха не имела границ. По его приказу шахские солдаты беспощадно убивали в Тебризе жителей-суннитов. Его жестокость распространялась даже на людей близких.

Отмеченные специфические особенности романа «Шах & султан» – условность исторического фона, напряжённость и занимательность сюжета, однoплановость и схематизм образов (героями являются как реальные исторические лица, так и вымышленные; их образы строятся на основе формул-сопроводителей), отсутствие индивидуализированной речи

героев, линейная временная организация с редкими ретроспективными вставками, использование штампов, клише и анахронизмов – позволяют рассматривать это произведение как пример типично историко-авантюрной литературы.

Библиографические ссылки

1. Софронова Л.В. Турецкий исторический роман. Этапы развития: дисс. … канд. филолог. наук. М., 1986.
2. Pala İ. Şah & Sultan. İstanbul: Kapı Yayınları, 2013.

ОСОБЕННОСТИ ОВЛАДЕНИЯ УСТНОЙ РЕЧЬЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КИТАЙСКИМИ УЧАЩИМИСЯ

В. А. Степанюк

Шантюский педагогический университет,
ул. Пинъюаньлу, 55, г. Шанцю, КНР, 476000, vika.dun.99@mail.ru

Статья посвящена изучению учебных стратегий китайских учащихся при овладении навыками устной речи на иностранных языках. Анализируются трудности в овладении коммуникативными навыками на иностранном языке, что связано со спецификой современной китайской системы образования, а также культурными и историческими особенностями китайского общества, которое по-прежнему пронизывает конфуцианская этика и идеология.

Ключевые слова: иностранные языки; китайская система образования; коммуникативные навыки; грамматико-переводной метод; аудиолингвальный метод.

FEATURES OF MASTERING ORAL SPEECH IN A FOREIGN LANGUAGE BY CHINESE STUDENTS

V. A. Stepanyuk

Shangqiu Normal University,
Pingyuanlu str., 55, Shangqu, China, 476000, vika.dun.99@mail.ru

The article is devoted to the study of educational strategies of Chinese students in mastering the skills of oral speech in a foreign language. We analyze the difficulties in mastering communication skills in a foreign language, which is associated with the specifics of the modern Chinese education system, as well as the cultural and historical features of Chinese society, which is still permeated by Confucian ethics and ideology.

Keywords: foreign languages; Chinese education system; communication skills; grammar and translation method; audio-linguistic method.

Анализируя особенности овладения китайцами устной речью на иностранном языке, необходимо принимать во внимание специфику современной китайской системы образования, а также исторический и культурологический аспекты.

Китайское образование как устоявшаяся система известно с 3-го тысячелетия до нашей эры. Несмотря на то, что китайская педагогическая мысль формировалась на основе различных философских традиций: конфуцианства, моизма, даосизма и легизма – именно конфуцианское влияние оказалось наиболее значимым. Конфуцианская этика и идеология и сегодня занимают важное место в общественной жизни Китая. Как и

тысячи лет назад, Китай проповедует культ труда, ценность человека как части системы, высокую ценность образования, рассматривая обучение как моральный долг перед семьей и обществом, а учителя – как образец знаний и нравственности [1, с. 170]. «Все китайское образование на самом деле основано на конфуцианских учениях, даже если учителя или учащиеся могут не до конца осознавать это» [2, с. 757].

Базовыми особенностями китайской системы образования можно назвать традиционализм, преемственность и системность [3]. В процессе исторического развития китайская система образования существенно изменялась, но всегда основывалась на культурных традициях и потому неотделима от идей конфуцианства. Главной особенностью китайской культуры является то, что она относится к коллективистскому типу, в ее основе лежат ценности семьи и сообщества. Усердие и самодисциплина особенно ценятся в китайской традиции. Считается, что усердие может компенсировать недостаток способностей, а лень осуждается как серьезный порок.

В китайской культуре учитель воспринимается как источник знаний и пример нравственности. По этой причине китайские студенты считают, что преподаватель всегда прав, они практически никогда не задают вопросов, а на вопрос, все ли понятно, почти всегда отвечают утвердительно. Согласно результатам проведенного нами опроса среди студентов первого и третьего курсов неязыковых специальностей (164 студента), только 34,76% (57 студентов) могут выразить несогласие со словами преподавателя. И если на лекционных занятиях такая «молчаливая» модель поведения не столь критична, то на практических занятиях по устной речи это становится существенной проблемой.

Один из вопросов, заданных студентам во время опроса, касался причин, по которым устные ответы вызывают у них стресс. Самым популярным ответом стала «боязнь ответить неправильно» – 89,63% (147 респондентов), то есть выразить мнение, которое может отличаться от мнения группы и преподавателя. На втором месте оказалось «отсутствие уверенности в произносительных навыках» – 81,71% (134 респондента). Третьей по популярности причиной оказался «страх получить неодобрение учителя» – 50,61%. «Страх получить неодобрение одногруппников» присутствует у 26,22% (43 опрошенных). «Отсутствие собственного мнения по обсуждаемому вопросу» является причиной волнения 51 респондента (31,1%). Только 16 респондентов (9,76%) ответили, что не испытывают волнения при устных ответах. Данные результаты свидетельствуют о том, что устные выступления вызывают сложности у большинства китайских студентов. Это связано не только с этнопсихологическими причинами, описанными выше, но и с особенностями современной китайской системы образования.

После окончания Культурной революции в 1976 году изучение английского языка стало приоритетным во всех учебных заведениях (количество учащихся, изучающих другие языки, относительно невелико). Грамматико-переводной и аудиолингвальный методы в течение многих лет занимают основное место в преподавании иностранных языков в Китае [4, с.144]. Аудиолингвальный метод предполагает многократное прослушивание и воспроизведение вслед за диктором выбранных структур и предложений, что приводит к их автоматизации. При этом преобладает хоровое чтение, что не позволяет выявить и исправить фонетические проблемы отдельных учащихся. Недостатками грамматико-переводного метода является практически полное отсутствие устного общения, изучение языка сводится к чтению текстов, переводу, изучению грамматических структур и выполнению письменных упражнений. По результатам нашего опроса самыми популярными видами работы на уроках иностранного языка в школе были чтение текстов вслух (82,93%), грамматические упражнения (81,1%) и письменный перевод (75%). Разговорной практике уделялось меньшее внимание – 32,93%.

В XXI веке началась реформа системы преподавания иностранных языков. Однако попытки внедрить коммуникативный метод не привели к ожидаемым результатам. Среди основных причин неэффективности следует отметить следующие: большое количество студентов в учебных группах, использование преподавателями устаревших методов обучения и ориентация на сдачу письменных экзаменов и тестов. Эти причины взаимосвязаны, но каждая из них имеет свои предпосылки и следствия.

В Китае в начальной, средней и старшей школе количество учащихся в классе в среднем составляет от 50 до 70 человек. Большинство учителей по-прежнему применяют традиционные грамматико-переводной и аудиолингвальный методы, которые просты в использовании в больших группах и требуют от преподавателя меньше усилий. Высшее образование в Китае считается очень престижным, однако конкурс высок из-за большой численности населения. Из-за жесткой конкуренции основное внимание уделяется сдаче письменных экзаменов и тестов, поэтому бóльшая часть времени тратится на изучение грамматики и лексики.

В результате школьной модели обучения у студентов высших учебных заведений развивается предпочтение пассивных методов обучения активным, склонность копировать готовые решения (действовать по алгоритму/шаблону) и закрытость в общении. Китайских студентов отличает высокая работоспособность и способность обрабатывать и запоминать большие объемы информации. Проблема может заключаться в том, что благодаря хорошей памяти студенты запоминают огромные тексты механически и в некоторых случаях не до конца понимают смысл [5, с. 251].

Из-за механического заучивания слов у учащихся не развивается лингвистическая логика, поэтому им трудно справляться с такими задачами, как угадывание значения неизвестного слова из контекста или через знакомые родственные слова. Китайское образование традиционно рассматривается как процесс накопления знаний, а не их конструирования [6, с. 97].

Таким образом, китайские учащиеся хорошо сдают письменные тесты, обладают хорошим словарным запасом и пониманием грамматики, но в то же время их речевые навыки остаются на низком уровне, что напрямую связано с особенностями современной образовательной модели в Китае, а также традиционными взглядами на воспитание, учёбу и фигуру учителя.

Библиографические ссылки

1. *Кошелева, Е.Ю., Пак, И.Я., Чернобильски, Э.* Этнопсихологические особенности модели обучения китайских студентов // Научное обозрение. Педагогические науки. 2014. № 1. С. 169–170.

2. *Jin, L., Cortazzi, M.* Dimensions of dialogue: Large classes in China // International Journal of Educational Research. 1998. № 29. P. 739–761.

3. *Ван, Я.* Генезис системы высшего образования в Китае: социальный аспект [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-sistemy-vysshego-obrazovaniya-v-kitae-sotsialnyy-aspekt (дата обращения: 13.04.2024).

4. *Чжо, Л., Барышникова, Е.Н.* Развитие коммуникативной компетенции китайских студентов-филологов в процессе обучения русскому языку // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 4. С. 137–135.

5. *Барысенка, В.У.* Падручнік БМЗ для Кітая. Праблема нацыянальнай скіраванасці // Скориновские чтения - 2021: роль книги в современном обществе : материалы V Международного форума, 7-8 октября 2021 г. Минск : БГТУ, 2021. С. 249–253.

6. *Hu, G.* Potential cultural resistance to pedagogical imports: The case of communicative language teaching in China // Language, Culture and Curriculum. 2002. № 15 (2). P. 93–105.

СЕМАНТИКА, СИМВОЛИКА И КОМБИНАТОРИКА ИЕРОГЛИФА «鳩» *JIU* В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ «КНИГЕ ПЕСЕН»

Е. С. Сулима

Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь, info@mslu.by

В статье рассматривается семантика и символика иероглифа «鳩» *jiū* как самостоятельного наименования птицы, так в комбинации с другими иероглифическими знаками 雎鳩 *jūjiū*, 鸣鳩 *míngjiū*, 鳲鳩 *shījiū*, фигурирующих в текстах древнекитайской «Книге песен».

Ключевые слова: «Книга песен»; «Шицзин»; 鳩 *jiū*; 雎鳩 *jūjiū*; 鸣鳩 *míngjiū*; 鳲鳩 *shījiū*; семантика; символика.

SEMANTICS, SYMBOLICS AND COMBINATORICS OF THE CHARACTER “鳩” *JIU* IN ANCIENT CHINESE “BOOK OF SONGS”

K. S. Sulima

Minsk State Linguistic University,
Zakharova Str., 21, 220034, Minsk, Belarus, info@mslu.by

The article examines the semantics and symbolism of the character “鳩” *jiū*, both as an independent name for a bird, and in combination with other hieroglyphic characters 雎鳩 *jūjiū*, 鸣鳩 *míng**jiū*, 鳲鳩 *shījiū*, appearing in the texts of the ancient Chinese “Book of Songs”.

Keywords: “Book of Songs”; “Shijing”; 鳩 *jiū*; 雎鳩 *jūjiū*; 鸣鳩 *míngjiū*; 鳲鳩 *shījiū*; semantics; symbolism.

Ни для кого не секрет, что «Шицзин» («Книга песен») является уникальным памятником китайской литературы, древнейшим сборником песен, датируемых XI–VI вв. до н. э., а также одной из важнейших книг конфуцианского канона, входящей в «Уцзин» («Пятикнижие»), что позволяет нам по праву считать ее одним из "ключей" к частичной реконструкции и, тем самым, пониманию древнекитайской модели мира[1].

[1] «Модель мира (скрытое знание) – архитектура стереотипов, т.е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие» [1, с. 34].

Песни сопровождают человека на всех этапах его жизни, ибо являются выражением духовной сути человеческого бытия. Именно об этой книге в «Луньюй» (глава 17, высказывание 9) [2, с. 266] написано следующее: «Конфуций сказал: «Ученики мои, почему не учите «Песни»? Они могут пробуждать мысли, чувства и воображение; позволяют наблюдать и ощущать обычаи и настроения [общества], помогают культивировать в людях нравственность, приближая их к взаимопониманию; дают возможность тактично выразить недовольство. Дома, следуя «Песням» служите родителям, вдали – правителю. Из «Песен» также можно узнать множество названий птиц, зверей, трав и деревьев» [3, с. 182].

Согласно исследованиям китайских специалистов названия животных встречаются 202 раза (всего 27 вида), птиц – 61 (35 видов), рыб – 46 раз (16 видов), насекомых и пресмыкающихся – 40 (26 видов) [4, стр. 5], 77 видов трав, 41 вид деревьев [5, с. 5-8].

Из 305 песен «Шицзин» в 50-ти фигурируют наименования птиц, и это не случайно. Образы птиц в китайской культуре обладают широким семантическим спектром, богатой символикой, а также носят сакральный характер. Этот тезис подтверждает факт существования особого стиля письма (разновидности стиля 篆书 *zhuànshū*) – 鸟篆 *niǎozhuàn* (стиль печатей с элементами изображения птиц), распространенный в VIII-III вв. до н.э. на территории царств У, Чу, Цай и Юэ.

В данной статье мы хотим обратиться к наименованиям птиц, в составе которых есть иероглиф 鸠 *jiū*. Выбор именно этой единицы продиктован не только желанием разобраться, какой образ кодируется ей, какова ее символика, но и способствовать адекватному переводу некоторых текстов из «Книги песен».

Наименование птицы **鸠** *jiū* встречается в песнях 《鹊巢》*quècháo* («Выезд невесты»[1]) и《氓》*méng* («Ты юношей простым пришел весной»). Этот же иероглиф появляется в комбинации с другими знаками, образуя наименования других птиц: **雎鸠** *jūjiū*, **鸣鸠** *míngjiū*, **鸤鸠** *shījiū*, фигурирующих в песнях 《关雎》*guānjū* («Встреча невесты»),《小宛》 *xiǎowǎn* («Ода о воспитании») и《鸤鸠》*shījiū* («На той шелковице голубка сидит») соответственно.

Для начала обратимся к происхождению иероглифа 鸠 *jiū*. Согласно этимологическому словарю под редакцией Ли Сюэциня, впервые этот знак встречается в эпоху Чуньцю («Вёсен и осеней») и выглядит так: [6, с. 325]. В «Большом словаре китайских иероглифов» уточняется, что

[1] Здесь и далее перевод названий и текстов песен соответствует переводу А. А. Штукина [11].

данный иероглиф найден на мече-цзянь правителя царства Юэ [7, с. 4915], на котором отчетливо видны 8 иероглифов, начертанных в стиле 鸟篆 *niǎozhuàn*. После долгих дискуссий китайские ученые пришли к выводу, что этот меч принадлежал Гоуцзяню, правителю царства Юэ в 496-465 гг. до н. э., так как произношение его имени (勾践 *Gōu Jiàn*) было созвучно с произношением иероглифов, найденных на мече (鸠浅 *Jiū Jiān*).

Что же касается значения иероглифа 鸠 *jiū*, то согласно словарю «Шовэнь цзецзы», это 鶻鳩 *gǔzhōu* [7, с. 4915] (встречающееся в древних текстах название птицы «горлица»), а также общее в древности название для пяти видов птиц 鸠 *jiū*: 祝鸠 *zhùjiū* (горлица), 雎鸠 *jūjiū* (рыбный орёл, скопа), 鸤鸠 *shījū* (кукушка), 爽鸠 *shuǎngjiū* (ястреб, сокол), 鹘鸠 *gǔjiū* (горлица). На русский язык, согласно «Большому китайско-русскому словарю» переводится «горлица, горлинка» [8, с. 522]. Однако ряд исследователей (Ло Юймин [9, с. 111], Ван Сюмэй [10, с. 24], Ли Шань) утверждают, что это также может быть кукушка. На рисунке 1 можно увидеть изображение 鸠 *jiū,* размещенное в издании «Шицзин» с комментарием профессора Фуданьского университета Ло Юймина (рис. 1) [9, с. 111].

В «Книге песен» название этой птицы упоминается дважды, в обеих

Рис. 1. Изображение 鸠 jiū

песнях связано с образом девушки, женщины, однако настроение и содержание песен абсолютно разное. Одна – 《鹊巢》 *quècháo* («Выезд невесты») – свадебная песня, в которой поется о том, что девушка из княжеского рода отправляется в дом к своему будущему супругу. Образ девушки-невесты перекликается с образом птицы 鸠 *jiū*, а образ жениха передает 鹊 *què* – сорока. В китайской культуре сорока является символом любви между супругами, удачи и семейного счастья. Таким образом строки «维鹊有巢，维鸠居之» (*букв.* «сорока свила гнездо, горлица будет в нем жить») следует трактовать как мужчина готов к женитьбе, приглашает невесту в свой дом. Известная на сегодняшний день поговорка 鸠居鹊巢 *jiū jū què cháo* («горлица своего гнезда не строит, живет в гнезде сороки» (о жене, перешедшей в дом мужа) [8, с. 522]) происходит именно из

этой песни. Сюжет второй песни 《氓》*méng* («Ты юношей простым пришел весной») трагичен. Женщина в форме воспоминания повествует о том, как влюбилась в странника (возможно, человека в изгнании, бросившего свою землю и бежавшего в царство Вэй), вышла замуж, подверглась жестокому обращению и была брошена. Она выражает сожаление о своем прошлом, решимость забыть всё, что было, а также предупреждает молодых девушек о необходимости быть осторожнее в выборе мужа [10, с. 118]. Именно в этом контексте упоминается птица 鸠 *jiū* в этой песне: существует поверье, что горлицы любят плоды шелковицы, но, наевшись, могут опьянеть [10, с. 121]. В переводе А. А. Штукина в обеих песнях название птицы 鸠 *jiū* переводится как «голубка» [11, с. 30, 61], но в целом перевод адекватен смыслу оригинала.

О том, какой птицей является 雎鸠 *jūjiū,* жаркие споры ведутся и по сей день. Согласно «Большому словарю китайских иероглифов» 雎 *jiū* – то же, что и 王雎 *wángjū* – водный орёл или скопа (рис. 2а), этой же точки зрения придерживаются Чжу Си, Ван Сюмэй, Ло Юймин [9, с. 2]. Так же переводится данная единица и на русский язык: «1) самец и самка рыбного орла; 2) *перен.* брачная пара» [12, с. 336]. Однако профессор Ли Шань утверждает [13, с. 80], что эта точка зрения устарела. Исходя из того, что в песне 《关雎》*guānjū* («Встреча невесты») “关关” *guānguān* – это звук, который издают эти птицы, если обратить внимание на реконструкцию, можно заметить, что такой звук могут произносить только птицы с плоским клювом, поэтому он утверждает, что это 绿头鸭 *lǜtóuyā* – утка (кряква) (рис. 2б).

а *б*

Рис. 2. Изображения скопы и кряквы:
а – скопа (雎鸠 jūjiū); *б* – кряква (雎鸠 jūjiū)

《关雎》 – первая песня в сборнике и, потому, самая известная, переводов только на русский язык насчитывается около десятка, а спектр наименования птицы невероятно широк: утки, селезень и уточка, чайки,

скопы, орёл. Однако китайские исследователи сходны в одном: в песне《关雎》 («Встреча невесты») пара птиц 雎鸠 *jūjiū* является символом супружеской пары, счастливого брака и благополучной семейной жизни.

Следующее наименование птицы – 鸤鸠 *shījiū*, встречается оно в одноименном произведении 《鸤鸠》*shījiū* («На той шелковице голубка сидит»). Во всех рассмотренных нами источниках мнения о содержании и интерпретации песни разные, но все исследователи единогласны в том, что 1) 鸤鸠 *shījiū* – это 布谷鸟 *bùgǔniǎo* (кукушка), 2) в этой песне ʻкукушкаʼ – мужской образ. Цель песни – восхваление, возможно, с оттенком иронии. Однако объект восхваления так и не установлен: кто-то склоняется к тому, что это правители различных царств (Чжоу Гун; правитель царства Цао и др.), кто-то, что это собирательный образ «благородного мужа» 君子 *jūnzǐ*. В тексте говорится, что у кукушки есть семь птенцов. Согласно большинству комментариев, раньше люди верили, что у кукушки семь (здесь значение «много») птенцов, и отношение ко всем одинаковое, без предпочтения [10, стр. 295], в песне это выражение используется в качестве метафоры, показывающей успехи и влияние не только правителя, благородного мужа, но и его детей.

Далее рассмотрим название следующей птицы – 鸣鸠 *míngjiū* из песни《小宛》*xiǎowǎn* («Ода о воспитании»). А. А. Штукин перевел его как «птица-певунья» [11, с. 170] и, на первый взгляд, для этого есть основания. На русский язык 鸣 *míng* действительно может переводиться как «петь, щебетать, чирикать; певчий, звонкоголосый (о птицах)» [8, с. 512], но также и как номинативная единица «пятнистый (дикий голубь; горлица кольчатая)» (рис. 3) [8, с. 513].

Рис. 3. Изображение горлицы (鸣鸠 míngjiū)

Основной мотив песни, пронизанной метафорами и образами птиц, – беспокойство старшего брата о младшем, предупреждение об опасностях, встречающихся на жизненном пути, так как брат еще очень молод и

амбициозен, может, словно маленькая птичка 鸣鸠 *míngjiū,* «высоко взлететь» и, не рассчитав риски, попасть в беду.

Таким образом, несмотря на то что во всех названиях птиц фигурирует один и тот же иероглиф 鸠 *jiū*, их семантика и символика имеют существенные отличия.

Библиографические ссылки

1. *Гордей А. Н.* Основания комбина́торной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: Сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2005. С. 32–35.

2. 论语白话全译 / 文史哲译. 上海：立信会计出版社，2012.

3. *Сулима Е. С.* Книга песен» («Шицзин») сквозь призму «Бесед и суждений» («Луньюй») // Пути Поднебесной (науч. тр. Вып. X. В 2 ч. Ч. 1 / редкол. : А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. : сб. науч. ст. по материалам X Международной научной конференции «Китайская цивилизации в диалоге культур», Минск, 1-2 марта 2023 г.: / Минский гос. лингвист. ун-т, 2024. С. 174–184.

4. *井超*.《诗经》中的动物兴象及其象征意义探源. 专业硕士学位论文. 专业学位类别为中国古代文学硕士. 保定：河北大学，2009.

5. 万物有灵：《诗经》里的草木鸟兽鱼虫 /（日）细井徇绘. 北京 ：北京时代华文书局，2018.

6. 字源 / 李学勤主编. 天津：天津古籍出版社 ；沈阳：辽宁人民出版社，2012.

7. 汉语大字典：九卷本 / 汉语大字典编辑委员会编纂. 2 版. 武汉：湖北长江出版集团·崇文书局；成都：四川出版集团·四川辞书出版社，2010.

8. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / редкол.: И. М. Ошанин (гл. ред) [и др.]. Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983–1984. Т. 3. 1984.

9. *骆玉明*. 诗经 / 骆玉明解注 ; (日) 细井徇撰绘. 西安 : 三秦出版社，2017.

10. *王秀梅*. 诗经 /王秀梅译注. 北京：中华书局，2015.

11. Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина; Подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; Коммент. А. Штукина. М. : Худож. лит., 1987.

12. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / редкол.: И. М. Ошанин (гл. ред) [и др.]. Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983–1984. Т. 2. 1983.

13. *李山*. 诗经析读：全文增订插图本. 北京：中华书局，2018.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ АНТОНИМИЧЕСКИХ ЛОГОГРАММ С ДЕТЕРМИНАТИВАМИ 犭(犬) ‘СОБАКА’, 牜(牛) ‘БЫК’, 羊 ‘БАРАН’ И 馬 ‘ЛОШАДЬ’

И Сяо

Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь, xiao.eric@yandex.by

В статье путем грамматического и этимологического анализа выявляются семантические особенности иероглифов-антонимов с детерминативами со значением млекопитающих животных: 犭(犬) ‘собака’, 羊 ‘баран’, 牜(牛) ‘бык’, 馬 ‘лошадь’. Определяются закономерности выбора детерминативов в процессе номинации противоположных понятий в китайской иероглифической письменной системе.

Ключевые слова: антонимия; иероглифы; детерминатив; грамматология.; китайский язык.

SEMANTIC FEATURES OF THE CHINESE LOGOGRAMS-ANTONYMS WITH RADICALS 犭(犬) ‘DOG’, 牜(牛) ‘BULL’, 羊 ‘SHEEP’ AND 馬 ‘HORSE’

Yi Xiao

Minsk State Linguistic University,
Zakharova str., 21, 220034, Minsk, Belarus, xiao.eric@yandex.by

The article reveals the semantic features of hieroglyphs-antonyms with characters with the meaning of mammalian animals by grammatical and etymological analysis: 犭(犬) ‘dog’, 羊 ‘sheep’, 牜(牛) ‘bull’, 馬 ‘horse’. The regularities of the choice of determinants in the process of nominating opposite concepts in the Chinese writing system are determined.

Keywords: antonymy; characters; determinative; grammatology; Chinese language.

Как справедливо отмечал А.М. Карапетьянц, китайское письмо, являясь областью собственных правил функционирования, формирования и представления, как ничто иное дает возможность понять китайцев. Подтверждением этой мысли стал анализ Тань Аошуан детерминативов иероглифов 过, 活 и 住, который наглядно показал значимость исследования структурно-семантических характеристик иероглифических знаков, влияющих непосредственно на разное употребление соответствующих иероглифов [1, 2]. Если в данном случае с синонимическими единицами все

более-менее очевидно, то с антонимическими номинациями возникает немало вопросов.

Анализ более 1050 пар логограмм-антонимов, отобранных из словаря «反义词大词典» (Большой словарь антонимов) [6, с. 1250] и монографии «上古汉语反义词研究» (Исследование антонимов древнекитайского языка) [7, с. 143] показал, что в составе данной группы единиц достаточно часто присутствует как общий (明 ‘светло’ ― 晦 ‘темно’ (日 ‘солнце’)), так и различные (憎 ‘ненавидеть’ (心 ‘сердце’) - 愛 ‘любить’ (夂 ‘нога вниз’)) детерминативы.

Семантический и грамматологический анализ полученных пар логограмм-антонимов показал, что в китайский иероглифической системе номинация противоположных понятий может осуществляться путем ввода детерминативов – обозначений млекопитающих животных. Среди них широко используемыми являются детерминативы 犭 (犬) ‘собака’, 羊 ‘баран’, 牛 (牛) ‘бык’ и 馬 ‘лошадь’. Если говорить о детерминативе 犭 ‘собака’, то он достаточно часто присутствует в составе одного из иероглифических знаков антонимической пары, например, в паре иероглифов-антонимов 獎 ‘воодушевлять’ (犬 ‘собака’) – 懲 ‘устрашать’ (心 ‘сердце’). Логограмма獎 возможно отражает первоначальное значение «воодушевлять собаку перед охотой» [8 с. 190]. Логограмма 懲 включает детерминатив 心 ‘сердце’, поскольку в осознании древних китайцев сердце являлось основной частью организма, связанной с существованием метальных операций и эмоциональными ощущениями. Детерминатив 犭 ‘собака’ репрезентирует субъект для обозначения связи с охотой, 心 ‘сердце’ – как средство выражения инструмента[1]. См. также следующие примеры: 猛 ‘свирепый’ (犭 ‘собака’) ― 寬 ‘великодушный’ (宀 ‘крыша помещения’), 默 ‘молчание’ (犭 ‘собака’) ― 語 ‘говорение’ (言 ‘речь’), 犯 ‘нарушение’ (犭 ‘собака’) ― 守 ‘соблюдение’ (宀 ‘крыша помещения’), 戾 ‘тирания’ (犭 ‘собака’) ― 和 ‘мир, гармония’ (口 ‘рот’) и др.

[1] См. также 戾 ‘тирания’ (犬 ‘собака’) – 仁 ‘человеколюбие’ (亻 ‘человек’). 戾 ‘тирания’ – идеограмма, в чьем составе смысловой компонент 户 ‘калитка’ и детерминатив 犬 ‘собака’, сочетание детерминатива и компонента дало древним китайцам понятие о «злая собака за калиткой», и далее «тирания». Детерминатив 犬 ‘собака’ представляет собой репрезентант субъекта для выражения противоположных понятий связанных с метальной и социальной операцией, а детерминатив 亻 ‘человек’ – также репрезентант субъекта для данного выражения. В данной паре иероглифов имеют место соответственно различные мотивировочные основания.

Ввод детерминатива 犭 ‘собака’ также может быть мотивирован необходимостью номинации значений противоположностей, связанных с физическими свойствами существ или объектов, например 臭 ‘неприятный запах’ (犭 ‘собака’) — 香 (последующая форма 香) ‘вкусный запах’ (黍 ‘пшено’). Логограмма 臭 состоит из детерминатива 犭 ‘собака’ и смыслового компонента 自 ‘нос’. Во время охоты древних людей собака использовалась для поиска диких животных по запаху [Цзи 2015: 596]. Детерминатив 黍 ‘пшено’ в логограмме 香 вводится в связи с тем, что зерна обладают крепким вкусным запахом. В данном сочетании логограмм-антонимов детерминатив 犭 ‘собака’ репрезентирует субъект для выражения противоположных физических состояний, а 黍 ‘пшено’ — объект. См. также: 狭 ‘узкий’ (犭 ‘собака’) — 闊 ‘широкий’ (門 ‘дверь’).

Детерминатив 犭 (犬) ‘собака’ вводится также для номинации значений противоположностей, связанных с общественной жизнью, например獨 ‘отдельный’ (犭 ‘собака’) — 群 ‘групповой’ (羊 ‘баран’). Согласно объяснению, представленному в словаре Сюй Шэня «说文解字» (Шовэнь цзецзы) [4, с. 145], в понимании древних китайцев собака могла представлять собой репрезентанта субъекта для выражения понятия «отдельный», так как охотничьи собаки должны жить в отдельных камерах для избежания боя между ними [5 с. 560]. Выбор детерминатива 羊 ‘баран’ в логограмме 群 обусловлен семантикой «групповой», т. к. в китайской иероглифической письменности смысловой компонент 羊 ‘баран’ часто используется в составе сложносоставных логограмм для репрезентации значения, связанного с кроткими или добрыми чертами характера в общественной жизни, например следующий пары антонимических иероглифов:

善 ‘гармония, доброта’ (羊 ‘баран’) — 惡 ‘уродство, зло’ (心 ‘сердце’);

美 ‘приятность, красота’ (羊 ‘баран’) — 醜 ‘неприятность, уродство’ (鬼 ‘душа мертвого человека’);

義 ‘мораль и справедливость’ (羊 ‘баран’) — 利 ‘интересы и выгоды’ (刂 ‘нож’); и др. [3 с. 3340].

Детерминативы 牜 (牛) ‘бык’ и 馬 ‘лошадь’ при номинации антонимических понятий в китайской иероглифической системе может представлять репрезентант субъекта для выражения вида или признака животных. Например, пара антонимических логограмм 馴 ‘кроткое (животное)’ (馬 ‘лошадь’) — 犦 ‘упрямое (животное)’ (牛 ‘бык’). Логограмма 馴 создана на семантическом основании 馬 ‘лошадь’. Детерминатив 馬 ‘лошадь’ в осознании древних людей может репрезентировать субъекта для

выражения умного и смелого характера у животных. А 犟 — логограмма состоит в основе детерминатива 牛 ‘бык’, который является репрезентанта субъекта для выражения трудолюбия или упрямства у животных. Данная пара антонимических сложных логограмм 馴 ‘кроткий’ (馬 ‘лошадь’) — 犟 ‘упрямый’ (牜 ‘бык’) выражает противоположные значения, связанные с признаком животных, детерминатив 馬 ‘лошадь’ и 牛 ‘бык’ репрезентируют субъект для данного выражения. А еще модно ввести в примеры такие пары логограмм-антонимов 鵟 ‘кляча’ — 駿 ‘скакун’ (馬 ‘лошадь’), 牷‘полный бык для жертвоприношение’ (牜 ‘бык’ + 全 ‘полный’) — 半 ‘половина быка для жертвоприношение’ (牜 ‘бык’ + 八 ‘разделять’) и др. [5, 8].

Детерминатив 牜 (牛) ‘бык’ в создании антонимических логограмм может репрезентировать категориальный признак семантики, поскольку оба понятия логограмм-антонимов относятся к числу обозначений видов животных. Например, 牡 (первоначальная форма) ‘бык; мужской пол животных’ – 牝 (первоначальная форма) ‘корова; женский пол животных’ (общий детерминатив 牜 ‘бык’). В первоначальной системе китайского письма Цзягувэнь создание иероглифических знаков, которые выражают обозначения животных разных полов, представлено в следующем виде: «детерминатив-категория + дифференциальный (гендерный) признак», а именно знак гендерного различия «признак мужского пола животных» или «признак женского пола животных» являются смысловыми компонентами для обозначения противоположных полов животных. А детерминатив 牜 (牛) ‘бык’ выполняет репрезентацию субъекта для выражения категориального понятия животных.

Таким образом, этимологический анализ пар иероглифов-антонимов с детерминативами 犭 (犬) ‘собака’, 羊 ‘баран’, 牜 (牛) ‘бык’, 馬 ‘лошадь’ наглядно показывает, что выбор ключевого смыслового компонента (детерминатива) для пары знаков с противоположными значениями может происходить по общим или различным мотивировочным основаниям. Наиболее часто мотивировочными признаками при номинации противоположных понятий является возможность детерминатива выступать в качестве обозначения субъекта или действия для выражения антонимических значений, связанных с видами и признаками животных, а также с социальным действием и состоянием.

Библиографические ссылки

1. *Карапетьянц А.М.* Гимн иероглифу [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vq1iJ-X_ZxU&t=5012s (дата обращения: 20.02.2024).

2. *Тань Аошуан.* Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. Москва: Яз.слав. культуры, 2004.

3. *Сюй Чжуншу., Ли Гэфэй., Чжао Чжэньдо [и др.].* Большой словарь китайских иероглифов. Ухань: Изд-во «Чунвэнь», 2010. = 汉语大字典 / 汉语大字典编委会：徐中舒、李格非、赵振铎等，学术顾问组：于省吾、王力等。武汉：崇文书局，2010.

4. *Сюй Шэнь.* Объяснение простых и толкование сложных знаков (Шовень цзецзы). Юйлу : Издательство в Юйлу, 2006. = 许慎. 说文解字。 岳麓：岳麓书社，2006.

5. *Цзи Сюйшэн.* Новое доказательство «Шовэнь цзецзы». Тайбэй : изд-во «И Вэнь», 2015. = 季旭昇. 说文新证。 台北： 艺文印书馆， 2015.

6. *Чжан Цинюнь.* Большой словарь антонимов. Шанхай: Шанхайское изд-во «Словарь», 2003. = 张志毅. 反义词大词典。张庆云、张志毅 上海： 上海辞书出版社， 2003.

7. *Цзя, Цинь.* Исследование антонимов древнекитайского языка. Ханчжоу: Изд-во «Чжэцзянский университет», 2016. = 贾芹. 上古汉语反义词研究. 杭州：浙江大学出版社，2016.

8. *Цзоу Сяоли.* Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов. Пекин: Изд-во «Чжон Хуа Шу Цзю», 2007. = 邹晓丽. 基础汉字形意释源。北京：中华书局，2007.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЗВУЧАНИЯ КИТАЙСКОЙ ЛОГОГРАММЫ

М. С. Филимонова

Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова 21, 220034, г.Минск, Беларусь, marinfill@yandex.ru

В данной статье рассматриваются сокращенные логограммы китайского языка. Исследуется структура китайской логограммы 出, осуществляется рекурсивный анализ данной логограммы. Автором осуществляется анализ структур и семантики данной логограммы как имитатива, результаты которого наглядно демонстрируют наличие семантической обусловленности звучания китайских логограмм.

Ключевые слова: китайский язык; логограмма; двухкомпонентная единица; рекурсивный анализ; имитатив.

SEMANTIC INFLUENCES ON THE PRONUNCIATION OF THE CHINESE LOGOGRAM

M. S. Filimonova

Minsk State Linguistic University,
21 Zakharov St., 220034, Minsk, Belarus, marinfill@yandex.ru

This article reveals the structure of abbreviated Chinese logogram, the structure and recursive analysis of the Chinese logogram 出. The author analyzes the structure and semantics of the logogram c出 as imitative word, the analysis demonstrates semantic influences on the pronunciation of the chinese logogram.

Keywords: Chinese language; logogram; two-component language unit; recursive analysis; imitative word.

По своей структуре все логограммы китайского языка являются изначально двухкомпонентными знаками, чья эволюция с течением времени проходила по пути семантической свертки, которая в итоге привела к синтаксической свертке. На данном этапе развития китайской письменности все логограммы характеризуются разной степень свертки, относясь к двум типам: *развернутым* логограммам и *свернутым* логограммам. *Развернутые* логограммы представлены *составными* и *сложными* логограммами. *Свернутые* логограммы включают в себя *сокращенные* и *сжатые* логограммы [2].

В связи с этим наиболее эффективным методом анализа семантики китайских логограмм представляется рекурсивный анализ, разработанный в теории комбинаторной семантики, направленный на выявление этимологии и скрытой двухкомпонентности логограммы, а именно вложенных синтаксических структур. Согласно А. Н. Гордею, лексема является свернутым

предложением, обусловливая изоморфизм синтаксической модели предложения и лексемы. Любая китайская логограмма может быть представлена в виде минимальной (ядерной) цепочки модели мира, состоящей из субъекта (S), акции (A) и объекта (O), а также инструмента (I), локуса (L)), являющимися семантическими эквивалентами подлежащего, сказуемого и дополнения в предложении [1].

Согласно положениям комбинаторной семантики, существует два типа рекурсии: простая (номинативная) и сложная (предикативная). При простой рекурсии охваченная ей группа языковых единиц представляет собой номинативное сочетание знаков. Предикативная рекурсия возникает тогда, когда в роли одного из членов предложения (в нашем случае компонентов иероглифа) выступает самостоятельное предложение. В китайской иероглифике могут наблюдаться оба вида рекурсии: 1) знаки, которые могут быть развернуты по принципу *номинативной рекурсии*; 2) знаки, которые могут быть развернуты по принципу *предикативной рекурсии* [1; 2].

Рассмотрим такую категорию, как сокращенные логограммы. Они представляют собой знаки, в которых либо сохранена семантическая роль только актуализатора, или другими словами, опорного семантического элемента (который совпадает с современным ключом иероглифа), либо семантическая и/или фонетическая роль только модификатора. Сокращенные логограммы с номинативной рекурсией. К ним относятся иероглифы-фоноидеограммы, в роли модификаторов которых выступают фонетические знаки, которые также уточняют подпредметную область значения логограммы или только выделяют логограмму из множества логограмм с таким же ключом [2]. Например, 光 ‘свет; лучи; сияние (излучение)’. Этимологическое значение: 甲骨文字形，“从火，在人上”。本义:光芒，光亮 ‘Сверху изображение огня, снизу изображение человека. Изначально данный иероглиф имел значение ‘лучи, сияние, сверкание, светлый, блестящий’. Значение логограммы складывается путем сложения значений ее компонентов: идеограф 火 + идеограф 人 ‘огонь’ + ‘человек’. Геометрически огонь располагается над человеком, что дает значение ‘свет, сияние в небе, над головой, предположительно солнца/луны’.

Сокращенные логограммы с предикативной рекурсией относятся к двум группам: логограммы, утратившие изначальную развернутую двухкомпонентную структуру вследствие синтаксической свертки и логограммы, в которых также пропущены элементы ядерной семантической цепочки [2]. Например, 出‘выходить (из..., в...); вылезать наружу’. Этимологическое значение: 象草木益滋上出达之形。本义:长出。‘Вырасти, сформироваться; отрастить; появиться [на свет]’. Логограмма передает изображение ростков травы, растущих вверх. Ядерная цепочка выглядит следующим образом: S – трава, ростки, A – растет, пробивается наружу, L – из земли (опущено, но может

быть восстановлено с опорой на картину мира). Ситуация: трава, ростки из земли тянутся вверх.

В связи с этим логограмма 出 может быть рассмотрена в качестве *имитатива.* Под *имитативом* вслед за Г.Е. Корниловым мы понимаем подражание с помощью звуков объектам живой и неживой природы, а также их свойствам и качествам, событиям и явлениям [3]. Согласно Г. Е. Корнилову, *имитатив* обладает внутренним синтаксисом, представляя собой односоставное предложение [3]. Данное утверждение уже было доказано выше при осуществлении рекурсивного анализа логограммы. 出 является тем, как человек в древности представлял и передавал с помощью голоса процесс появления ростков из земли.

Если рассмотреть звучание логограммы 出, а именно chu (1-ый тон), то данное сочетание воссоздают целостную комплексную ситуацию бытия со своими участниками (субъектом, акцией, объектом): движение чего-либо/кого-либо наружу через преодоление определенной преграды. По месту образования ch является передненебным придыхательным смычно-щелевым. При артикуляции этого звука язык сначала образует смычку с альвеолами, затем, образуя щель, слегка загибается кверху и назад. Благодаря придыханию ch становится смычным, то есть, когда включается механизм перекрытия на какое-то время воздушного потока с помощью гортани, а затем под давлением воздуха данная преграда размыкается и воздух толчком выходит наружу. Далее происходит переход к гласному звуку u. Данный гласный произносится с отодвинутым назад языком, а кончик языка лежит у нижних зубов, губы выдвинуты вперед (по сравнению с русским **у** при произнесении u язык менее отодвинут назад, а губы не так сильно выдвинуты вперед).

Происходит движение языка от гортанной смычки вперед к передним нижним зубам, сопровождаемое толчком воздушной струи, которая резко выбрасывается вперед через округленные и выдвинутые вперед губы, что физиологические имитирует процесс продвижения наружу через преодоление преграды (например, ростков травы из почвы).

Таким образом, на примере конкретной логограммы мы видим проявление семантической обусловленности звучания китайской логограммы, что требует, несомненно, более глубокого и комплексного анализа.

Библиографические ссылки

1. *Гордей А. Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск, 1998.

2. *Карасёва К. В.* Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики. Минск : РИВШ, 2014.

3. *Корнилов Г. Е.* Имитативы в чувашском языке. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1984.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «СЕРДЦЕ» В КАРТИНАХ МИРА НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ

Чжоу Хунвей

Университет Хучжоу,
ул. Вторая кольцевая восточная, 759, 313000, г. Хучжоу, КНР, 491840301@qq.com

Национальный язык является ключевым компонентом духовной культуры, отражая определенный способ концептуализации мира. Для понимания ментальности и культуры китацев важное значение имеет концепт ‘сердце’ и его реализации в языке, в частности, на уровне фразеологии. При сравнении соответствующих групп языковых единиц в китайском и русском языках обнаруживаются как сходные, так и отличные черты, что обусловливает уникальность соответствующих языковых картин мира.

Ключевые слова: сердце; лексема; фразеологизм; языковая картина мира; китайский язык; русский язык.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH *HEART* IN THE WORLD PICTURES OF NATIVE CHINESE AND RUSSIAN SPEAKERS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Zhou Hongwei

Huzhou University,
759 Erhuandong Road, Huzhou 313000, China, 491840301@qq.com

The national language is a key component of spiritual culture, reflecting a certain way of conceptualizing the world. To understand the mentality and culture of the Chinese, the concept of ‘heart’ and its implementation in the language, in particular, at the level of phraseology, is important. When comparing the corresponding groups of linguistic units in Chinese and Russian, both similar and different features are found, which determines the uniqueness of the corresponding linguistic worldviews.

Keywords: heart; lexeme; phraseology; linguistic picture of the world; Chinese language; Russian language.

Для современного междисциплинарного дискурса связь языка, культуры и этноса является бесспорной, хотя конкретные формы этой связи нередко трактуются по-разному. В системе координат лингвистических исследований формируется понимание, что исследование только формальной структуры языка (в рамках структурно-семантической и других традиционных парадигм) и его коммуникативной функции ограничивает

реальное место языка в процессе культуросозидания. Безусловно, национальная специфика компонентов духовной культуры не исчерпывается теми чертами, которые обусловлены языковым способом выражения. Однако язык как ключевой компонент духовной культуры занимает в ней особое место, выступая необходимым условием становления, развития и функционирования других компонентов. Каждый естественный язык отражает определенный способ концептуализации мира, и основные концепты складываются в концептосферу, картину мира. Поскольку картина мира того или иного языка одновременно и отражает способ восприятия действительности членами конкретной лингвокультурной общности, и влияет на само становление этой общности, изучение языковых репрезентаций того или иного концепта, особенно в сопоставительном (комапаративном) аспекте, позволяет выйти на уровень феноменологического осмысления национальной культуры и менталитета.

Для понимания китайской национальной культуры важное значение имеет осмысление концепта ‘сердце’, который на уровне языковой картины мира находит наиболее общее отражение в лексеме *сердце*. Как свидетельствуют многочисленные исследования, лексема сердце принадлежит к числу языковых единиц, наиболее активно употребляющихся в различных коммуникативных сферах и функциональных стилях практически любого языка. О частотности данной номинации в современном русском языке свидетельствует, например, факт включения слова «сердце» во все лексические минимумы для изучающих русский язык на разных уровнях подготовки иностранцев.

Фиксируемые у лексемы сердце значения представлены разными группами признаков, включая телесные, вещественные, духовно-нравственные, эмоционально-чувственные, ценностно-эстетические, этнолингвистические и др. Телесные признаки формируютосновное (первичное) значение; эмоционально-чувственные лежат в основе как минимум одного переносного значения (‘внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму; душа’); духовно-нравственные находят воплощение в переносном значении (‘душевные качества, характер человека (о человеке с такими качествами, характером’). Ценностно-эстетические признаки соприсутствуют в значениях, характеризующих душевный мир и эмоционально-нравственную сферу человека, а также во многих устойчивых выражениях с компонентом сердце (идиомах, паремиях, афоризмах и т. д.). Этнолингвистические характеристики лексемы сердце чрезвычайно важны для описания её культурного «облика» как элемента национально-языковой картины мира; ценностно-культурные, или лингвокультурные признаки фиксируют накопленную лексемой *сердце* в процессе функционирования культурно-

значимую информацию, которая чаще всего присутствует в описании некоторых значений, однако в несколько «размытом» вид.

Духовно-нравственные признаки лексемы *сердце* конкретизируются в устойчивых выражениях, пословицах и поговорках через оппозиции мягкость – твердость, теплое – холодное, легкое – тяжелое, доброе – злое, чистое – нечистое. В большинстве случаев признаки, которые представлены первыми членами данных оппозиций (а именно: мягкое, доброе, теплое, чистое), утверждают ценностный характер сердца: каменное сердце – «бесчувственный и жестокосердый человек»; отходчивое сердце – «вспыльчивый, но добрый нрав» и т. д.

Сколько-нибудь полная характеристика лингвокультурных особенностей этой лексемы невозможна без учета семантики значительного корпуса фразеологизированных выражений с аналогичным компонентом, получившего отчасти отражение в толковых словарях, а также собранных и систематизированных в специальных – фразеологических – лексикографических источниках.

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки, эталоны, стереотипы. В них неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации. Эти языковые элементы «словно и существуют для передачи всех планов культурной информации, для трансляции культурно значимого ценностного её содержания» [1, с. 35]. Именно фразеологизмы, по общему мнению исследователей, принадлежат к наиболее «культуроносным» единицам языка (В. Н. Телия) и играют существенную роль в формировании национально-культурного своеобразия картины мира носителей того или иного языка.

Во фразеологизмах русского языка с компонентом ‘сердце’ при сравнении их с аналогичной группой фразеологических единиц китайского языка можно обнаружить как сходные, так и отличные черты. Значительные совпадения в семантике, а также процессах и способах образования рассматриваемых фразеологических единиц иногда обнаруживаются, невзирая на существующие между русским и китайским языками типологическими различиями. Например, русскому фразеологизму *всем сердцем* ‘полностью отдавая самого себя, всем существом’ соответствует китайская фразеологическая единица, в переводе звучащая как *всей силой сердца:* 全心全意：十分真诚地信任和喜爱。完全的投入或赞同支持 .

Возможны случаи, когда существующие в русском и китайском языках фразеологические единицы совпадают по компонентному составу, однако обнаруживают различия в семантике, которые могут проявляться в большей или меньшей степени. Например, фразеологизм *сердце не на месте* в русском языке обозначает ‘томительное чувстве тревоги,

испытываемое кем-либо’; аналогичная по своему компонентному составу фразеологическая единица китайского используется для обозначения рассеянного и/или абсолютно безразличного ко всему человека (心神不安：坎坷不安激动不安难以平静)

Некоторые из фразеологических единиц русского языка не имеют эквивалентов-фразеологизмов в китайском языке, однако свойственное русским фразеологизмам значение может быть передано на китайском языке выражениями, которые в этом языке не признаются устойчивыми, т. е. не являются фразеологическими единицами. Например: фразеологизму русского языка *большое сердце* (‘о ком-либо отзывчивом, добром, способном горячо чувствовать’) в китайском языке соответствуют выражения с аналогичным значением, которые представляют собой свободные словосочетания: 在...有很强烈的愿望

1 形容能够热爱并有很强的同情心及助人为乐的心愿 (кто-либо способен горячо любить и сильно чувствовать, быть отзывчивым, добрым);

2 非常喜爱，特别同情，富有同情心，愿意帮助人 (о том, кто способен быть сердечным, отзывчивым, беспредельно добрым человеком).

Подобным же свободным словосочетанием китайского языка передаётся значение русского фразеологизма *сердце отходит* (‘кто-то перестает волноваться, успокаивается’): 消气：不在生气烦恼而感觉到放心.

Одновременно с этим в китайском языке существуют фразеологические единицы, единицы, для которых в русском языке отсутствуют эквиваленты-фразеологизмы семантического свойства, например:

动人心弦释义：把心比作琴，拔动了心中的琴弦。形容事物激动人心(трогать струны человеческого сердца; волновать душу; кого-либо охватывает волнение по поводу чего-либо);

天理良心释义：天理自然之理上天主持的公理。良心旧指人类纯真善良之心。指人的天性善良 (милосердие, по природе человек добр);

洗心革面释义：清除旧思想改变旧面貌。比喻彻底悔改 (глубоко раскаяться и перемениться к лучшему, морально переродиться);

心病还需心药医释义：心里的忧虑或恋念成了精神负担必须消除造成这种负担的因素 (испытывать душевную боль, нуждаться в лекарстве для души; испытыватьбеспокойство или скучать в душе) (подробнее об этом см., например: [2]).

Таким образом, фразеологические единицы, бесспорно являющиеся в каждом языке одним из наиболее «культуроносных» пластов языковых единиц, в то же время по-разному отражают в себе историю, культуру, особенности мышления и другие национально-специфические черты, свойственные конкретной нации или народности. Содержание, включающее в том числе и смыслы культурного характера, в одном языке может

быть выражено фразеологизмом, в то время как другой язык передаёт аналогичное содержание свободным словосочетанием, а иногда и отдельным словом и т. д. Подобные несовпадения (а иногда и сходные черты) обусловливают значительные трудности для переводчиков с русского языка на китайский и наоборот, поскольку при переводе необходимо выбрать из имеющихся в наличии средств как собственного, так и чужого языка именно те, которые не исказят сути передаваемого содержания, позволят сберечь не только егосмысл, но и свойственную переводимым единицам культурную информацию.

В современной речевой практике лексема *сердце* в большинстве своих семантико-стилистических вариантах продолжает активно функционировать и, как следствие, расширять свой не только смысловой, но и культурный потенциал, в том числе, межкультурный.

Библиографические ссылки

1. *Ковшова М. Л.* Культурная информация в семантике языковых знаков // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 27–36.

2. *Чжоу Х.* Русско-китайский и китайско-русский фразеологический словарь с компонентами «сердце» и «душа». Луганск: Глобус, 2010. 72 с.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИКИ ОАЭ В ОБЛАСТИ ИИ ИНСТРУМЕНТАМИ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

М. П. Ширяев[1)], А. А. Половинский[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, 220006, г. Минск, Беларусь, shiryaevmark12@gmail.com

[2)] Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, 220006, г. Минск, Беларусь, polovinskiy.artem@yandex.by

В статье проводится оценка эффективности политики ОАЭ в области искусственного интеллекта с использованием методов корпусной лингвистики. Анализируются тексты научных статей и медийных публикаций, чтобы выявить ключевые направления и результаты внедрения ИИ. Результаты исследования демонстрируют успешность и вызовы текущей политики ОАЭ в данной сфере. Выводы могут быть полезны для дальнейшего развития стратегий ИИ в регионе.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; количественные методы; ОАЭ; ИИ.

MEASURING THE EFFECTIVENESS OF UAE AI POLICY WITH THE TOOLS OF CORPUS LINGUISTICS

M. P. Shiryaev[1)], A. A. Palavinski[2)]

[1)] Belarusian State University,
Leningradskaya Str., 20, 220006, Minsk, Belarus, shiryaevmark12@gmail.com

[2)] Belarusian State University,
Leningradskaya Str., 20, 220006, Minsk, Belarus, polovinskiy.artem@yandex.by

The article evaluates the effectiveness of the UAE's AI policy using corpus linguistics methods. The texts of scientific articles and media publications are analyzed to identify the key directions and results of AI implementation. The results of the study demonstrate the successes and challenges of the UAE's current policies in this area. The findings may be useful for the further development of AI strategies in the region.

Keywords: Corpus linguistics; quantitative methods; UAE; AI.

В последние несколько лет Объединённые Арабские Эмираты активно ведут политику в области развития искусственного интеллекта (далее – ИИ). Объединённые Арабские Эмираты стали первым в мире государством, в котором в 2017 году было создано министерство по делам искусственного интеллекта. Главой инновационного ведомства был назначен 27-летний Омар Бин Султан Аль-Олама [1].

В данном исследовании мы хотели изучить внутреннюю политику ОАЭ в сфере ИИ, попробовать подобрать некоторый инструментарий для оценки

её эффективности, применяя как качественные, так и количественные методы. Целью внешней политики в сфере ИИ является распространение этого самого ИИ в разных сферах, а также увеличение общественного интереса к этой сфере и формирование его позитивного образа.

Ранние усилия ОАЭ по обучению местного населения информационным технологиям показали весьма примечательные результаты. Около 52% сотрудников государственных компаний прошли бесплатные курсы по искусственному интеллекту, разработанные при поддержке Оксфордского университета в рамках Национальной программы Объединённых Арабских Эмиратов [2]. Как отмечает политическое руководство государства, повышение уровня осведомленности в вопросах информационных технологий и искусственного интеллекта не ограничивается лишь государственным сектором. В настоящее время активно ведется работа по повышению квалификации в сфере искусственного интеллекта и среди сотрудников частного сектора.

Согласно статистическим данным, более 20-и высших учебных заведений ОАЭ ввели курсы искусственного интеллекта. В 2020-м году в Абу-Даби был основан первый в мире исследовательский университет в области искусственного интеллекта – MBZUAI (Mohamed bin Zayed University of Artificial Intelligence). В настоящее время университет предлагает обучение по программам магистратуры и докторантуры. На данный момент в вузе обучается 283 студента из 41 страны [3].

В июне 2023 года Хамдан бен Мухаммед Аль Мактум, наследный принц Дубая, заявил об открытии нового Центра технологий искусственного интеллекта. Одной из ключевых задач данного Центра является внедрение технологий будущего в ключевых отраслях экономики. Дубайский Центр искусственного интеллекта должен обучить 1000 государственных служащих использованию генеративного искусственного интеллекта [4].

В начале 2024 года политическое руководство Объединённых Арабских Эмиратов заявило о создании Совета по искусственному интеллекту и передовым технологиям (AIATC). В планах деятельности Совета – разработка и реализация политики и стратегий, связанных с проведением исследований в сфере развития передовых технологий [5].

Теперь же давайте обратимся к количественным данным в нашем исследовании искусственного интеллекта в ОАЭ. Сфера ИИ требует довольно высокого уровня развития науки и высшего образования в целом. И если правительственная политика в отношении ИИ эффективна, то это не может не отразиться и на научно-исследовательских кластерах ОАЭ. Здесь мы более пристально изучим публикации ведущих университетов страны с тем, чтобы понять, насколько сильно ученых интересуют исследования в сфере ИИ. Если мы увидим там значительное количество подобных исследований, то это, определённо будет говорить о некоторой

эффективности государственной политике по отношению к ИИ. Итак, для своего исследования мы взяли в открытом доступе базу данных публикаций ведущих университетов ОАЭ. Этот датасет составлен исследователем данных из Иордании Аммаром Аббаси и включает в себя публикации из базы данных Scopus и Web Of Science университета Шарджи, Американского Университета Шарджи, университета Аджмана, университета Абу-Даби, американского университета Дубая, университета Объединенных Арабских Эмиратов (г. Аль-Айн), университет Халифа (г. Абу-Даби), университет Зейда (г. Дубай) за период с 2016 года по 2021 год. Стоит сразу уточнить, какие публикации автор датасета включил сюда [6]. Это статьи в сфере естественных, технических и точных наук за период 2016-2021 гг, где хотя бы у одного из авторов есть аффилиация с соответствующим университетом. Все статьи написаны на английском языке. На входе мы имели набор файлов в формате excel (с разделением по годам) с обширным набором данных. В рамках этого исследования нам были интересны только лишь названия самих работ, которые мы и собрали в отдельную базу для дальнейшего анализа. По приблизительным подсчетам в нашу базу попало около тридцати трех с половиной тысяч названий статей.

Итак, к результатам. Всего мы нашли упоминание терминов, связанных с ИИ, в 283 статьях (0.8% от общего числа статей), список из двадцати самых частотных слов в названиях этих статей выглядит следующим образов (в порядке убывания частотности): использование (using), основанный (based), подход (approach), модель производительности (performance model), система (system), обучение (learning), алгоритм (algorithm), глубокое (deep), предсказание (prediction), анализ (analysis), сверточное обнаружение (convolutional detection), применение (application), распознавание данных (data recognition), моделирование (modeling), оценка (estimation), исследование классификаций (classification study).

Для того, чтобы оценить эффективность государственной политики ОАЭ в сфере популяризации и “нормализации” ИИ в общественном сознании есть смысл посмотреть на то, какой образ ИИ формируется в СМИ. Для этого нам понадобился небольшой исследовательский корпус на материалах эмиратских СМИ, который надо было предобработать и проанализировать.

В наш корпус вошли тексты следующих СМИ: Аль-Байан, Эмираты Сегодня, Аль-Халиджи [7][8][9]. С сайтов этих СМИ мы спарсили тексты из разделов, посвященных технологиям. В нашем корпусе мы столкнулись с некоторыми проблемами. После парсинга в тексте корпуса у нас присутствовало достаточное количество слов на английском языке, “мусорных” ссылок, цифр (коды статей от парсера). Этим проблемам мы просто

уделили дополнительное внимание при предобработке, поэтому критическими они не стали.

Список слов, которые чаще всего встречаются вместо с ИИ в текстах эмиратских СМИ, получился следующим (10 слов в порядке убывания индекса совместной встречаемости): компания (“شركة”), работать (“عمل”), сфера (“مجال”), использование (“استخدام”), генеративный (“توليدي”), исследование (“بحث”), Гугл (“غوغل”), технология (“تكنولوجيا”), новый (“جديد”), Твиттер (“تويتر”).

Теперь же, когда мы рассказали о методологии сбора и обработки наших количественных данных, а также показали немного те результаты, которые там получились, можно перейти к общим выводам и интерпретации результатов.

Итак, как бы там ни было, но общая доля работ, посвященных ИИ как будто бы слишком мала. Может ли то, что процент публикаций про ИИ составляет всего 0.8%, говорить нам о неэффективности государственной политики, недостаточной поддержке университетов и лабораторий? Нет, не может. Но мы считаем, что это всё равно хороший инструмент для оценки того места, которое занимает ИИ в эмиратской профессиональной науке. Мы планируем и в дальнейшем замерять этот процент, тогда уже в динамике можно будет сделать более существенные выводы. Пока же можно сказать, что мы не обнаружили ничего отклоняющегося от нормы.

Похожим образом обстоят дела и с анализом контекста в заголовках публикаций. Здесь доминируют как общие для научного дискурса слова (подход, основанный, использование), так и более специальные термины, характерные для сферы науки и данных и ИИ (сверточное обнаружение, глубокое обучение, исследование классификаций). Здесь мы снова не видим ничего необычного, похожие результаты мы, вероятно, получили бы при анализе статей университетов любой другой страны. И тем не менее это и говорит нам о том, что эмиратские учёные в своих статьях освещают важные для этой сферы темы и не выпадают из общемировых трендов исследования ИИ. Здесь же мы также хотим обратить внимание на ещё один важный момент, а именно на вопрос кадров в университетах ОАЭ. Начнём с примера. Исследовательский университет в области искусственного интеллекта (MBZUAI), про который мы говорили выше, возглавляет китайский ученый, среди руководства университета эмиратцы также отсутствуют. Крайне мало коренного населения и среди сотрудников института. Здесь полностью повторяется проблема других крупных университетов ОАЭ, где тоже довольно мало местных научных кадров. Например, в Американском Университете Шарджи лишь 5% преподавателей являются выходцами из ОАЭ и получали образование в этой стране (хотя бы на одной из ступеней). Да и в целом крупные исследовательские

университеты в стране являются филиалами западных университетов и ориентированы в основном на выходцев из этих страны [10]. ОАЭ же стремится изменить такое положение дел и вовлечь в том числе свое собственное население в наукоемкие сферы.

В публичном дискурсе при обсуждении технологий в целом и ИИ в частности преобладают упоминания компаний из США (например, Google) и их руководители (например, Илон Маск). Таким образом получается, что по тем или иным причинам в общественном дискурсе ИИ и другие “высокие” технологии не ассоциируются с Российском Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Библиографические ссылки

1. В ОАЭ создали министерство искусственного интеллекта // DubaiLife URL: https://dubai-life.info/8230-v-oae-sozdali-ministerstvo-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 17.03.2024).

2. ОАЭ пионеры национальной стратегии искусственного интеллекта с упором на образование // Cryptopolitan URL: https://www.cryptopolitan.com/ru/ (дата обращения: 17.03.2024).

3. MBZUAI – Mohamed bin Zayed University of Artificial Intelligence // MBZUAI URL: https://mbzuai.ac.ae/ (дата обращения: 18.03.2024).

4. В Дубае запустили центр технологий искусственного интеллекта // Русские Эмираты URL: https://russianemirates.com/news/uae-news/v-dubaye-zapustili-tsentr-tekhnologiy-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 18.03.2024).

5. Президент ОАЭ учредил Совет по искусственному интеллекту и передовым технологиям // Деловые Эмираты URL: https://businessemirates.ae/news/uae-property-news/prezident-oae-uchredil-sovet-po-iskusstvennomu-intellektu-i-peredovym-tekhnologiyam/ (дата обращения: 18.03.2024).

6.Scientific Publication United Arab Emirates Uni [Electronic resource]. URL: https://www.kaggle.com/datasets/ammarabbasi/scientific-publication-united-arab-emirates-uni (date of access: 18.03.2024).

7. The Bayan [Electronic resource]. URL: https://www.albayan.ae/ (date of access: 18.03.2024).

8.Emirates Today [Electronic resource]. URL: https://www.emaratalyoum.com/ (date of access: 18.03.2024).

9. Al Khaleej [Electronic resource]. URL: https://www.alkhaleej.ae/ (date of access: 18.03.2024).

10. *Ширяев М. П., Шевцов Ю. В.* Сравнительный анализ функционирования научно-технических центров в ОАЭ и Саудовской Аравии // Проблемы современного востоковедения : материалы III Междунар. науч.-практич. конф., 29–30 июня 2023 г., Минск, БГУ / ред.: В. Р. Боровой [и др.]. Минск, 2023.

COLLECTING PALESTINIAN FOLKLORE: A BRIEF OVERVIEW

A. B. Kamenetskaia

Saint-Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russia, 199034,
a.kamenetskaya@spbu.ru

This article traces the historical trajectory of scholarly endeavors to document Palestinian folklore, from early 20th-century initiatives to modern anthologies. It explores the motivations behind these efforts, the linguistic and geographical nuances involved, and the evolving aims of cultural preservation. The analysis highlights the resilience and vitality of Palestinian heritage as reflected in these anthologies, serving as poignant reminders of a timeless narrative of identity.

Keywords: Palestinian folklore; cultural heritage; Palestinian dialects; *al-fusha*; linguistic choices; cultural preservation.

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ ПАЛЕСТИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА: КРАТКИЙ ОБЗОР

А. Б. Каменецкая

В статье прослеживается историческая траектория научных усилий по документированию палестинского фольклора, начиная с инициатив нач. XX в. и до современных антологий. В работе исследуются мотивы, стоящие за этими усилиями, языковые и географические особенности, а также меняющиеся цели сохранения культуры. Анализ подчеркивает устойчивость и жизнеспособность палестинского наследия, отраженного в антологиях, которые служат трогательными напоминаниями о вечной нарративе об идентичности.

Ключевые слова: палестинский фольклор; культурное наследие; палестинские диалекты; аль-фусха; языковой выбор; сохранение культурного наследия.

Interest in Palestinian cultural heritage has deep roots, tracing back to the early 20th century when the first endeavors to document Palestinian folklore were made. The scholarly pursuit evolved over the century, culminating in modern anthologies that stand as testament to the enduring legacy of Palestinian culture.

Scholarly attempts to collect samples of Palestinian folklore and describe the way of life of Palestinian Arabs date back to early 20th century. Those early endeavors were undertaken by Christian theologians and clergy. They were deeply interested in the Holy Scriptures, the Holy Land and Biblical languages, and that interest encompassed the contemporary population of Palestine.

Among them was J. E. Hanauer, a photographer, ethnographer and Canon of St. George's Cathedral in Jerusalem. In his collections "Tales Told in Palestine" (1903) and "Folklore of the Holy Land: Moslem, Christian and Jewish" (1907), Hanauer attempts to depict tales, historical anecdotes and common beliefs with the aim to "furnish the serious student with information with reference to the way in which the people of Palestine look at things" (Hanauer 1903: 14). Nevertheless, he smooths away the sayings and episodes which seemed outrageous to him. In terms of linguistics, Hanauer published the translation of the tales but preserved the names in their vernacular forms. In the introduction to his 1907 anthology, a publisher mentions that this collection of Palestinian tales is the largest so far. It is noteworthy, that in his second anthology, Hanauer mentioned the geography of the tales; they were collected in the villages between Bethel and Hebron. The author of the review concludes that there was a pressing need for more works of this kind that would collect the folktales of the Arab population before the school education eradicates the oral tradition.

Like Hanauer, H. Schmidt and P. K. Kahle published a collection of Palestinian tales "Volkserzählungen aus Palästina, gesammelt bei den Bauern von Bir-Zet und in Verbindung mit Dschirius Jusif in Jerusalem" (Folktales from Palestine Collected among the Peasants of Bir-Zet and, together with Girius Yusif in Jerusalem) in 1918. P. K. Kahle was an orientalist and a pastor in Cairo. Together with H. Schmidt, he published an anthology with an introduction to the art of Palestinian folktales, an outline of grammar, and an index of stories, proper names, themes/motives and words. The 64 stories are divided into nine groups according to their subjects and contribute significantly to the comparative folklore studies and dialectology.

Ethnologist H. Stephan was another one to publish a collection of Palestinian folktales "Palestinian animal stories and fables" (1923). The tales were collected in Jerusalem and Arṭās and were given in English translation with some words and rhymed lines in Arabic (Shachmon 2017: 76). Later, the tales from the same village were collected by G. M. Crowfoot and L. Baldensperger and published in the collection "Arab folk stories from Artas" (Id.).

Another scientific inquiry in Palestinian folklore is the work of a Dominican priest and a Semitic epigraphist A. Jaussen. In his "Le cheikh Sa'ad ad-Din et les jinn à Naplouse" (Sheikh Sa'ad ad-Din and jinns in Nablus) (1923), "Le coq et la pluie dans la tradition palestinienne" (The roaster and the rain in Palestinian tradition) (1924) and "Coutumes palestiniennes" (Palestinian customs) (1927), Jaussen describes traditions, beliefs and folklore of Palestinians.

The collections published in the Arab world are quite different in nature and emerged at a later point in time. Unlike the anthologies of the "Westerners", they are written in Arabic script and usually have the aim not to study but to preserve the national heritage. They form a special literary genre called *al-turāṯ*, 'the heritage'.

Among the earliest collections is "*Ḥikāyāt Lubnāniyya*" (Lebanese Folktales) (1961) by K. Al-Bustānī. Another one is "*Mawsūʿat al-fūlklūr al-Falasṭīnī*" (Encyclopedia of Palestinian Folklore) (1977-1989) by N. Sirḥān. In these anthologies, the texts are rendered in *al-fuṣḥā*, but there are collections, where the authors preserve a vernacular variety of the language as a part of *al-turāṯ*. Such are "*Ḥikāyāt jānn min Banī Zayd*" (Jinni Tales from Bani Zayd) by ʻAbd-al-Laṭīf al-Barġūṯī (1979), ʻUmar al-Sārīsi's "*Al-ḥikāya al-šaʿbīyya fī-l-muğtamaʿ al-Falasṭīnī: Dirāsa wa nuṣūṣ*" (The folktale in Palestinian Society: A study with Texts) (1980), and "*Al-ḥikāya al-šaʿbīyya fī-lmuğtamaʿ al-Falasṭīnī: Al-nuṣūṣ*" (The Folktale in Palestinian Society: The Texts) (1985), "*Ḥakāyā al-Ǧalīl*" (Tales of Galilee) (2006) by A.J. Dakūr.

The anthology *"'ūl yā ṭēr: nuṣūṣ wa-dirāsa fī-lḥikāyati šša'bīyyati lFalasṭinīyya"* (Speak, Bird, Speak Again: Texts and Analysis of Palestinian Folk Tales) stands out among the mentioned collections. It was published by a Palestinian academic and writer 'Ibrāhīm Muhawwī and a Palestinian anthropologist Šarif Kanāʿna in the years 1978-1980 (the latter had already had a significant collection of tales) and were published in English in 1989 by the University of California Press. In 1997 a French version published by UNESCO followed and in 2001 an Arabic version appeared published by the Institute for Palestinian Studies in Beirut. The collection includes 45 fairy tales told by women and men from the villages of Galilee, West Bank, Jerusalem and Gaza and are divided into five groups according to their content: Individuals, Family, Society, Environment, and Universe. The texts included in the anthology are written in a dialect, in Palestinian dialects to be more precise. It makes the anthology not only a source to learn about the local dialects but an important evidence of how dialectal features can be reflected by means of Arabic orthography.

The anthology "Speak, Bird, Speak Again" belongs to the *al-turāṯ* collections. The fact that for the first publication in Berkeley the anthology was translated into English but afterwards was published in Arabic by the Institute for Palestinian Studies in Beirut shows that the language is considered by the authors an inseparable part of the cultural heritage. In the introduction, the authors indicate that the aim of their work was to "preserve the heritage of Palestinian people and to strengthen Palestinian cultural identity" (Muhawi, Kanaana, 2001: xxiv). Also, the publication in the Arabic language was important for the authors, since their aim was to introduce the Arabic-speaking students and scholars to the study of comparative folklore in their mother tongue. The aim to provide the material for linguistic research is mentioned as well, but the authors do not claim to be the experts in dialectology.

Clear understanding of the aims and the readership of the book is helpful when it comes to the linguistic choices of the authors. The introduction shows

that the aim was to preserve cultural heritage including vernacular dialects and to publish a folkloristic research in the mother tongue of Arabic-speaking scholars and students, who are considered the main readership of "Speak, Bird, Speak Again" by the authors. For all of these reasons, the publication in Arabic was vital for this anthology.

The choice to render the corpus in colloquial Arabic may be explained by the same reason. In this regard, the two anthologies by ʻAbd-al-Laṭīf al-Barġūṯī are representative. While the texts in "*Ḥikāyāt jānn min Banī Zayd*" (Jinni Tales from Bani Zayd) are rendered in the dialect, his collection of tales for children "*Kān yā mā kān, al-qiṣaṣ al-šaʿbiyya*" (Once upon a Time: Folktales) is written in *ʻal-fuṣḥā al-mubassaṭa al-maškūla'* (vocalized simplified standard Arabic) to avoid misunderstanding which may occur due to the variety of Arabic dialects. In the same vein, "Speak, Bird, Speak Again" is rendered in the dialect to serve the two aims, namely to introduce the Arabic speaking audience to the Palestinian folktales and to preserve the national heritage of which the vernacular is an integral part.

From the early endeavors of Hanauer to the modern resurgence exemplified by "Speak, Bird, Speak Again", Palestinian folklore studies have been a continuum of cultural preservation and identity assertion. Through linguistic choices and scholarly aims, these anthologies not only document tales but also serve as testaments to the enduring legacy of Palestinian culture. In embracing dialectal richness and linguistic inclusivity, these anthologies embody a profound assertion of Palestinian cultural identity, resonating across linguistic divides to celebrate a timeless narrative of resilience and heritage.

References

1. *Al-Barġūṯi A.* Ḥikāyāt jānn min Banī Zayd (Jinni Tales from Bani Zayd) // Bir Zet University. 1979.

2. *Al-Barġūṯi A.* Kān yā mā kān, al-qiṣaṣ al-šaʿbiyya (Once upon a time, folktales) // Maṭbaʿat al-šarq al-ʿarabiyya, 1997.

3. *Al-Bustāni K.* Ḥikāyāt Lubnāniyya (Lebanese Folktales) // Dār al-Mašriq. 1961.

4. *Al-Sārīsi U.* Al-ḥikāya al-šaʻbīyya fī l-muğtamaʻ al-Falasṭīnī: Dirāsa wa nuṣūṣ (The Folktale in Palestinian Society: A Study with Texts) // Al-Mu'assasa al-ʻarabiyya li-l-dirāsāt wa-l-našr wa-l-tawzīʻ. 1980.

5. *Dakūr A. J.* Ḥakāyā al-Ğalīl (Tales of Galilee) // Turāṯ li-l-tağlīd wa-l-tibāʻa. 2005.

6. *Hanauer J. E.* Tales Told in Palestine // Cincinnati: Jennings and Graham; New York, Eaton and Mains. 1903.

7. *Hanauer J. E.* Folklore of the Holy Land: Moslem, Christian and Jewish // London : Duckworth & co. 1907.

8. *Jaussen J. A.* Le cheikh Saʻad ad-Din et les jinn à Naplouse (Sheikh Saʻad ad-Din and jinns in Nablus) // Journal of the Palestine Oriental Society. 1923. P. 145–157

9. *Jaussen J. A.* Le coq et la pluie dans la tradition palestinienne (The roaster and the rain in Palestinian tradition) // Revue Biblique Vol. 33, No. 4. 1924. P. 574–582.

10. *Jaussen J. A.* Coutumes palestiniennes (Palestinian customs) // Librarie Geuthner. 1927. 360 P.

11. *Muhawi I., Kanāʿna Sh.* Speak, Bird, speak again: Palestinian Arab folktales // University of California, 1989.

12. *Muhawi I., Kanāʿna Sh.* ʾūl yā ṭēr, nuṣūṣ wa-dirāsa fī al-ḥikāya al-šaʿbiyya al-filasṭīniyya (Speak, Bird, Speak Again: Texts and Analysis of Palestinian Folk Tales) // Beirut: Institute for Palestinian Studies, 2001.

13. *Schmidt H., Kahle P.* Volkserzählungen aus Palästina, gesammelt bei den Bauern von Bir-Zet und in Verbindung mit Dschirius Jusif in Jerusalem (Folktales from Palestine Collected among the Peasants of Bir-Zet and, together with Girius Yusif in Jerusalem) // Verlag: Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht. 1918.

14. *Sirḥān N.* Mawsūʻat al-fūlklūr al-Falasṭīni (Encyclopedia of Palestinian Folklore) // Palestinian Heritage Foundation. 1977–1989.

15. *Stephan H.* Palestinian Animal Stories and Fables // Journal of the Palestine Oriental Society, iii. 1923.

РАЗДЕЛ IV
ИСКУССТВО СТРАН ВОСТОКА

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ В КАРТИНАХ ТРАДИЦИОННОЙ МАСЛЯНОЙ ЖИВОПИСИ

Ван Чанинь

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, wangchangyin33@163.com

Великая Китайская стена (Чанчэн) – известный памятник древнего строительства и культурного наследия Китая. Широкий спектр различных произведений живописи говорят о неиссякаемом интересе художников к этому сооружению, который осмысляется в искусстве и воплощается в многогранных образах. Статья посвящена анализу художественных изображений Великой Китайской стены, созданных китайскими мастерами масляной живописи.

Ключевые слова: Великая Китайская стена; Чанчэн; живопись; академизм; китайская школа живописи; традиционная масляная живопись; юхуа.

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A GREAT CHINESE WALL IN THE PAINTINGS OF TRADITIONAL OIL PAINTING

Wang Changyin

Belarusian State University of Culture and Arts,
st. Rabkorovskaya, 17, 220007, Almaty. Minsk, Belarus, wangchangyin33@163.com

The Great Wall of China (Changcheng) is one of the largest and oldest monuments of the world cultural heritage. The variety of works of pictorial art testifies to the continuing interest of artists in this architectural monument, which is understood to this day in a variety of images. The article is devoted to the study of artistic images of the Great Wall of China, made by Chinese masters of oil painting.

***Keywords*:** Great Wall of China; Changcheng; painting; academism; Chinese painting school; tradition oil painting; Yuhua.

Мастерство китайских художников масляной живописи за последние 70 лет (с середины XX в. и до наших дней) прошло большой путь, придя к симбиозу русского академизма и реалистического изображения с

чертами национальной китайской живописи. В итоге на сегодняшний день мы имеем возможность насладиться особым видом изобразительного искусства – китайской реалистической масляной живописью, имеющей название *юхуа (油画)*.

Основу канонов живописи маслом китайские мастера переняли от русской академической школы живописи. Ведь именно во второй половине XX в. знаменитые русские педагоги, как, например, К.М. Максимов, работали в Китае и обучали китайских студентов художественных вузов. Также многие педагоги ездили на стажировки в СССР, для обмена опытом, как, например, Ло Гуанлю, создавший по возвращении учебные мастерские на базе Центрального художественного института, а затем и авторский курс «академической масляной живописи».

Объектом нашего исследования является Великая Китайская стена (Чанчэн). Посмотрим, как она изображена на полотнах китайских мастеров масляной живописи. На картине Чжан Лунсиня «Место Цинь-шан-линь» (2006) (рис. 1) Чанчэн изображена в виде огромной петли в форме зигзага, которая как будто нависает над пиками гор. Элементы картины – башни и ступени стены, окружающий пейзаж – облака, туман, деревья – будто эпически повествуют о возведении этого великого сооружения.

Рис. 1. Чжан Лунсинь. «Место Цинь-шан-линь» (2006)

На картине «Место Си-фэн-коу» (2007) Чанчэн изображена в другом ракурсе, но с тем же величественным посылом. Великая стена снова изображена на вершинах гор, однако горы погружены в воды озера, и это символизирует огромный человеческий труд при создании Стены, и транслирует зрителю некую трагичность [2, с. 177].

Признанный мастер масляной живописи и общественный деятель Тан Цяофу был неоднократно награжден государственными наградами за свое творчество. Отдельно отмечена серия его работ на тему Великой Китайской стены. Его стиль своеобразен и интересен, предлагает зрителю увидеть новые смыслы. Например, посмотрим на картину «Старая

китайская стена» (2001). Мы видим новое прочтение значения величия монументального памятника. Стена изображена полуразрушенной, заброшенной на фоне безлюдной, тихой природы. Акцент сделан на составляющие стену мощные каменные блоки, что говорит о стене, как о неприступной крепости в прошлом. Подчеркнуто изображены ограждающие перила дороги, размещенной на вершине стены, что отсылает нас мыслями к грандиозному размаху человеческого труда. Игра света и тени в закатном пейзаже органично дополняет данное изображение Чанчэн и создает несколько фантасмагоричную картину.

На другой картине «Старая китайская стена» (2007) написаны уже руины сторожевой башни в легких лучах солнца, струящихся сквозь воздух. Благодаря такому тонкому изображению воздуха и света в пространстве, зритель может вообразить, как сквозит ветер в бойницах и арках стены. Чанчэн стремится вглубь пейзажа. На заднем плане расположены плато и бесконечный горный массив. Техника нанесения краски также необычна. Мазки наносятся друг на друга, как вдоль, так и поперек, что в итоге создает эффект текстуры ткани или кожи. Слои краски переплетаются один с другим. При этом техника мазков выглядит естественно, непринужденно, как ритмичная мелодия, легко разыгранная по нотам.

Тан Цяофу выписывает Великую Стену детализированно, акцентируя внимание даже на ее исторических отметинах. Художник показывает детали, подчеркивающие древность стены, отпечатки разрушений от естественных явлений погоды – ветра, дождя. Его серия картин «Великая Китайская стена» написана с внимательной детализацией, при этом изображения выглядят очень естественно, подробность изображения не создает эффекта «натруженности» над ним, напротив, картины предельно гармоничны. Реалистический подход в работе художника помогает зрителю ощутить величественные идеи, полноценно прочувствовать образы столь древнего сооружения. Тан Цяофу словно смахивает пелену с устоявшегося для зрителя образа каменной стены и предлагает проникнуться к данному эпохальному для китайцев сооружению всей душой, увидеть его величие и могущество.

Представитель Шанхайской школы изобразительных искусств художник и мастер масляной живописи Лю Хайсу изобразил Чанчэн на своей картине «Великая китайская стена» (1957). Мазки спокойны и просты, легки и порывисты, контуры рисунка элементарны, благодаря чему картина выглядит динамичной, транслирует бодрую атмосферу. Интересно цветовое решение произведения. Художник в своем творчестве серьезно интересовался темой колорита на манер мастеров живописи Западной Европы. Особо отдавал предпочтения методам цветовых решений в произведениях признанных гениев – Сезанна, Ван Гога, Матисса и других художников-

импрессионистов. Вследствие своего видения и близости к представителям импрессионизма, Лю Хайсу считает, что субъективное восприятие изображаемого объекта автором необходимо, только тогда рождается художественный образ. Будучи темпераментным художником, он смело использует интенсивные цвета. Многоцветие основных и смежных цветов, контрастность в изображении – это основа колорита его масляных работ.

Художник Ен Цзеньцюнь – приверженец классицизма, член товарищества «Оглядываясь назад», использует в своем творчестве каноны русской академической живописи в сочетании с традиционными китайскими техниками, ученик К.М. Максимова, академик Европейского института гуманитарных наук и изобразительного искусства, также неоднократно изображал Великую Стену [5, с. 86].

Обратим внимание на работу Ен Цзеньцюнь «Вид на Стену» (1997). На переднем плане картины написана часть Стены вместе с башней, башня при этом как будто устремляется прямо на зрителя. Внизу изображен обрыв, а карминовые горы уходят вдаль, на задний план. Поверх гор развевается лентой Чанчэн. Облака на небе также будто плывут прямо на зрителя. Здесь мы видим превалирующую роль пейзажа над творением человеческих рук. В отличие от большинства картин, изображающих Чанчэн, в данной картине монументальной является не это грандиозное архитектурное сооружение, а пейзаж, демонстрирующие величие природы, на фоне которой расположилась Великая Стена.

Чанчэн на картинах Ен Цзенцюня запечатлена художником с разных ракурсов и достаточно детально. Выдающейся работой мастера является «Взгляд в прошлое» (1979). На ней Великая стена изображена масштабно и подробно, отражена сила и могущество сооружения, величественно поднимающиеся к небесам башни. Данная картина навевает раздумья об истории китайского народа, о древней эпохе, когда была создана Стена [6, с. 104]. Манера исполнения полотна завораживает. Весьма необычное техническое решение, которое можно описать как «реализм в форме рисунка от руки». Великая стена – серо-белая, размещена поверх контрастных, красно-коричневых гор – вызывает у зрителя чувство эпического трагизма и героизма. Осмысливается как великая работа художника [7, с. 63].

Рассмотрим картину Чу Найчжэна под названием «Китайская стена» (1985). На переднем плане Великая Стена изображена в своей ширине. Затем мы замечаем акцентно прорисованную кладку дороги стены. Лестничное полотно то обрывается, то взмывает ввысь, изредка прячась за горы. Так, лента Чанчэн устремляется все выше и выше, пока в итоге не упирается в сторожевую башню в верхнем левом углу картины, вытягивая ее в высоту (рис. 2).

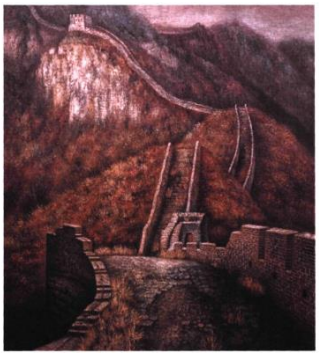


Рис. 2. Чу Найчжэн. «Китайская стена» (1985)

Сюжеты картин мастера масляной кисти, профессора Центрального института искусств Чу Найчжэна, о Великой Стене, незамысловаты, ожидаемы, однако ценность этих произведений в их богатой образности. Хоть и размеры картин малы, но каждое произведение пронизано ассоциациями, вызывают душевный отклик, при этом элементы пейзажа оптимально дополняют изображения самой Чанчэн и дарят зрителю эффект ясности и узнаваемости. Невозможно не испытать эстетическое наслаждение при виде подобного богатого ассоциациями произведения. Картины Чу Найчжэна приводят к философским размышлениям о бренности человеческого бытия и могуществе природы, об истории древнего народа Китая, построившего такое исполинское сооружение, и жизни современных китайцев, чтущих свою историю [3, с. 95].

Рассмотрим еще одну картину «Китайская стена», которая принадлежит кисти художника Ван Хуанциня (рис. 3). На переднем плане мы видим каменную кладку стены, расположенную на вершинах горного хребта, в правом верхнем углу картины расположены боевые башни, будто бы в боевой готовности. На правую сторону гор легла тень, что навевает трагичные ассоциации. Лента стены, извиваясь, стремится вдаль.

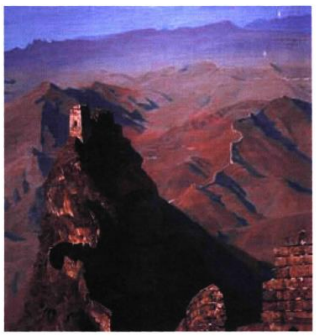


Рис. 3. Ван Хуайцинь. Китайская стена (1987)

Картины Ван Хуайциня из цикла о Великой Стене, обладают философской направленностью, отсылают к таким понятиям как бесконечное и вечное, необъятность пространства и времени, единение мировых культур [1, с. 43].

Художник Юй Бэнь всегда придерживался в искусстве традиционных канонов. Построение композиции его произведений, как правило, строгое. В колористике работ преобладают теплые тона. Художник использует прием света, падающего сзади, направленного на главный объект картины, тем самым он усиливает акцент на художественном образе. Его лучшим произведением по праву считается картина «Великая Китайская стена» (рис. 4). На ней, помимо стены, изображены громадные и могучие горы. Они выписаны реалистично, и струящаяся по верху гор Чанчэн выглядит монументально, образно транслируя зрителю величественный дух Китая [4, с. 9].

Рис. 4. Юй Бэнь. «Великая Китайская стена» (1958)

На полотне преобладают теплые тона голубого, зеленого и желтого цветов, что выгодно подчеркивает величие нагромождения гор и эпичность расположившейся гармонично на их вершинах Чанчэн. У подножия гор следует караван верблюдов. Для усиления фантасмагоричности настроения картины, в композиции присутствует туман, прорезающийся сквозь горный ландшафт.

Итак, рассмотрев выдающиеся полотна мастеров масляной живописи с изображением Великой стены, мы увидели многообразие вариантов осмысления данного эпохального памятника Китая. Такое обилие различных образов, в которых запечатлена Стена, говорит о том, что этот памятник древнекитайской архитектуры волновал и волнует творческие души художников, поскольку является действительно величайшим произведением человеческого труда. Благодаря кисти великих мастеров мы можем увидеть бесчисленное количество образов Великой Стены. И с течением времени многие современные художники по-прежнему будут вдохновляться могучим архитектурным творением и богатым пейзажем, вновь и вновь изображая через призму своего восприятия величественный комплекс по имени Чанчэн. Благодаря произведениям искусства, образ Чанчэн помогает формированию положительного образа Китая как великой страны.

Библиографические ссылки

1. *Ван Хуайцинь.* Альбом живописи. Гуанчжоу: Изд-во «Искусство Линьяна», 1999.

2. *Чжан Лунсинь.* Новая стенопись. Тяньцзинь: Народ, изд-во «Изобразительное искусство», 2009.

3. *Чу Найчжэн.* Живопись. Тяньцзинь: Изд-во «Изобразительное искусство», 1987.

4. *Юй Бэнь.* Живопись. Пекин: Изд-во «Изобразительное искусство Китая», 1982.

5. *尹吉男.* 中国美术史. 北京:高等教育出版社, 2019. = *Инь Цзинань.* История китайского искусства. Пекин: Издательство высшего образования, 2019.

6. *徐复观.* 中国艺术精神. 辽宁 : 辽宁人民出版社，2019. = *Сюй Фугуань*. Дух китайского искусства. Ляонин: Народное издательство, 2019.

7. *王伯敏.* 中国绘画通史. 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2018. = *Ван Бомин*. Общая история китайской живописи. Новые знания. Книжный магазин Сань Лянь, 2018.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЕРЦЕПТИВНИЫЙ АСПЕКТ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИНСТАЛЛЯЦИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЯПОНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

М. Л. Карпенкова

Минский областной центр народного творчества,
ул.Гикало, 4, 220005, г.Минск, Беларусь, mocnt@cultur.by

Статья посвящена рассмотрению концепта пространства в работах современных японских художников. Рассмотрены творческие приёмы и средства трёх авторов, создающих художественные инсталляции. На конкретных примерах показана важная роль зрителя, как соучастника произведений искусства.

Ключевые слова: инсталляция; современное искусство; пространство; время; зритель; японские художники; Юсуке Акамацу; Яёй Кусама; Ясуаке Ониси.

SPATIAL-PERCEPTIVE ASPECT IN ART INSTALLATIONS BY CONTEMPORARY JAPANESE ARTISTS

M. L. Karpiankova

Minsk Regional Centre of Folk Art,
4 Gikalo str., 220005, Minsk, Belarus, mocnt@cultur.by

The article is devoted to the consideration of the concept of space in the works of contemporary Japanese artists. The creative methods and means of three authors creating art installations are considered. On concrete examples the important role of the spectator as a co-participant of works of art is shown.

Keywords: installation; contemporary art; space; time; viewer; Japanese artists; Yusuke Akamatsu; Yayoi Kusama; Yasuaki Onishi.

Включение реального пространства, как важного художественно-выразительного элемента произведений искусства стало характерным для художников конца XX – начала XXI века, создающих инсталляции и объекты лэнд-арта. Зритель получил возможность сам выбирать ракурсы для восприятия работ, буквально входить в произведения, передвигаться внутри или вокруг них, используя также и такой ресурс как время.

Для японского искусства характерны особые отношения с пространством: «Японская картина мира может быть достаточно полно описана через категории пространства. Очевидность доминирования пространственной ориентации японской культуры обнаруживается при исследовании

универсального и основополагающего для любой культуры концепта «свое - чужое»» [1, с. 270].

Начиная, с традиционных видов живописи и графики японские художники не избегают (не стремятся полностью заполнить), а наоборот наделяют особым символическим значение пространство и пустоту в своих работах. «Белый незаполненный фон бумаги или шелка, занимавший нередко большую часть живописной плоскости, был олицетворением пустоты — одной из фундаментальных идей буддийской философии. Пустота — мир непроявленных форм, откуда эти формы возникают и где существуют в потенции. Пустота в японской культуре необходима и самодостаточна» [1, с. 273]. Тем интереснее наблюдать как, это национальное отношение с пространством и временем работает и проявляется в современных художественных практиках.

Японский художник **Юсуке Акамацу** (Yusuke Akamatsu, 1967 г.р.) зарекомендовал себя как мастер интерактивных инсталляций, в которых звук и движение становятся ключевыми элементами взаимодействия со зрителем. Художник начинал свой творческий путь в киноиндустрии и искусстве манги, что объясняет его подход к инсталляции, как к специфической раскадровке, оживляемой зрителем. Его работа «Мгновенная вселенная» дает возможность не только наблюдать, но и активно участвовать в создании уникальных звуковых ландшафтов. Специальные датчики реагируют на движения зрителей, создавая особое звуковое поле в режиме реального времени. Зрители, взаимодействуя с различными объектами или пространственными элементами (при помощи движений рук, ног, изменения положения тела), вызывают изменения в окружающем их звуковом пространстве. Юсуке Акамацу предоставляет посетителям своеобразную платформу для творчества, где каждый участник создает свой собственный аудиовизуальный опыт. Инсталляция «Мгновенная вселенная» также имела техническую возможность сохранять созданные звуковые композиции, позволяя посетителям увидеть результат совместного творчества и взаимодействия. Таким образом данное произведение становится неотъемлемой частью современного искусства, в котором зритель уже не созерцает, а становится активным участником художественной вселенной. Акамацу даёт такое пояснение сути искусства: «Искусство — это прямое и непосредственное восприятие жизни, наблюдение за ее ходом и изменениями в реальном пространстве. Оно размышляет, собирает и распространяет произведения — ведь что еще, если не искусство, может одарить нас столь драгоценными дарами?» [2].

Яёи Кусама (Yayoi Kusama, 1929 г.р.), выдающаяся японская художница, стала иконой современного искусства в том числе благодаря своим уникальным инсталляциям, в которых используются фирменный

«горошек» и зеркала. Свои инсталляции с бесконечными комнатами Кусама строит на эффектах отражения в зеркалах реальных нарисованных точек, тыкв, иных объектов или светодиодных источников яркого света. Её «Бесконечные комнаты» создают ощущение бесконечности и погружают зрителей в уникальный визуальный опыт «оторванности от берегов». Каждая точка, умноженная зеркалами, участвует в процессе создания пространства без видимых границ. Зритель, находясь в этой комнате, становится частью произведения искусства, взаимодействуя с бесконечной визуальной симфонией. Эта инсталляция требует достаточно активного и буквального погружения зрителя в произведение искусства, зритель входит в пространство инсталляции чтобы стать его частью. Это вовлечение создает уникальный эмоциональный опыт, когда зритель не только наблюдает, но и ощущает. Подобные инсталляции Кусамы становятся символами синтеза искусства и визуального восприятия, отражая ее уникальный творческий стиль и внося свой вклад в мир современного искусства. Серия инсталляций с «Бесконечными комнатами» не только визуализируют бесконечность, но и становятся местом, где зритель может погрузиться художественное пространство, которое растягивается, искривляется, увеличивается.

Японский художник **Ясуаки Ониси** (Yasuaki Onishi, 1979 г.р.) посвятил свое творчество визуализации негативного пространства. Используя простые материалы, такие как клей, верёвки и плёнка, он выстраивает монументальные «горные» пики, создаёт нематериальный образ автомобиля (на заказ компании для Mercedes-Benz), подвешивает вертикальную структуру-паутину или перевёрнутые деревья, покрытые искусственным инеем. Ясуаки Ониси изучал скульптуру в университете Цукуба и Киотском городском университете искусств. Сначала он экспериментировал с металлом и фотографией, а потом стал разрабатывать инсталляции для конкретных локаций, которые можно создать только на месте. Художник работает с небольшой командой технических ассистентов, преимущественно сам создавая объекты при помощи клея (известного нам как «клеевой пистолет с горячим клеем»). Его клеевые нити имеют некоторое сходство с нитями Тихару Сиоты, но отличаются тем, что «проявляют» невидимое, в то время как знаменитая японская художница в большей мере работает с символикой «нити» и созданием пространственных структур.

В 2009 году Ониси начал работу над своей серией «Обратная сторона объема» («Reverse of volume»). Процесс создания этих инсталляций включал в себя аккуратную драпировку пластиковой пленки поверх сложенных картонных коробок, которые затем удалялись и оставляли только свои отпечатки. Получившаяся «парящая» форма держалась на потолке с помощью нитей горячего клея.

Семантическая составляющая данной серии хорошо объясняется культурологом П. Решётниковой: «Пустота является ключевой категорией для понимания японской культуры, зоной смыслообразования, так как являет собой некое пустое место, в которое каждый может вписывать любое значение. Пустота в западной культуре не является самодостаточным местом, она должна быть заполнена (потенциальное «в-пускание»)» [1, с. 273].

Художник через образы своих инсталляций делает видимыми те пространства, которые обычно являются невидимыми (полости, расстояние между объектами). Выставочное пространство становится подобным сосуду, хранящему воображение и мысли. Зритель входит в это пространство и свободно передвигается в нём. У художника были интересные опыты по «воссозданию» при помощи клея, верёвок и плёнки образов реальных древних японских ритуальных сосудов в залах, где выставлялись данные артефакты.

В творческом багаже художника имеется несколько характерных приёмов работы с пространством: переворачивание объектов, проявление невидимой формы, создание формы, там, где её нет (надуваемые прозрачные объекты). Особенно интересна работа художника со временем и пространством в тех объектах, где автор использует кристаллизацию нитей клея. Ониси наносит концентрированный раствор мочевины на нити клея, которые со временем начинаю покрываться кристаллами, таким образом невидимая форма постепенно проявляется и меняется с течением времени (например, как в проекте с перевёрнутыми деревьями «Вертикальная пустота» («Vertical Emtiness»), 2013). Главное же для художника — создать место, которое побуждает зрителя заполнить пустоту собственным воображением [3].

В своих проектах Ониси исследует тему памяти, «оставшегося», воссоздавая следы некогда существовавших объектов или действий. Художник пытается привлечь внимание к тому, чего мы обычно не видим, но ощущаем — к воздушному пространству. Все его работы основаны на неожиданном использовании пространства, что дезориентирует зрителей, заставляет их взглянуть на привычные мир иначе. «Я исследую разные способы познавать этот мир и его обратную сторону. Для этого я использую материалы, которые не остаются статичными. И благодаря им создаю произведения, изменяющие те пространства, в которых находятся. У моих скульптур нет какого-то конкретного объяснения, зритель сам должен его дать» — говорит о своём творчестве художник [4].

Таким образом очевидно, что проблема и символическое значение пространства как важного образующего концепта чрезвычайно актуально для японских художников. Художественные средства инсталляций позволяют воссоздавать не только иллюзорное пространство, но и работать с реальным. Активная роль зрителя в восприятии работ обусловлена его

физическим участием, а также временным аспектом, который появляется в результате нахождения и осмотра работ с разных позиций и в разном темпе. Чрезвычайно интересен и феномен того, как японские авторы используют современные техническое средства — датчики, диоды, экраны для отражения традиционных идей японской культуры. Современное искусство расширило диапазон выразительных средств художников, позволило каждому выразить авторскую позицию по отношению к концепту «пространство». У Юсуке Акамацу и Ясуаке Ониси пространство — это то, что формируется людьми, и содержит «слепки» их личностей и среды обитания, а у Яёй Кусама — это завораживающая бесконечность.

Библиографические ссылки

1. *Решетникова П. А.* Организация пространства в японской культуре: концепты и модели // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. № 49, вып. 13. С. 269–278.

2. Meer, 2004 [Электронный рессурс]. URL: https://www.meer.com/en/63716-an-interview-with-yusuke-akamatsu (дата обращения: 19.04.2024).

3. Общество с ограниченной ответственностью «И+Д», 2024 [Электронный рессурс]. URL: https://www.interior.ru/art/12011-installyatsii-yasuaki-onisi-yaponskii-vzglyad-na-pustotu.html (дата обращения: 19.04.2024).

4. Творческий альманах Artifex [Электронный рессурс]. URL: https://www.artfex.ru/инсталяция/необычные-пространства-ясуаки-ониши/ (дата обращения: 19.04.2024).

ТЕНДЕНЦИИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ ИГРЫ НА КИТАЙСКОЙ ПИПЕ

А.О. Полосмак[1)], Сюэинь Бай[2)]

[1)] Университет Национальной академии наук Беларуси,
ул. Радиальная, 38Б, 220070, г. Минск, Беларусь, anna-polosmak@yandex.ru

[2)] Университет Национальной академии наук Беларуси,
ул. Радиальная, 38Б, 220070, г. Минск, Беларусь, 1933203215@qq.com

В статье рассматривается влияние глобализации и централизации на развитие искусства игры на пипе в Китае и за его пределами. Раскрывается, как глобализация культурного пространства, которая привела к расширению границ академической музыки в XX веке, и глобализация китайской музыки в XXI веке повлияли на транформацию инструмента, исполнительства, музыки, образования и философии этого искусства. Китай определяется как центр искусства игры на пипе, Пекин – как эпицентр академического стиля этого искусства, а мультикультурализм – как ядро «диаспорической музыкальной интеркультуры» – пространства, где искусство игры на пипе взаимодействует с другими музыкальными традициями, вышедшими за рамки своих национальных границ.

Ключевые слова: глобализация; централизация; Китай; пипа; межкультурный опыт.

TRENDS OF CENTRALISATION AND GLOBALISATION IN CONTEMPORARY CHINESE PIPA ART

A.O. Polosmak[1)], Xueyin Bai[2)]

[1)] University of the National Academy of Sciences of Belarus,
38B Radialnaya str., 220070, Minsk, Belarus, anna-polosmak@yandex.ru

[2)] University of the National Academy of Sciences of Belarus,
38B Radialnaya str., 220070, Minsk, Belarus, 1933203215@qq.com

This article examines the impact of globalisation and centralisation on the development of pipa playing in China and beyond. It reveals how the globalisation of cultural space, which led to the expansion of the boundaries of academic music in the 20th century, and the globalisation of Chinese music in the 21st century have influenced the transformation of the instrument, performance, music, education and philosophy of pipa art. China is regarded as the centre of pipa playing, with Beijing representing the hub of the academic style of this art, and multiculturalism as the centre of the space of «diasporic musical interculture» where pipa art interacts with other musical traditions that have transcended their national boundaries.

Keywords: globalisation; centralisation; China; pipa; intercultural experience.

В эпоху глобализации, когда культурные границы становятся все более прозрачными, китайская пипа приобретает все большую известность в мире. Это становится возможным благодаря усилиям китайских культурных учреждений за рубежом, таких как Институты Конфуция и различные музыкальные ассоциации, а также деятельности композиторов и исполнителей, которые выступают в роли культурных посредников, участвуя в транснациональных музыкальных обменах и межкультурном музицировании. Их деятельность способствует повышению престижа пипы и ее глобальному резонансу.

Исторически музыкальные обмены играли ключевую роль в развитии пипы, начиная с династии Западная Хань, когда инструмент был привезен в Китай по Шелковому пути. Во времена Тан пипа была экспортирована в Японию, где используется до сих пор под названием бива. Считается, что корейская бипа и вьетнамская тыба также имеют китайские корни. В период поздней династии Цин и Китайской республики процессы глобализации западной академической музыки привели к значительным изменениям в традиции игры на пипе. Среди них – модернизация конструкции инструмента для обеспечения равномерной темперации строя, замена нотации гунчэ классической европейской нотацией, разделение ролей исполнителя и композитора, переход от идиоматической импровизации т.н. «скелетных мелодий» к интерпретации фиксированных нотных текстов. Эти изменения помогли унифицировать искусство игры на пипе.

В данной статье мы рассмотрим взаимосвязь между двумя ключевыми тенденциями, которые способствовали формированию современного искусства игры на пипе и его распространению за пределами Китая, – глобализацией и централизацией.

Австралийский исследователь Лю Лу выделяет централизацию как ключевой элемент в развитии современного искусства игры на пипе в Китае, связывая с ней появление единого академического стиля, т.н. «сюэюань пай» [1]. Этот стиль возник в результате синтеза методов и приемов традиционных школ и превратил пипу из инструмента с ярко выраженными региональными особенностями в национальный инструмент. Начавшись в 1920-1930-х годах, когда представители пяти основных школ игры на пипе были приглашены для преподавания в китайские консерватории, этот процесс стал систематическим после 1960-х благодаря деятельности Линь Шичэна и Лю Дэхая в Центральной консерватории музыки.

Линь Шичэн, почитаемый как традиционалист и шестой преемник школы Пудун, разработал систематический метод обучения игре на пипе. Его ученик Лю Дэхай объединил многочисленные, в том числе и редко используемые, приемы различных школ в уникальный стиль исполнения. Его считают уже не седьмым преемником школы Пудун, а новатором. Оба

музыканта проделали значительную работу по формированию репертуарного канона «сюэюань пай», отобрав из обширного репертуара региональных школ ряд произведений, ставших впоследствии образцами «национального стиля».

Централизация повлияла и на создание нового репертуара. Примерно 80% композиторов, пишущих для пипы с 1960-х годов, работают в Пекине. Глобализация академической музыки, которая «вырвала многие жанры из их прежних контекстов и ролей», привела к появлению концерта для пипы с симфоническим оркестром, в котором сочетаются китайские и западные элементы. После того как в 1977 году Лю Дэхай в сотрудничестве с двумя композиторами написал «Две сестры на лугу», этот жанр стал самым популярным для создания и исполнения. Дж. Винценбург показывает, что за последние десятилетия количество концертов для пипы значительно увеличилось, причем большинство концертов, написанных для китайских щипковых инструментов, были написаны именно для нее – 66 из 130 выявленных исследователем примеров [2].

Влияние глобализации и централизации проявляется и в сфере обучения игре на пипе. С 1960-х годов подготовка исполнителей стала гибридной благодаря интеграции китайских и западных методов. Западные ценности, такие как важность точного следования нотному тексту, значение виртуозной техники и эстетические принципы концертного исполнения, стали доминировать. Это было зафиксировано в стандартизированной программе обучения и экзаменов для исполнителей на пипе, разработанной Центральной консерваторией музыки в 1980-х годах.

Эта программа была принята не только в Китае, но и в других странах, в том числе в США, Канаде и Сингапуре, где реализуется в сотрудничестве с местными университетами. Шанхайская и Центральная консерватории также принимают иностранных студентов для обучения игре на пипе, в основном из азиатского региона, и приглашают участников из разных стран мира на курсы и летние школы. Это можно считать одним из проявлений обратных течений в культурном потоке между миром и Китаем.

Как отмечается в «Оксфордском справочнике по музыке Китая и китайской диаспоры», современная глобализация искусства игры на пипе связана с волной миграции, последовавшей за Культурной революцией [3]. Выпускники китайских консерваторий, в основном из Пекина и Шанхая, оказались в авангарде этого процесса. Высокая адаптивность исполнителей на пипе объясняется тем, что они получили образование в рамках межкультурной музыкальной системы, которая уже успешно рационализировала древние традиции. Опыт, полученный в процессе обучения, стал основой для последующего развития их межкультурной музыкальности. Это позволило им адаптировать музыку для пипы к новому

мультикультурному контексту и продолжить процессы модернизации и присвоения некитайских музыкальных элементов.

В настоящее время за пределами Китая выступает множество музыкантов, играющих на пипе. Однако, наиболее известные исполнители, среди которых У Мань (США), Ян Вэй (США), Гао Хун (США), Лю Фан (Канада), Чэн Юй (Велкобритания), Ян Цзин (Швейцария) и Цзян Тин (Япония), эмигрировали в период с 1987 по 1999. Успех этой плеяды можно объяснить тем, что они представляют поколение, которое стало свидетелем периода, когда искусство игры на пипе было представлено двумя пересекающимися, но принципиально разными сообществами. Одно поддерживало традиции региональных школ, а другое создавало единый академический стиль. Соответственно, начальное обучение исполнителей проходило под руководством народных музыкантов, известных учителей традиционных школ или членов семей. Впоследствии они продолжали обучение в консерваториях, где осваивали «сюэюань пай». Такой подход обеспечивал баланс между традиционным и академическим и способствовал высокому уровню исполнительского мастерства. Те, кто уехал на более раннем этапе, смогли наблюдать стиль «сюэюань пай» лишь на стадии его зарождения, в то время как те, кто уехал позже, целиком находились под его влиянием.

За рубежом музыканты стремятся осмыслить и развить опыт, полученный в Китае. Их сольный репертуар включает традиционные произведения, составляющие основу канона «сюэюань пай», такие как «Засада со всех сторон», «Флейта и барабан на закате», «Лодки-Драконы» Абинга и «Весна в горах Тяньшань» Ван Фаньди. Исполняются и композиции для ансаблей пипы и других китайских инструментов – из репертуара цзяннань сычжу, отрывки из традиционной музыкальной драмы и современные авангардные произведения авторов из Китая, включая «Гора долгого ветра» Чжоу Луна. Также звучат концертные сочинения для пипы китайских композиторов, в том числе «Рапсодия на горе Цилянь» Хань Ланькуя и Концерт для пипы № 2 Чжао Цзипина.

Жанр концерта активно развивается благодаря творчеству композиторов китайской диаспоры и композиторов не китайского происхождения. Помимо сочинений для пипы с оркестром или струнным ансамблем, таких как концерты Тан Дуна и Лу Харрисона (США), были написаны двойные и тройные концерты. Среди них – «Зеркало и круг» для пипы, виолончели и китайского оркестра Бернда Франке (Германия), концерт для пипы, бамбуковой флейты дицзы и оркестра Эрика Гаудиберта (Швейцария), «Rejuvenation: Даосское путешествие» для пипы, оркестра и рассказчика Винсента Хо (Канада).

Музыканты, переезжающие в страны, где поощряется культурное разнообразие, получают возможность расширить свой межкультурный опыт. Это приводит к созданию разнообразных мультикультурных ансамблей. Некоторые из них, такие как дуэт пипы и гитары или пипа и струнный квартет, становятся новыми конвенциями и привлекают внимание композиторов. Но, хотя эти составы и относительно новы для китайского искусства, они придерживаются привычного принципа сочетания китайских и западных элементов. Одновременно с этим опыт исполнителей выходит за рамки диады Китай-Запад: пипа сочетается с инструментами других азиатских и африканских культур. Такая интеграция приводит к появлению самобытных форм исполнения и признанию пипы инструментом «мировой музыки».

За пределами Китая искусство игры на пипе переживает очередной переход от «периферии» к «центру». В новом контексте на периферии инструмент служит культурным потребностям диаспоры, в то время как в центре доминирует мультикультурализм. Музыканты не просто переходят с одной сцены на другую; скорее, они вовлечены в постоянный процесс переговоров между «периферией» и «центром». С одной стороны, они балансируют между своим образованием и представлениями о музыкальной аутентичности пипы в китайском сообществе. С другой, оправдывают ожидания некитайских коллег и аудитории, гибко адаптируя идиоматические особенности своего инструмента, включая тембры, технику, стили, а также эстетику и философию.

Исполнители стремятся глубже понять свое культурное наследие обращаясь к традиционным стилям и практикам. Это приводит к использованию исторических вариантов инструмента, включая 5-струнную пипу времен династии Тан, пипу наньинь и инструменты с шелковыми струнами. Импровизация становится все более важной в зарубежной практике, а исполнители сами создают произведения для своих выступлений. В этом контексте вновь актуализируется взаимодействие традиций и инноваций – когда музыканты выбирают и представляют те традиции, которые кажутся им наиболее аутентичными или актуальными, они создают новые традиции, добавляя свои интерпретации и трактовки. Это способствует развитию искусства игры на пипе, сохраняя связь с его историческими корнями.

Музыканты из диаспоры вносят свой вклад в развитие искусства игры на пипе не только за рубежом, но и в Китае. Их достижения на мировой арене привлекают пристальное внимание китайского музыкального сообщества [4; 5]. В последние десятилетия некоторые из них возвращаются в Китай, чтобы участвовать в концертах и мастер-классах, внося новые идеи и техники, которые обогащают современное искусство игры на пипе. Примером такого вклада является мастер-класс У Мань, проведенный в

Центральной консерватории музыки в 2017 году, который был посвящен мультикультурной музыке и импровизации. Однако композиции для пипы, созданные за пределами Китая, редко включаются в репертуарный канон «сюэюань пай» и, следовательно, не оказывают влияния на его развитие.

Таким образом, взаимодействие между китайскими музыкантами, живущими за рубежом, и их родиной способствует созданию глобального музыкального сообщества, обогащенного разнообразием и культурным обменом. Этот обмен является двусторонним, и миграция музыкантов представляет собой начало формирования диаспоральных сетей, в которых Китай начинает играть центральную роль.

Библиографические ссылки

1. *Liu L.* Beijing in the Contemporary Pipa World // Presence Through Sound. Routledge, 2020. P. 58–71.

2. *Winzenburg J.* Spanning the Timbral Divide: Insiders, Outsides, and Novelty in Chinese-Western Fusion Concertos // China and the West. University of Michigan Press, 2017. P. 186–204.

3. *Wu B.* Trends in the Globalization of Pipa Music // The Oxford Handbook of Music in China and the Chinese Diaspora. Oxford University Press, 2023. P. 329–350.

4. *贾怡.* 国之吴琵 琶、世界琵琶蛮 – 论吴蛮与中国当代琵琶艺术的初步世界化 = *Цзя И.* Национальная пипа У, Ман мировая пипа: предварительный космополитизм У Мань и современное китайское искусство игры на пипе // Журнал Тяньцзиньской консерватории. 2019. № 4. P. 57–100).

5. *Ma M.* Wu Man, The Pipa and Chinese Tradition in a Contemporary Global Context // Asian-European Music Research Journal (AEMR). 2023. № 11. P. 19–38.

ОБРАЗЫ ЗМЕЙ В КИТАЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРАХ НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЙСКОГО МИФА «ЛЕГЕНДА О БЕЛОЙ ЗМЕЕ» И БЫТИЯ

Ван Юекай

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул: Рабкоровская, 17, 220001, г. Минск, Беларусь, wyk901231@qq.com

В данной статье рассматриваются особенности образа змеи в контексте географической картины мира, культурной психологии, мифологического и религиозного искусства. Анализируются такие произведения, как петроглифы, предания, былины, китайская мифология, древнегреческая и балканская мифология, легенды, классическая художественная литература, опера, Бытие. Сделаны выводы о том, что, несмотря на очевидные различия китайской и западной культур, их наследие имеет общие культурные универсалии.

Ключевые слова: китайская культура; западная культуры; змея; Белая Змея; Библия; Бытие.

THE IMAGE OF THE SNAKE IN CHINESE AND WESTERN CULTURES USING THE EXAMPLE OF THE TRADITIONAL CHINESE MYTH «THE LEGEND OF THE WHITE SNAKE» AND BEING

Wang Yuekai

Belarusian State University of Culture and Arts,
Rabkorovskaya Av., 17, 220001, Minsk, Belarus，wyk901231@qq.com

This article considers the features of the image of the snake in the context of the geographical picture of the world, cultural psychology, mythological and religious art. Such works as petroglyphs, legends, epics, Chinese mythology, ancient Greek and Balkan mythology, legends, classical fiction, opera, Genesis are analyzed. It was concluded that, despite the obvious differences between Chinese and Western cultures, their heritage shared cultural universals.

Keywords: Chinese culture; Western culture; snake; White Serpent; Bible; Genesis.

Элементы «змеиного» образа можно найти в религиях, мифах, легендах, архитектуре и живописи разных культур мира, что позволяет назвать его мифологемой. Например, петроглифы древнего искусства Амура доказывают, что Солнечный Змей-Дракон покровительствует «горно-таежному» народу [4, с. 267]. В ранней славянской словесности предания и былины: Змей Горыныч, Тугарин Змей. Позже они нашли художественное отражение в классической литературе: «Во второй половине XIX века в

русской литературе обозначился отчетливый интерес к фольклору, прошлому страны, национальным образам и мотивам. Эта тенденция еще отчетливее проявилась в эпоху Серебряного века» [8, с. 1].

Образ змеи имеет большое значение как в китайской, так и в западной культуре. И в Китае, и на Западе он обладает мистическим значением. Однако из-за различий в этнической, религиозной и географической принадлежности существуют как сходства, так и значительные различия в образах змей в китайской и западной культурных средах. Это обогащает культурный подтекст человека и подчеркивает мудрость, а также специфические отношения между человеком и змеями. В Древнем Китае змее поклонялись как тотему, в то время как на Западе она считалась символом зла и токсичности. Символика змеи в Китае была переосмыслена и реконструирована в традиционных мифах, таких как «Легенда о белой змее» («白蛇传»), в то время как западный образ змеи зародился в Книге Бытия и стал основой для образа змеи в последующих поколениях. Из-за различий в культурной структуре и психологии духовный подтекст и примитивные верования змеи в китайской и западной культурах также существенно отличаются.

1. Образы змей в китайских и западных мифах и легендах

Змеи часто являются важными символами в легендах и мифах, а также объектами исследования и созерцания. Змеи хладнокровны, ядовиты, а их яд может быть смертельным, что делает их чрезвычайно опасными и внушает первобытный страх человеку. В «Слове об охотнике за змеями» Лю Цзунъюаня, известного древнекитайской писателя, описана странная змея, появившаяся в диких землях Юнчжоу, с черным телом и белыми пятнами, уничтожающая траву и деревья, когда прикасается к ним, и кусающая человека, который не может от нее укрыться. Эти описания подчеркивают ужасающий аспект змей и заставляют людей бояться их. Однако змея обладает и мистическими свойствами. В то же время цвет змеи загадочен, она линяет, символизируя новорожденную, цепкую жизненную сил, ее упорство и уникальный способ ползания полны таинственного очарования. Со временем древние люди стали включать змею как символ в свою литературу, придавая ей более глубокий смысл. Образ змеи в литературе наделяется множеством значений, таких, как опасность и страх, одновременно загадочность и жизненная сила. Образ змеи в литературе многогранен и может олицетворять темные силы или символизировать перемены и возрождение. Это также просветляющий символ, вдохновляющий людей на изучение человечества и мира. Образ змеи в литературе всегда будет иметь глубокий смысл [1, с. 104].

В западной культуре, сформировавшейся под влиянием древнегреческой и древнееврейской культур, змея часто воспринимается как символ

зла. Древнегреческая мифология лежит в основе западной культуры, и змеи в ней часто изображаются негативно. Например, в греческих мифах (позже также в балканских) упоминается Ламия – змееподобное чудовище с грубой талией и верхней половиной тела женщины и нижней половиной тела змеи. Изначально она была прекрасной ливийской царицей, способной устранять бедствия. Однако после того, как ее полюбил Зевс, Гера, жена Зевса, приревновала и убила сына женщины. Тогда Ламия, одержимая местью, стала красть и глотать детей или высасывать кровь. В западной мифологии змеи часто изображаются злыми, коварными и губительными. Помимо древнегреческих произведений, важным источником влияния на западную культуру является Библия. В Библии змеи изображены во всех книгах, кроме Бытия. Например, змей искушал Иова и Иисуса противиться Богу, испытывая и мучая их. Иоанн Креститель считал фарисеев и саддукеев «ядовитыми змеями», а Иисус дал 12 ученикам власть топтать змей и скорпионов. Перед тем как Иисус вознёсся на небо, он дал своим ученикам право держать змей, не страшась пить яд для исцеления. В Библии змея часто символизирует зло, первородный грех, приносящий боль и страдания, похоть. По словам Надежды Дамьян, какой бы облик не принимал змей в Библии, он все равно оставался «символом злобы, свирепости и коварства» [3, с. 153]. Однако стоит отметить, что есть и исключение. В книге Чисел появляется другой, змей –Медный змей (Чис. 21: 6–9), который предвещал Благую Весть [3, с. 153].

Этот образ оказал глубокое влияние на последующую литературу, сформировав представление о змее в более поздних произведениях [9, с. 248].

2. Специфическое изображение образа змеи в Китае и на Западе

Трансформация образа в «Легенде о Белой Змее»

Одна из четырех великих народных любовных историй, передающихся из поколения в поколение, китайская «Легенда о белой змее» рассказывает о трогательной истории любви между белой змеей, принявшей человеческий облик, и ученым Сюй Сянем. История прошла долгий путь развития: от простой и причудливой сказки в начале до эмоционально насыщенной истории с логичным конфликтом. Её можно условно разделить на четыре этапа: период зарождения легенды Тан «Сказание о белой змее», «Три пагоды озера Сиху» и «Записи И-цзяня» династии Сун, «Вечная узница пагоды Лэйфэн» в «Повестях в назидание миру» Фэн Мэнлуна при династии Мин и завершающий этап современной театральной пьесы «Сказание о белой змее», написанной Тянь Ханем.

Происхождение истории «Легенда о белой змее» описывается по-разному, но наиболее распространенной является теория, согласно которой она возникла на основе легенды династии Тан «Сказание о белой змее», в которой белая змея уже приняла человеческий облик, но все еще

представлялась как злая сила, в основном проявляя свое «демоническое» поведение в качестве людоеда. Произведение династии Сун «Три пагоды озера Сиху» продолжает этот жанр, но в «Записях И-цзяня» династии Южная Сун авторства Хун Маи, символ Белой Змеи впервые из нечисти превращается в добродетель, преобразуется в тенденцию любви и праведности, сюжетная линия также постепенно обогащается, впервые затрагиваются темы беременности, образ мастера по усмирению демонов и другие новые для того времени сюжеты. Часто в разных мифологиях змей олицетворяет два начала (что символично, ведь у змеи два конца, но она цельна) – мужское и женское. Например, археологические находки показывают змею как сосуд. Отметим, что образы змеи и мотив беременности также являются важными элементами башкирских мифов и демонстрируют такую духовную составляющую, как родословная и происхождение народа [7, с. 509]. «Записи И-цзяня» перевернули традиционный образ змеиного женского персонажа. Хроника Белой змеи получила новое развитие в эпоху династии Мин, когда Фэн Мэнлун адаптировал произведение «Вечная узница пагоды Лейфэн» из «Повестей в назидание миру». Хотя образ Белой змеи по-прежнему несет в себе некоторые «демонические качества», такие как воровство, она отважно стремится к любви и счастью, и, заставляя Сюй Сяня использовать воду, чтобы затопить гору, она показывает свою настойчивость в любви и прославляя человеческие чувства. На этом этапе «демоническая природа» Белой Змеи уменьшилась, и постепенно проявляется ее хорошая сторона, двигая образ Белой Змеи в положительном направлении [2, с. 72].

В сценарии оперы Тянь Хань «Легенда о Белой Змее» отмечен этап зрелости истории о Белой змее, когда сюжет о «вечной узнице пагоды Лэйфэн» переходит в современность. На этой основе была адаптирована «Легенда о белой змее». К этому времени дьявольские элементы в образе Белой Змеи нивелировались, и на первый план вышло очеловечивание. В частности, Белая Змея и Сюй Сянь вместе открывали аптеку, вместе спасали людей и совершали рыцарские поступки. На данном этапе Белая Змея развивается в направлении «феи». Ее непоколебимость и отважное стремление к любви также очеловечивают образ Белой Змеи. Развитие образа Белой Змеи прошло постепенную эволюцию от зла к добру, и образ Белой Змеи достиг своего пика. В «Легенде о Белой Змее» традиционный образ Белой Змеи полностью изменен, а «звериная природа» змеи полностью меняется на «человеческую». Белая Змея превращается из «демоницы» в «богиню». Белая змея, традиционно считавшаяся злой, на самом деле демонстрирует повышение статуса женщины, становясь воплощением добра и принося счастье людям. Изменение образа Белой Змеи – это изменение культурно-психологических представлений людей и социальной структуры. Борьба Белой

Змеи за любовь и противостояние Фахаю показывает, что господство традиционной мужской власти постепенно ослабевает, а сознание и статус женщины повышаются. Образ Белой Змеи становится все более «человечным», не только с эмоциями, но и с лучшим чувством сопротивления, чем у обычных людей. В этот момент «Белая змея» становится светлой и прекрасной, отрываясь от присущего ей образа [6, с. 33–35].

Конкретные представления образов змея в Бытии

В книге Бытия змей – самое хитрое и гибкое существо, с которого все началось. Без искушения змея человечество не подверглось бы вечному наказанию. Змей также олицетворяет в Бытии первичное человеческое желание и начало злых помыслов. Как только возникает желание, за ним следует страдание. Поэтому с самого начала Бытия змей считается началом желаний и источником зла. В Бытии этот змей назван Сатаной. Согласно еврейской традиции, «змей» в древнееврейской культуре олицетворял дьявола. Как видно, змей Сатана заставил человечество усомниться в Божьем слове, ослушаться Божьих указаний и погрузиться в пучину греха. В первой главе Библии, Бытии, змей соблазняет Еву съесть запретный плод, мужчина и женщина освобождаются от неведения. Таким образом, змей рассматривается как разумное животное, мудрец, открывающий духовную мудрость человеческих существ. Но в отличие от образа змеи в древнекитайской мифологии, которому придавался сильный элемент поклонения, западная традиция определяет змею как представителя зла, а знаменитым образом змеи в греческой мифологии является Медуза, самая известная из трех сестер Горгоны. Ее тело змеевидное, шея покрыта чешуей, волосы – извивающиеся ядовитые змеи с клыками, и каждый, кто ее видит, немедленно превращается в камень. Однако на Западе змея, обвивающая кубок, является символом медицины и медицинской профессии, эмблемой Всемирной организации здравоохранения и аптеки. Это происходит из греческого мифа о боге медицины Асклепии, который владел посохом, обвитым змеями, и его дочери, богине здоровья Гигее. По совпадению, Белая Леди и Сюй Сянь в китайской мифологической истории «Белая змея» занимались врачебной практикой [5, с. 65].

Причины формирования «змеиных» образов в китайской и западной культурах. Различия культурной психологии в Китае и на Западе

Западная культура, в центре которой находятся идеализм и романтизм, берет свое начало в греческой и древнееврейской культурах. Особенно змей, который искушал Адама и Еву съесть запретный плод и попасть в светский мир, является символом первородного греха. Это проложило путь к образу змеи в более поздней западной литературе. В древнееврейской религиозной культуре существовали правила, касающиеся вещей: «Все, что ползает по земле, отвратительно и не должно быть съедено.

Всякий, кто ходит на брюхе своем, или на всех четырех ногах, или имеет много ног, есть ползающий по земле, и никто из вас не должен есть от него, ибо он ненавистен». Таким образом, змеи не могут употребляться в пищу людьми, поскольку входят в категорию «мерзких» животных, и поэтому становятся символом зла. Можно заметить, что религиозная культура оказывает большое влияние на развитие искусства. В Древнем Китае у людей существовала своеобразная тотемная культурная психология поклонения змее, через образ змеи они интерпретировали собственные желания, наделяли змей духовной и физической силой. С древних времен китайцы отдавали предпочтение «счастливому концу» в художественных произведениях, из чего следует, что герой и героиня в литературе развиваются положительно. В то же время условия жизни в Китае и на Западе также приводят к этому явлению.

Западное общество более терпимо и открыто, различные культуры обмениваются опытом и учатся друг у друга, а также со временем узнают символы змей из других стран, где змеи также олицетворяют зло. Древний Китай, с другой стороны, жил в относительно закрытой среде, для него характерен ограниченный обмен с другими странами и культурами, поэтому змея была увековечена и принята как символ божественной силы. В западной мифологии, однако, змея не считается неприкасаемой фигурой. Английский поэт Китс адаптировал историю Ламии из греческой мифологии в длинную поэму «Ламия», в которой превратил образ злой героини в добрый и позитивный, а также наделил ее любовью. Это произведение было создано в XIX веке, когда в Европе господствовал романтизм, ослабевала феодальная власть и развивался капитализм, происходило чередование старого и нового обществ, а в культуре наметилась тенденция к романтическим формам. «Легенда о Белой змее» постепенно формировалась во времена династии Цин, с развитием товарной экономики и относительно расслабленной социальной культуры, что, соответственно, изменило образ змеи. Сравнивая символ змеи в этих двух произведениях, мы обнаруживаем, что между китайской и западной культурами есть сходство, отражающее универсальность исторического и культурного развития человечества. С развитием культуры в разных странах постепенно появляются общие моменты, и все культурное развитие человечества демонстрирует универсальную тенденцию [2, с. 72–73]. Базовыми составляющими этой универсальной тенденции можно назвать добро, вечные ценности, вера в лучшее будущее.

Библиографические ссылки

1. *Ван Чэнся.* Культурное содержание «Легенды о Белой змее» и современная интерпретация образа Белой Леди // Вестник Янчжоуского университета. 2008. № 32. С. 104–109. = 王澄霞.《白蛇传》的文化内涵和白娘子形象的现代阐释. 扬州大学学报，2008. 104-109页.

2. *Ван Яньсинь, Хань Гелин.* Сравнение образов змей в китайских и западных мифах и легендах // Вестник Аньхой. 2015. № 23. С. 72–73. = 王延新，韩戈玲.中西神话传说中的蛇意象之对照.安徽学报，2015. 72–73页.

3. *Дамьян Н.* Символика змеи в фольклоре разных стран мира // Проблемы социально-гуманитарных наук и модернизации образования. 2021. Т. 2. С. 152–157.

4. *Лапшина З. С.* Образ змея-дракона в монументальном жанре древнего искусства Амура // Вестник ТОГУ. 2010. № 1. С. 267–272.

5. *Ли Гэшэн.* Влияние Библии на интерпретацию образа змеи в литературе и искусстве // Вестник Хучжоуского педагогического института. 2008. № 45. С. 70–75. = 李葛送.《圣经》影响下的文学艺术中蛇意象探源.湖州师范学院学报，2008. 70–75页.

6. *Ло Жунпин.* Легенда о белой змее: от тотема змеи до дискурса бунтарки // Журнал Чжэньцзянского технического колледжа. № 101. С. 33–35. = 罗戎平. 白蛇传：从蛇图腾到具有反叛力的女性话语. 镇江高专学报， 2006. 33–35页.

7. *Мамбетова В. М.* Мифические мотивы и образы башкирских эпосов в шежере и таварих XVI–XVIII вв. // мир науки, культуры и образования. 2018. № 2. С. 508–510.

8. *Пасеева А. И.* Образ Змея в творчестве А. К. Толстого и А. Н. Толстого // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 6. С. 1–7.

9. *Цао Шуньцин,* Сравнительное литературоведение. Чэнду : Издательство Сычуаньского университета, 2013. = 曹顺庆主编.比较文学. 成都: 四川大学出版社，2013.

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ВОСТОКА НА ФРАНЦУЗСКУЮ ПАНТОМИМУ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Линь Цзэхуань

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, 846664250lin@gmail.com

В данной научной статье рассматривается многогранное взаимодействие восточной философии и традиций на искусство французской пантомимы первой половины XX в. Анализируется влияние дзен-буддизма, даосизма и восточных художественных практик, на формирование траектории развития творчества ключевых фигур современной французской пантомимы, таких как Жак Копо, Этьен Декру и Марсель Марсо.

Ключевые слова: дзен-буддизм; даосизм; восточные художественные практики; пантомима; французская современная пантомима; “la mime pure”.

INFLUENCE OF EASTERN PHILOSOPHY AND TRADITIONS ON FRENCH MIME OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Lin Zehuan

Belarusian State University of Culture and Arts,
Rabkoraŭskaja st., 17, 220007, Minsk, Belarus, 970661768a@gmail.com

This article investigates the multifaceted interaction of Eastern philosophy and traditions on the art of French mime in the first half of the 20th century. It analyses the influence of Zen Buddhism, Taoism and Eastern artistic practices on the formation of the path of development of creativity of key figures of modern French mime, such as Jacques Copeau, Etienne Decroux and Marcel Marceau.

Keywords: Zen Buddhism; Taoism; Eastern artistic practices; mime; French contemporary mime; “la mime pure”.

Первая половина XX в. стала периодом глубокой трансформации европейского искусства, ознаменовавшегося отходом от традиционных норм и поворотом к новаторским художественным концепциям и социально-культурным доктринам. Это преобразование было обусловлено не только потрясениями двух мировых войн, но и глубоким взаимодействием с художественной и философской традицией Востока. Культурный обмен с Востоком вдохновил европейских художников и придал западному искусству инновационный, радикально авангардный характер. Особое влияние на европейское искусство оказала философия дзен-буддизма, основанная на осознанности и ценности настоящего момента. Художники,

разочарованные неопределенностью времени, искали убежища в дзенских принципах простоты и непосредственного переживания. Непосредственность настоящего момента стала направляющей силой, превратив европейское искусство в средство для спонтанной и интуитивной передачи сущности мимолетного мгновения, а композиционное построение отражало гармоничное сосуществование элементов, повторяя дзенское понимание взаимосвязанности всего во Вселенной.

Мистицизм, присущий восточным духовным традициям, в частности индуизму и буддизму, также оставил неизгладимый след в европейском искусстве. Художники, погружались в метафизические сферы, а их символистские работы часто изображали сновидческие пейзажи и спиритические видения. Исследование восточного мистицизма, восточных духовным практик медитации и созерцание, дало европейским художникам возможность выйти за пределы материального мира и погрузиться в сферу подсознания.

Увлечение японской и китайской эстетикой пронизывало европейское искусство начала XX в. Смелая простота японских ксилографий и китайских рисунков тушью, акцент на Природе, вызывающий чувство безмятежности и гармонии, находили глубокий отклик у европейских художников. Исследуя восточное искусство, европейские художники переняли такие элементы, как плоская перспектива, нетрадиционные композиции и понимание эфемерной красоты Мира, что обогатило европейское искусство свежим эстетическим взглядом.

Духовная геометрия, найденная в восточных мандалах и священных символах, вдохновила художников на поиск нерепрезентативных форм, стремящихся передать универсальные истины и внутренний опыт, способствовало зарождению абстрактного искусства. Абстрактное искусство стало визуальным языком для выражения невыразимого, перекликаясь с метафизическими устремлениями восточных традиций. Стремление художников к выходу за пределы материальной реальности отражает восточное понимание духовного пути. Влияние восточной философии и традиций на европейское искусство в первой половине XX в. было масштабным и внушительным. Резонанс дзенского мышления, мистицизм восточной духовности, очарование японской и китайской эстетики и духовная геометрия абстрактного искусства в совокупности значительно обогатили европейский культурно-художественный ландшафт. Значительное воздействие восточное влияние оказало и на европейскую пантомиму.

В первой половине XX в. традиционная европейская пантомима, нашедшая вдохновение за пределами западных культурных норм, претерпела метаморфозу, превратившись в искусство «чистого мима» – «la mime pure» [3, с. 66]. Восточная философия дзен-буддизма и даосизма

наполнили искусство современной пантомимы метафизическим, внебытовым содержанием. Восточная направленность к осознанности и культивирование обостренного чувства присутствия, осмысление тела как основного выразительного инструмента актера стали руководящими принципами для французских мимов-новаторов.

Реформатор французской театральной сцены, актер и режиссер Жак Копо, выходя за традиционные рамки западных драматических конвенций, искал вдохновения в богатых философских и исполнительских традициях Востока, заново определяя границы театрального искусства, в котором тело стало аппаратом для духовных исследований, а сцена – священным пространством, сочетающим восточные традиции и западные инновации.

Центральное место в работе Ж. Копо с восточной философией занимало глубокое влияние дзен-буддизма. Акцент дзэн на осознанности, присутствии и взаимосвязи ума и тела нашел глубокий отклик в его сценическом видении. Сцена, по мнению режиссера, являлась священным пространством, где актеры могли выйти за пределы самоограничений и воплотить духовное единство. Эксперименты Ж. Копо с физической подготовкой и движением перекликались с дзенскими принципами дисциплины и простоты. «Копо придавал физическому воспитанию актера такое значение, что для него оно было сродни священному ритуалу» [2, с. 163]. С помощью упражнений, вдохновленных дзенской медитацией, он побуждал актеров культивировать глубокую связь со своим телом, способствуя трансформации сценического присутствия, которое далеко выходило за рамки сценического реализма.

Японская сценическая традиция театров Но и Кабуки притягивала и поражала воображение Ж. Копо. Стилизованные движения, символические жесты, слияние танца и драмы этих театральных формах нашли отклик в новаторском постановочном подходе режиссера. Использование масок и символических жестов в Кабуки проявилось в стремлении Ж. Копо исследовать невербальную коммуникацию на сцене. Безмолвный язык тела и выразительность движения стали неотъемлемыми компонентами театрального словаря Ж. Копо. Иммерсивное качество балийских представлений, основанных на воплощении мифа и общинном участии, оставило неизгладимый след в понимании театра Ж. Копо как трансцендентного опыта. Черпая вдохновение в балийских ритуальных практиках, режиссер стремился привнести священное в светское, возвысив театральное пространство до царства совместного ритуала. Совместный характер его работы, превратил театр в коллективное начинание, где актеры и зрители участвовали в общем художественном акте.

Новаторский подход Ж. Копо к обучению актеров, акцент на телесности и включение восточных элементов в западную театральную практику

проложили путь для сценических опытов последующих поколений художников и значительно повлияли на его ученика, актера и экспериментатора Этьена Декру, которого называют «отцом современной пантомимы». Стремясь преодолеть ограничения языка и словесного выражения западного театра и черпая вдохновение в философии и традициях Востока Э. Декру сформировал саму суть нового пантомимического искусства, как формы пластической экспрессии, телесной поэзии и безмолвного выражения.

В исследованиях сущности движения Э. Декру нашли воплощение дзен-буддистские принципы осознанности, присутствия и единства ума и тела. Мимические выражения в сценической практике Э. Декру стали формой медитации, путешествием в настоящий момент, где тело служило сосудом для самопознания. Акцент дзен на простоте и непосредственности нашел отклик в скрупулезном подходе Э. Декру к физическим тренировкам. Тело актера, по его мнению, становилось холстом для артикуляции внутренних состояний, безмолвным диалогом между исполнителем и аудиторией, выходящим за пределы языковых границ.

На поиски Э. Декру сущности движения неоспоримое влияние оказал и японский театр Но, стилизованные и символические жесты которого, нашли отклик в минималистической и скрупулезно отточенной движенческой партитуре, составляющей основу пластической техники современной пантомимы. Взаимодействие между неподвижностью и движением, характерное для Но, также стали неотъемлемой частью пластической техники пантомимы выраженной в «каноне динамического противопоставления» [1, с.19]. Увлечение масками театра Но и их нюансированной выразительностью проявилось в исследовании мимики лица и выразительной жестикуляции тела.

Исследовательница творчества Э. Декру К. Вэйли дает значительный перечень сходств театра Но и современной пантомимы «строгая дисциплин; метод, требующий самоотречения и навязывания приобретенной техники, в котором ученик должен не просто имитировать внешнюю форму, а проникать во внутреннюю суть движения; изучение основных типов характеров, которые служат моделями для освоения техники имитации; остывание эмоций, которые передаются через технику; важность воли, дистанции и контроля как средств манипулирования телом; абстрактные и символические паттерны движения; предпочтение позы, а не жеста; техника шаткого равновесия между силами сопротивления и импульса; важность экономии движения; идея неподвижности; трехчастная структура фразы движения; красота как высшая цель исполнения» [4, с. 111–112]. Безмолвно, что театр Но с его акцентом на визуальном, стал источником вдохновения для стремления Э. Декру выйти за пределы вербальной коммуникации.

Взаимосвязь с восточной традицией прослеживается и в сценической деятельности всемирно прославленного мастера пантомимы – Марселя Марсо. Созданные им персонажи, обращались к коллективному человеческому опыту, свидетельствуя об универсальности вневербального выражения. Его внешне комические безмолвные представления были наполнены глубиной и тонкостью человеческого духа. Приверженность М. Марсо настоящему моменту, основополагающему аспекту философии дзен, превращала сцену в священное пространство, в которое приглашался зритель, созерцающий красноречивое тело, говорящее без слов. Сценические персонажи, создаваемые М. Марсо, напоминают архетипические образы традиционных восточных театров, передающих универсальные вневременные темы. Его сценические образы пронизывают даосские принципы гармонии и равновесия. Каждый персонаж, от клоуна Бипа до трагического Пьеро, воплощал в себе даосское понятие инь и ян – тонкий баланс между светлым и темным, комедией и трагедией. Даосская эстетика простоты и спонтанности стала неотъемлемой частью развития персонажей и повествования великого актера-мима.

Таким образом, можно заключить, что симбиотическая связь между восточной философско-культурной традицией и французской современной пантомимой первой половины XX в. породила трансцендентную форму искусства, которая преодолела культурные границы, обратившись к человеческому духу на языке недоступном для слов. Наследие Ж. Копо, Э. Декру и М. Марсо находит отклик в современной сценической практике, утверждающей выразительность языка молчания.

Библиографические ссылки

1. *Харитонов Е. В.* Пантомима в обучении киноактеров : дис. … канд. Искусствоведения. Москва : Всесоюзный государственный институт кинематографии [ВГИК], 1972.

2. *Katz A. M.* Copeau as Régisseur: An Analysis. Educational Theatre Journal. – 1973. Vol. 25, №. 2. – PP. 160–172.

3. *Kurkinen M.* The Spectre of the Orient: Modern French Mime and Traditional Japanese Theatre in the 1930s : diss. … art history. University of Helsinki, 2000.

4. *Wylie, K.* Apologia for Decroux. Word on Decroux: Mime Journal 1993–1994 : Ed. T. Leabhart. Claremont : Pomona College Theatre, 1993. – PP. 110–118.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ГОРОДСКОЙ МУЗЫКИ КИТАЯ

Су Цзе

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17,220007, г. Минск, Беларусь, 970661768a@gmail.com

Статья посвящена выявлению жанровой специфики городской музыки Китая с древних времен до современности. В качестве предмета исследования выступает как китайская уличная музыка, так и музыка, звучащая в городских помещениях. Автор статьи перечисляет основные жанры древней и современной китайской городской музыки и указывает на их специфические особенности в области художественного содержания и музыкального стиля.

Ключевые слова: городская музыка Китая; жанры китайской городской музыки; китайская уличная музыка.

GENRE SPECIFICITY OF URBAN MUSIC IN CHINA

Su Jie

Belarusian State University of Culture and Arts,
St. Rabkorovskaya 17, 220007, Minsk, Republic of Belarus, 970661768a@gmail.com

The article is devoted to revealing the specificity of the urban music genre in China from ancient times to the present. The subject of the study is both Chinese street music and music sounding in urban spaces. The author of the article lists the main genres of ancient and modern Chinese urban music and points out their specific features in the field of artistic content and musical style.

Keywords: Chinese urban music; genres of Chinese urban music; Chinese street music.

Городская музыка Китая имеет длительную историю, на протяжении которой формировались и существовали различные жанры, которые исполнялись как на городских улицах, как и внутри помещений. История городской музыки в Китае напрямую связана с жизнью городов и селений, ее жителями и знаменательными событиями, социальным устройством, укладом и типом культуры. Ранние формы культовых и обрядовых действ, как например, изгнание злых духов, были по природе своей синкретичны, получили распространение уже в XXI в. до н. э. Местом их проведения служило открытое пространство селений и городов. Особой формой городских представлений периода династии Ся (2070–1600 гг. до н. э.) стали мистерии. Эти религиозно-мистические таинства, строились на тесной связи музыки и действа. Их сюжет основывался на описании жизни и

подвигов богов и героев древнекитайских мифов. Для таких представлений строились специальные пощадки-пристройки к храмам.

В эпоху Весен и Осеней (770–475 гг. до н. э.) в городской среде зарождается новый жанр зрелищных представлений с музыкой, названных «байси» (с кит. «сто представлений» или «сто игр») и «цзяодиси» (с кит. «бодание»), популярных как при императорском дворе, так и в простонародной городской среде. Такого рода представления были приурочены к значимым событиям, народным праздникам и имели ярко выраженный развлекательный характер, чем диаметрально отличались от культовых музыкально-театральных действ – уличных карнавалов и мистерий эпохи династии Ся (2070–1765 гг. до н.э). В представлениях байси и цзяодиси на равных были задействованы инструментальная и вокальная музыка, танцы, элементы циркового и боевого искусств, а также буффонада. Обязательными номерами в представлениях были костюмированные танцы и сложные трюки, выполняемые на ходулях.

Традиционный музыкальный театр Китая с конца XIV в. выходит на новый исполнительский уровень и мастерство его артистов достигает вершин. Актерское искусство требует гибкости в воплощении характеров и многогранности в своих умениях, быть профессионалом. Спектакли обретают четкую композицию и завершенность сцен, само действо наполняется новыми красками и эмоциями. Представления развиваются в двух направлениях: светский придворный (Куньшаньский) театр и городской публичный (Иянский) театр [2, с. 3]. В это время появляются и широко распространяются в городской среде такие жанры, как придворная опера куньцюй, народная драма чуаньци и пекинская опера. В эпоху династии Тан (618–907 гг.) в городах Китая у зрителей завоевывают популярность музыкально-театральные постановки уличных театров. Их репертуар опирается на популярные литературные произведения светского содержания. Параллельно ставились и музыкально-театральные спектакли на религиозный сюжет, представляющие собой театрализацию ритуальных действ, инценировки духовных текстов, которые организовывались на небольших площадках, выстраиваемых перед буддийскими храмами. Такие представления сопровождались музыкой и танцами и имели магически-ритуальный характер. Примером таких представлений явилось традиционное шествие по городу с большой статуей Будды, сопровождаемое пением, танцами, игрой на традиционных музыкальных инструментах, трюковыми номерами с огнем, глотанием мечей, выступлениями акробатов, канатоходцев и другими эффектными номерами.

Уличные театральные постановки, известные в городах Китая с древних времен, послужили основой для возникновения профессионального театра в юаньскую эпоху (1234–1368 гг.). В условиях городских улиц сформировались такие жанры как цзацзюй, представляющи собой

представления комического характера и народная драма наньси. Музыкальной основой подобных представлений стали народные мелодии – лирические, героические, повествовательные песни, музыкальные сказы и пр. Ставили представления на сцене специальных временных построек, так называемых балаганах “ланьцзы”. Театры ланьцзы представляли собой закрытое пространство, так были отгорожены стеной от городских улиц. Площадка-сцена имела небольшой навес. Зрители сидели на широких деревянных скамейках, их пространство отделялось от сцены только перилами.

Самобытным по своей природе жанр уличных выступлений является чанчжуань, что переводится с китайского как “пение за вознаграждение”. Достигший своего расцвета в период династий Мин и Цин (1368–1911 гг.), он представлял собой сюжетные песни, исполняемые под акомпанемент с элементами театрализации. Со временем внутри них сложилась своя классификация по способу исполнения и характеру акомпанемента. Здесь можно выделить *сучжоуские песенные сказы таньцы или пинтань,* представляющие собой декламацию с пением под акомпанемент струнных щипковых инструментов пипы или саньсянь. Самобытный жанр народно-песенного искусства китайцев – песни-сказы, исполняемые под акомпанемент большого барабана дагу. Повествовательные по своему сюжету, они характеризовались синтезом инструментальной музыки и слова, искусства декламации и актерского мастерства. В группу чанчжуань входили и песни-рассказы на пекинском диалекте *цзинюньдагу.* Такие песни повествовательного характера с приемами декламации, исполнялись под аккомпанемент барабанов дагу или щипкового инструмента сяньсянь [1, с. 14].

Принципиально новый этап в истории китайской городской музыки начинается в начале XX в. и был связан с активными процессами освоения достижений европейского музыкального искусства. Активные действия правительства, направленные на воспитание высокопрофессиональных кадров в стране, способствовали формированию системы музыкального образования. Так, в одном из крупнейших культурных и экономических центров страны – Шанхае, в 1927 г. была открыта первая в стране консерватория, готовившая музыкантов-профессионалов высшей квалификации. Шанхайская консерватория (Shanghai conservatory of music, или SHCM) спустя 97 лет стала всемирно известной музыкальной школой с факультетами композиции, дирижирования, музыковедения, музыкального образования, народной оперы и т. д. с упором на исполнительское искусство и музыкальные исследования. За свою историю консерватория подготовила множество талантливых музыкантов, за что получила поэтическое название «колыбель музыкантов». В скором времени в разных городах Китая были открыты консерватории и музыкальные училища, деятельность которых способствовала профессионализации китайских

инструменталистов и вокалистов, дирижеров и музыкальных педагогов.

В области профессиональной музыки городов Китаz в это время происходит процесс освоения самых разных жанров западной музыки: оперной, симфонической, хоровой, камерно-вокальной и инструментальной. Знакомство с новыми жанрами западной, в частности, европейской музыки, способствовало активизации творческой деятельности большого числа талантливых молодых композиторов, музыкантов и вокалистов страны, получивших музыкальное образование в странах Восточной и Западной Европы, Японии и консерваториях Китая. Под влиянием европейской культуры в первой половине XX в. в Китае зарождается такой новый жанр музыкально-театрального искусства, как «современная китайская опера» или «китайская национальная опера». Она прошла три этапа освоения культурного опыта: заимствование, активное воздействие и поглощение [3, с. 8], сформировавшись к началу XXI в. как уникальный феномен национального искусства.

В XX в. музыкальная культура городов Китая обогатилась новыми видами уличных музыкально-театральных действ, приуроченных к главным государственным праздникам – Дню труда (1 мая) и Дню образования Китайской Народной Республики (1 октября). Новой формой праздничного уличного действа в Китае стал фестиваль, являющийся массовым и всенародно любимым мероприятием. Он проходит на центральной площади города (например, на площади Тяньаньмэнь в Пекине) и включает в программу музыкальные и танцевальные номера. Характерной чертой национальных фестивалей XX в. является сохранение в них образов древней китайской мифологии – драконов, сфинксов, фениксов и др. Фестивалям нередко предшествовал парад, который представлял собой костюмированное торжественное массовое шествие с музыкой и пением.

XX в. в истории музыкальной культуры Китая был ознаменован широким развитием концертного исполнительства в городах страны. В специально построенных зданиях для этой цели, стали регулярно проводиться концерты инструментальной и вокальной музыки, а также ставиться разного рода музыкально-театральные представления. Определяющей чертой музыки, которая зазвучала в концертных залах китайских городах в XX в., стало единение традиций китайского музицирования и достижений европейской академической музыки.

В XXI в. музыкальная культура городов Китая продолжает активно развиваться в разных сферах – разветвленной и многоуровневой системы музыкального образования, в сфере концертной практики (профессиональной и любительской), в сфере композиторского творчества. Важность искусства музыки для горожан оценивается правительством страны, заинтересованным в повышении художественно-эстетического и культурного

уровня населения. Отметим, что с целью массового музыкального просвещения и активизации интереса горожан к музыке в городе Шэньчжэнь в 2023 г. начали работать “фортепианные комнаты”, в которых в любое время суток каждый желающий бесплатно может играть на инструменте. Это отдельные помещения площадью в 4м², в которых одновременно могут находиться один или два исполнителя. В центре комнаты находится фортепиано. Для поддержания рабочего состояния инструмента, в комнату подведена система кондиционирования и сохраняется необходимый процент влажности.

Таким образом, музыкальное искусство на протяжении многих веков занимает важное место в культуре китайских городов, способствуя непрерывному развитию общекультурного уровня горожан. Главой особенностью, характерной для китайской городской музыки разных эпох, является демократичность музыкального изложения и тесная связь с народно-песенной традиционной культурой. Знакомые мелодии, привычный интонационный строй и ритмика во все времена делали музыку китайских городов привлекательной для слушателей, вызывая у них живой эмоциональный отклик. Развитие жанров городской музыки в разные эпохи отражало основные мировоззренческие категории китайского народа, а в XX в. вышло на новый уровень межкультурного диалога, став одним из мостов между культурами Востока и Запада. Современное состояние музыкального искусства городов Китая свидетельствует о непрерывном развитии системы музыкального образования, о совершенствовании техник композиторского и исполнительского мастерства, а также о повышении художественного интереса горожан к разным сферам музыкальной культуры Китая.

Библиографические ссылки

1. *Ли, Чжипэн.* Пленэрные музыкально-театрализованные представления в культуре Китая до XX века: жанровое разнообразие и национальная специфика. Culture, civilization, society: Paradigms of research and trends in interaction: Materials of the V international scientific conference on April 28 – 29, 2021. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2021. – P. 12–16.

2. *Сунь Цзюань.* Становление и развитие музыкального театра в Китае : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Минск : БГУКИ, 2013.

3. *Чэнь Ин.* Китайская опера XX – начала XXI века: к проблеме освоения европейского опыта: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Нижегородская гос. консерватория (академия) им. М. И. Глинки, Нижний Новгород, 2015.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЛЮБИТЕЛЬСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Чэнь Вэньвэнь

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, wc18950@gmail.com

Статья посвящена вопросу состояние развития современной любительской театральной в Китае. Рассматриваются основные черты ритуально-богослужебной практики на провинции Шаньдун на примере анимационной театральной постановки «Бегущие посуху лодки». Раскрыта значимость любительской театральной практики в современном Китае.

Ключевые слова: китайский любительский театр; анимационная театральная постановка “Бегущие посуху лодки”; культурно-массовая деятельность; самодеятельное творчество.

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF MODERN CHINESE AMATEUR THEATER ART DEVELOPMENT

Chen Wenwen

Belarusian State University of Culture and Arts,
st. Rabkorovskaya, 17, 220007, Minsk, Belarus, wc18950@gmail.com

The article focuses on the state of Chinese modern amateur theater development. It examines the main characteristics of ritual-worship practices in Shandong province, using the example of the animated theatrical performance “Boats Running on Land.” The significance of amateur theater practices in contemporary China is highlighted.

Keywords: Chinese amateur theater; animated theatrical performance “Boats Running on Land”; cultural and mass activities; amateur creativity.

Любительское театральное искусство как вид досуга и развлечения играет важную роль в современном социокультурном развитии. Для участников любительских коллективов, в отличие от профессиональных, подготовка спектаклей является любимым занятием в свободное время.

Самодеятельность – это не отдельный вид искусства, а вид художественного творчества во всем многообразии жанров [1, с. 13]. Его характерной особенностью является постоянное совершенствование содержания и выразительных средств, что предоставляет простор для любительских театральных постановок.

В настоящее время любительский театр пользуется большой популярностью среди китайского населения, особенно в сельской местности. С 2005 года, когда была выдвинута политика строительства новой социалистической деревни, сельские культурные центры стали важными площадками для популяризации любительской культуры. Развитию любительского художественного творчества, совершенствованию социально-культурной инфраструктуры, укреплению материальной базы учреждений культуры в сельской местности содействует и активное создание агрогородков [2, с. 688]. Часто труппы любительских театров выступают на народных праздниках, особенно на свадьбах и похоронах, за свой труд они получают вознаграждение, что и является основной причиной, по которой любительский театр продолжает свое существование в сельской местности. Его репертуар стремится к сохранению традиционной культуры, при этом ярко воплощает и сохраняет свою творческую индивидуальность, формируя инновационные направления творчества.

В любительском театре по-прежнему прибегают преимущественно к традиционным художественным средствам и приемам, но вместе с тем используют и современные мультимедийные цифровые технологии. В современных постановках любительских театров анимация как технологическое средство визуализации является эффективным способом донесения до зрителя информации, а также особенностей культуры [3, с. 78]. Синтез театрального и анимационного искусства стал важным этапом в развитии любительского театра.

В Китае сосуществуют профессиональный и любительский театр. Любительские театральные коллективы часто приглашают профессиональных артистов для проведения семинаров на тему «Оцифровка искусства любительского театра», а также для обмена успешным опытом и профессиональными приемами, обогащения репертуара друг друга.

Любительские коллективы, которые имеют финансовую поддержку, могут регулярно привлекать специалистов из художественных колледжей и университетов в качестве художественных руководителей, которые будут осуществлять профессиональное и техническое руководство созданием коллектива и подготовкой актеров. Культурным центрам как важному месту досуга в городах и поселках, следует не только проводить бесплатное обучение и тренинги для выдающихся актеров каждого любительского театрального коллектива, но и предоставлять бесплатные репетиционные площадки и ряд других услуг для любительских театральных коллективов [5, с. 7]. Взаимодействие между профессионалами и любителями обогащает общую музыкальную культуру, способствует повышению музыкальной грамотности населения и взаимодействию между различными культурными группами.

Представления любительских театров могут быть приурочены к праздникам и организованы в сотрудничестве с партийным руководством. Любительские коллективы также могут организовывать проведение тематических вечеров различной идеологически-воспитательной и просветительской тематики. Например, могут ставиться новые пьесы в связи с планами работы по призыву, противопожарной профилактике, правовой грамотности, патриотическим оздоровительным кампаниям и т.д. Сцены могут располагаться в скверах, театрах, на улицах и т.д. [4, с. 203].

В качестве примера работы любительских театральных коллективов можно привести оперный анимационный спектакль провинции Шаньдун «Бегущие посуху лодки» (跑旱船), в котором сочетаются традиционная опера и цифровая анимация, достигается взаимодействие виртуальных анимационных персонажей и реальных актеров на одной сцене (рисунок). Синтез традиционных образов, музыки, танца, костюмов и современной цифровой анимации позволяет привнести в театральное творчество новое, привлечь к нему больше зрителей. Будучи первой в Китае театральной анимационной постановкой, создание данной постановки было поддержано и профинансировано Министерством культуры КНР, Министерством культуры провинции Шаньдун, Министерством культуры муниципалитета провинции Шаньдун и Министерством пропаганды. В 2014 г. спекталь был поставлен в Большом театре Пекина, после чего труппа начала гастролировать по всей стране, чтобы познакомить жителей разных регионов с уникальной культурой народа Шаньдун. Выступая в различных регионах, коллектив активно адаптировался к местным театральным стилям и обменивался опытом с различными любительскими коллективами.

Сцены из постановки «Бегущие посуху лодки» (跑旱船)

Подводя итог, хотелось бы отметить, что современный китайский любительский театр представляет собой сложную и многообразную художественную систему. В условиях мультикультурализма китайский любительский театр, сохраняя традиционность, должен развиваться, преодолевая границы, постоянно изучать возможность слияния с другими популярными современными технологиями, делать акцент на инновации,

добиваться своей трансформации. Для этого, безусловно, необходимо художественное руководство со стороны профессиональных коллективов.

Библиографические ссылки

1. *Мишуров Г. С.* Белорусское народно-инструментальное искусство: Традиции и современность: автореф. дис. докт. искус. Минск, 2003.

2. Современная Беларусь. Энциклопедический справочник. В 3 томах. Том. 3. Культура и искусство / редкод. : М. В. Мясникович [и др.]. Минск : Беларусь. Наука, 2007.

3. *傅继强，王飞凯*. 戏曲文化的动漫化传承及大众传播研究. 新媒体出版广角，2020 年. 第 7 期. 第 78 页= *Цзицян Фу, Ван Фэйкай*. Исследование наследования анимации и массовой коммуникации оперной. Издательство нового медиа Панорама, 2020. № 7. С. 78.

4. *潘亚顺*. 浅谈社区群众戏剧的发展. 大众文艺，2011 年. 第 10 期. 第 203 页= *Яшунь Пань*. Разговор о развитии общинного массового театра. Пань Яшунь. – М.: Популярная литература и искусство, 2011. № 10. С. 203.

5. *杨莹*. 文化馆如何加强对乡镇业余文艺队的指导. 大众文艺, 2013 年. 第 4 期. 第 7 页. = *Ян Ин*. Как домам культуры усилить руководство над сельскими самодеятельными художественными коллективами. М.: Популярная литература и искусство, 2013. № 4. С. 7.